

## Annotation

Роман Ирвина Ялома "Лжец на кушетке" — удивительное сочетание психологической проницательности и восхитительно живого воображения, облеченное в яркий и изящный язык прозы. Изменив давней привычке рассказывать читателю о внутреннем мире и сокровенных переживаниях своих пациентов, доктор Ялом обращается к другим участникам психотерапевтических отношений — к самим терапевтам. Их истории рассказаны с удивительной теплотой и беспощадной откровенностью. Обратившись к работе доктора Ялома, читатель, как всегда, найдет здесь интригующий сюжет, потрясающие открытия, проницательный и беспристрастный взгляд на терапевтическую работу. Ялом показывает изнанку терапевтического процесса, позволяет читателю вкушать запретный плод и узнать, о чем же на самом деле думают психотерапевты во время сеансов. Книга Ялома — прекрасная смотровая площадка, с которой ясно видно, какие страсти владеют участниками психотерапевтического процесса.

---

- 
- [Пролог](#)
- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)

- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)
- [Глава 22](#)
- [Глава 23](#)
- [Глава 24](#)
- [Глава 25](#)
- [Глава 26](#)
- [Глава 27](#)
- [Глава 28](#)
- [Глава 29](#)
- [notes](#)
  - [1](#)
  - [2](#)
  - [3](#)
  - [4](#)
  - [5](#)
  - [6](#)
  - [7](#)
  - [8](#)
  - [9](#)
  - [10](#)
  - [11](#)
  - [12](#)
  - [13](#)
  - [14](#)
  - [15](#)
  - [16](#)
  - [17](#)
  - [18](#)
  - [19](#)
  - [20](#)
  - [21](#)
  - [22](#)
  - [23](#)
  - [24](#)
  - [25](#)
  - [26](#)

- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)

---

*Будущему — Лили, Алану, Леноре, Джейсону.  
Пусть ваши жизни будут наполнены чудом.*

## Пролог

Эрнесту нравилось быть психотерапевтом. День за днем пациенты открывали ему самые сокровенные тайники своей жизни. День за днем он успокаивал их, утешал их, прогонял отчаяние. А его за это обожали, холили и лелеяли. И платили ему, не без этого. Хотя Эрнест часто думал, что, не нуждаясь он в деньгах, он бы занимался психотерапией на благотворительных началах.

Счастлив тот, кто любит свою работу. Эрнест, разумеется, понимал, что ему повезло. Более того, он понимал, что на него снизошло благословение. Он нашел свое призвание и мог со всей уверенностью заявить, что находится именно там, где должен быть, — на пике своего таланта, интересов, страстей.

Эрнест не был религиозным человеком. Но каждое утро, когда он открывал регистрационную книгу и видел имена восьми-девяти дорогих его сердцу людей, с которыми ему предстояло провести этот день, его охватывало чувство, назвать которое он мог лишь религиозным. В такие моменты его охватывало непреодолимое желание рассыпаться в благодарностях — кому-то, чему-то, что привело его на верный путь.

Бывало, по утрам, вглядываясь в небеса над Сакраменто-стрит, в утренний туман, он представлял, как в неверном свете утра перед ним проходят его предшественники-психотерапевты.

«Спасибо, спасибо вам», — прошептал бы он. Он благодарил их всех — всех целителей, врачующих отчаяние. В первую очередь — прародителей, чьи неземные силуэты были едва различимы: Иисус, Будда, Сократ. Далее — чуть более отчетливые образы отцов-основателей: Ницше, Кьеркегор, Фрейд, Юнг. Ближе — старшее поколение терапевтов: Адлер, Хорни, Салливан, Фромм и милое улыбчивое лицо Шандора Ференци.

Несколько лет назад они откликнулись на его отчаянную мольбу, когда после практики в лечебнице он повел себя как любой полный амбиций молодой нейропсихиатр и занялся нейрохимическими исследованиями, обещавшими большое будущее и море возможностей для личностного роста. Прародители знали, что он сбился с пути. Его место было не в научной лаборатории. И не на раздаче лекарств в психофармакологии.

Они послали к нему вестника — забавного, курьезного посланника власти, — чтобы вернуть его на предназначенный ему путь. До этого дня Эрнест не знал, почему он решил посвятить себя психотерапии. Но он

помнил, когда принял это решение. Он помнил этот день со всей ясностью. Прекрасно помнил он и посланника. Это был Сеймур Троттер, человек, которого он видел лишь однажды, но который изменил его жизнь раз и навсегда.

Шесть лет назад председатель кафедры назначил Эрнеста на прохождение практики в Стэнфордском комитете этики клинической медицины, и первым дисциплинарным иском, с которым ему пришлось работать, было дело доктора Троттера. Сеймур Троттер был патриархом психиатрии и бывшим президентом психиатрической ассоциации семидесяти одного года от роду. Он был обвинен в сексуальных домогательствах к своей тридцатидвухлетней пациентке.

В то время Эрнест был помощником профессора, четыре года назад закончившим учебную практику в лечебнице. У него была постоянная работа в сфере нейрохимических исследований — и ни малейшего представления о мире психотерапии. Именно поэтому он не понимал, почему именно ему поручили работать с этим случаем, а произошло это именно потому, что никто другой за него не взялся бы: любой психотерапевт со стажем в Северной Каролине благоговел перед Сеймуром Троттером — и боялся его.

В качестве места для проведения интервью Эрнест выбрал строгий административный кабинет больницы и приложил все усилия к тому, чтобы выглядеть официально. В ожидании доктора Троттера он поглядывал на часы, перед ним лежала папка с иском, но он не открывал ее. Чтобы остаться беспристрастным, Эрнест решил беседовать с обвиняемым, не имея никакой исходной информации, что позволило бы ему выслушать историю из его уст без каких бы то ни было предубеждений. Он ознакомится с содержанием этой папки позже и, если возникнет такая необходимость, назначит вторую встречу.

Он слышал стук, раздающийся в холле. Доктор Троттер слеп? Его никто об этом не предупреждал. Стук, сопровождаемый шарканьем, приближался. Эрнест встал и вышел в холл.

Нет, он не слеп. Калека. Доктор Троттер ковылял по коридору, неловко балансируя между двумя тростями. Согнувшись, он широко расставлял трости, держа их практически на вытянутых руках. Его крепкие, сильные подбородок и скулы были в хорошей форме, но все остальное пространство было покрыто морщинами и старческими пятнами. Кожа на шее собралась в крупные складки, из ушей выбивались пучки белой поросли. Но годы не могли взять свое — что-то юное, даже мальчишеское осталось в этом человеке. Что же это? Может, волосы — ежик густых седых волос — или

одежда — синяя джинсовая куртка поверх белого свитера с высоким горлом.

Знакомство прошло в дверях. Доктор Троттер сделал два нетвердых шага, вдруг вскинул свои трости, бешено завертелся и, словно по чистой случайности, спланировал прямо на свой стул.

«О-па! Что, удивился?»

Эрнест не мог позволить себе сойти с намеченного пути. «Доктор Троттер, вы понимаете, для чего нужно это интервью и почему я записываю его на пленку?»

«Я слышал, что руководство госпиталя собирается представить меня к награде как лучшего сотрудника месяца».

Эрнест не ответил. Он не отрываясь смотрел в его огромные круглые очки.

«Простите, я знаю, что у вас есть работа и вам надо ее выполнять, но, когда размениваешь восьмой десяток, начинаешь смеяться над такими вот удачными приколами. Да, на прошлой неделе пошел семьдесят второй год. А вам сколько лет, доктор?.. Я забыл, как вас зовут. Каждую минуту, — произнес он, постучав себя по голове, — дюжины нейронов коры головного мозга вылетают наружу, словно дохнувшие мухи. Самое забавное в этом то, что я опубликовал четыре работы по болезни Альцгеймера — разумеется, уже не помню где, но в хороших журналах. Вы знали об этом?»

Эрнест покачал головой.

«Итак, вы не знали, я забыл, так что мы с вами в одной лодке. Знаете, что самое классное в болезни Альцгеймера? Ваши новые знакомые оказываются вашими старыми друзьями, и вы сами можете класть себе подарки под елку».

Эрнеста все это раздражало, но он не смог сдержать улыбку.

«Итак, ваше имя, возраст, мировоззренческая позиция?» «Доктор Эрнест Лэш, а остальное, доктор Троттер, скорее всего на данный момент к делу не относится. Нам сегодня предстоит много работы».

«Моему сыну сорок. Вы не старше его. Я знаю, что вы выпускник Стэнфорда. Слышал, в прошлом году у вас были серьезные выступления. Вы хорошо справились. Очень четкое изложение материала. Сейчас психофармакология на волне, не так ли? И как же вас сейчас учат психотерапии? Вас вообще этому учат?»

Эрнест снял часы и положил их на стол. «Когда-нибудь, в другой раз, я с радостью представлю вам копию стэн-фордского расписания, но сейчас, доктор Троттер, прошу вас, давайте приступим к делу. Пожалуй, лучше всего, если вы сами расскажете мне о миссис Феллини».

«Ладно, ладно, ладно. Вы хотите, чтобы я был серьезен. Вы хотите, чтобы я рассказал вам свою историю. Садись, паренек, и слушай мою историю. Начнем с начала. Было это года четыре назад — как минимум четыре года назад... Я потерял все свои записи об этой пациентке... что говорится об этом в вашей папке, когда это было? Что? Вы не читали материалы дела. Лень? Или пытаетесь избежать ненаучной непредвзятости?»

«Прошу вас, доктор Троттер, продолжайте».

«Первый принцип интервью — создать теплую атмосферу доверия. Вы справились с этой задачей настолько искусно, что теперь мне намного легче говорить с вами об этих болезненных и неприятных вещах. О, это вас трогает. Будьте поосторожнее со мной, доктор Лэш, я сорок лет читал лица. У меня это очень хорошо получается. Но если вы больше не будете меня перебивать, я начну. Готовы?

Несколько лет назад — скажем, около четырех лет — женщина, Белль, вошла в мой кабинет, я бы даже сказал, втащила себя — или вволокла. Да, лучше так. Вволокла — есть такой глагол? Лет тридцать пять, из хорошей обеспеченной семьи — шведско-итальянской, — в депрессии, на улице лето, а она в блузке с длинными рукавами. Явно резала себе вены, все запястья в порезах. Доктор Лэш, если летом человек носит одежду с длинными рукавами, трудный пациент, можете не сомневаться: перед вами любитель резать вены или колоть наркотик. Привлекательная, с потрясающей кожей, чарующие глаза, элегантно одетая. Настоящий класс, но на грани упадка.

Большой стаж саморазрушения. Сами понимаете: наркотики, все попробовала, ничего не пропустила. Когда мы встретились впервые, она опять начала пить и колола героин. Но так никогда и не привыкала к наркотикам по-настоящему. Как-то ей это удавалось — есть такие люди, — но она работала над этим. Не обошлось и без пищевого расстройства. В основном анорексия, но бывали и приступы булимической рвоты. Я уже говорил о том, что она резала вены, — все руки, запястья сплошь покрыты шрамами: ей нравилась боль, нравилась кровь, только в эти мгновения она чувствовала себя живой. Пациенты твердят об этом постоянно. Полдюжины госпитализаций — краткосрочных, она выписывалась через пару дней. Вся больница радовалась, когда она выписывалась. Она была настоящим специалистом, гением прямо-таки по части беспорядков. Помните «Игры, в которые играют люди» Эрика Берна? Нет? Это, наверное, было до вас. Боже святой, я чувствую себя стариком. Хорошая штука — Берна был умный малый. Прочтите, такое не должно забываться.

Замужем, детей нет. Она не хотела их заводить, говорила, что этот мир — слишком жуткое и гадкое место, чтобы приводить сюда детей. Хороший муж, отвратительные отношения. Он очень хотел детей, из-за этого постоянно были стычки. Он был банкиром, занимался инвестициями, как и ее отец, вечно в разъездах. Через несколько лет семейной жизни его либидо умерло — или переключилось на зарабатывание денег: он хорошо зарабатывал, но ему никогда не удавалось сорвать по-настоящему большой куш, как ее отцу. Дела, дела, дела, спал с компьютером. Может, его он и трахал, кто знает. Но Белль он не трахал, это уж точно. По ее словам, он годами избегал ее. Может быть, потому, что злился из-за того, что у него не было детей. Трудно сказать, на чем держался их брак. Он был воспитан в семье последователей «Христианской науки»<sup>[1]</sup> и отказывался пройти курс семейной терапии или какой-либо другой психотерапии. Но она говорила, что никогда по-настоящему не настаивала на этом. Посмотрим. Что еще? Направляйте меня, доктор Лэш.

Предыдущие терапевты? Хорошо. Важный момент. Я всегда задаю этот вопрос в первые полчаса. Непрерывающийся курс терапии — или попытки терапевтического воздействия, — начавшийся еще в подростковом возрасте. Прошла через руки всех женевских терапевтов, ездила в Цюрих к психоаналитикам. Училась в американском колледже, в Помоне, переходила от терапевта к терапевту, причем с большинством из них дело ограничивалось единственным сеансом. На трех-четырех терапевтах она застревала по несколько месяцев, но ни с кем не получалось ничего путного. Белль была — и остается — очень свободолюбивой. Никто не может быть достойным ее или по крайней мере подходящим. У каждого терапевта находился какой-то недостаток: слишком формальный, слишком помпезный, слишком критичный, слишком снисходительный, слишком деловой, слишком холодный, слишком озабоченный диагностикой, слишком зависимый от стереотипов. Психиатрическое воздействие? Психологическое тестирование? Поведенческие протоколы? Забудьте! Все это советуют, и всех она сразу же отбраковывала. Что еще?

Почему она выбрала меня? Замечательный вопрос, доктор Лэш. Конкретизирует беседу и ускоряет процесс. Мы скоро сделаем из вас психотерапевта. У меня было такое ощущение, еще когда я слышал ваши выступления. Хорошая голова, острый ум. Это было видно по тому, как вы преподносили материал. Но что мне понравилось больше всего, так это то, как вы докладывали о случаях, с которыми работали, особенно то, как вы позволяете пациентам воздействовать на вас. Я увидел в вас полный набор нужных инстинктов. Как говорил Карл Роджерс, «не теряйте время на



обучение терапевтов, лучше посвятите это время их отбору». Я всегда считал, что в этих словах большая доля правды.

Итак, на чем я остановился? А, как она вышла на меня. Ее гинеколог, которого она обожала, в свое время был моим пациентом. Он сказал ей, что я правильный парень, не трепач и берусь за любые случаи. Она нашла меня в библиотеке, и ей понравилась моя статья пятнадцатилетней давности, в которой я рассматривал предложение Юнга относительно изобретения нового терапевтического языка для каждого отдельного пациента. Знаете эту статью? Нет? «Журнал ортопсихиатрии». Я пришлю вам копию. Я зашел даже дальше, чем Юнг. Я предложил изобретать новый вид терапии для каждого отдельного пациента, предложил со всей серьезностью относиться к идее уникальности каждого пациента и разрабатывать для каждого из них свой уникальный психотерапевтический метод.

Кофе? Да, я пожалуй, не откажусь. Черный. Благодарю вас. Так что вот как она нашла меня. Доктор Лэш, следующее, о чем вы должны меня спросить? Зачем? Именно. Именно об этом. Такой вопрос всегда надо задавать новому пациенту, если вы хотите, чтобы ваша работа была продуктивной. Ответ такой: опасные сексуальные выходки. Это понимала даже она сама. Она всегда вытворяла что-то подобное, но сейчас это начинало переходить все возможные пределы. Представьте, на скоростном шоссе она пристраивалась рядом к грузовику или трейлеру — достаточно высокому для того, чтобы водитель мог видеть, что происходит в салоне ее машины, — задирала юбку и мастурбировала — на скорости восемьдесят миль в час. Безумие. Потом она поворачивала, и, если водитель следовал за ней, она останавливалась, забиралась к нему в кабину и делала ему минет. Смертельный номер. И таких случаев тьма. Она настолько не контролировала себя, что, когда уставала, отправлялась в какой-нибудь низкопробный бар Сан-Хосе, иногда там тусовались чикано, иногда черные, и снимала кого-нибудь. Она получала кайф от опасных ситуаций, когда ее окружали незнакомые мужчины, потенциальные насильники. Опасность исходила не только от мужчин, но и от проституток, которые приходили в бешенство оттого, что она занималась их делом и уводила их клиентуру. Они грозились убить ее, так что ей приходилось кочевать с одного места на другое. А СПИД, герпес, безопасный секс, презервативы? Как будто она ничего обо всем этом не слышала.

Так что приблизительно в таком состоянии была Белль, когда мы начали работать с ней. Представляете себе ситуацию? У вас есть какие-нибудь вопросы или мне можно продолжать? О'кей. Итак, каким-то образом во время первой нашей встречи я прошел все ее испытания. Она

вернулась во второй раз и в третий, так что мы начали курс терапии, встречаясь по два, а иногда по три раза в неделю. Целый час я самым подробным образом расспрашивал ее о работе с предыдущими терапевтами. Эта стратегия всегда очень полезна при работе с трудными пациентами, доктор Лэш. Узнайте, как они ее лечили, и старайтесь не повторять их ошибок. Выкиньте из головы эту чушь о том, что пациент не готов к терапевтическому воздействию! Это терапевтическое воздействие не готово к пациенту. Но для того чтобы быть способным изобрести новую терапию для каждого пациента, вы должны быть смелым и креативным.

Белль Феллини не была тем пациентом, с которым можно было работать при помощи традиционных техник. Если бы я продолжил играть свою нормальную профессиональную роль: собирал информацию, рефлексировал, эм-патировал, интерпретировал... пф! Она бы сбежала. Поверьте мне. Sayonara.<sup>[2]</sup> Auf Wiedersehen.<sup>[3]</sup> Именно так заканчивались ее отношения со всеми терапевтами, которые ей попадались, причем многие из них были на хорошем счету. Знаете эту старую шутку — операция прошла успешно, но пациент скончался.

Какими методиками пользовался я? Боюсь, вы перестали меня понимать. Моя методика состоит в том, чтобы не придерживаться ни одной методики! Я не умничаю, доктор Лэш, это первое условие качественной психотерапии. Если вы станете терапевтом, вы тоже будете следовать этому правилу. Я пытался быть более человечным и менее механистичным. Я не составляю систематизированные терапевтические планы — после сорока лет практики вы бы тоже не стали этим заниматься. Я доверяю своей интуиции. Но вам, как новичку, это не подходит. Оглядываясь назад, я понимаю, что самым удивительным аспектом патологии Белль была ее импульсивность. У нее появляется желание — бинго! Она начинает делать все для его осуществления. Помню, я хотел повысить ее толерантность к фрустрации. Это была моя начальная точка, моя первоочередная, а может — и основная цель терапии. С чего же мы начали? Без своих записей мне трудно вспомнить, с чего все начиналось, — столько лет прошло.

Я же говорил вам, что я потерял их. Вижу сомнение на вашем лице. Записи пропали. Исчезли, когда я переезжал из офиса в офис два года назад. Вам ничего не остается, кроме как поверить мне на слово.

Главное, что мне запомнилось из этого начального периода, так это тот факт, что дела шли намного лучше, чем я мог представить. Не знаю почему, но я сразу приглянулся Белль. Вряд ли это заслуга моей ослепительной внешности. Мне как раз сделали операцию на катаракту, так что мои глаза

выглядели отвратительно. Да и моя атаксия<sup>[4]</sup> особой сексуальности к моему облику не прибавляет. Это наша семейная мозжечковая атаксия, если хотите знать. Прогрессирующая. Я еще похожу на своих двоих годик-другой, а потом три-четыре года посижу в инвалидном кресле. *C'est la vie*.

Полагаю, я подкупил Белль тем, что обращался с ней как с личностью, с человеком. Я поступал именно так, как вы поступаете сейчас, и я, доктор Лэш, очень рад, что вы действуете так же. Я не читал ни одну ее карту. Я взялся за это дело вслепую, хотел иметь совершенно свежий, незатуманенный взгляд на вещи. Белль никогда не была для меня диагнозом: ни пограничным состоянием, ни пищевым расстройством, ни компульсивным антисоциальным расстройством. Так я отношусь ко всем своим пациентам. Надеюсь, я не стану диагнозом для вас.

Считаю ли я необходимым ставить диагноз? Ну, я знаю, что все вы, теперешние выпускники, да и вся психофармакологическая промышленность только этим и живете. Психиатрические журналы переполнены бессмысленными рассуждениями о нюансах диагностики. Это все будет забыто. Я знаю, некоторые психозы нуждаются в диагностике, но в повседневной психотерапии роль диагностики невелика — а то и негативна. Вы никогда не задумывались над тем, что поставить пациенту диагноз при первой встрече легко, но чем лучше вы его узнаете, тем задача становится сложнее? Спросите об этом любого опытного терапевта в частной беседе, и он скажет вам то же самое! Иными словами, уверенность обратно пропорциональна осведомленности. Такая вот наука, ага?

Я пытаюсь объяснить вам, доктор Лэш, что я не просто не поставил диагноз Белль, я и не мыслил такими категориями. Я и сейчас не думаю. Несмотря на все случившееся, на все, что она сделала, я так не думаю. И я думаю, что она знала об этом. Мы были всего лишь двоими людьми, вступающими в контакт. И мне нравилась Белль. Всегда нравилась. Очень! И она это знала. Может, в этом все дело.

Белль не была хорошим пациентом для разговорной терапии — ни для одной ее разновидности. Импульсивная, предпочитающая действия размышлениям, неспособная к интроспекции, к свободным ассоциациям; собственный внутренний мир ее совершенно не интересовал. Она никогда не справлялась с традиционными терапевтическими заданиями, такими, как самоисследование, инсайт, что только понижало ее самооценку. Вот почему терапия всегда оказывалась неэффективной. И вот почему я был уверен в необходимости направить ее внимание в иное русло. Вот почему мне пришлось изобрести новый терапевтический подход специально для

Белль.

Например? Хорошо, я приведу вам пример. Это произошло в самом начале терапии, на третьем или, возможно, четвертом месяце. Тогда я вплотную занимался ее самодеструктивным сексуальным поведением и расспрашивал ее о том, что ей действительно нужно от мужчин, в том числе и от первого мужчины в ее жизни — ее отца. Но я старался впустую. Она наотрез отказывалась говорить о прошлом — слишком много говорила об этом с другими терапевтами, заявила она. Еще она была уверена в том, что раскапывание могил прошлого служит лишь благовидным предлогом для того, чтобы снять с себя ответственность за собственные поступки. Она прочла мою книгу по психотерапии и цитировала по ней мои же слова. Меня это бесило. Когда пациенты начинают сопротивляться, цитируя твои собственные книги, можешь считать, что тебя взяли за жабры.

На одном из сеансов я попросил ее рассказать какую-нибудь детскую мечту или сексуальную фантазию, и в конце концов, чтобы посмешить меня, она пересказала одну повторяющуюся фантазию, которая была у нее лет в во-семь-девять: на улице страшный ливень, она входит в комнату, замерзшая и вымокшая до нитки. Там ее ждет пожилой мужчина. Он обнимает ее, снимает промокшую одежду, вытирает огромным теплым полотенцем, поит горячим шоколадом. И я предложил ей разыграть сценку: сказал ей, чтобы она вышла из кабинета и вошла обратно, притворяясь, что промокла и замерзла. Я, разумеется, опустил сцену с раздеванием, принес из ванной внушительных размеров полотенце, хорошенько вытер ее — все это без всякого сексуального подтекста, как и было всегда. Я «высушил» ее волосы, после чего закутал ее в полотенце, усадил на стул и приготовил чашку растворимого горячего шоколада.

Не спрашивайте, почему я решил проделать это именно тогда. С таким большим стажем практики, как у меня, начинаешь доверять своей интуиции. И этот случай изменил все. Какое-то время Белль не могла произнести ни слова, в ее глазах стояли слезы, а потом она разрыдалась, как дитя. Белль никогда, никогда не плакала у терапевтов. Ее сопротивление как рукой сняло.

Что я имею в виду под исчезновением сопротивления? Я имею в виду, что она стала доверять мне, поверила в то, что мы с ней находимся по одну сторону баррикад. Технический термин, доктор Лэш, обозначающий этот феномен, — «терапевтический альянс». После этого она стала настоящим пациентом. Она смело делилась важной информацией. Она начала жить в ожидании следующего сеанса. Терапия стала центром ее вселенной. Снова и снова она повторяла, как много я для нее значу. И все это — через каких-

то три месяца.

Не слишком ли много я значил для нее? Нет, доктор Лэш, терапевт не может значить для пациента слишком много в самом начале терапии. Даже Фрейд пользовался стратегией замены психоневротического состояния на невроз переноса — это эффективнейший способ, помогающий взять под контроль деструктивные симптомы.

Это привело вас в замешательство. Ну что обычно происходит, когда пациент становится одержим терапевтом? Он подолгу размышляет над каждым сеансом, ведет бесконечные воображаемые диалоги с терапевтом между сеансами. Со временем на место симптомов приходит терапия. Иными словами, пациентом перестают управлять внутренние невротические факторы, и он начинает меняться под воздействием требований терапевтических отношений.

Нет, спасибо, кофе достаточно, Эрнест. Но вы не обращайте внимания, пейте. Вы не возражаете, если я буду называть вас Эрнестом? Хорошо. Итак, чтобы добиться результатов, я решил воспользоваться ее состоянием. Я сделал все, что мог, чтобы стать для нее максимально значимым. Я отвечал на все без исключения вопросы о своей жизни, я поддерживал то, что было в ней позитивного. Я рассказывал ей, насколько она умна и красива. Я ненавидел то, что она делает с собой, и прямо, без обиняков ей об этом заявлял. Мне было нетрудно: все, что от меня требовалось, — говорить правду.

Вы спрашивали меня, какой методикой я оперировал. Может, лучшим ответом на этот вопрос будет следующее: я говорил правду. Со временем я стал играть более важную роль в ее фантазиях. Она подолгу рассказывала о своих фантазиях, касающихся нас обоих, — как мы просто проводим время вместе, обнимаемся, я играю с ней, словно с ребенком, кормлю ее. Однажды она принесла в кабинет баночку желе «Jell-O», ложку и попросила меня покормить ее, что я и сделал, вызвав бурную радость.

Звучит вполне невинно, правда? Но я знал, еще в самом начале, что за всем этим неясно вырисовывается тень. Я знал это, я знал это, когда она рассказывала, как она возбудилась, когда я кормил ее. Я знал это, когда она рассказывала о том, как она подолгу плавает в каноэ, по два-три дня в неделю, только чтобы побыть в одиночестве, плыть по воде и наслаждаться фантазиями обо мне. Я знал, что рискую, но это был просчитанный риск. Я хотел позволить сформироваться позитивному переносу, который мог бы впоследствии использовать для борьбы с ее саморазрушительными тенденциями.

И через несколько месяцев я стал играть такую большую роль в ее

жизни, что получил возможность добраться до ее патологии. Для начала я занялся вопросами жизни и смерти: ВИЧ, сцены в барах, шоссейный ангел милосердия, практикующий оральный секс. Она сдала кровь на ВИЧ — отрицательная реакция, слава богу. Я помню, как мы в течение двух недель ждали результатов анализа. Надо сказать, что переживал я не меньше ее.

Вам когда-нибудь приходилось работать с пациентом, ожидающим результатов анализа на ВИЧ? Нет? О Эрнест, этот период ожидания — непаханое поле возможностей. Вы можете использовать его для того, чтобы провести по-настоящему серьезную работу. Несколько дней пациенты проводят лицом к лицу со своей собственной смертью, возможно, первый раз в жизни. В это время вы можете помочь им исследовать список приоритетов и внести в него изменения, сделать основой их жизни то, что имеет реальное значение. Я иногда называю это терапией экзистенциального шока. Но не в случае Белль. Ее это не беспокоило. Просто отказывалась верить. Как и большинство пациентов, склонных к саморазрушению, она была уверена в собственной неуязвимости — умереть она могла лишь от собственной руки.

Я рассказал ей о ВИЧ, о герпесе, которого, что удивительно, у нее тоже не оказалось, о безопасном сексе. Я рассказал ей о более безопасных местах, где можно подцепить мужчину, если уж ей обязательно надо это сделать: теннисные клубы, собрания Ассоциации родителей-учителей, читальные залы книжных магазинов. Белль была неподражаема, она была способна назначить тайное randevu совершенно незнакомому красавцу за каких-то пять-шесть минут, причем в десяти футах могла в этот момент находиться ничего не подозревающая жена. Должен отметить, я завидовал ей. Большинство женщин не ценят свое счастье в этом плане. Можете представить себе мужчину — особенно такую старую развалину, как я, — проделывающего что-то подобное с такой легкостью?

Поразительным качеством Белль при всем том, о чем я уже рассказал вам, была ее абсолютная честность. На первых двух сеансах, когда мы решали, что будем работать вместе, я поставил основное условие терапии — стопроцентная честность. Она должна была сообщать мне обо всех значимых событиях, происходящих в ее жизни: употребление наркотиков, импульсивные сексуальные выходки, порезы, рвота, фантазии — обо всем. Иначе, сказал я ей, мы только потратим время зря. Но если она делится чем-то со мной, то может с полной уверенностью рассчитывать на меня — я помогу ей справиться с этим. Она дала мне это обещание, и мы скрепили этот контракт церемонным рукопожатием.

И, насколько мне известно, она свое обещание сдержала. На самом

деле это было частью моего метода, потому как, если бы в течение недели произошли какие-либо серьезные срывы, например, она порезала себе руки или отправилась в бар, я бы проанализировал их до мельчайших подробностей. Я настоял бы на глубоком и длительном исследовании всех происшествий, имевших место незадолго до срыва. «Прошу вас, Белль, — говорил я, — я должен услышать все, что происходило до этого, все, что может помочь нам понять, почему это произошло: как вы провели утро, о чем вы думали, что чувствовали, о чем мечтали». И Белль оказывалась припертой к стенке: она хотела поговорить о множестве других вещей, и ей ужасно не нравилось тратить значительную часть сеанса на подобные разговоры. Только это помогало мне держать ее импульсивность под контролем.

Инсайт? Не самый частый гость в терапии Белль. О, она начала понимать, что чаще всего ее импульсивным срывам предшествует ощущение омертвелости и опустошенности и что риск, порезы, секс, кутежи были попыткой заполнить себя чем-то или вернуть себя к жизни.

Но чего Белль никак не могла понять, так это абсолютной бесплодности этих попыток. После каждой из них наступал обратный эффект, так как далее следовало появление острого чувства стыда и новые, более отчаянные — и более саморазрушительные — попытки почувствовать себя живой. Белль с каким-то невероятно бестолковым упорством не желала понимать, что ее поведение влечет за собой определенные последствия.

Так что на инсайт надеяться не приходилось. Мне нужно было предпринять что-то другое, и я испробовал все, что есть в книгах и чего в них нет, чтобы сдерживать ее импульсивность. Мы составили список ее самодеструктивных видов поведения, и она дала согласие не совершать ничего из того, что записано в этот список, не позвонив предварительно мне и не предоставив мне шанс отговорить ее. Но звонила она редко, потому что не хотела посягать на мое личное время. Где-то в глубине души она была уверена, что моя преданность на самом деле ничего не стоит, что я скоро устану и избавлюсь от нее. Мне никак не удавалось ее переубедить. Она просила дать ей какое-нибудь конкретное напоминание обо мне, чтобы она могла иметь его при себе. Это помогло бы ей контролировать себя. «Выберите что-нибудь из того, что есть в офисе», — сказал я ей. Она сняла с моей куртки шейный платок. Я отдал платок ей, но перед этим написал на нем слова, представлявшие мне важными:

Мне кажется, что я мертва, и я причиняю себе боль, чтобы

почувствовать, что я жива.

Я бесчувственна, и я иду на риск, подвергая себя опасности, чтобы чувствовать, что я живу.

Я чувствую опустошенность, поэтому я пытаюсь заполнить себя наркотиками, едой, спермой.

Но это всего лишь короткие передышки. Все кончится тем, что мне будет стыдно, — и я буду еще более мертвой и опустошенной.

Я наказал Белль медитировать на этот платок каждый раз, когда у нее будут возникать деструктивные импульсы.

На вашем лице насмешка, Эрнест. Вы не согласны? Почему? Слишком уж хитроумно? Нет, что вы. Я понимаю, что это кажется чересчур мудреным, согласен, но в безнадежных случаях мы прибегаем к отчаянным шагам. Я обнаружил, что пациентам, у которых так и не появилось отчетливое ощущение постоянства предметного мира, очень помогает что-то вещественное, некое конкретное напоминание. Один из моих учителей, Льюис Хилл, который потрясающе работал с тяжелыми случаями шизофрении, дышал в маленькие бутылочки и раздавал их пациентам: они должны были носить их на шее, пока он был в отпуске.

Этот прием тоже кажется вам слишком хитроумным, Эрнест? Позвольте мне предложить вам другое слово, оно лучше здесь подходит: креативно. Помните, что я говорил о создании новой терапии для каждого пациента? Именно это я и имел в виду. Кстати, вы не задали мне самый важный вопрос.

Поддействовало ли это? Несомненно, несомненно. Это самый уместный вопрос. Единственно возможный вопрос. Забудьте правила. Да, это поддействовало! Это работало с пациентами доктора Хилла и поддействовало на Белль. Она носила мой шейный платок и постепенно брала свои импульсы под контроль. Она «соскакивала» все реже, и скоро мы получили возможность прорабатывать и другие проблемы на терапевтических сеансах.

Что? Простой перенос и его терапевтический эффект? Кажется, вы начинаете что-то в этом понимать, Эрнест. Хорошо, хорошо, что вы спросили. У вас чутье на то, что действительно стоит внимания. Послушайте меня, вы не тем занимаетесь — вы не предназначены для работы в нейрехимии. Как вам сказать... Фрейд возвел напраслину на терапевтический эффект переноса около ста лет назад. В его словах есть рациональное зерно, но по большей части он ошибался.



Поверьте мне, если вам удалось прорваться в самодеструктивный поведенческий цикл — неважно, как вы это сделали, — вы достигли определенного успеха. Первым делом следует разорвать порочный круг ненависти к себе, саморазрушения и еще большей ненависти к себе из-за стыда за свое поведение. Хотя она и не ощущала ничего подобного, только представьте себе стыд и презрение, которые скорее всего вызывало у Белль ее падение. Направить этот процесс вспять — задача терапевта. Карен Хорни как-то сказала... Вы знакомы с работами Карен Хорни, Эрнест?

Жаль, но, судя по всему, такова судьба ведущих теоретиков в нашей области — наши учения актуальны лишь для одного поколения. Хорни была одним из моих любимых авторов. Пока учился, я перечитал все ее книги. Ее главной работе, «Невроз и развитие личности», больше пятидесяти лет, но это лучшая книга по терапии, какую только можно найти, — и ни одного жаргонного слова. Я пришлю вам свой экземпляр. У нее была фраза, может быть даже в этой книге, — простая, но мощная: «Если вы хотите гордиться собой, делайте то, что вызывает у вас гордость».

Я забыл, о чем я рассказывал. Напомните мне, Эрнест. Мои отношения с Белль? Разумеется, ведь именно ради этого мы сегодня и встретились? Они развивались во множестве различных плоскостей, но я знаю, что ваш комитет особенно заинтересован в физическом контакте. Белль с самого начала превратила это в проблему. Сейчас я взял за привычку касаться своих пациентов — как мужчин, так и женщин — на каждом сеансе; обычно это рукопожатие при прощании или, может быть, похлопывание по плечу. Но Белль не было до этого дела: она не подавала мне руки и отпускала разные шутливые замечания типа «А это рукопожатие было одобрено Американской психиатрической ассоциацией?» или «Не могли бы вы вести себя несколько более формально?».

Иногда в конце сеанса она обнимала меня — всегда по. Дружески, без какого бы то ни было сексуального подтекста. На следующем сеансе она упрекала меня за мое поведение, излишнюю формальность, за то, как я окаменел, когда она обняла меня. И это «окаменел» относится к моему телу, а не к моему члену, Эрнест, я видел, как вы на меня посмотрели. Из вас бы вышел классный игрок в покер. Мы еще не перешли к «клубничке». Я скажу вам, когда начнется самое интересное.

Она жаловалась на то, что я слишком большое значение придаю возрасту. Если бы я была умудренной опытом старухой, говорила она, то я бы, не раздумывая, обнял ее. Возможно, она была права. Физический контакт был особенно важен Белль. Она настаивала на том, чтобы мы прикасались друг к другу, причем постоянно. Давила, давила, давила. Без

остановки. Но я могу это понять: Белль выросла в условиях тактильной депривации. Ее мать умерла, когда ей было несколько месяцев от роду, ее вырастили постоянно сменяющиеся швейцарские гувернантки. А отец! Представьте, каково расти с отцом, страдающим фобией микробов. Он никогда к ней не прикасался, всегда носил перчатки — и дома, и на улице. Слуги промывали и проглаживали всю его корреспонденцию.

Постепенно, где-то через год, я расслабился настолько — или размягчился настолько под непрекращающимся нажимом Белль, что начал заканчивать наши встречи аван-кулярным объятием. Что такое «аванкулярным»? Это значит — «как дядя». Но, что бы я ей ни давал, она всегда требовала большего, обнимаясь со мной, постоянно пыталась поцеловать меня в щеку. Я всегда пытался убедить ее с уважением относиться к границам, а она всегда настаивала на активной борьбе с ними. Трудно сказать, сколько лекций было мной прочитано на эту тему, сколько статей и книг я Дал ей.

Но она была, словно ребенок в теле женщины, — сногсшибательном женском теле, — и ее стремление к контакту было непобедимо. Можно ли ей подвинуть стул чуть ближе? Не мог бы я несколько минут подержать ее за руку? Не могли бы мы сесть рядом на софу? Не мог бы я просто обнять ее и посидеть молча или прогуляться с ней, вместо того чтобы разговаривать?

Она была феноменально настойчива. «Сеймур, — говорила она, — ты столько говорил о создании новой терапии для каждого конкретного пациента, но все, что ты запомнил из своих статей, так это «как указано в официальном руководстве» и «пока это не нарушает покой терапевта среднего возраста». Она обвиняла меня в том, что я обращался за помощью к руководству АПА относительно границ в терапии. Она знала, что я был причастен к написанию этого руководства, так что она обвиняла меня в том, что я стал рабом собственных правил. Она критиковала меня за то, что не читал свои собственные статьи. «Вы такое большое значение придаете уникальности каждого пациента, после чего притворяетесь, что единственный набор правил подходит для работы с любым пациентом в любой ситуации». Она говорила, что «мы все свалены в одну кучу, как будто все пациенты одинаковы и лечить их нужно одинаково». А ее любимый аргумент звучал так: «Что важнее: соблюдать правила, не вылезать из теплого удобного кресла или же делать то, что лучше для пациента?»

Еще она любила пройтись по моей «защитной» тактике психотерапии. «Вы так боитесь, что на вас подадут в суд. Все вы, терапевты-гуманисты,

трясетесь от страха перед законниками, но при этом вы призываете своих психически неполноценных пациентов хвататься за свободу обеими руками. Вы и вправду думаете, что я подам на вас в суд? Разве вы еще настолько плохо меня знаете, Сеймур? Вы спасаете мою жизнь. И я люблю вас!»

И знаете ли, Эрнест, она была права. Она поймала меня. Я действительно дрожал от страха. Я стоял на защите основных установок — даже в тех ситуациях, когда точно знал, что они антитерапевтичны. Я ставил свою робость, свои страхи о своей скромной карьере выше ее интересов. И в самом деле, если взглянуть на ситуацию непредвзято, в том, что я позволял ей сидеть рядом со мной, держать меня за руку, не было ничего плохого. На самом деле каждый раз, когда я позволял ей сделать это, нашей терапии это неизменно шло на пользу — она меньше защищалась, больше мне доверяла, получала лучший доступ к своему внутреннему миру.

Что? Существуют ли вообще устойчивые барьеры в терапии? Разумеется, существуют. Слушайте дальше, Эрнест. Моя проблема заключалась в том, что Белль готова была разнести в клочья любые границы — они действовали на нее как красная тряпка на быка. Стоило только мне поставить любую — любую — границу, она начинала выбивать из нее по кирпичику. Она стала носить обтягивающие платья, прозрачные блузки без лифчика. Когда я прокомментировал эту ситуацию, она высмеяла мое якобы викторианское отношение к телу. Она говорила, что я хочу прикинуться в самые интимные уголки ее сознания, но ее кожа, тело — ни-ни! Несколько раз она начинала жаловаться на уплотнение в груди и просила меня обследовать ее. Разумеется, я отказался. В конце концов секс со мной стал ее навязчивой идеей, и она часами упрашивала меня заняться с ней любовью хотя бы один-единственный раз. Один из ее аргументов звучал так: первое и последнее занятие сексом со мной снимет с нее это наваждение. Она поймет, что ничего особенного или волшебного в этом нет, и тогда она сможет спокойно думать и о других вещах в этой жизни.

Какие чувства вызывал во мне этот сексуальный крестовый поход против меня? Хороший вопрос, Эрнест, но разве он имеет отношение к нашему расследованию?

Вы не уверены? Может показаться, что в данной ситуации важно только то, что я сделал, — то, за что меня су-Дят, а не то, что я думал, чувствовал. Суд Линча не принимает это во внимание! Но, если вы на пару минут выключите диктофон, я скажу вам. Можете считать это инструкцией. Вы читали у Рильке «Письма к молодому поэту»? Так вот, можете считать

это письмом к юному терапевту.

Вот так, хорошо. Ручку тоже отложите, Эрнест. Положите ее на стол и просто послушайте меня. Вы хотите знать, как это действовало на меня? Красивая женщина, одержимая мной, которая каждый день мастурбирует, думая обо мне, умоляющая меня заняться с ней сексом, рассказывающая мне о своих фантазиях с моим участием — о том, как она размазывает по лицу мою сперму или добавляет ее в шоколадное печенье? И как, вы думаете, я себя при этом чувствовал? Посмотрите на меня! На костылях, все хуже передвигаюсь, уродлив — мое лицо сожрали морщины, мое тело дрябнет, разваливается на куски.

Я признаюсь в этом. Ничто человеческое мне не чуждо. Это начало заводить меня. Я думал о ней, одеваясь, в те дни, когда мы встречались с ней. Какую рубашку надеть? Она терпеть не могла широкие подтяжки — утверждала, что в них я выгляжу слишком самодовольным. Какой лучше использовать лосьон после бритья? «Royall Lyme» нравился ей больше, чем «Mermen», и я никак не мог решить, на котором из них остановиться. В большинстве случаев я брызгался «Royall Lyme». Однажды в своем теннисном клубе она встретила одного моего коллегу — тупица, страдающий нарциссизмом, который постоянно соперничал со мной. Она завела с ним разговор обо мне. Тот факт, что он имел какое-то отношение ко мне, подействовал на нее возбуждающе, и она тут же поехала к нему. Только представьте себе, этот простак ложится в постель с потрясающей женщиной, не зная, что это происходит благодаря мне. А я не могу сказать ему об этом. Я чуть не лопнул от смеха.

Но испытывать сильные чувства к пациенту — это одно, а вот дать им волю — это совсем другое. И я боролся с этим. Я постоянно занимался самоанализом, не раз консультировался с несколькими друзьями и пытался решить эту проблему во время наших сеансов. Снова и снова я говорил ей, что никогда, ни в коем случае я не буду заниматься с ней сексом и что если я сделаю это, то навсегда упаду в собственных глазах. Я убеждал ее, что хороший заботливый терапевт ей значительно нужнее, чем стареющий любовник-калека. Но я знал, как сильно ее тянет ко мне. Я говорил ей, что не хочу, чтобы она сидела рядом со мной, потому что физический контакт возбуждает меня и снижает мою эффективность в качестве терапевта. Я занимал авторитарную позицию, настаивая на том, что моя способность видеть ситуацию в перспективе развита намного лучше, чем ее, и что о терапии я знаю то, чего она пока знать не может.

Да, да, можете включить диктофон. Полагаю, я ответил на ваш вопрос относительно моих чувств. Итак, это продолжалось больше года,

перемежаясь с прорывающимися симптомами. Она не раз срывалась, но в целом наши дела шли довольно хорошо. Я знал, что это ей не поможет. Я всего лишь «сдерживал» ее, обеспечивая сдерживающую среду, обеспечивая ей безопасность от сеанса к сеансу. Но понимал, что время уходит: она стала тревожной и выглядела уставшей.

А однажды она пришла совершенно изможденная. На улицах появилась какая-то новая, очень чистая дурь, и она сказала, что едва борется с желанием попробовать. «Я больше не могу жить этой жизнью, в которой встречаю одни лишь разочарования, — сказала она. — Я из кожи вон лезу, чтобы справиться с этим, но мой запас прочности подходит к концу. Я знаю себя, и я знаю, как я устроена. Вы спасаете мне жизнь, и я хочу работать с вами. Думаю, я способна на это. Но мне нужен стимул! Да, да, Сеймур, я знаю, что вы мне сейчас скажете, я уже наизусть все это знаю. Вы собираетесь начать убеждать меня, что у меня уже есть стимул, что мой стимул — это лучшая жизнь, лучшее отношение к себе и самочувствие, самоуважение, это жизнь без попыток убить себя. Но этого недостаточно. Это все слишком далеко. Слишком неопределенно. Мне нужно что-то, что я могу потрогать. Мне необходимо что-то вещественное!»

Я начал говорить что-то успокаивающее, но она оборвала меня. Ее отчаяние достигло пика, и она бросилась ко мне с отчаянной мольбой: «Сеймур, поработай со мной. По-моему. Умоляю тебя. Если я продержусь весь год пустая — ты понимаешь, о чем я, — без наркотиков, без рвоты, без историй в барах, без порезанных вен, безо всего такого — вознагради меня! Дай мне стимул! Обещай мне, что ты проведешь со мной неделю на Гавайях, и проведешь ее как мужчина с женщиной, а не как мозгоправ и психованная. Не надо улыбаться, Сеймур, я говорю серьезно — совершенно серьезно. Мне это необходимо. Сеймур, единственный раз ты можешь поставить мои потребности выше правил? Проработай это со мной».

Съездить с ней на неделю на Гавайи! Вы улыбаетесь, Эрнест; я тоже улыбался. Абсурд! Я поступил так, как, вероятно, поступили бы и вы: я высмеял эту идею. Я пытался отделаться от нее, как отделялся от всех ее предыдущих дурацких предложений. Но она не отказывалась от этой идеи. В ней появилась какая-то зловещая настойчивость. И принуждение. Она не собиралась так просто отказываться от этой своей идеи. Я не мог отвлечь ее от этой мысли. Когда я заявил, что об этом и речи быть не может, Белль начала торговаться: она увеличила период своего хорошего поведения с года до полутора лет, предложила Сан-Франциско вместо Гавайев, а неделю

урезала сначала до пяти, потом и до четырех дней.

Я вдруг поймал себя на том, что между сеансами, сам того не желая, обдумываю предложение Белль. Я ничего не мог с этим поделать. Я проигрывал его в уме. Полтора года — восемнадцать месяцев — хорошего поведения? Это невозможно. Это абсурд. Этого ей никогда не добиться. Зачем мы вообще тратим время на обсуждение этой идеи?

Но предположим — просто в порядке эксперимента, уговаривал я себя, — что она действительно способна изменить свое поведение на целых восемнадцать месяцев. Попробуйте эту мысль на вкус, Эрнест. Подумайте об этом. Обдумайте такую возможность. Разве вам не кажется, что если эта импульсивная, склонная к срывам женщина способна взять себя под контроль, на целых восемнадцать месяцев сделать свое поведение более эгосинтоничным, отказаться от наркотиков, от вскрытия вен, от всех форм саморазрушения, то по истечении этого срока она уже не будет прежней?

Что? «Игры, в которые играют пациенты в пограничном состоянии?» Что вы сказали? Эрнест, вы никогда не сможете стать настоящим терапевтом, если будете так думать. Как раз об этом я говорил вам, когда рассказывал об опасностях диагностики. Есть границы, и есть пограничные состояния. Ярлыки — это насилие над людьми. Вылечить ярлык ты не можешь, тебе приходится лечить человека, на которого этот ярлык повешен. И снова я спрашиваю вас, Эрнест: согласились ли бы вы, чтобы этот человек — не этот ярлык, а эта Белль, существо из плоти и крови, — претерпел радикальные внутренние изменения, чтобы она в течение восемнадцати месяцев вела себя принципиально иначе?

Вы бы на это не пошли? Не могу вас за это винить, принимая во внимание ваше положение на данный момент. И диктофон. Но просто ответьте себе на этот вопрос, не говорите ничего. Нет, позвольте мне ответить за вас: я не верю, что на этом свете можно найти терапевта, который бы не согласился с тем, что, если импульсивность перестанет определять поведение Белль, она станет совершенно иным человеком. У нее появятся другие ценности, другие приоритеты, сформируется другое видение мира. Она очнется, откроет глаза, увидит реальный мир, может, ей откроются ее красота и достоинство. И она увидит меня в Другом свете, увидит таким, каким, наверное, видите меня вы: ковыляющий, покрывающийся плесенью старик. Когда она увидит реальность, ее эротический перенос, некрофилия пропадут, а с ними, разумеется, интерес в гавайском предприятии.

Что, простите? Буду ли я скучать по эротическому переносу?

Расстроит ли меня его исчезновение? Конечно! Вне всякого сомнения! Мне нравится обожание. А кому не нравится? Разве вам — нет?

Да ладно вам, Эрнест! Неужели? Разве вы не получаете удовольствие от аплодисментов, которыми публика встречает окончание вашего доклада? Неужели вам не нравится, что люди, особенно женщины, толпятся вокруг вас?

Хорошо. Ценю вашу честность. Стыдиться здесь нечего. А кто этого не любит? Так уж мы устроены. Так что мне будет не хватать ее обожания, это будет тяжелая утрата. Но так это и происходит. Это моя работа: вернуть ее к реальной жизни, помочь ей вырасти, перерасти меня. Даже, господи спаси, забыть меня.

Итак, шли дни, недели, и предложенная Белль сделка все больше и больше интриговала меня. Она предлагала продержаться «пустой» восемнадцать месяцев. И, как вы помните, это было только начало торгов. Я умею вести переговоры, и я был уверен, что смогу увеличить срок, добиться более выгодных для себя условий, даже поставить новые. Полностью закрепить изменения. Я думал, какие условия я могу выдвинуть со своей стороны: возможно, стоит заставить ее пройти групповую психотерапию или же приложить максимум усилий и попытаться уговорить ее обратиться вместе с мужем к семейному терапевту.

День и ночь я думал над предложением Белль. Я просто не мог выкинуть эти мысли из головы. Я азартен, и в этой игре мои шансы на успех были поистине фантастическими. Если Белль проигрывает пари, если она срывается — возвращается к наркотикам, к рвоте, к охоте в барах, снова режет вены — то я ничего не теряю. Мы просто возвращаемся туда, откуда начали. Даже если у меня в распоряжении окажутся всего несколько недель или месяцев абстиненции, я смогу извлечь из этого пользу. А если Белль выиграет, она изменится настолько, что не станет требовать с меня свой приз. Это была верная игра. Нулевой риск при худшем раскладе, а при лучшем я имел все шансы спасти эту женщину.

Мне всегда нравились карточные игры с большими ставками, я играл на скачках, делал ставки на все, что угодно — футбол, баскетбол. После школы я ушел на флот, и на деньги, выигранные там в покер, я жил на протяжении всей учебы в колледже. Когда я был интерном в Маунт-Синай в Нью-Йорке, большинство свободных ночей я проводил в отделении акушерства и гинекологии, где мы с дежурными акушерами с Парк-авеню играли на большие деньги. Прекрасные врачи — все до одного, но в покере полные профаны. Знаете, Эрнест, интернам тогда платили сущие гроши, так что к концу года все остальные интерны завязли в долгах по уши. А я?

А я поехал к себе в Анн-Ар-бор на новеньком «De Soto» с откидным верхом — собственности акушеров с Парк-авеню.

Но вернемся к Белль. Несколько недель я раздумывал над ее предложением, а потом в один прекрасный день решился. Я сказал Белль, что понимаю ее потребность в стимулировании, и начал серьезные переговоры. Я настаивал на двух годах. Она была так благодарна мне за то, что я принял ее всерьез, что согласилась на все мои условия, и мы быстро пришли к четкой, конкретной договоренности. Ее задача в этой сделке заключалась в том, чтобы в течение двух лет оставаться абсолютно пустой: никаких наркотиков (в том числе и алкоголя), никаких порезанных вен, рвоты, никаких случайных сексуальных партнеров, подцепленных в баре или на шоссе, а также других опасных сексуальных приключений. Ей разрешалось заводить цивилизованные романы. И никаких незаконных действий. Мне казалось, я учел все. А, да, еще она должна была начать посещать терапевтическую группу и пообещала вместе с мужем записаться на семейную психотерапию. Моя часть сделки предполагала уик-энд в Сан-Франциско. Все детали — отель, развлечения — я оставлял на ее усмотрение — карт-бланш. Я должен был быть весь к ее услугам.

Белль отнеслась к нашему договору крайне серьезно. по окончании переговоров она предложила скрепить его формальной клятвой. Она принесла Библию, и мы оба поклялись в том, что выполним свою часть контракта. После чего мы торжественно пожали друг другу руки в знак согласия.

Терапия шла своим ходом. Мы с Белль встречались где-то два раза в неделю. Лучше бы, конечно, три, но ее муж начал высказывать недовольство счетами за психотерапию. Белль держала слово, и нам не приходилось тратить время на анализ ее «срывов», терапевтический процесс ускорился и стал более глубоким. Сны, фантазии — все казалось более достигаемым. Впервые я увидел в ней проблески любопытства к самой себе. Она записалась в какой-то университет на курс углубленного изучения психопатологии и начала писать биографию, рассказывая о своем прошлом. Понемногу она вспоминала подробности событий своего детства, как она искала себе новую маму в веренице равнодушных гувернанток, большинство из которых не задерживались больше чем на несколько месяцев из-за фанатичной любви ее отца к чистоте и порядку. Его фобический страх перед микробами регулировал все аспекты ее жизни. Только представьте: до четырнадцати лет она не ходила в школу, находясь на домашнем обучении, потому что он боялся, что она принесет домой каких-нибудь микробов. Поэтому у нее было мало близких друзей. Ей



редко удавалось даже перекусить с друзьями: отец запрещал Белль есть вне дома, а она ужасно стеснялась приглашать друзей к себе из-за отцовских причуд: перчатки, мытье рук перед каждой сменой блюд, проверка рук прислуги на чистоту. Ей не разрешалось брать почитать книги, а одну гувернантку отец уволил после того, как узнал, что она позволила Белль поменяться с подругой на день платьями. В четырнадцать ее детство и жизнь с отцом кончились: ее отправили в школу-пансионат в Гренобле. С тех пор она лишь изредка встречалась с отцом, который вскоре снова женился. Его новая жена была красивой женщиной, но бывшей проституткой. По крайней мере, так заявила ее тетушка — старая дева, которая сказала, что новая жена отца Белль — лишь одна из сотен шлюх, которые были у него за последние четырнадцать лет. Может быть, предположила Белль, и это была ее первая интерпретация за всю историю нашей терапии, он казался себе грязным, и вот почему он постоянно мылся и не позволял своей коже соприкоснуться с ее.

Тогда Белль заводи́ла речь о нашей сделке только для того, чтобы сказать, как она мне благодарна. Она говорила, что это «самое мощное подтверждение» из всех, что она когда-либо получала. Она знала, что эта сделка — мой подарок ей, который, в отличие от тех «подарков», что доставались ей от других мозгоправов — слов, интерпретаций, обещаний, «терапевтического сопровождения» — был реальным, его можно было потрогать. Кожа к коже. Это было осязаемое доказательство того, что я полностью посвятил себя помощи ей. И доказательством моей любви. Никогда еще, говорила она, никогда раньше ее никто так не любил. Никто никогда не ставил ее интересы прежде своих, выше правил. Уж конечно, не ее отец, который ни разу не подал ей руки без перчатки и до самой своей смерти десять лет назад посылал ей на день рождения один и тот же подарок — пачку стодолларовых банкнот, по одной на каждый год ее жизни, но тщательно вымытых и проглаженных.

Сделка имела и другой смысл. Моя готовность поправить правила доставила ей удовольствие. Что ей больше всего во мне нравилось, так это, как она говорила, моя готовность идти на риск, открытый доступ к моей тени. «В тебе тоже есть что-то испорченное, темное, — говорила она мне. — Вот почему ты так хорошо меня понимаешь. Иногда мне кажется, что мы с тобой — братья по разуму».

Знаете, Эрнест, может быть, именно поэтому мы так быстро поладили: она сразу поняла, что я — именно тот терапевт, который ей нужен. Что-то непослушное в моем лице, некий огонек непочтительности в моих глазах. Белль была права. Она углядела это. Она была умной девочкой.

И знаете, я прекрасно понимал, что она хочет этим сказать, — прекрасно! Я точно так же замечаю подобное в других людях. Эрнест, будьте добры, буквально на секунду выключите диктофон. Вот так. Благодарю вас. Я просто хотел сказать, что вижу это в вас. Мы с вами, хоть и сидим по разные стороны этого помоста, этого судебного стола, мы чем-то похожи. Я уже говорил вам, что я хороший физиономист. И я редко ошибаюсь в таких вещах.

Нет? Да ладно вам! Вы знаете, о чем я! Неужели не поэтому вы слушаете мой рассказ с таким интересом? Я даже вижу в вас нечто большее, что просто интерес! Не будет ли преувеличением сказать, что эта история завораживает вас? У вас глаза как блюдца. Да, Эрнест, вы и я. Вы могли бы повести себя так же в этой ситуации. Вы бы тоже могли заключить эту фаустовскую сделку.

Вы качаете головой. А как же! Но я не к вашей голове обращаюсь. Я целюсь прямо в ваше сердце, и придет время, когда вы позволите себе понять, что я говорил вам. Более того, вы, может быть, увидите себя не только во мне, но и в Белль. Нас трое. И мы не так уж сильно отличаемся друг от друга! Ладно, хватит об этом, давайте вернемся к делу.

Подождите! Пока вы не включили свой диктофон, Эрнест, позвольте мне сказать вам еще кое-что. Как вы думаете, меня волнует комитет по этике? Что они могут сделать? Отнять у меня привилегии посещения клиники? Мне семьдесят, моя карьера окончена, и я прекрасно это понимаю. Так зачем я рассказываю вам все это? В надежде, что из этого выйдет какая-нибудь польза. В надежде, что вдруг вы позволите частичке меня проникнуть в вас, циркулировать в ваших венах, позвольте мне учить вас. Помните, Эрнест, я говорил о том, что у вас есть доступ к собственной Тени? Это положительное качество. Я хотел этим сказать, что у вас есть храбрость и широта духа, которые позволят вам стать великим терапевтом. Включите диктофон, Эрнест. Прошу вас, не отвечайте, в этом нет необходимости. В семьдесят лет ответы уже не нужны.

Итак, на чем мы остановились? Итак, прошел первый год, и состояние Белль явно улучшилось. Ни одного «срыва». Она была совершенно пуста. Теперь она меньше требовала от меня. Иногда она просила меня сесть рядом с ней, тогда я обнимал ее за плечи, и мы сидели так несколько минут. Это всегда помогало ей расслабиться и делало ее участие в терапевтическом процессе более продуктивным. В конце сеансов я, как и прежде, по-отечески обнимал ее, и она обычно в ответ оставляла на моей щеке сдержанный дочерний поцелуй. Ее муж отказался участвовать в семейной терапии, но согласился встретиться несколько раз с

представителем «Христианской науки». Белль говорила, что их отношения начали налаживаться, и они оба, кажется, были довольны этим.

Прошло шестнадцать месяцев, и все было в порядке. Она не принимала героин, она вообще не принимала наркотики, не резала руки; не было приступов рвоты, булимии, самодеструктивного поведения в том или ином виде. Она заинтересовалась некоторыми нетрадиционными течениями: терапевтическая группа, специализирующаяся на прошлых жизнях, питание водорослями — все это типичная калифорнийская мишура, совершенно безвредная. Они с мужем возобновили сексуальные отношения, плюс она устроила небольшую интрижку с одним моим коллегой. Она встретила этого остолопа-мозгоправа в теннисном клубе. Но, по крайней мере, это был безопасный секс, не сравнить с теми эскападами в барах и на шоссе.

Это был самый эффектный терапевтический переворот, который мне только доводилось видеть. Белль говорила, что она никогда не была так счастлива. Заклинаю вас, Эрнест, используйте ее в любом своем постисследовании. Эта пациентка будет звездой! Сравните результат, которого она добилась, с результатами любой антинаркотической терапии — рисперидон, прозак, паксил, эффектор, велбутрин... Да что я вам рассказываю. И все это в подметки не годится нашей терапии. Это самый мой лучший терапевтический курс, но я не могу написать об этом. Написать? Да я рассказать-то никому ничего не мог. До этого самого момента. Вы мой первый настоящий слушатель.

Где-то через полтора года наши сеансы начали проходить иначе. Сначала я ничего не замечал. Белль все чаще и чаще вставляла фразочки о нашем совместном уик-энде в Сан-Франциско, а потом стала говорить об этом во время каждой нашей встречи. Каждое утро она проводила лишний час в постели, погруженная в фантазии о том, каким он будет, этот уик-энд: как она будет спать в моих объятиях, звонить и заказывать завтрак в номер, ездить на ленч в Саусалито, а днем можно будет вздремнуть. В ее фантазиях мы были женаты, она ждала меня по вечерам. Она утверждала, что счастливо прожила бы остаток дней своих, если бы знала, что я вернусь к ней, домой. Ей не нужно было проводить со мной много времени, она согласилась бы и на роль второй жены, чтобы проводить со мной час-другой в неделю, — и с этим она могла бы жить долго и счастливо, в добром здравии.

Так что, как нетрудно себе представить, я уже начинал немножко нервничать. А потом нервничать сильнее. Я начал борьбу. Я изо всех сил старался заставить ее взглянуть в лицо реальности. Почти на каждом

сеансе я вспоминал про свой возраст. Года через три-четыре я пересяду в инвалидную коляску. Через двадцать лет мне исполнится девяносто. Я спрашивал, сколько, по ее мнению, я еще проживу. Мужчины в моей семье умирают рано. Я уже пережил своего отца на пятнадцать лет. Она переживет меня, как минимум, на двадцать пять лет. В ее присутствии я даже делал вид, что моя неврология находится в значительно худшем состоянии. Однажды я симитировал приступ — вот до чего довело меня отчаяние. А у стариков мало сил, не уставал повторять я. В половине девятого я уже сплю, говорил я ей. Последний раз я смотрел десятичасовые новости пять лет назад. А еще у меня слабеет зрение, у меня бурсит плеч, расстройство пищеварения, простатит, метеоризм, запоры... Я даже подумываю приобрести слуховой аппарат.

Но я совершал ужасную ошибку. Я был на сто восемьдесят процентов не прав! Это лишь еще больше возбуждало ее. Она была одержима извращенной идеей о моей немогущности и недееспособности. В ее фантазиях меня разбивал инфаркт, от меня уходила жена, а она перебиралась ко мне, чтобы взять на себя заботу обо мне. Одна из ее любимых фантазий заключалась в том, что она ухаживала за мной: заваривала мне чай, мыла меня, меняла постельное белье и пижамы, посыпала меня тальком, а потом раздевалась и, забравшись под прохладные простыни, ложилась рядом со мной.

Через двадцать месяцев улучшение состояния Белль стало еще более заметным. Она по собственной инициативе вступила в Ассоциацию анонимных наркоманов и посещала три собрания в неделю. В качестве волонтера она рассказывала девочкам-подросткам в школах гетто о контроле над рождаемостью и профилактике СПИДа, а в местном университете записалась на курс МВА.<sup>[5]</sup> Что вы сказали, Эрнест? Откуда я знал, что она говорит мне правду? Знаете, Эрнест, я никогда не сомневался в ее искренности. Я знал, что она не подарок, но ее честность, по крайней мере в отношениях со мной, казалась чуть ли не компульсивной. В самом начале нашей совместной работы — кажется, я уже говорил об этом — мы заключили договор о взаимной и абсолютной честности. Пару раз в течение первых недель терапии она замалчивала некоторые совсем уж неприглядные эпизоды из ее сексуальных походов, но скрыть их до конца она так не сумела. Она начинала сходить с ума, была уверена, что я способен читать ее мысли и откажусь с ней работать. Каждый раз она даже не могла дождаться следующего сеанса, чтобы признаться мне в этом, и звонила мне по телефону, однажды даже за полночь.

Но это хороший вопрос. Слишком многое стояло на кону, чтобы

просто принять ее слова за чистую монету, поэтому я сделал то, что сделали бы вы: я проверил все, что мог. Тогда я пару раз встречался с ее мужем. Он отказался от терапии, но предложил поучаствовать в наших сеансах, чтобы ускорить ее выздоровление. И сделал все, что обещал. Он даже разрешил мне встретиться с представителем «Христианской науки», женщиной, которая, как ни забавно, получила степень доктора философии в клинической психологии и читала мою книгу. Она также подтвердила историю Белль: упорно работает над проблемами брака, не режет себе руки, не употребляет наркотики, занимается добровольной общественной деятельностью.

А как бы вы поступили в подобной ситуации, Эрнест? Что? Вы бы вообще в ней не оказались? Да, да, я знаю. Самый простой ответ. Вы разочаровали меня, Эрнест. Скажите мне, Эрнест, если бы вы не были здесь, где бы вы были? В своей лаборатории? Или в библиотеке? Вы были бы в безопасности. Вам было бы хорошо и комфортно. А где был бы пациент? На том свете, вот где! Вы такой же, как те двадцать терапевтов, что лечили Белль до меня, — все они выбрали этот безопасный маршрут. Но я терапевт другого типа. Я спаситель потерянных душ. Я против отказов от пациентов. Я сверну себе шею, выжму из себя все соки, я пойду на все, чтобы вытащить пациента, спасти его. И так я поступал на протяжении всей своей терапевтической карьеры. Знаете, какая у меня репутация? Спросите у людей. Спросите у своего председателя. Он-то знает. Он отправил ко мне десятки пациентов. Я — последняя надежда терапии. Терапевты передают мне пациентов, с которыми они уже бессильны что-либо сделать. Киваете? Вы слышали обо мне? Это хорошо. Хорошо, что вы знаете, что я не просто какой-то там слабоумный маразматик.

Так что попытайтесь встать на мое место! Что мне оставалось делать? Я начал нервничать. Я перепробовал все: интерпретировал как сумасшедший, словно от этого зависела вся моя жизнь. Я интерпретировал все, что движется.

К тому же меня начали раздражать ее иллюзии. Например, ее сумасшедшая мечта о том, что мы поженимся и она всю свою жизнь, неделю за неделей, будет в непреходящем воодушевлении ждать меня, чтобы провести вместе час-другой. «Что это за жизнь и что это за отношения?» — спросил я. Это не взаимоотношения, это шаманизм какой-то. Только представьте себя на моем месте. Я думал: и что, по ее мнению, я буду иметь при таком раскладе? Вылечу ее часом своего присутствия? Это невозможно. Разве это связь? Нет! Мы оба общались с воображаемыми, нереальными образами. Она возвела меня в статус иконы. У нее была

навязчивая идея — сделать мне минет и проглотить мою сперму. То же самое. Нереально. Она чувствовала пустоту внутри себя и хотела, чтобы я наполнил ее своей спермой. Неужели она не понимала, что делает? Неужели не понимала, что нельзя обращаться с символами так, словно они были конкретной реальностью? Интересно, сколько времени потребовалось бы, по ее расчетам, чтобы мои пле-вочки спермы наполнили ее? За несколько минут соляная кислота в ее желудке превратила бы их в разрозненные кусочки цепи ДНК.

Белль мрачно кивала, выслушивая бурный поток моих интерпретаций. Ее попечитель из Ассоциации анонимных наркоманов научил ее вязать, и в последние недели она трудилась над украшенным витым орнаментом свитером, который я должен буду носить во время нашего совместного уик-энда. Я никак не мог переубедить ее. Да, она соглашалась, что тратит свою жизнь на пустые фантазии. Возможно, она действительно пытается найти архетип мудрого старика. Но неужели это так плохо? Помимо программы МВА она слушала курс антропологии и читала «Золотую ветвь».<sup>[6]</sup> Она напомнила мне, что большая часть человечества живет, принимая такие иррациональные понятия, как тотем, реинкарнация, рай и ад, а также целебный эффект терапевтического переноса и обожествление Фрейда. «Что работает, то работает, — сказала она, — а мысль о том, что мы проведем уик-энд вместе, работает. Это было лучшее время в моей жизни; мне кажется, что мы женаты. Словно я жду тебя и знаю, что скоро ты вернешься домой, ко мне; это придает мне сил, это наполняет смыслом мою жизнь». И вернулась к своему вязанию. Этот чертов свитер! Мне так хотелось вырвать его у нее!

Когда мы перевалили за двадцать два месяца, я начал бить панику. Я потерял самообладание, я пытался добиться своего мольбами, лаской. Я читал ей лекции о любви. «Ты говоришь, что любишь меня, но любовь — это связь, это отношения, любовь — это забота о партнере, забота о его росте, о самом его существовании. Ты когда-нибудь заботилась обо мне? Ты когда-нибудь задумывалась над тем, что я чувствую? Ты когда-нибудь думала о том, что меня терзает чувство вины, что мне страшно? Задумывалась ли ты, как влияет на мое чувство собственного достоинства мысль о том, что я поступаю неэтично? Или о том, как это скажется на моей репутации? О том, что под угрозой окажется не только мое профессиональное реноме, но и мой брак?»

«Сколько раз, — ответила Белль, — ты напоминал мне, что мы — два индивида, вступившие в межличностный контакт, — ни больше ни меньше? Ты просил меня верить тебе, и я поверила тебе — поверила

первый раз за всю свою жизнь. Поверь теперь ты мне. Это будет нашим секретом. Я унесу его с собой в могилу. Что бы ни случилось. Никогда! Что касается чувства собственного достоинства, чувства вины и профессионального реноме... что может быть важнее того факта, что ты лекарь, что ты лечишь меня? Неужели для тебя важнее правила, репутация, этика?» Вы бы смогли на это ответить, Эрнест? Я не смог.

Иногда она делала тонкие, но зловещие намеки на возможность того, что я сбегу, не уплатив по счетам, и не выполню условия нашего соглашения. Она жила в ожидании этого уик-энда два года вместе со мной. Сумеет ли она снова поверить кому-нибудь в этой жизни? Терапевту? Да кому угодно! У меня будут причины чувствовать себя виноватым, сообщила она мне. Ей и не надо было ничего мне объяснять. Я прекрасно понимал, чем будет для нее мое предательство. Более двух лет у нее не было само деструктивных симптомов, но я не сомневался в том, что она не разучилась это делать. Говоря без обвиняков, если бы я не выполнил данное Белль обещание, она покончила бы с собой. Я все еще пытался выбраться из этой западни, но крылышки мои дергались все слабее и слабее.

«Мне семьдесят, тебе тридцать четыре, — говорил я ей. — Мы с тобой в одной постели — в этом есть что-то противоестественное».

«Чаплин, Киссинджер, Пикассо, Гумберт Гумберт и Лолита», — ответила она, не удосужившись даже оторваться от своего вязания.

«Ты доводишь ситуацию до абсурда, — говорил я ей. — Все это так раздуто, так преувеличенно, так далеко от реальности. Этот уик-энд не может не разочаровать тебя, он похоронит твои мечты».

«Разочарование — лучшее, что может произойти, — ответила она, — ты же понимаешь. Кончится моя одержимость тобой, исчезнет, как ты выражаешься, «эротический перенос». А это призовое очко в нашей терапии».

Я продолжал подлизываться к ней. «Кроме того, в моем возрасте потенция угасает».

«Сеймур, — ворчала она. — ты меня удивляешь. Неужели ты все еще не понял, неужели ты все еще не уяснил для себя, что меня не интересует твоя потенция, мне не так важен секс с тобой? Единственное, что мне нужно, — это чтобы ты был рядом, обнимал меня — как человека, как женщину. Не как пациента. К тому же, Сеймур, — с этими словами она подняла к лицу наполовину связанный свитер, бросила на меня застенчивый взгляд и произнесла: — Я собираюсь устроить тебе лучший секс в твоей жизни!»

А потом время вышло. Прошло двадцать четыре месяца, и мне не

оставалось ничего, кроме как заплатить по счетам. Если я не сделаю это, последствия будут катастрофическими. С другой стороны, если я сдержу слово? Кто знает? Может, она права и это действительно разрушит наваждение? К тому же в отсутствие эротического переноса освободившаяся энергия будет направлена на ее мужа, она сможет лучше к нему относиться. Она сохранит веру в терапию. Через пару лет я уйду на покой, и она перейдет к другому терапевту. Может, уик-энд с Белль в Сан-Франциско станет актом высшей терапевтической агапэ.<sup>[7]</sup>

Что, Эрнест? Мой контрперенос? С вами было бы то же самое: он нарастал в бешеном темпе. Я пытался не позволить ему повлиять на мое решение. Я не позволял контрпереносу контролировать свои действия. Я был уверен, что у меня не было иного разумного выбора. И я до сих пор придерживаюсь этого мнения — даже в свете дальнейших событий. Но признаюсь вам честно: эта идея захватила меня. Вот он я, старик, стоящий одной ногой в могиле. Корковые нейроны мозжечка вымирают, зрение падает, сексуальная жизнь не существует в принципе — у моей жены отлично получалось бросать, вот и заниматься сексом она бросила давным-давно. Что я чувствовал к Белль? Не буду отрицать: я обожал ее. Когда она сказала, что собирается устроить мне лучший секс в моей жизни, я услышал, как мои изношенные гонадные<sup>[8]</sup> механизмы завелись и с треском заработали. Но я хочу сказать вам — и вот этому диктофону, — причем сказать так, чтобы это прозвучало максимально убедительно: не этот фактор заставил меня пойти до конца! Вам и вашему комитету по этике, наверное, нет до этого дела, но для меня это вопрос жизни и смерти. Я не нарушил договор с Белль. Я не нарушил ни единой договоренности с любым другим моим пациентом. Я никогда не ставил свои потребности выше их.

Чем кончилась эта история? Думаю, остальное вам известно. Все здесь, в вашей карте. Мы с Белль встретились в Сан-Франциско утром с субботы, позавтракали в «Mamas» на Норт Бич, и расстались только вечером в воскресенье. Мы решили сказать нашим супругам, что я назначил на выходные группу-марафон для своих пациентов. Раз или два в год я провожу такие групповые сеансы для десяти-двенадцати пациентов. Белль даже посетила один из них в первый год терапии.

Вы когда-нибудь вели такую группу, Эрнест? Нет? Поверьте мне, это мощное оружие... здорово ускоряет терапию. Вы должны знать, что это такое. Когда мы с вами в следующий раз встретимся — а я уверен, что мы обязательно встретимся, но на этот раз уже в других обстоятельствах, — я



подробно вам о них расскажу. Я вел их тридцать пять лет.

Но вернемся к этому уик-энду. Нечестно было бы столько рассказать вам и утаить кульминацию. Посмотрим, что я могу вам сказать... Что я хочу вам сказать. Я пытался сохранить достоинство, я пытался остаться в роли терапевта, но продержался я недолго. Белль позаботилась об этом. Она взялась за меня, как только мы поселились в «Фейр-монте», и скоро, очень скоро мы уже были просто мужчиной и женщиной, и все, о чем говорила Белль, сбылось.

Не буду лгать вам, Эрнест. Я наслаждался каждой минутой этого уик-энда, большую часть которого мы провели в постели. Я боялся, что все мое хозяйство проржавело за долгие годы бездействия, но Белль была мастером в этом деле — там нажать, там потянуть, и все заработает.

Три года я упрекал Белль за жизнь в мире иллюзий и навязывал ей свою реальность. Теперь на два дня я вошел в ее мир и увидел, что жизнь в волшебном царстве не так уж и плоха. Она была моим молодильным зельем. Час за часом я становился все моложе, все сильнее. Я лучше ходил, я обманул свой желудок, я казался выше и стройнее. Мне хотелось рычать! И Белль это заметила: «Именно это и было тебе нужно, Сеймур. Именно это — и только это я хотела от тебя — обнимать меня, позволить мне обнимать тебя, подарить тебе мою любовь. Пойми, я полюбила в первый раз в своей жизни! Неужели это так ужасно?»

Она много плакала. Вместе со всеми другими каналами у меня открылись и слезные, так что я плакал вместе с ней. Я так много получил от нее за эти два дня. Будучи терапевтом, я всегда давал, и первый раз я получил отдачу — самую настоящую отдачу. Словно она расплатилась со мной за всех пациентов, с которыми я когда-либо работал.

А потом мы вернулись в реальность. Уик-энд закончился. Мы с Белль вернулись к нашим сеансам два раза в неделю. Я и представить себе не мог, что проиграю это пари, поэтому не планировал, как я буду строить терапию после этого уик-энда. Я пытался работать как обычно, но через пару сеансов столкнулся с проблемой. С серьезной проблемой. Любовники не могут вернуться к формальным отношениям. Несмотря на все мои усилия, любовные игры заменили собой серьезную терапевтическую работу. Иногда Белль требовала взять ее на колени. Она постоянно обнимала меня, ласкала, трогала. Я пытался осадить ее, я пытался быть серьезным, блюсти профессиональную этику, но давайте посмотрим правде в глаза — это уже была не терапия.

Я объявил остановку и торжественно объявил, что у нас есть два пути: либо мы возвращаемся к серьезной работе, что предполагало возвращение

к несексуальным и более традиционным отношениям, либо мы прекращаем притворяться, что занимаемся психотерапией, и пытаемся построить исключительно социальные отношения. А «социальные» не означало сексуальные: я не хотел усложнять ситуацию. Как я уже говорил, я участвовал в написании директивы, запрещающей посттерапевтические сексуальные отношения между терапевтом и пациентом. Я также сообщил ей, что в связи с тем, что мы больше не занимаемся терапией, денег я с нее не возьму.

Ни один из этих вариантов Белль не устраивал. Возвращение к терапевтической формальности казалось фарсом. Согласитесь, кабинет психотерапевта — не самое удачное место для игр. А не играть в эти игры стало невозможно. Ее муж перенес офис домой и теперь постоянно находился там. Как она объяснит ему, куда уходит на два часа каждую неделю, если не будет регулярно выписывать чеки на психотерапию?

Белль упрекала меня за узкое понимание психотерапии. «Наши встречи — интимные, игривые, полные прикосновений, и любовь, настоящая любовь, которой мы занимаемся иногда на этой кушетке, — это и есть психотерапия. Причем качественная психотерапия. Почему ты не видишь этого, Сеймур? — спрашивала она меня. — Неужели эффективная терапия — плохая терапия? Неужели ты забыл, с каким пафосом рассказывал мне про «один важный вопрос в психотерапии»? Работает ли это? Разве в моем случае терапия не работает? Разве мое состояние ухудшается? Я не употребляю наркотики. Никаких симптомов. Заканчиваю аспирантуру. Я начинаю новую жизнь. Благодаря тебе, Сеймур, я изменилась, и все, что от тебя сейчас требуется, — это, как и раньше, проводить со мной два часа близости в неделю».

Белль была умной девочкой. И становилась все умнее и умнее. Я не мог представить ей контраргумент, доказать, что терапия была некачественной.

Но я знал, что это так. Мне слишком нравились наши отношения. Постепенно я начинал понимать, что я пропал, — но я слишком долго шел к этому пониманию. Любой, кто увидел бы нас, пришел бы к выводу, что я пользуюсь переносом и использую пациентку в свое собственное удовольствие. Или принял бы меня за высокооплачиваемого жиголо пенсионного возраста!

Я не знал, что делать. Разумеется, мне не к кому было обратиться за советом. Я знал, что они могут мне посоветовать, а такие проблемы были мне не нужны. Опять же, я не мог передать ее другому терапевту — она не согласилась бы. Но, честно говоря, я не особенно-то и настаивал. Я очень

беспокоился. Правильно ли я поступил с ней? Я не спал несколько ночей, представлял себе, как она рассказывает про нас другому терапевту. Знаете, как терапевты любят пообсуждать между собой странности своих предшественников. Так что свежие сплетни про Сеймура Троттера — с пылу с жару — придутся им по вкусу. Но я не мог попросить ее защитить меня — если она будет хранить наши отношения в тайне, работа с другим терапевтом окажется саботированной.

Да, я был настороже, но, как бы то ни было, я и представить себе не мог, какая буря ждет меня впереди. Я оказался совершенно к ней не подготовлен. Однажды вечером я вернулся домой. Свет не горел, жены не было, зато на входной двери пришпилены четыре фотографии: на одной мы с Белль стоим перед регистрационной стойкой отеля «Фейрмонт», на другой мы с ней с чемоданами в руках заходим вместе в наш номер, на третьей был крупный план регистрационного бланка отеля: Белль записала нас как доктора и миссис Сеймур. На четвертой мы с ней обнимаемся на фоне живописного моста Голден-Гейт.

На кухонном столе меня ждали два письма. В первом муж Белль предлагал моей жене ознакомиться с четырьмя фотографиями, которые могут ее заинтересовать. Она сможет своими глазами увидеть, каким конкретно способом ее муж лечит его жену. Он писал, что такое же письмо отправил в государственную комиссию по медицинской этике, а в конце начинались грязные угрозы: если я еще раз увижу Белль, то судебное разбирательство станет самой незначительной проблемой для семьи Троттер. Второе письмо было от моей жены — короткое и по сути. Она просила меня не затруднять себя объяснениями. Пообщаться я смогу с ее адвокатом. Она давала мне двадцать четыре часа на то, чтобы собрать вещи и освободить дом.

Вот мы и дошли до настоящего момента, Эрнест. Что еще я могу рассказать вам?

Как у него оказались эти фотографии? Вероятно, он нанял частного детектива, чтобы следить за нами. Какой парадокс — муж Белль решил бросить ее как раз тогда, когда она вылечилась! Но кто знает? Может, он уже давно хотел сделать это. Может, Белль просто высосала из него все соки.

Я больше никогда не видел Белль. Разве что старый приятель из клиники Пасифик Редвуд рассказал мне, какие слухи о ней ходят, — и, скажу я вам, не самые хорошие слухи. Муж развелся с ней и уехал из страны, прихватив все семейные сбережения. Он уже давно подозревал Белль в измене — с тех пор, как нашел презервативы в ее сумочке.

Очередная злая шутка судьбы: в результате терапии ее фатальная самодеструктивность была взята под контроль, и она начала пользоваться презервативами.

Последнее, что я слышал: Белль сейчас в ужасном состоянии — все наши труды пошли прахом. Вся старая патология вернулась: две госпитализации после попыток самоубийства — сначала она вскрыла вены, потом была сильная передозировка. Она собирается убить себя. Я это знаю. Она обращалась к трем терапевтам, соблазнила всех троих, отказывается от дальнейшей терапии и снова принимает сильные наркотики.

А знаете, что самое страшное? Я знаю, что мог бы помочь ей, даже сейчас. Я уверен в этом, но суд запретил мне встречаться с ней, говорить с ней под угрозой строгого наказания. Она звонила мне несколько раз, но мой адвокат сообщил мне, что я нахожусь в крайне опасном положении, и если я не хочу оказаться в тюрьме, то мне лучше не отвечать Белль. С ней связался мой адвокат и сообщил, что я не имею права общаться с ней по предписанию суда. В конце концов она перестала звонить мне.

Что я собираюсь делать? Вы имеете в виду, с Белль? Сложный вопрос. Невозможность отвечать на ее звонки убивает меня, но я не люблю тюрьмы. Я знаю, что десятиминутного разговора мне хватило бы, чтобы помочь ей. Даже сейчас. Не для записи — выключите свой диктофон, Эрнест. Не уверен, что я смогу вот так просто позволить ей умереть. Не уверен, что я смогу простить себе это.

Так что, Эрнест, вот и вся история. Finish. Честно скажу, не так я хотел закончить свою карьеру. Белль — главная героиня этой трагедии, но и для меня эта история обернулась катастрофой. Ее адвокаты требуют, чтобы она потребовала возмещения ущерба и вытрясла из меня все, что сможет. Они с ума сойдут от жадности: разбирательство по случаю злоупотребления служебным положением начинается через пару месяцев.

Подавлен! Разумеется, я подавлен. А как же? Я называю это оправданной депрессией: я жалкий печальный старик. Раздавленный, одинокий, сомневающийся в себе, доживающий свои дни в позоре.

Нет, Эрнест, с этой депрессией лекарства не справятся. Это другой случай. Биологические маркеры отсутствуют: нет ни психомоторных симптомов, ни бессонницы, ни потери веса — ничего подобного. Спасибо за предложение.

Нет, у меня нет суицидальных импульсов, хотя я и говорил, что погружаюсь в темноту. Но я выживу. Я уползу в чулан и буду зализывать там свои раны.

Да, я чувствую себя очень одиноким. Мы с женой прожили вместе

много лет, привыкли друг к другу. Работа всегда была для меня на первом месте, а супружеская жизнь уходила на второй план. Жена говорила, что мою потребность в близости в полной мере удовлетворяют пациенты. И была права. Но не поэтому она ушла. Атаксия прогрессирует, и я не думаю, что перспектива ухаживать за мной до конца моих дней улыбалась ей. Сдается мне, она с радостью ухватилась за возможность отделиться от меня. И я не могу винить ее за это.

Нет, я не нуждаюсь в терапевтической помощи. Я же говорю, у меня нет клинических проявлений депрессии. Благодарю за предложение, Эрнест, но из меня вышел бы сварливый, придирчивый пациент. Так что, как я уже говорил, я сам зализываю свои раны, и у меня отлично это получается.

Нет, я не имею ничего против. Можете звонить, я расскажу вам, как идут дела. Тронут вашим предложением, Эрнест. Но не стоит беспокоиться. Я крепкий орешек, поверьте мне. Со мной все будет в порядке».

С этими словами Сеймур Троттер взял трости и вышел, ковыляя, из комнаты. Эрнест сидел неподвижно, слушая, как в диктофоне заканчивается пленка.

Когда Эрнест позвонил доктору Троттеру через пару недель, тот снова заверил его, что не нуждается в помощи. Через несколько минут ему удалось перевести разговор на будущее Эрнеста: Сеймур снова принялся убеждать Эрнеста, что, каким бы одаренным психофармакологом он ни был, его призвание в другом: Эрнест — прирожденный психотерапевт, он просто обязан следовать зову судьбы. Он предложил Эрнесту обсудить этот вопрос за ленчем, но тот отказался.

«Простите, не подумал. — В голосе доктора Троттера не было и следа иронии. — Извините меня. Сначала я рекомендую сменить поле деятельности, а потом тут же предлагаю скомпрометировать себя, поставить под угрозу будущую карьеру появлением со мной на людях».

«Нет, Сеймур. — Эрнест первый раз назвал его по имени. — Причина вовсе не в этом. Дело в том — и мне стыдно говорить вам об этом, — что я уже пообещал быть экспертным свидетелем на разбирательстве вашего дела по злоупотреблению служебным положением».

«Вам нечего стыдиться. Это ваш долг. На вашем месте я поступил бы точно так же. Наше положение настолько уязвимо, опасности подстерегают нас повсюду. Наш долг — защищать профессию, поддерживать стандарты на высоком уровне. Даже если вы не поверили ни единому моему слову, поверьте хотя бы в то, что я высоко ценю эту работу. Я посвятил психотерапии всю свою жизнь. Вот почему я рассказал вам свою историю

во всех подробностях, — я хотел, чтобы вы знали, что это не история о предательстве. Я действовал из благих побуждений. Знаю, это кажется абсурдным, но даже сейчас я думаю, что поступил правильно. Иногда судьба ставит нас в такие ситуации, где поступить правильно — значит ошибиться. Я никогда не предавал ни свою профессию, ни пациентов. Что бы ни уготовило нам будущее, поверьте мне, Эрнест. Я верю в то, что сделал: я никогда не предам пациента».

Эрнест дал показания в суде. Адвокат Сеймура Троттера обратил внимание на преклонный возраст своего клиента, его угасающие умственные способности и немощь, применил новую, отчаянную тактику защиты: он заявил, что жертвой является не Белль, а Сеймур. Но случай был безнадежен, и Белль выиграла два миллиона долларов — максимальный штраф за злоупотребление служебным положением. Ее адвокаты выжали бы и больше, но проку от этого было бы мало: после развода и оплаты судебных издержек карманы Сеймура опустели.

Так закончилась история Сеймура Троттера. Почти сразу после суда он тихо покинул город, и никто никогда больше о нем не слышал, за исключением Эрнеста, который год спустя получил от него письмо (без обратного адреса).

До прихода первого пациента оставалось несколько минут. Но Эрнест не смог удержаться и еще раз перечитал последнее послание от Сеймура Троттера.

Дорогой Эрнест,

В те дьявольские времена охоты на ведьм только вы проявили заботу обо мне. Благодарю вас за эту поддержку. У меня все хорошо. Я пропал и не хочу, чтобы меня нашли. Я многим вам обязан — свидетельством тому это письмо и эта фотография, где я и Белль. Кстати, на заднем плане — дом Белль: ей досталась солидная сумма.

*СЕЙМУР*

Эрнест в очередной раз посмотрел на выцветшую фотографию. На усыпанной пальмами полянке в инвалидном кресле сидит Сеймур. Белль стоит сзади, несчастная и изможденная, руки сжимают рукояти кресла. Голова опущена. Позади нее — изящный колониальный домик, за которым зеленеют сверкающие волны тропического моря. Сеймур улыбается — широкой бестолковой кривой улыбкой. Одной рукой он держится за

поручень кресла, а вторая, с костылем, победоносно указывает в небо.

Эта фотография всегда вызывала у него непонятное недоумение. Он вглядывался в изображение, пытаясь проникнуть внутрь, пытаясь найти подсказку, понять, что же действительно случилось с Сеймуром и Белль. Ключ к разгадке он искал в глазах Белль. Взгляд ее был грустным, даже подавленным. Почему? Она получила то, что хотела, так ведь? Он поднес фотографию к глазам и попытался поймать взгляд Белль. Но она всегда смотрела в сторону.

# Глава 1

Последние пять лет три дня в неделю Джастин Астрид начинал свой день с визита к доктору Эрнесту Лэшу. Сегодняшнее утро началось точно так же, как и семьсот предыдущих: в 7.50 утра он вошел в здание в викторианском стиле на Сакраменто-стрит, выкрашенное в приятные глазу розовато-лиловый и красновато-коричневый цвета, миновал вестибюль, поднялся на второй этаж, вошел в слабо освещенную приемную Эрнеста Лэша, пропитанную густым, насыщенным ароматом жаркого итальянски. Джастин вдохнул аппетитный аромат, налил себе кофе в чашку японского фарфора, вручную расписанную орнаментом из плодов хурмы, сел на жесткий зеленый диван и открыл спортивный раздел «Сан-Франциско кроникл».

Но Джастин не мог читать о вчерашнем бейсбольном матче. Не сегодня. Произошло кое-что очень важное, так что и обстановка требовалась торжественная. Он закрыл газету и уставился на дверь кабинета Эрнеста.

Ровно в восемь утра Эрнест убрал папку Сеймура Троттера в картотеку, пролистал карту Джастина, прибрался на столе, сунул газету в ящик стола, спрятал кофейную чашку, встал и, перед тем как открыть дверь, обернулся и оглядел кабинет. Никаких следов обитания человека. Хорошо.

Он открыл дверь, и пару мгновений мужчины смотрели друг на друга. Лекарь и пациент. Джастин с «Кроникл» в руке, газета Эрнеста спрятана в глубине ящика стола. Джастин в темно-синем костюме и итальянском шелковом полосатом галстуке. Эрнест в темно-синем блейзере и цветастом галстуке от Либерти. У обоих около пятнадцати фунтов лишнего веса, у Джастина они ушли в подбородки и щеки, Эрнеста — в переваливающийся через брючный ремень а вот Джастин носил закрученные вверх, тянущиеся к носу усы. Ухоженная борода Эрнеста была самой опрятной ртой его внешности. На живом, подвижном лице Джас-иНа выделялись тревожные, бегающие глазки. Эрнест носил тяжелые круглые очки и мог долгое время не моргать.

«Я ушел от жены, — сказал Джастин, устроившись на своем стуле. — Вчера вечером. Просто взял и ушел. Провел ночь с Лаурой». Он произнес все это спокойным, бесстрастным голосом, после чего замолчал и уставился на Эрнеста.



«Вот так просто» — тихо спросил Эрнест.

«Вот так просто, — улыбнулся Джастин. — Когда я понимаю, что нужно делать, я время зря не теряю».

Последние несколько месяцев юмор прочно обосновался в их разговорах. Обычно Эрнест это только приветствовал. Его супервизор, Маршал Стрейдер, говорил, что появление в терапии шутливых эпизодов — хороший знак.

Но Эрнест не шутил, когда говорил «вот так просто». Заявление Джастина ввергло его в полное смятение. Он был взбешен! Пять лет он лечил Джастина — пять лет рвал жилы, пытаясь помочь ему бросить жену. А сегодня он между прочим сообщает ему, что ушел от нее.

Эрнест вспомнил первый сеанс Джастина и первые его слова: «Помогите мне развестись!» Несколько месяцев Эрнест тщательно исследовал ситуацию. И в конце концов пришел к выводу: Джастин должен развестись. Это был один из самых нездоровых браков, которые Эрнесту доводилось видеть. И потом, за пять лет Эрнест испробовал все известные ему психотерапевтические методики, чтобы помочь Джастину вырваться из этого ада. Ничего не получилось.

Эрнест был упрямым терапевтом. Никто никогда не мог упрекнуть его в том, что он работает вполсилы. Большинство коллег считали его слишком активным, слишком амбициозным в терапии. Супервизор постоянно пытался осадить своего подопечного: «Тпру, ковбой, помедленнее на поворотах! Подготовь почву. Ты не можешь заставить человека измениться». Но в конце концов даже Эрнесту пришлось признать свое поражение. Ему всегда нравился Джастин, он не переставал надеяться, что его жизнь когда-нибудь переменится к лучшему, но со временем Эрнест уверился в том, что он никогда не сможет бросить жену, что ему так никогда и не удастся сдвинуть его с места, слишком глубоко разрослись корни, и Джастин так и будет мучаться с опостылевшей женой до конца дней своих.

Эрнест начал ставить перед Джастином более скромные терапевтические цели: по возможности усовершенствовать неудачный брак, достичь большей самостоятельности в профессиональной деятельности, развить лучшие коммуникативные способности. Эрнест мог справиться с Этим не хуже, чем любой другой терапевт. Но ему было скучно. Терапия становилась все более предсказуемой; не происходило ничего неожиданного. Эрнест скрипел зубами и старался не уснуть, прячась за стеклами очков. Он перестал обсуждать Джастина со своим супервизором. Он уже подумывал предложить Джастину перейти к другому терапевту и

представлял его реакцию.

И вот сегодня Джастин приходит и беспечно бросает, что бросил жену.

Эрнест, пытаясь скрыть бушующие эмоции, вытащил из коробки салфетку и начал протирать стекла очков.

«Расскажите мне об этом, Джастин».

Плохой ход. Он сразу это понял. Он надел очки и сделал в блокноте пометку: «Ошибка — попросил дать мне информацию — контрперенос?»

Потом он пройдет по этим пометкам с Маршалом, супервизором. Но Эрнест и сам понимал, что глупо вытягивать информацию из пациента. Почему он должен уговаривать Джастина рассказывать дальше? Нельзя давать волю любопытству. Невоздержанный — вот как назвал его Маршал пару недель назад. «Тебе нужно научиться ждать, — сказал бы Маршал. — Джастину должно быть важнее рассказать тебе об этом, чем тебе это услышать. Если он решит не говорить тебе ничего, ты должен поднять вопрос о том, почему он приходит к тебе, платит тебе, и утаивает от тебя информацию». Эрнест знал, что Маршал прав. Но правильность техники его не волновала — это был необычный сеанс. Спящий Джастин проснулся и ушел от жены! Эрнест посмотрел на своего пациента; ему показалось или Джастин и правда казался сегодня более сильным? Ни подобострастных кивков, ни сутулости, ни нерешительности, ни извинений за газету, которую он уронил на пол около своего стула. Он даже не вертелся на стуле, пытаясь сделать так, чтобы белье не жало.

«Ну... хотелось бы, конечно, чтобы было о чем рассказать, — все прошло так легко и просто. Словно на автопилоте. Я просто сделал это. Просто взял и ушел». Джастин замолчал.

И снова Эрнест не сдержался: «Что вы еще можете сказать, Джастин?»

«Это все из-за Лауры, моей юной подруги».

Джастин редко говорил о Лауре, но каждый раз, когда упоминал ее, он называл ее своей «юной подругой». Эрнеста это раздражало. Но он не подал виду и промолчал.

«Знаете, я проводил с ней много времени. Наверное, я мало рассказывал вам об этом. Не знаю, почему я не говорил с вами о ней. Но я встречался с ней почти каждый день. Мы обедали вместе, или ходили гулять, или шли к ней домой, чтобы пошалить в постели. Наши отношения становились все ближе, мне было так хорошо с ней. А потом, вчера, Лаура прямо сказала: «Джастин, пора тебе перебираться ко мне».

И знаете что, — продолжал Джастин, поправляя кончик усов, щекочущий ему нос, — я подумал, что она права. Действительно пора».

Лаура говорит ему бросить жену, и он бросает жену. Эрнест вдруг

вспомнил статью о брачном поведении рыб, обитающих в коралловых рифах. Ихтиологи могут с легкостью определить доминирующего самца или самку: они просто наблюдают за самкой в движении и видят, как она заметно нарушает плавательные паттерны большинства самцов — всех, кроме доминирующего. Вот она, разрушительная сила женской красоты, — что у людей, что у рыб! Это ужасно! Лаура, вчерашняя студентка, просто сказала Джастину, что пора уходить от жены, и он послушался ее. А он, Эрнест Лэш, талантливый, исключительно талантливый психотерапевт, убил пять лет, пытаясь выманить Джастина из-под крыла жены.

«А потом, — продолжал Джастин, — в мой последний вечер дома, Кэрол только упростила мою задачу, показав во всей красе свой несносный характер. Она начала нападать на меня за то, что меня нет. «Тебя нет даже тогда, когда ты здесь, — говорила она. — Придвинь свой стул к столу. Почему ты всегда так далеко? Поговори с нами! Посмотри на нас! Когда ты последний раз заговаривал со мной или с детьми? Где ты? Твое тело здесь, а тебя самого здесь нет!» А потом, после ужина, когда она, гремя тарелками, убирала со стола, она сказала: «Я вообще не понимаю, зачем ты утруждаешь себя и приводишь свое тело домой».

И тут, Эрнест, я вдруг все понял. Кэрол права. Она абсолютно права. Зачем мне утруждать себя? Я сказал себе это еще раз: «Зачем я утруждаю себя?» А потом я просто сказал ей: «Кэрол, ты права. В этом, во всем остальном — ты совершенно права. Я и сам не знаю, зачем я утруждаю себя и прихожу домой. Ты абсолютно права».

И, не говоря ни слова больше, я пошел наверх, упаковал все, что смог, в первый попавшийся чемодан и вышел из дома. Я хотел взять с собой больше вещей, вернуться за вторым чемоданом. Вы же знаете Кэрол — она раскромсает и сожжет все, что осталось. Я хотел вернуться и забрать компьютер; она разобьет его. Но я понимал: сейчас или никогда. Стоит мне вернуться в дом, сказал я себе, и я пропал. Я себя знаю. И я знаю Кэрол. Я не смотрел по сторонам. Я просто шел, только прежде чем захлопнуть за собой входную дверь, я крикнул через плечо — не знаю, где была Кэрол с детьми: «Я тебе позвоню». А потом я удрал!»

Все это время Джастин сидел, сильно подавшись вперед. Он сделал глубокий вдох, в изнеможении откинулся на спинку стула и сказал: «Вот, собственно, и весь рассказ».

«Это произошло прошлым вечером?»

Джастин кивнул: «Я отправился прямиком к Лауре, и мы всю ночь не размыкали объятий. Боже, как трудно было оторваться от нее утром! Вы даже не представляете, чего это мне стоило!»

«Попытайтесь объяснить», — сказал Эрнест.

«Знаете, когда я начал пытаться оторваться от нее, у меня вдруг возник образ делящейся амебы. Я не думал об амебах с тех самых пор, как мы в школе проходили их на уроках биологии. Мы, словно две половинки амебы, медленно разлеплялись, и вот между нами осталась лишь тоненькая ниточка. А потом чпок — очень болезненный «чпок» — и мы разделились. Я встал, оделся, посмотрел на часы и подумал: «Через каких-то четырнадцать часов я снова буду лежать в постели в объятиях Лауры». Потом я пошел сюда».

«Эта сцена, которая произошла между вами и Кэрол прошлым вечером, — вы столько лет боялись этого. Но сейчас вы явно находитесь в прекрасном расположении духа».

«Я уже говорил, что мы с Лаурой прекрасно подходим друг другу, мы отличная пара. Она ангел, мне ее сам бог послал. Сегодня днем мы пойдем искать квартиру. У нее есть небольшая студия в Рашен-Хилл. Из окон открывается восхитительный вид на Бей-Бридж. Но нам там слишком тесно».

Бог послал! Эрнест едва сдержался, чтобы не съязвить.

«Вот если бы я встретил Лауру несколько лет назад! — продолжал Джастин. — Мы с ней обсуждали, сколько сможем позволить себе платить за квартиру. По дороге сюда я подсчитал, сколько я потратил на терапию. Три раза в неделю в течение пяти лет — сколько это получается? Семьдесят, восемьдесят тысяч долларов? Не принимайте это на свой счет, Эрнест, но я не могу не думать о том, что было бы, если бы я познакомился с Лаурой пять лет назад. Может, я еще тогда расстался бы с Кэрол. И закончил терапию. Может, я сейчас искал бы квартиру с восьмьюдесятью тысячами долларов в кармане!»

Эрнест почувствовал, как лицо его заливают краской. Слова Джастина звенели в его ушах. Восемьдесят тысяч долларов! Не принимайте это на свой счет, не принимайте это на свой счет!

Но Эрнест ничем не выдал своих чувств. Он не отвел глаза, не сказал ни слова в свою защиту. Не стал говорить и о том, что пять лет назад Лауре было лет четырнадцать, а Джастин и подтереться не был способен, не спросив разрешения у Кэрол, не мог прожить и полудня, не позвонив терапевту, не мог сделать заказ в ресторане, не посоветовавшись с женой, не мог одеться утром, если она не выкладывала вещи, которые он должен надеть. Тем более его счета оплачивала жена, а не он сам — Кэрол зарабатывала в три раза больше мужа. Если бы не пять лет терапии, у него в кармане лежали бы восемьдесят тысяч долларов! Черт побери, пять лет

назад Джастин даже не мог самостоятельно решить, в какой карман положить деньги!

Но Эрнест оставил свои мысли при себе. Он гордился своей сдержанностью — это верный признак профессиональной терапевтической зрелости. Вместо этого он невинно поинтересовался: «Вы постоянно пребываете в таком хорошем настроении?»

«Что вы имеете в виду?»

«Я хочу сказать, что это важное событие в вашей жизни. И вы наверняка испытываете целую гамму чувств по этому поводу».

Но Джастин вел себя не так, как хотелось Эрнесту. Он с неохотой делился информацией, держался отстраненно, недоверчиво. Эрнест понял, что ему следует сфокусироваться не на содержании, а на процессе — на отношениях между терапевтом и пациентом.

Процесс — чудодейственный амулет психотерапевта, который всегда помогает спасти зашедший в тупик сеанс. Это самый действенный производственный секрет терапевта, это то, что делает общение с терапевтом качественно иным и значительно более эффективным, чем разговор с близким другом. Умение сфокусироваться на процессе — на том, что происходит между терапевтом и пациентом, — это самое ценное, что Эрнест получил от Маршала, своего супервизора, и самое ценное, что он, в свою очередь, давал своим ученикам, когда сам выступал в качестве супервизора для терапевтов-резидентов. С годами он пришел к пониманию того, что процесс — это не только амулет, к которому можно обратиться в критических ситуациях, но самое сердце терапии. Одно из самых действенных упражнений, которому научил его Маршал, заключалось в том, чтобы обращаться к анализу процесса, как минимум, три раза в течение сеанса.

«Джастин, можем мы посмотреть, что сегодня происходит между нами?» — предложил Эрнест.

«Что? Что вы имеете в виду — «что происходит»?»

Опять сопротивление. Джастин прикидывается дурачком. Но, подумал Эрнест, возможно, бунт, пусть даже пассивный, — не такой уж плохой знак. Он вспомнил, сколько времени они боролись с ужасающим подобострастием Джастина, все те сеансы, в течение которых они пытались справиться с привычкой Джастина извиняться за все и ни о чем не просить: он не жаловался даже на бьющие в глаза солнечные лучи и не мог поинтересоваться, нельзя ли опустить шторы. Памятуя все это, Эрнест должен был бы аплодировать Джастину, поддержать его решительность. Сегодня ему нужно было превратить твердолобое сопротивление Джастина

в открытое выражение эмоций.

«Я хотел спросить, какие чувства вы испытываете, разговаривая со мной сегодня? Что-то изменилось? Вам так не кажется?»

«А вы что чувствуете?» — вопросом на вопрос ответил Джастин.

Ага, еще один ответ не в духе Джастина. Декларация независимости. Радуйся, подумал Эрнест. Помнишь, как ликовал Джузеппе, когда Буратино научился ходить?

«Справедливый вопрос, Джастин. Я чувствую себя отстраненным, забытым, словно у вас произошло что-то важное... Нет, не так. Скажем иначе: словно вы позволили случиться чему-то важному, но вы не хотите делиться этим со мной, словно вы не хотите быть здесь сейчас, словно вы не хотите впускать меня».

Джастин кивнул: «Именно так, Эрнест. Совершенно верно. Я действительно чувствую именно это. Я действительно избегаю вас. Я хочу чувствовать себя так же хорошо. Я не хочу, чтобы мне портили настроение».

«А я испорчу вам настроение? Я попытаюсь лишить вас этого ощущения?»

«Вы уже пытались это сделать», — сказал Джастин, глядя Эрнесту прямо в глаза, чего никогда не делал.

Эрнест вопросительно поднял брови.

«А разве не этого вы добивались, когда спросили, всегда ли у меня теперь хорошее настроение?»

У Эрнеста перехватило дыхание. Ого! Джастин бросает ему полноценный вызов! Может, терапия наконец-то все-таки пошла ему на пользу! Теперь пришла очередь Эрнеста строить из себя дурачка: «Что вы имеете в виду?»

«Разумеется, у меня не всегда хорошее настроение. Я бросил Кэрол, ушел из семьи, и у меня внутри бушует целая буря эмоций. Разве вы не понимаете? Как вы можете не знать этого? Я просто взял и оставил все: мой дом, мой лэптоп «Тошиба», моих детей, мою одежду, мой велосипед, мои ракетки для ракетбола, мои галстуки, мой телевизор «Мицубиси», мои видеокассеты, мои диски. Вы же знаете Кэрол: она ничего мне не отдаст, она все уничтожит. О-о-о-о... — Лицо Джастина исказилось, и он скорчился, прижав руки к животу, словно от удара. — Я чувствую боль. Я даже могу потрогать ее — видите, как она близко. Но сегодня, хотя бы сегодня, я хочу позабыть обо всем, хоть на несколько часов. А вы не хотите этого. Создается впечатление, что вы даже не рады, что я все-таки ушел от Кэрол».

Эрнест был поражен. Неужели он так выдал себя? Как бы повел себя в такой ситуации Маршал? Черт, Маршал не оказался бы в такой ситуации!

«Так ведь?» — повторил Джастин.

«Вы полагаете, — елеиным голосом произнес Эрнест, стараясь говорить спокойно, — что я не рад вашему прогрессу?»

«Рад? Я не вижу, чтобы вы были рады», — ответил Джастин.

«А вы? — так же ласково спросил Эрнест. — Вы рады?»

Джастин прекратил сопротивляться и оставил тон Эрнеста без комментариев. Все, хватит. Эрнест нужен ему. И Джастин капитулировал: «Рад? Да. И напуган. И настроен весьма решительно. И не знаю, что делать дальше. Все смешалось. Теперь самое главное — не возвращаться. Я вырвался, и теперь самое главное — остаться на свободе. Навсегда».

Все оставшееся до конца сеанса время Эрнест пытался исправить свои ошибки, всячески подбадривая и поддерживая своего пациента: «Стойте на своем... помните, как долго вы мечтали об этом, как долго вы шли к этому шагу... вы действовали в своих интересах... возможно, это самый важный поступок, который вы совершили в своей жизни».

«Должен ли я вернуться домой и обсудить все это с Кэрол? Мы прожили вместе девять лет, мне кажется, я обязан сделать это».

«Давайте представим себе эту ситуацию, — предложил Эрнест. — Что произойдет, если вы сейчас вернетесь, чтобы поговорить с Кэрол?»

«Бойня. Вы знаете, на что способна эта женщина. Что она способна сделать со мной. И с собой».

Эрнесту не нужно было напоминать. Он прекрасно помнил случай, о котором Джастин рассказывал ему год назад. В воскресенье на завтрак должны были прийти коллеги Кэрол, и они с детьми поехали за покупками. Джастин, в чьи обязанности входила готовка, хотел приготовить копченую рыбу, рогалики и лео (копченая лососина, омлет и лук). Слишком вульгарно, сказала Кэрол. Она и слышать об этом не хотела, несмотря на то что, как напомнил ей Джастин, большинство ее коллег были евреями. Джастин решил не сдаваться и начал поворачивать к гастрономии. «Нет, не позволю, ты, сукин сын!» — закричала Кэрол и вцепилась в руль, пытаясь развернуть машину обратно. Сражение в потоке автомобилей закончилось тем, что они въехали в припаркованный мотоцикл. Кэрол вела себя словно дикая кошка, разъяренная росомеха. Эта неуравновешенная женщина тиранила мужа своей непредсказуемостью и иррациональностью. Эрнест помнил еще одно автомобильное приключение, о котором Джастин рассказывал пару лет назад. Теплым летним вечером они с Кэрол пошли в кинотеатр и поспорили, какой фильм смотреть. Она хотела «Иствикских

ведьм», а он — «Терминатора-2». Она повысила голос, но Джастин, которого на той неделе Эрнест призывал отстаивать свои права, не хотел уступать. В конце концов Кэрол распахнула дверь — они снова ехали по оживленной трассе — и сказала: «Ты — жалкий недоносок, я не собираюсь и дальше терпеть твоё общество». Джастин схватил её, но она вцепилась ногтями в его предплечье и, выпрыгивая на дорогу, оставила на коже четыре глубокие алые бороздки.

Выскочив из машины, которая ехала со скоростью пятьдесят миль в час, Кэрол пробежала, покачиваясь, метра два и наткнулась на припаркованный автомобиль, перелетев через его крышу. Джастин остановил машину и побежал к ней, расталкивая толпу, которая уже успела собраться у места происшествия. Она лежала на асфальте, неподвижная, но спокойная: чулки разорваны, колени в крови, ссадины на руках, локтях и щеках, явный перелом запястья. Остаток вечера был кошмаром: «Скорая помощь», приемное отделение, унижительные расспросы полицейских и врачей. Это было сильнейшее потрясение для Джастина. Он понимал, что даже с помощью Эрнеста ему не удастся справиться с Кэрол. Она ни перед чем не останавливалась. Этот прыжок на ходу из автомобиля сломил его. Он не мог противоречить жене, не мог бросить её. Она тиранила его, но он нуждался в таком тиране. Даже если они расставались хотя бы на одну ночь, он места себе не находил от беспокойства. Каждый раз, когда Эрнест предлагал ему в качестве мысленного эксперимента представить себе, что он бросает жену, Джастин охватывал ужас. Разрыв с Кэрол, казалось, был невозможен, немыслим. До тех самых пор, пока не появилась Лаура — девятнадцатилетняя, красивая, наивная, искренняя, хрупкая, дерзкая и не боящаяся тиранов.

«Так как вы считаете, — повторил свой вопрос Джастин, — должны ли я вести себя как мужчина и обсудить все с Кэрол?»

Эрнест обдумал свой ответ. Джастину нужна женщина-лидер. Может, он просто сменил одну на другую? Не станет ли его новый роман через несколько лет напоминать прежний? Но как бы то ни было, жизнь с Кэрол превратила Джастина в мумию. Возможно, вырвавшись от неё, он, пусть даже короткое время, станет восприимчив к терапии.

«Мне действительно нужен ваш совет».

Эрнест, как и любой другой терапевт, не любил давать советы. Это был безвыигрышный вариант: если совет оказывался действенным, это инфантилизировало пациента; если нет, терапевт выглядел полным идиотом. Но на этот раз у Эрнеста не было выбора.

«Джастин, я думаю, что встретиться с ней сейчас — не самое удачное



решение. Пусть пройдет время. Ей нужно взять себя в руки. Возможно, вам стоит встретиться в кабинете психотерапевта. Я могу помочь вам в этом, но, как мне кажется, лучше будет, если я порекомендую вам семейного терапевта. Я не имею в виду тех, с кем вы уже работали. Знаю, они не смогли вам помочь. Попробуем обратиться к кому-нибудь еще».

Эрнест знал, что Джастин не воспользуется этим предложением: Кэрол всегда саботировала работу с семейными терапевтами. Но содержание — сам совет, который он дал Джастину, — значения не имело. Значимым на данном этапе был только процесс: отношения, читаемые между строк, поддержка, которую он оказывал Джастину, как он заглаживал вину за свои ошибки, как выравнивал сеанс и возвращал ему утраченную силу.

«Если вам будет плохо, если у вас появится необходимость поговорить со мной до следующего сеанса, звоните мне», — добавил Эрнест.

Хороший ход. Это успокоило Джастина. Эрнест вернул себе былой авторитет. Он спас сеанс. Он знал, что супервизор одобрит его технику. Но сам он не был доволен. Это позор. Грязь. Он не был честен с Джастином. Они не были настоящими в общении друг с другом. А ведь именно это он ценил в Сеймуре Троттере. Можете говорить о нем все, что угодно, — и, видит бог, сказано было немало, — но Сеймур знал, как быть настоящим. Он до сих пор не мог забыть, как спросил у Сеймура, какой методикой он пользуется, и услышал в ответ: «Моя методика состоит в том, чтобы не придерживаться ни одной методики! Я говорю правду».

Когда сеанс подошел к концу, случилось нечто необычное. Эрнест всегда признавал необходимость физического контакта с пациентами в ходе каждого сеанса. Обычно они с Джастином обменивались рукопожатиями в конце сеанса. Но не сегодня: Эрнест открыл дверь и сухо кивнул Джастину на прощание.

## Глава 2

Полночь. Джастин Астрид отсутствовал всего четыре часа, когда Кэрол Астрид начала вычеркивать его из своей жизни. Она начала с кладовой, со шнурков Джастина и пары фестонных ножниц, а закончила через четыре часа, на чердаке, вырезая большую букву «Р» из надписи «Русская средняя школа» на его тенниске. Все это время она переходила из комнаты в комнату, методично кромсая одежду Джастина, его фланелевые простыни, тапочки с оасовой отделкой, коллекцию жуков под стеклом, дипломы средней школы и колледжа, его коллекцию порнофильмов, фотографии из летнего лагеря, где он и его коллега-консультант стоят в окружении своих подопечных восьмилеток фотографии школьной команды по теннису, фотография с выпускного бала: Джастин и его подружка с лошадиным лицом — все это было изрезано на куски. Потом она нашла альбом с их свадебными фотографиями. Благодаря острому как бритва ножу, который использовал их сын при сборке моделей самолетов, скоро ничто не напоминало о присутствии Джастина в Сент-Маркс, модном местечке в Чикаго, где проходили епископальные бракосочетания.

Она вырезала из свадебных фотографий и лица его родителей. Если бы не они и не их пустые обещания больших-больших денег, она бы, наверное, никогда не согласилась выйти замуж за Джастина. Не видать им внуков как собственных ушей. А вот и брат Джеб. Как попала сюда его фотография? Кэрол изрезала и ее. Не нужен он ей. И все фотографии родственников Джастина: кретины, облепившие столы, жирные, ухмыляющиеся, тянут бокалы со своими идиотскими тостами, тычут в камеру своих недоумков-детей, ковыляют к танцплощадке. К черту их всех! Через несколько секунд все напоминания о Джастине и его семье полетели в камин. Теперь ее свадьба, как и ее супружеская жизнь, обратилась в прах.

В альбоме осталось только несколько ее фотографий, снимки ее матери и нескольких друзей, в том числе Нормы и Хитер, ее коллег-юристов, которым она собиралась позвонить утром. Она долго смотрела на фотографию матери. Как ей нужна сейчас ее помощь! Но ее мать давно умерла, уже прошло пятнадцать лет с тех пор, как ее не стало. Ее не стало еще раньше. Рак легких постепенно запускать свои Щупальца в каждую клеточку ее тела, и Кэрол стала матерью для своей матери, охваченной смертельным ужасом.

Кэрол вырвала страницы с нужными ей фотографиями, разорвала

альбом и тоже бросила в камин. Но тут же передумала — если сгорит белая пластиковая обложка, ее восьмилетние близнецы могут наглотаться ядовитого дыма. Она выхватила остатки альбома из огня и отнесла в гараж. Позже она упакует весь мусор и вернет Джастину.

Продолжаем. Рабочий стол Джастина. Ей повезло: был конец месяца, и Джастин, который работал бухгалтером в принадлежащей его отцу сети обувных магазинов, принес бумаги домой. Все документы — гроссбухи и платежные ведомости — пошли под нож. Кэрол знала, что самая важная информация хранится в его ноутбуке. Первым желанием было разбить его молотком, но она одернула себя: компьютер стоимостью пять тысяч долларов может ей пригодиться. Можно же просто уничтожить все файлы. Она попыталась добраться до документов, но Джастин заблокировал доступ к информации паролем. Этот ублюдок еще и параноик! Ладно, она спросит у кого-нибудь совета. А пока она заперла ноутбук в свой кедровый сундучок. «Не забыть поменять замки во всем доме», — подумала она.

На рассвете она в третий раз провела близнецов и упала в постель. Детские кроватки были завалены куклами и мягкими игрушками. Глубокое, спокойное дыхание. Такой невинный, мирный сон Видит Бог, она завидовала им. После трех часов беспокойного сна она проснулась от боли в челюстях — так она скрежетала зубами. Сжав щеки ладонями, она медленно открывала и закрывала рот. Слышалось похрустывание.

Она посмотрела на пустую половину кровати, где обычно спал Джастин, и прошептала: «Сукин ты сын. Ты не стоишь моих зубов!» Потом, дрожа от холода, она села в кровати, обхватив колени, и стала думать, где он теперь. Слезы, сбегавшие по щекам и капающие на подол ночной рубашки, испугали ее. Она вытерла залитое слезами лицо и уставилась на свои мокрые пальцы. Кэрол была очень энергичной женщиной, способной на быстрые решения и решительные действия. Интроспекция никогда не приносила ей облегчения, и тех, кто прибегал к ней, как, например, Джастин, на считала малодушными трусами.

Но делать больше было нечего: она привела в негодность все, что осталось от Джастина, и теперь на нее навалилась такая тяжесть, что она не могла даже пошевелиться. Но дышать она могла и, вспомнив некоторые дыхательные упражнения из занятий йогой, она сделала глубокий вдох и на выдохе медленно наполовину выпустила воздух. Потом она сделала еще неполный вдох, выдохнула половину — и так несколько раз. Стало легче. Она перешла к другому упражнению, которое рекомендовал ее инструктор по йоге. Она представила, что ее разум — это сцена, а она сидит в зрительном зале и отстраненно наблюдает за шествием своих мыслей.

Никакого эффекта, только вереница неясных болезненных ощущений. Их надо как-то уловить и разобрать. Но как? Казалось, только все вместе они имеют какое-то значение.

В ее мозгу возник образ: лицо человека, которого она так ненавидела, чье предательство оставило глубокий след в ее душе, — доктор Ральф Кук, психиатр, которого она посещала в центре психического здоровья при колледже. Чисто выбритое розовое лицо, круглое, как луна, с тонкими светлыми волосенками. Она пришла к нему на втором курсе из-за Расти — парня, с которым она встречалась с четырнадцати лет. Расти был ее первым бойфрендом и целых четыре года избавлял ее от досадной необходимости искать кавалера для свиданий, для похода на выпускной вечер, а позже и сексуальных партнеров. Вслед за Расти она поступила в университет Брауна, записалась на те же предметы, что и он, поменялась комнатами с другой студенткой, чтобы жить в общежитии рядом с ним. Но, возможно, она слишком на него наслеза: в конце концов Расти начал встречаться с другой. Новая пассия Расти была симпатичной девушкой, наполовину француженкой, наполовину вьетнамкой.

Никогда в жизни Кэрол не было так плохо. Сначала она держала все в себе: рыдала по ночам, отказывалась есть, пропускала занятия, гоняла на машине как сумасшедшая. Потом дала выход своей ярости: она устроила погром в комнате Расти, раскромсала колеса его велосипеда, выследила его новую подружку и начала изводить ее. Однажды она пришла в бар, где они сидели, и вылила на парочку кувшин пива.

Сначала все было хорошо. Завоевав ее доверие, доктор Кук помог ей оплакать эту потерю. Ее боль, объяснял он, была вызвана столь сильным стрессом, что с потерей Расти открылась незаживающая рана, полученная в детстве: потеря отца. Ее отец был одним из «пропавших на Вудстоке»: когда ей было восемь лет, он поехал на фестиваль в Вудстоке и больше не вернулся. Поначалу он присылал ей открытки из Ванкувера, Шри-Ланки и Сан-Франциско, но потом оборвалась и эта ниточка, связывающая ее с отцом. Она помнила, как ее мать рвала и жгла отцовские фотографии и одежду. После этого мать больше никогда не говорила об отце.

Доктор Кук утверждал, что расставание с Расти черпает силу в расставании с отцом. Кэрол не соглашалась, говорила, что у нее не осталось никаких приятных воспоминаний об отце. Может быть, осознанных воспоминаний и нет, говорил доктор Кук, но готова ли она утверждать, что нет забытых воспоминаний о том, как он заботился о ней? А отец из ее фантазий и снов — любящий защитник, к которому всегда можно обратиться за помощью, которого у нее никогда не было. Она

тосковала об отце, и расставание с Расти прорвало плотину, сдерживающую поток боли.

Доктор Кук также помог ей посмотреть на ситуацию в перспективе, предложив оценить расставание с Расти в перспективе всей ее жизни: ей было всего девятнадцать, воспоминания о Расти скоро сотрутся из ее памяти. Через несколько месяцев она и думать о нем забудет; через пару лет у нее останутся лишь смутные воспоминания о симпатичном молодом человеке по имени Расти. В ее жизни появятся другие мужчины.

На самом деле другой мужчина уже появлялся: заговаривая ей зубы, доктор Кук тайком пододвигал свой стул ближе и ближе. Он уверял Кэрол, что она привлекательная, очень привлекательная женщина, держал ее за руку, когда она плакала, крепко обнимал ее в конце сеансов, утверждал, что такая очаровательная женщина без труда может вскружить голову другим мужчинам. «Я говорю о себе», — сказал он и сообщил, что его тянет к ней.

Для рационализации своих действий доктор Кук обратился к теории: «Для вашего исцеления, Кэрол, прикосновения просто необходимы. Расставание с Расти раздуло непотухший костер ранних, довербальных потерь, так что и терапевтический подход строится на невербальном подходе. Вы не можете поговорить с памятью своего тела — их можно только убаюкать, успокоить телесным контактом».

Успокоение телесным контактом скоро перешло в успокоение сексуальным контактом, имевшим место на печального вида потертом кашанском<sup>[9]</sup> ковре между двумя их стульями. С того момента сеансы шли по налаженной схеме: несколько минут рассказа о происшествиях за неделю, сочувственные «ш-ш-ш» доктора Ральфа (она никогда не называла его по имени), далее — исследование симптомов — навязчивые мысли о Расти, бессонница, анорексия, неспособность сосредоточиться, и в конце концов — повторение интерпретации: столь бурная реакция на расставание с Расти черпает силу в уходе отца из семьи.

Доктор Кук был профессионалом. Кэрол успокоилась, чувствовала, что о ней заботятся, — и была благодарна за это. А потом, где-то за полчаса до окончания сеанса, доктор Кук переходил от слов к делу. Например, во время проработки сексуальных фантазий Кэрол он говорил, что некоторые фантазии необходимо реализовать; или в ответ на ту злость, которую Кэрол направляла на мужчин, он утверждал, что его профессиональный долг — доказать ей, что не все мужчины — подонки; или когда Кэрол говорила, что кажется себе некрасивой, что она не может нравиться мужчинам, он отвечал, что может лично доказать, что она в корне не права, что он сам не может устоять перед ее очарованием. Еще был такой вариант: Кэрол

начинала рыдать и он говорил: «Эй, ну что ты. Поплакать, конечно, полезно, но давай я лучше обниму тебя».

Как бы ни развивался их диалог, остаток сеанса проходил по одному и тому же сценарию: он сползал со стула на потертый персидский ковер и протягивал к ней руки, приглашая последовать его примеру. Несколько минут уходило на объятия и ласки, потом он протягивал ей разноцветные презервативы и предлагал выбрать, какой ей больше нравится. Возможно, эта нехитрая процедура помогала ему поверить, что она контролирует ситуацию. Потом Кэрол вскрывала упаковку, натягивала презерватив на его эрегированный член — того же цвета, что и его чисто выбритые розовые щеки. Доктор Кук всегда играл пассивную роль: он лежал на спине, позволяя Кэрол забираться на него и самой контролировать ритм и глубину сексуальных танцев. Возможно, это было очередным приемом, с помощью которого он убеждал себя, что она несет ответственность за происходящее.

Помогли ли ей эти сеансы? Кэрол думала, да. Каждую неделю в течение пяти месяцев Кэрол покидала его кабинет, зная, что о ней есть кому позаботиться. И, как и предсказывал доктор Кук, воспоминания о Расти и правда стерлись из ее памяти, вернулось спокойствие, и она снова начала посещать занятия в колледже. Все шло гладко до тех самых пор, когда после двадцати таких сеансов доктор Кук не объявил, что она совершенно здорова. Его работа на этом заканчивается, сказал он ей, и пришло время прекращать терапию.

Прекратить терапию! Его уход отбросил ее назад, к тому, с чего она и начала. Хотя она и не рассчитывала, что их отношения продлятся вечно, она никогда и представить себе не могла, что ее вот так выкинут за порог. Она каждый день звонила доктору Куку. Сначала он был радушен и ласков, но она продолжала звонить, и он стал резок и раздражителен. Он напомнил ей, что система студенческого здравоохранения предоставляет учащимся только кратковременную терапию, и просил не звонить ему больше. Кэрол была уверена, что он нашел себе другую пациентку для терапии с применением сексуального подкрепления. Все было ложью, поняла она: его забота, его участие, слова о ее красоте. Он Просто манипулировал ею, все это делалось для его удовольствия, а не ради ее пользы. Она не знала, как после этого можно верить людям.

Следующие несколько недель были кошмаром. Она отчаянно тосковала по доктору Куку, поджидала его у дверей офиса, чтобы вырвать у него хотя бы капельку внимания. Вечерами она накручивала диск телефона, набирая раз за разом его номер, или пыталась разглядеть его через прутья кованой железной изгороди, окружающей его огромный дом на Проспект-

стрит. Даже теперь, спустя почти пятнадцать лет, она отчетливо помнила это ощущение: холодные витые железные прутья впиваются в ее щеки, а она наблюдает, как силуэты доктора Кука и его домочадцев перемещаются из комнаты в комнату. Скоро боль превратилась в ярость. Появились мысли о возмездии. Доктор Кук изнасиловал ее — он не применял физическую силу, но факт остается фактом: она была изнасилована. Кэрол обратилась за советом к молоденькой преподавательнице-практикантке, и та посоветовала ей отказаться от этой идеи. «У тебя нет доказательств, — сказала она. — Никто тебе не поверит. А даже если и поверит, только представь, какое унижение тебе придется пережить: ты должна будешь описать им, как происходило изнасилование, свою роль в нем, должна будешь объяснять, почему добровольно возвращалась к насильнику столько раз, неделю за неделей».

С тех пор прошло пятнадцать лет. Именно тогда Кэрол решила стать юристом.

На последнем курсе колледжа Кэрол проявила недюжинные способности в области политологии, и профессор, который вел курс, написал ей отличную характеристику и рекомендацию в юридический колледж, но при этом активно намекал ей, что рассчитывает получить вознаграждение сексуального характера. Ярости Кэрол не было предела. Поняв, что ощущение беспомощности и депрессия верну, лись к ней с новой силой, она обратилась к доктору Цвей-зунгу, психологу, занимающемуся частной практикой. Первые два сеанса с доктором Цвейзунгом были успешными, но потом он начал сильно напоминать ей доктора Кука: также придвигал свой стул ближе и постоянно говорил о ее красоте и привлекательности. На этот раз Кэрол не растерялась: она уже знала, как следует вести себя в подобных ситуациях. Она выбежала из офиса, крича что есть мочи: «Ты подонок!» Это был последний раз, когда Кэрол просила о помощи.

Она потрясла головой, пытаясь прогнать воспоминания. Почему она вдруг вспомнила об этих мерзавцах? Особенно об этом гаденьше — докторе Ральфе Куке? А потому, что пыталась разобраться в спутанных чувствах. Единственное, что она получила хорошего от доктора Кука, — это мнемоника для определения чувств, которая базировалась на основных четырех: боль, грусть, ярость, радость. Эта методика не раз ей помогала.

Она облокотилась на подушку и сосредоточилась: «Радость» она отмела сразу. Она уже давно ничему не радовалась. Теперь остальные три. «Ярость» — здесь все просто; это было знакомое чувство, ее родная стихия. Она сжала ладони и ясно и отчетливо почувствовала, как

вздывается в ней ярость. Простая. Естественная. Она дотянулась до подушки Джастина и прошипела: «Мразь, мразь, мразь! Где, черт возьми, ты провел эту ночь?»

Кэрол знала и «грусть». Не очень хорошо, не совсем ясно, как некоего еле различимого призрачного спутника. Сейчас она острее, чем обычно, ощутила, что он был с ней всегда, потому что не смогла найти его в себе. Долгие месяцы она ненавидела утро: просыпаясь, она стонала при мысли о том, что ждет ее днем: слабость, тошнота, негнущиеся суставы. Если это была «грусть», то сегодня от нее не осталось и следа; сегодняшнее утро было другим: она чувствовала прилив энергии, злость. И ярость!

«Боль»? О боли Кэрол знала не так много. Джастин часто говорил о «боли», указывая себе на грудь, где он чувствовал тягостное давление тревоги и чувства вины. Но она нечасто сталкивалась с «болью» — и едва терпела тех, кто так же, как Джастин, жаловался на это.

Еще не рассвело, в комнате было темно. По дороге в ванную Кэрол наткнулась на кучу чего-то мягкого. Щелчок выключателя напомнил ей о резне, которую она учинила вечером. Пол спальни был завален обрезками галстуков и брюк Джастина. Она подцепила пальцем ноги отрезанную штанину и подбросила ее в воздух. Ей понравилось. Но галстуки — зря она их искромсала. У Джастина было пять любимых галстуков — он называл их коллекцией произведений искусства, — которые висели отдельно от остальных в замшевом чехле на «молнии», который она подарила ему на день рождения. Он редко носил свои драгоценные галстуки, только по особенным случаям, так что они прекрасно сохранились. Два из них он купил еще до их свадьбы — они поженились девять лет назад. Вчера Кэрол уничтожила все его обычные галстуки, а потом принялась и за «выходные». Изрезав на куски два из них, она остановилась, рассматривая любимый галстук Джастина: изящный орнамент в японском стиле вокруг восхитительного смелого цветка с лепестками цвета сочной лесной листвы. Глупо, подумала она. Она может использовать эти галстуки, чтобы причинить ему более сильную, более изощренную боль. Она заперла этот и еще два уцелевших галстука вместе с компьютером в своем сундучке кедрового дерева.

Она позвонила Норме и Хитер и попросила их приехать к ней вечером — есть срочное дело. Нельзя сказать, что они часто встречались, — у Кэрол не было близких подруг, но три женщины составляли своеобразный военный совет и часто собирались вместе, когда возникали проблемы. Обычно собрания были приурочены к кризисам на почве половой дискриминации в юридической компании Каплана, Джарндиса и Таттла,



где они все работали последние восемь лет.

Норма и Хитер приехали после обеда. Три женщины сидели в гостиной с незадрапированными потолочными балками и неандертальскими стульями, выточенными из массивных кусков красного дерева и покрытыми толстыми шкурами. Кэрол растопила камин эвкалиптовыми и сосновыми поленьями и предложила подругам налить себе вина или пива из холодильника. Кэрол так волновалась, что, открывая банку, облила рукав пивом. Хитер, на седьмом месяце беременности, вскочила, побежала на кухню и вернулась с влажной тряпкой, которой вытерла пострадавший рукав. Кэрол села у камина, чтобы свитер подсох, и подробно описала подругам Великий Исход Джастина.

«Кэрол, это же счастье. Думай об этом как о митцве<sup>[10]</sup>», — сказала Норма, наливая в свой стакан белое вино. Норма была крошечной впечатлительной женщиной. Стриженные челкой черные волосы обрамляли маленькое лицо с идеальными чертами. Сама она была чистокровной ирландкой, убежденной католичкой — отец-ирландец работал полицейским в Южном Бостоне, муж научил ее высказываниям на идише на все случаи жизни. «Он камнем висел у тебя на шее все то время, что мы знакомы».

Хитер, длиннолицая шведка с огромной грудью, за время беременности набрала сорок фунтов. Она поддержала Норму: «Действительно, Кэрол. Он ушел. Ты свободна. Дом в твоём распоряжении. Нечего терять время на слезы; пора замки менять, Кэрол! Твой рукав! Паленым пахнет».

Кэрол отсела от камина и упала в один из покрытых мехом стульев.

Норма отхлебнула большой глоток вина: «L'chaim,<sup>[11]</sup> Кэрол. Вперед, к свободе. Знаю, сейчас ты потрясена, ты еще не пришла в себя, но не забывай, что именно этого ты хотела. За все годы нашего знакомства я не помню, чтобы ты сказала хоть слово — хотя бы одно доброе слово о Джастине или о твоей семейной жизни».

Кэрол не ответила. Она сбросила туфли и сидела, скрестив ноги. Кэрол была стройной женщиной с длинной изящной шеей и густыми черными, коротко стриженными кудрями, ярко выраженными скулами и челюстными костями и горящими, словно раскаленные угольки, глазами. На ней были узкие черные джинсы «Ливайс» и толстый растянутый свитер крупной вязки с огромным воротом.

Хитер и Норма пытались найти правильный тон. Они осторожно выбирали слова и поминутно поглядывали друг на друга, ища поддержки.

«Кэрол, — сказала Норма, наклонившись к подруге и поглаживая ее по спине, — попробуй думать об этом так: ты вылечилась от чумы. Аллилуйя!»

Но Кэрол сжалась от ее прикосновения и только крепче обхватила ноги: «Да, да, я знаю. Я все это знаю. Но мне от этого не легче. Я знаю, что такое Джастин. Я знаю, что угробила на него девять лет моей жизни. Но ему не удастся так просто уйти».

«Как это так? — переспросила Хитер. — Не забывай, что ты сама хотела, чтобы он ушел. Ты не хочешь, чтобы он вернулся. То, что случилось с тобой, — это благо».

«Я не об этом», — ответила Кэрол.

«Ты просто злишься. Ты что, хочешь, чтобы этот слизняк вернулся? Да пусть себе уходит», — сказала Норма.

«Говорю же, я не об этом», — повторила Кэрол.

«Тогда о чем?» — поинтересовалась Норма.

«Я хочу отомстить!»

«Что?! Нечего терять на него время! Он этого не достоин! Он ушел, вот и скатертью дорога! Не позволяй ему управлять собой!» — в один голос закричали Норма и Хитер.

Тут Джимми, один из близнецов, позвал мать. Кэрол встала и прошептала: «Я люблю своих детей, но как подумаю, что еще десять лет мне придется дежурить двадцать четыре часа в сутки... Боже правый!»

Кэрол ушла, и подругам стало неловко. Обе, не сговариваясь, решили не продолжать разговор за ее спиной. Норма подкинула в огонь эвкалиптовое полешко, и до возвращения Кэрол женщины молча смотрели на огонь. Кэрол сразу же заговорила: «Разумеется, я не собираюсь возвращать его. Вы меня так и не поняли. Я рада, что он ушел, и ни за что не пущу его назад. Но я хочу, чтобы он заплатил за то, что бросил меня вот так».

Хитер знала Кэрол еще с юридического колледжа и успела привыкнуть к ее антагонизму. «Постарайся понять, — сказала она. — Я просто хочу уяснить, к чему ты клонишь. Ты злишься на Джастина за то, что он бросил тебя? Или сам факт, что такая мысль могла прийти ему в голову, приводит тебя в бешенство?»

«А я думаю, что ты злишься на себя, потому что не успела вышвырнуть его сама!» — вставила Норма.

Кэрол покачала головой: «Норма, ты сама знаешь ответ. Все эти годы он пытался спровоцировать меня, чтобы я его выгнала, потому что этот слабак не мог уйти сам, не мог взять на себя вину за то, что он разрушает

семью. Я не могла доставить ему такое удовольствие».

«То есть, — уточнила Норма, — ты не разводилась только для того, чтобы поиздеваться над ним?»

Кэрол раздраженно помотала головой: «Я давным-давно поклялась себе, что никогда никому не позволю бросить меня вот так. Я сама сообщу ему, когда он может уйти. Я так решила! Джастин не просто бросил меня — для этого у него кишка тонка; его кто-то увел или на руках унес. И я хочу выяснить, кто это сделал. Месяц назад секретарша сказала мне, что видела его в «Янк Синг», где он радостно поедает дим сим<sup>[12]</sup> в компании молодой девушки лет восемнадцати. Знаете, что мне больше всего понравилось в этой ситуации? Дим сим! Мне нравятся все эти китайские закуски, но он ни разу не ходил со мной есть дим сим! Когда этот мерзавец со мной, его начинает трясти при одном взгляде на карту Китая!»

«Ты спросила у него, что это была за женщина?» — поинтересовалась Норма.

«Разумеется, спросила! А ты как думала? Что я пропущу это мимо ушей? Он солгал. Он сказал, что это его клиентка. На следующий вечер я сравняла счет: сняла какого-то парня в «Шератон-баре». Эта любительница дим сима совсем вылетела у меня из головы. Но я выясню, кто она такая. Можно себе представить. Наверняка кто-то из тех, кто работает у него. Какая-нибудь малообеспеченная девчонка. Она должна быть либо законченной идиоткой, либо близорукой, чтобы пищать от восторга от его крошечного члена! Соблазнить какую-нибудь приличную женщину он бы попросту не смог. Я найду ее».

«Знаешь что, Кэрол, — сказала Хитер. — Сколько раз ты говорила, что Джастин погубил твою юридическую карьеру? Что вся твоя карьера полетела в тартарары из-за того, что он боится оставаться один дома? Помнишь то предложение от Чипмана, Бремера и Роуби, от которого тебе пришлось отказаться?»

«Помню ли я? Конечно, помню! Он действительно погубил мою карьеру! Вы-то знаете, какие предложения ко мне поступали после окончания колледжа. Я могла бы добиться всего. О таком предложении, как это, можно было только мечтать, но я вынуждена была отказаться. Можете себе представить специалиста по международному праву, который не может ездить в командировки? Мне, черт возьми, нужно было нанять ему сиделку. Потом появились близнецы, и моя карьера была на этом окончена. Если бы десять лет назад я согласилась работать у Чипмана, Бремера и Роуби, сейчас я бы уже была их партнером. Помните ту тупицу — Маршу? Так вот, она сделала это! Думаете, я не смогла бы стать партнером? Да, черт

побери, я бы уже добилаь этого!»

«Но именно об этом я тебе и говорю! — воскликнула Хитер. — Его слабость контролировала всю твою жизнь. Если ты будешь тратить время и силы на месть, он и дальше будет тебя контролировать».

«Вот именно, — встряла Норма. — А теперь у тебя появился второй шанс. Тебе осталось только ухватиться за него!»

«Осталось только ухватиться за него, — передразнила ее Кэрол. — Аегко сказать. А сделать? Я угробила на него девять лет жизни! Я, дура, поверила его обещаниям красивой жизни. Когда мы поженились, его отец был болен, и все выглядело так, словно Джастин со дня на день должен стать обладателем сети магазинов — а это миллионы долларов! И что мы имеем? Прошло девять лет, а его отец жив-здоров, здоровее всех нас! Он даже не ушел на покой. А Джастин так и работает за гроши в папочкиной бухгалтерии. А знаете, что я получу, когда его папочка преставится? После всех этих лет ожидания? Как его невестка? Ни-че-го! Абсолютно ничего.

Ты говоришь, «осталось только ухватиться». Не так просто сделать это после того, как пустишь на ветер девять лет жизни! — Кэрол со злостью сбросила на пол подушку, вскочила и начала расхаживать взад-вперед за спинами подруг. — Я содержала его полностью, одевала его — этот беспомощный придурок был не способен даже самостоятельно купить себе нижнее белье или носки! Он носит черные носки, и мне приходилось их ему покупать, потому что те, которые он выбирал сам, были недостаточно эластичными и постоянно сползали! Я была его матерью, женой, жертвой. Я отвергала всех остальных мужчин из-за него. Когда я думаю о мужчинах, с которыми могла связать свою жизнь, мне плохо становится. А теперь какая-то баба дергает его за поводок, и он берет и уходит».

«Ты уверена в этом? — спросила Хитер, переставив свой стул, чтобы видеть Кэрол. — В смысле, в том, что все произошло из-за женщины? Он что-нибудь говорил тебе на этот счет?»

«Да я уверена в этом на все сто. Я слишком хорошо знаю этого болвана. Мог ли он уйти сам? Ставлю тысячу против пятисот, что он уже переехал к ней — этой ночью».

Ставок не последовало. Кэрол обычно выигрывала пари. А если и проигрывала, то оно того не стоило — Кэрол не умела проигрывать.

«Знаешь... — Норма тоже переставила свой стул. — Когда от меня сбежал первый муж, я полгода была в депрессии. Я бы до сих пор из нее не выбралась, если бы не психотерапия. Я обратилась к психиатру. Это был доктор Сет Пейнд, психоаналитик из Сан-Франциско. Он здорово мне помог. А потом я познакомилась с Шелли. Нам было очень хорошо вдвоем,

особенно в постели, но Шелли был помешан на азартных играх, и я попросила его попытаться решить эту проблему с доктором Пейндом, прежде чем мы поженимся. Пейнд был великолепен. Он буквально переделал Шелли. До этого вся его зарплата уходила на ставки — он ставил на все, что движется: на лошадей, на борзых, на футбол. Теперь ему хватает покера с друзьями. Шелли просто молится на Пейнда. Хочешь, я дам тебе его номер?»

«Нет! Только не это! Мозгоправ — это последнее, что мне сейчас нужно! — воскликнула Кэрол. Она встала и снова начала расхваливать за спинами друг. — Я знаю, ты пытаешься мне помочь — ты, Норма, вы обе. Но поверьте, это не поможет! И терапия не поможет. Да и как он помог вам с Шелли? Только вспомни, сколько раз ты сама говорила, что он сидит у тебя на шее? Что он не стал меньше играть? Что тебе пришлось открыть отдельный банковский счет, чтобы он не мог запустить руки в твой кошелек?» Всякий раз, когда Норма начинала расхваливать Шелли, Кэрол выходила из себя. Она хорошо знала, что он собой представляет — в том числе и в сексуальном плане: именно с ним Кэрол сравнивала счет за дим сим. Но она умела хранить секреты.

«Да, согласна, выздоровление не было окончательным, — сказала Норма. — Но доктор Пейнд все равно помог нам. Шелли успокоился на несколько лет. Он вернулся к старому, только когда потерял работу. Когда он найдет новую работу, все наладится. Но, Кэрол, почему ты так против психотерапии?»

«Когда-нибудь я расскажу вам, какие претензии у меня есть к психотерапевтам. Единственное, что я уяснила из общения с ними: нельзя держать злость в себе. Поверьте, эту ошибку я больше не совершу».

Кэрол села и посмотрела на Норму: «Когда ушел Мелвин, ты, наверное, все еще любила его. Наверное, ты растерялась, ты была сбита с толку, наверное, ты хотела, чтобы он вернулся, наверное, пострадала твоя самооценка. Наверное, твой мозгоправ смог помочь тебе справиться с этим. Но это ты. У меня другая ситуация. Я не растерялась. Он украл почти десять лет моей жизни, лучшие десять лет, решающие десять лет моего профессионального становления. Он повесил на меня близнецов — я одна должна была заботиться о них, он постоянно ныл о никудышной работе у папочки, тратил тонны денег — моих денег — на своего чертова мозгоправа. Только представьте себе — три, а иногда и четыре сеанса в неделю! А теперь ему шлея под хвост попала, и он просто взял и ушел. И что вы скажете, я преувеличиваю?»

«Думаю, можно посмотреть на это иначе...» — протянула Хитер.

«Поверь мне, — перебила ее Кэрол, — я знаю, что делаю. Я точно знаю, что не люблю его. И я не хочу, чтобы он вернулся. Нет, не так. Я хочу, чтобы он вернулся — чтобы я могла выгнать его пинками! Я прекрасно понимаю, что происходит, и точно знаю, чего я хочу на самом деле. Я хочу причинить ему боль — и этой девчонке тоже, когда я узнаю, кто она. Хотите мне помочь? Тогда подскажите, что я могу сделать, чтобы причинить ему боль. Настоящую боль».

Норма подняла с пола старую большую куклу, лежавшую рядом с поленницей (Элис и Джимми, близнецам Кэрол, уже исполнилось восемь, и они выросли из своих старых игрушек), и усадила ее на каминную полку со словами: «Кому булавки? Булавки кому?»

«Теперь ваша очередь говорить», — сказала Кэрол.

Они совещались несколько часов. Сначала решили обратиться к старому проверенному средству — деньгам: хотели заставить его заплатить. Посадить его в долговую яму, из которой ему не выбраться до конца жизни, вытряхнуть его из «БМВ» и этих его итальянских костюмов и галстуков. Сжечь его со свету: подделать его счета и засадить его папашу за решетку за уклонение от уплаты налогов, аннулировать его автомобильную и медицинскую страховку.

«Аннулировать медицинскую страховку Ам, это интересно. Страховка покрывает всего тридцать процентов того, что он платит мозгоправу, но это уже что-то. Я бы все отдала, чтобы он не смог больше посещать своего терапевта. Вот это сильно его подкосит! Он просто с ума сойдет от горя! Он всегда говорил мне, что Лэш — его лучший друг. Хотела бы я посмотреть, как поведет себя этот лучший друг, когда Джастин перестанет платить ему!»

Но это все шутки. Они были умными женщинами, профессионалами в своем деле; они понимали, что деньги станут частью проблемы, а не частью мести. Наконец Хитер, специалистку по разводам, осенило, и она осторожно напомнила Кэрол, что та зарабатывала значительно больше мужа, и любой калифорнийский суд заставит ее платить Джастину алименты. А она, разумеется, не сможет претендовать на миллионы, которые он в конце концов унаследует. Тут подругам открылся весь трагизм ситуации: какой бы коварный план они ни состряпали, чтобы оставить Джастина без денег, они добьются лишь того, что Кэрол будет вынуждена больше заплатить неверному мужу.

«Знаешь, Кэрол, — сказала Норма, — в этом ты не одинока. Возможно, скоро мне придется столкнуться с такой же проблемой. Буду с вами полностью откровенной. прошло полгода с тех пор, как Шелли

потерял работу, и я поняла, что он действительно камнем повис на моей шее.

Плохо уже то, что он не особенно старается найти новую работу, но это еще не самое худшее. Ты права: он опять играет. Пропадают деньги. Он разорит меня. А каждый раз, когда я пытаюсь поговорить с ним об этом, он находит какое-нибудь хитрое оправдание. Одному богу известно, сколько он уже успел спустить: я боюсь составлять опись имущества. Как бы мне хотелось поставить ему ультиматум: либо ты ищешь работу и завязываешь с азартными играми, либо между нами все кончено. Я должна это сделать. Но не могу. Боже правый, как я хочу, чтобы он взял себя в руки!»

«Судя по всему, — сказала Хитер, — ты любишь этого парня. Да, он забавный, он красив. Ты утверждаешь, что он отличный любовник. Все говорят, что он похож на молодого Шона Коннери».

«Это действительно так. В постели он великолепен. Лучше всех! Но он дорого мне обходится. А разводиться еще накладнее. Мне это влетит в копеечку: судя по всему, мне придется выплачивать ему в качестве алиментов больше, чем он проигрывает в покер. А еще есть большая вероятность того, что моя доля в фирме — равно как и твоя, Кэрол, — был такой прецедент в суде округа Сонома в прошлом месяце, — может быть сочтена за материальное имущество, причем достаточно ценное, являющееся совместной собственностью».

«У тебя другая ситуация, Норма. Твой брак дает тебе что-то. По крайней мере, ты любишь своего мужа. Я же уйду с работы, перееду в другой штат, чтобы только не платить ни цента этому мерзавцу».

«Бросишь дом, бросишь нас — меня и Хитер, уедешь из Сан-Франциско и найдешь работу в Бойсе, штат Айдахо, под крышей химчистки? — воскликнула Норма. — Отличная идея! Вот он попляшет!»

Кэрол со злостью швырнула в камин охапку лучин и смотрела, как занимается огонь.

«Мне стало только хуже, — пожаловалась она. — Этот вечер только портит мне настроение. Девочки, вы не понимаете, вы даже представить себе не можете, как серьезно настроена. Особенно ты, Хитер: ты объясняешь мне тонкости законов о разводе, а я весь день думала, не нанять ли мне киллера. Их же много. А сколько это будет мне стоить? Двадцать, двадцать пять тысяч? У меня есть такие деньги. Причем в офшоре, их не отследишь! Лучшего вложения средств и представить себе нельзя. Хотела бы я убить его? Делайте ставки!»

Хитер и Норма молчали. Они старались не встречаться глазами друг с другом и с Кэрол, которая внимательно изучала лица подруг: «Я вас

шокирую?»

Женщины помотали головами. Может, и не шокировала, но заставила беспокоиться. Хитер не выдержала. Она встала, потянулась и отправилась на кухню, откуда через несколько минут вернулась с пинтой вишневого мороженого и тремя вилками. Норма и Кэрол отказались, и она ела мороженое в одиночестве, методично выковыривая вишенки.

Вдруг Кэрол схватила вилку и потянулась к мороженому: «Дай-ка мне тоже, пока не поздно. Ненавижу, когда ты так делаешь, Хитер. Эти вишенки — самое вкусное».

Норма пошла на кухню, налила себе еще вина и с наигранной веселостью подняла бокал: «Хочу выпить за твоего киллера! И как я не подумала об этом, когда Уильямсон проголосовал против моей кандидатуры в члены правления!»

«О'кей, если убийство не подходит, — продолжала Норма, — как насчет избиения? У меня есть клиент, сицилиец. Так вот, он всего за пять тысяч долларов может устроить бойню колесными цепями».

«Колесные цепи за пять тысяч баксов? Звучит заманчиво. Ты доверишься этому парню?» — поинтересовалась Кэрол.

Норма перехватила мрачный взгляд Хитер.

«Я все вижу, — сказала Кэрол. — Что это вы переглядываетесь?»

«Мы должны держать себя в руках, — сказала Хитер. — Норма, не думаю, что ты правильно поступаешь, подпитывая злобу Кэрол, пусть даже в шутку. Если конечно, это шутка. Кэрол, ты забываешь следить за ходом событий. Если с Джастином в ближайшие несколько месяцев что-нибудь случится — все, что угодно, — все подозрения падут на тебя. У тебя есть мотив, а зная твой характер...»

«Мой... что?»

«Ладно, скажем так, твою склонность к импульсивным поступкам. И ты остаешься...»

Кэрол тряхнула головой и отвернулась.

«Кэрол, давай смотреть на вещи трезво. Ты человек вспыльчивый. Ты сама это знаешь, мы это знаем, все это знают. Адвокат Джастина с легкостью сможет доказать это в суде».

Кэрол молчала. Хитер продолжала: «Что я хочу сказать, так это то, что ты — главный подозреваемый, и, если начнется линчевание Джастина, у тебя есть все шансы попасть за решетку».

Кэрол опять не ответила. Поленья в основании костра прогорели, и верхние бревнышки с шумом обрушились вниз. Никто не встал, чтобы поправить дрова или подбросить новые поленья.



Норма подняла куклу и игриво предложила: «Кому булавки? Безопасные законные булавки!»

«Кто-нибудь знает хорошие книги о мести? — спросила Кэрол. — Какие-нибудь практические пособия типа «Сделай сам»?»

Норма и Хитер покачали головами. «Ладно, — сказала Кэрол. — Здесь поблизости есть магазин. Может, мне самой стоит написать такую книжку — с лично мной испытанными рецептами».

«Тогда ты сможешь списать деньги, потраченные на оплату услуг наемного убийцы, и производственные расходы», — согласилась Норма.

«Я когда-то читала биографию Д.Г. Лоуренса, — сказала Хитер, — и, помнится, там была какая-то жуткая история про его вдову, которую звали Фрида: она наплевала на его последние желания, кремировала его тело и залила пепел цементом».

Кэрол одобрительно кивнула: «Свободная душа Лоуренса навеки заточена в цементе. Склоняю голову, Фрида! Вот это месть, вот это мне нравится! Творческий подход!»

Хитер бросила взгляд на часы: «Кэрол, давай вернемся с небес на землю. Есть законные и эффективные способы наказать Джастина. Что он любит? Что для него важно? Вот с чего нам нужно начать».

«Не так уж многое, — ответила Кэрол. — Вот в этом-то и вся проблема. А, комфорт, его одежда — он любит одежду. Но не нужно помогать мне уничтожить его гардероб. Я уже позаботилась об этом, но не думаю, что он сильно расстроится. Он просто пойдет по магазинам, прихватив с собой мои денежки и свою новую подружку, которая подберет ему новый гардероб по своему вкусу. Мне нужно было придумать что-нибудь еще, например, отправить его одежду его злейшему врагу. Проблема в том, что он слишком ничтожен, чтобы нажить врагов. Еще я могла бы отдать его вещи следующему своему мужчине. Если у меня будет другой мужчина. Я спасла его любимые галстуки. А если бы у него был начальник, я бы переспала с этим начальником и отдала ему эти галстуки.

Что он еще любит? Может быть, свой «БМВ». Не детей, нет — вы себе даже представить не можете, насколько он к ним безразличен. Если я не позволю Джасти-ну видаться с детьми, это будет скорее благодеянием, нежели наказанием. Разумеется, я настрою детей против отца — это и так понятно. Но не думаю, что он заметит. Я бы, конечно, могла сфабриковать против него обвинение в сексуальном злоупотреблении, но дети слишком взрослые, чтобы можно было уговорить их пойти на это. Кроме того, тогда он не сможет присматривать за ними, когда мне понадобится отлучиться».

«Что еще? — спросила Норма. — Обязательно должно быть что-то

еще».

«Не так много! Этот человек — законченный эгоист, есть его ракетбол — два-три раза в неделю. Я хотела распиливать его ракетки напополам, но он держит их в спортзале. Кстати, он мог познакомиться с этой женщиной в спортивном зале. Она может оказаться, например, инструкторшей по аэробике. Как бы он ни занимался, он как был жирным как свинья, так и остался. Думаю, это все от пива. Да, между прочим, пиво он любит».

«А люди? — предположила Норма. — Должны быть какие-то люди».

«Большая часть общения с ним проходит следующим образом: он сидит и скулит... как это будет на идише, Норма?»

«Kvetch!»

«Ага, сидит и жалуется на то, что у него нет друзей. У него нет близких людей, за исключением, разумеется, той девчонки, любительницы дим сима. Думаю, это она его захомутала — больше некому».

«Если она так плоха, как ты себе это представляешь, — сказала Хитер, — то лучше всего вообще ничего не делать, пусть они сами выкопают себе могилу. В итоге они поймут, что «Выхода Нет», — они сами превратят свою жизнь в ад».

«Ты так меня и не поняла, Хитер: я не просто хочу, чтобы ему было плохо. Это не месть. Я хочу, чтобы он знал, что это моих рук дело».

«Итак, — подвела итог Норма, — теперь мы знаем, с чего надо начать: мы должны узнать, кто эта женщина».

Кэрол кивнула: «Точно! А потом я найду способ, как добраться через нее до Джастина. Нужно только отрубить голову — хвост и сам умрет. Хитер, у тебя есть хороший частный детектив, которого ты используешь в бракоразводных процессах?»

«Есть — Бэт Томас. Профессионал — он сядет Джастину на хвост и в двадцать четыре часа установит ее личность».

«Бэт, кстати, очень мил, — добавила Норма. — Может расплатиться с ним натурой — так и деньги не придется тратить».

"Двадцать четыре часа?" — переспросила Кэрол. — "Он мог бы узнать ее имя за час, если бы додумался поставить жучка на кушетку в кабинете мозгоправа, у которого лечится Джастин. Джастин, наверное, только о ней и говорит".

«Терапевт Джастина, терапевт Джастина, — пробормотала Норма. — Интересно, почему мы забыли о нем? Сколько, ты говорила, Джастин лечится у него?»

«Пять лет!»

«Пять лет три раза в неделю, — продолжала Норма, — "Посмотрим-

посмотрим... Минус отпуска... около ста сорока сеансов в год, умножаем на пять, получается около семисот сеансов».

«Семьсот часов! — воскликнула Хитер. — Боже правый, о чем можно разговаривать семьсот часов!»

«Можно догадаться, о чем они говорили в последнее время», — сказала Норма.

Последние несколько минут Кэрол, пытаясь скрыть свое раздражение и недовольство подругами, забралась так глубоко в ворот свитера, что видны были только глаза. Это происходило и раньше, причем довольно часто: она ощущала себя более одинокой, чем когда-либо. Обычное дело: друзья проводят с тобой какое-то время, клянутся в верности; но рано или поздно приходится столкнуться с непониманием.

Но она услышала упоминание терапевта Джастина, насторожилась и, словно черепаха из панциря, медленно высунула голову: «В смысле? О чем это они говорили?»

«О Великом Исходе, разумеется. О чем же еще? — Удивилась Норма. — Ты чем-то удивлена, Кэрол?»

«Нет. В смысле, да! Я понимаю, что Джастин не мог не обсуждать меня со своим терапевтом. И как я могла забыть об этом? Может, так было лучше. Противно думать о том, что на тебя постоянно доносят, о том, что Джастин пересказывает своему мозгоправу каждый наш разговор.

Но конечно! Разумеется! Эти двое вместе все спланирова ли. Я же говорила! Я же говорила, что Джастин бы никог да не смог уйти по собственной инициативе!»

«Он когда-нибудь рассказывал тебе, о чем они говорят?» — спросила Норма.

«Никогда! Лэш посоветовал ему ничего мне не рассказывать. Говорит, что я слишком сильно контролирую Джастина, а ему нужно какое-то убежище, в которое мне вход запрещен. Я уже давно перестала задавать вопросы. Но два или три года назад был момент, когда он разозлился на своего терапевта и недели две ругал его. Он говорил, что Лэш ничего не понимает и настаивает на расторжении брака. Тогда — не знаю почему, может, потому, что Джастин был такой грустный, — я подумала, что Лэш на моей стороне, что он, наверное, пытается показать Джастину, что, только расставшись со мной, он сможет понять, что я значу для него. Но теперь я понимаю, что все было совсем иначе. Черт, видите, какую змею я пригрела на своей груди!»

«Пять лет, — сказала Хитер. — Это очень долгий срок. Не могу припомнить случая, чтобы кто-нибудь так долго посещал психотерапевта.

Почему это растянулось на пять лет?»

«Ты мало знаешь про терапевтическую индустрию, — ответила Кэрол. — Некоторые терапевты будут держать тебя вечно. К тому же я не сказала вам, что пять лет он лечится у этого терапевта. До него были другие. У Джастина всегда были проблемы: нерешительность, навязчивые идеи — он все проверял по сто раз. Когда мы выходим из дому, он возвращается и дергает входную дверь, чтобы убедиться, что закрыл ее. К тому времени, как он добирается до машины, он уже успевает забыть, проверил ли он дверь, и возвращается опять. Полный идиотизм! Можете представить себе такого вот бухгалтера? Смешно! Он постоянно пил какие-то таблетки: не мог без них спать, летать, общаться с аудитором».

«Он до сих пор их пьет?» — поинтересовалась Хитер-

«Зависимость от таблеток уступила место зависимости терапевта. Он привязан к Лэшу, как ребенок к соске. Никак не может наиграться с ним. Даже с тремя сеансами неделю он не может прожить остальные четыре дня, не позвонив Лэшу. Его критикуют на работе — через пять минут он звонит своему мозгоправу и начинает хныкать. Какая гадость!»

«А еще большая гадость, — сказала Хитер, — это эксплуатация терапевтом этой зависимости. Твой муж сильно пополнил его счет в банке. И зачем ему мотивировать пациента на самостоятельные действия? Может, здесь идет речь о злоупотреблении?»

«Хитер, ты меня не слушаешь. Я же говорю: для индустрии психотерапии пять лет — нормальный срок. Некоторые пациенты посещают своих терапевтов восемь-девять лет четыре или пять раз в неделю. А ты когда-нибудь пыталась заставить одного из этих ребят свидетельствовать в суде против своего коллеги? Гиблое дело».

«Кажется, — сказала Норма, — мы с вами делаем успехи». Она взяла вторую куклу, посадила ее рядом с первой на каминную полку и обвила их куском веревки. «Они как сиамские близнецы. Если мы доберемся до одного, то доберемся и до другого. Навредив доктору, мы навредим Джастину».

«Не совсем так, — возразила Кэрол. Она уже совсем выбралась из своего панциря, в голосе звучали железные нотки и нетерпение. — Если мы просто навредим Лэшу, мы ничего не добьемся. Это скорее только сблизит их еще сильнее. Нет, наша истинная цель — их взаимоотношения: разрушив их, я доберусь до Джастина».

«Ты когда-нибудь встречалась с Лэшем, Кэрол?» — спросила Хитер.

«Нет. Джастин несколько раз говорил, что хочет, чтобы я сходила с ним на сеанс семейной психотерапии, но с меня хватит общения с

мозгоправами. Однажды, где-то год назад, любопытство взяло верх, и я пошла на одну из лекций Лэша. Высокомерный и твердолобый увалень. Помню, как мне хотелось подложить бомбу под его кушетку или двинуть кулаком в его ханжескую рожу. Это сравняло бы кое-какие счета. И новые, и старые».

Норма и Хитер начали обсуждать, как можно дискредитировать терапевта, а Кэрол словно окаменела. Она смотрела на огонь и думала о докторе Эрнесте Лэше. Ее щеки блестели, на них колебались отблески догорающих эвкалиптовых углей. И тут ее осенило. Словно в мозгу распахнулась потайная дверь и в нее вошла идея — изумительная идея. Кэрол вдруг точно поняла, что должна делать. Она встала, сняла кукол с каминной полки и бросила их в огонь. Тонкая бечевка, связывающая их, моментально вспыхнула и, прежде чем превратиться в пепел, блеснула яркой нитью. Куклы задымились, потемнели от жара и вскоре занялись огнем. Кэрол помешала пепел и торжественно провозгласила: «Спасибо вам, друзья мои. Теперь я знаю, что мне делать. Посмотрим, что будет делать Джас-тин, когда его терапевт лишится работы. Заседание закончено, дамы».

Норма и Хитер даже не пошевелились.

«Поверьте мне, — сказала Кэрол, опуская каминный экран, — вам лучше больше ничего не знать. Если вы ничего не будете знать, вам не придется идти на лжесвидетельство».

## Глава 3

На входной двери магазина Альто Эрнеста встретил плакат:

Д-р Эрнест ЛЭШ  
ассистент профессора клинической психиатрии  
(университет Сан-Шранциско, Калифорния),  
рассказывает о своей новой книге  
«УТРАТА: ФАКТЫ, ФАНТАЗИИ, ФИКЦИИ».  
19 февраля, 20:00–21:00.  
После конференции автор подпишет книги.

Эрнест пробежался глазами по списку выступавших на прошлой неделе. Впечатляюще! Он путешествовал в хорошей компании: Элис Уокер, Эми Тэн, Джеймс Хиллмен, Дэйвид Лодж. Дэйвид Лодж — из Англии? И как это они его сюда заманили?

Зайдя в магазин, Эрнест подумал, знают ли покупатели, слоняющиеся по залам, что это он будет выступать здесь сегодня вечером. Он познакомился с Сьюзен, владелицей магазина, и принял ее предложение выпить по чашечке кофе в здешнем кафе. По дороге к читальному залу Эрнест осматривал полки в поисках новых книг своих любимых авторов. Большинство магазинов в качестве вознаграждения за труды позволяли выступающим выбрать себе книгу в подарок. О! Новая книга Пола Остера!

Его книжная меланхолия исчезла бесследно в считанные минуты. Кругом книги, взывающие к вниманию с огромных витрин, бесстыдно выставляющие напоказ радужные зеленые и красные обложки, грудой наваленные на полу в ожидании расстановки по полкам, падающие со столов, шлепающиеся на пол. У дальней стены магазина огромные курганы книг мрачно ожидали возвращения к своему создателю. Рядом стояли нераспечатанные коробки ярких, только что отпечатанных томов, жаждущие вырваться на волю.

Сердце Эрнеста дрогнуло при виде своего крошечного создания. Какая судьба уготована ему в этом океане книг, этому хрупкому существу, сражающемуся с бушующими волнами за свою жизнь?

Он вошел в читальный зал, где в пятнадцать рядов были расставлены металлические стулья. Здесь в центре внимания была выставлена его «Утрата: факты, фантазии, фикции»; рядом с возвышением шесть стопок,

где-то около шестидесяти книг ждали своей очереди быть подписанными и проданными. Замечательно. Замечательно. Но какое же будущее ждет его книгу? Что будет через пару-тройку месяцев? Одна-две неприметные копии будут лежать под буквой «Л» в отделе психологической литературы или среди книг из серии «Помоги себе сам». А через полгода? Исчезнут! «Только спецзаказ; доставка в течение трех-четырех недель».

Эрнест понял, что ни один магазин не может вместить в себя все до единой книги, даже самые огромные. По крайней мере, что касается книг других писателей, он мог с этим смириться. Но в его голове не укладывалось, что придется умереть его книге! Книге, работе над которой он посвятил три долгих года, этим совершенным, отточенным предложениям и этому изяществу, с которым он брал читателя за руку и со всей осторожностью проводил через самые темные стороны жизни. Через год, через десять лет будут вдовы и вдовцы, миллионы людей, которым понадобится его книга. Истины, прописанные в ней, будут столь же непоколебимы и столь же актуальны, как и сейчас.

«Не путайте ценность с неизменностью — это прямой путь к нигилизму», — промурлыкал Эрнест себе под нос, пытаясь стряхнуть с себя грусть. Он вспомнил свой обычный катехизис. «Все проходит, — напомнил он себе. — Такова природа познания. Ничто не живет вечно. Измененность иллюзорная, и придет день, когда от Солнечной системы останутся лишь руины». О да, ему стало лучше. Еще лучше стало, когда он вспомнил Сизифа: книга исчезает? Ну и что с того? Напиши новую! А потом еще и еще. До начала оставалось целых пятнадцать минут, но посетители уже занимали места. Эрнест устроился в самом последнем ряду, чтобы просмотреть свои записи и проверить, правильно ли он разложил страницы после доклада в Беркли на прошлой неделе. Женщина с чашкой кофе в руках села через пару стульев от него. Какая-то сила заставила Эрнеста поднять глаза, и он увидел, что она смотрит на него.

Он присмотрелся и остался доволен результатом: привлекательная женщина с выразительными глазами, около сорока, длинные светлые волосы, крупные позвякивающие серебряные сережки, змеящаяся серебряная цепочка, черные чулки и ярко-оранжевый свитер из ангорской шерсти, стоически пытающийся выдержать натиск груди. Пульс Эрнеста пустился вскачь. Ему пришлось отвести взгляд.

Она смотрела прямо на него. Эрнест редко думал о Рут, своей жене, которая погибла в автокатастрофе шесть лет назад, но с благодарностью вспоминал один подарок, который получил от нее. Однажды, в самом начале их романа, когда они еще не перестали трогать и любить друг друга,

Рут открыла ему страшную женскую тайну: как завоевать мужчину. «Это так просто, — сказала она. — Тебе нужно просто заглянуть в его глаза и задержать взгляд на несколько секунд. Вот и все!». Секрет Рут был весьма действенным: снова и снова он замечал, как женщины пытаются зацепить его. Эта женщина прошла тест. Он снова посмотрел на нее. Она так и не отвела глаза. Какие могут быть сомнения — эта женщина пытается соблазнить его! И, надо сказать, очень вовремя: его отношения с нынешней спутницей жизни быстро сходили на нет, и Эрнест изголодался по женской ласке. Но он все же с усилием сглотнул слюну и отважно отвернулся.

«Доктор Лэш?» — она наклонилась к нему и протянула руку. Он ответил на рукопожатие.

«Меня зовут Нан Свенсен», — она задержала его руку в своей на несколько секунд дольше, чем следовало бы.

«Эрнест Лэш». Эрнест пытался взять под контроль свой голос. Сердце колотилось, как отбойный молот. Он обожал сексуальные игры, но ненавидел первую стадию — ритуал, риск. Теперь он завидовал Нан: как хорошо она Держится. Абсолютный контроль, полная уверенность в себе. Как же везет этим женщинам, подумал он. Нет необходимости завязывать разговор, нащупывать удобные темы, неуклюже предлагать выпивку, приглашать на танец или поддерживать разговор. Все, что им нужно, — это предоставить все своей красоте.

«Я знаю, кто вы такой, — сказала она. — Вопрос только в том, знаете ли вы, кто я».

«А я должен знать вас?»

«Я буду очень огорчена, если это не так».

Ее слова привели Эрнеста в замешательство. Он внимательно оглядел ее, стараясь не позволять своим глазам слишком долго задерживаться на ее груди.

«Думаю, мне придется лучше и подольше присмотреться к вам. Позднее». — Он улыбнулся и бросил многозначительный взгляд на публику, быстро заполняющую зал, которая скоро призовет его.

«Возможно, имя Нан Карлин скажет вам больше».

«Нан Карлин! Нан Карлин! Ну конечно!» Эрнест взволнованно схватил ее за плечо. Ее рука дернулась, и кофе выплеснулось, залив сумочку и юбку. Он вскочил, неловко заметался по комнате в поисках салфетки и в конце концов вернулся с рулоном туалетной бумаги.

Пока она пыталась вытереть кофе с юбки, Эрнест пытался вспомнить все, что ему было известно о Нан Карлин. Она была одной из его первых пациенток десять лет назад, в самом начале практики в клинике.



Руководитель курсов, доктор Молей, ярый приверженец групповой психотерапии, настоял на том, чтобы все его ученики организовали свои группы на первом же году практики. Нан Карлин была членом одной из этих групп. С тех пор прошло десять лет, но Эрнест сразу же все вспомнил. Нан тогда была очень полной: вот почему он не узнал ее сейчас. Еще он помнил, что она была очень стеснительной и имела склонность к самоуничтожению. Ничего общего с этой женщиной с потрясающим самообладанием, которая сидела сейчас перед ним. Если он ничего не путал, в то время у Нан были большие проблемы в семейной жизни... да, именно так. Ее муж сказал ей, что уходит от нее, потому что она слишком растолстела. Он обвинил ее в нарушении супружеской клятвы, утверждая, что она преднамеренно позорит его, не прислушивается к его словам и умышленно уродует себя.

«Я не ошибаюсь? — ответил Эрнест. — Я помню, насколько робкой вы были в группе, Как трудно было вытянуть из вас хотя бы слово. А еще я помню, как вы разозлились на того мужчину, его звали, кажется, Сол. Вы — очень аргументированно — обвинили его в том, что он прячется за своей бородой и забрасывает группу гранатами».

Эрнест распускал хвост, как павлин. Он обладал великолепной памятью, способной удержать в себе до мелочей и выдать даже через несколько лет все подробности относительно сеансов групповой и индивидуальной терапии.

Нан улыбнулась и энергично закивала. «Я тоже помню эту группу: Джей, Морт, Беа, Ириния, Клаудиа. Я пробыла в этой группе всего два или три месяца, потом меня перевели на Восточное побережье, но я думаю, что именно эта группа спасла мне жизнь. Этот брак сводил меня в могилу».

«Как приятно видеть, что у вас все наладилось. И что группа внесла в это свою лепту. Нан, вы выглядите потрясающе. Неужели и правда прошло десять лет? Честно, честно, это не терапевтические приемчики — кажется, тогда это было одним из ваших любимых словечек? — снова распустил хвост Эрнест. — Вы выглядите моложе, более уверенной, более привлекательной. Вы и чувствуете себя соответственно, не так ли?»

Она кивнула и коснулась его руки. «У меня все хорошо, очень. Я одинока, здорова, стройна».

«Я помню, вы всегда боролись с лишними килограммами!»

«Я выиграла эту битву. Я и правда стала совсем другой».

«Как вам это удалось? Может, мне стоит воспользоваться вашей методикой». Эрнест помял пальцами складку на животе.

«Вы в этом не нуждаетесь. Мужчинам повезло. Они спокойно носят на

себе любое количество килограммов, их за это даже называют мощными, крепкими. А что касается моего метода... Если хотите знать, я попала в руки хорошего доктора!»

Эта новость неприятно удивила Эрнеста. «Все это время вы работали с терапевтом?»

«Нет, я хранила верность вам, мой единственный спаситель! — Она шутливо шлепнула его по руке. — Я говорю о докторе, пластическом хирурге, который смастерил мне новый нос и взмахнул своей волшебной липосакционной палочкой над моим животиком».

Зрители уже заполнили комнату, и Эрнест прислушался к представлению, которое заканчивалось знакомым «а теперь все вместе поприветствуем доктора Эрнеста Лэша».

Прежде чем подняться, Эрнест перегнулся через стулья, сжал плечо Нан и прошептал: «Я действительно очень рад вас видеть. Давайте продолжим наш разговор позже».

Он начал пробираться к возвышению, голова его шла кругом. Нан была прекрасна. Просто ослепительна. И в полном его распоряжении. Ни одна женщина никогда не давала ему понять так ясно, что он может получить ее. Нужно только найти ближайшую кровать — или кушетку.

Кушетку. Именно! Вот в чем проблема, напомнил себе Эрнест: десять лет назад или не десять, она все равно остается его пациенткой и «вход воспрещен». Это запретная зона! Нет, не остается — она была его пациенткой, подумал он, одним из восьми членов терапевтической группы в течение нескольких недель. Кроме сеанса предварительного отбора в группу, он, кажется, ни разу не встречался с ней один на один.

Да какая разница! Пациент есть пациент.

Всегда? И через десять лет? Рано или поздно пациент вырастает, становится совсем взрослым со всеми сопутствующими привилегиями.

Эрнест прекратил свой внутренний монолог и настроился на общение с публикой.

«Зачем? Зачем, дамы и господа, нужно было писать книгу об утрате? Посмотрите на отдел этого магазина, отведенный под книги об утратах и потерях. Полки ломятся от книг. Так зачем было писать еще одну?»

Даже произнося эти слова, он продолжал спорить с собой. Она говорит, что никогда не чувствовала себя лучше. Она не пациент психиатра. Она не обращалась к терапевту целых девять лет! Это прекрасно. Так почему же нет, Христа ради? Два взрослых человека, которые не против!

«Переживание утраты занимает особое место в ряду психологических проблем. Во-первых, она универсальна. Никому в нашем возрасте...»

Эрнест улыбнулся и заглянул в глаза доброй половине зала. В этом он был мастер. Он отметил сидящую в оследнем ряду Нан улыбкой и кивком головы. Рядом с ней сидела привлекательная женщина сурового вида с короткими черными кудрями, которая, казалось, внимательно ооассматривала его. Что, и эта женщина пытается обольстить его? Он перехватил ее взгляд. Она быстро отвела глаза.

«Никому в нашем возрасте не удастся избежать утраты — продолжал Эрнест. — Это универсальная психологическая проблема».

Нет, это проблема, напомнил себе Эрнест. Нан и я — это не двое взрослых, которые не против. Я слишком много о ней знаю. Она слишком много мне рассказала, поэтому чувствует необычайную привязанность ко мне. Помню, ее отец умер, когда она была подростком, и я занял его место. Вступив с ней в сексуальные отношения, я совершу предательство.

«Многие отмечают, что читать студентам-медикам лекцию о переживании утраты легче, чем о любом другом психиатрическом синдроме. Эта тема понятна студентам. Из всех психиатрических нарушений она больше всего напоминает медицинские заболевания, например инфекционные заболевания или физические травмы. Ни одно другое психическое нарушение не отличается наличием столь явного начала, конкретной, легко определяемой причины, логически предсказуемого течения, эффективного, ограниченного во времени терапевтического курса и четко выделенного однозначного финала».

Нет, спорил сам с собой Эрнест, за десять лет все долги уже выплачены. Может быть, когда-то она видела во мне отца. Ну и что с того? Тогда — это тогда, а сейчас — это сейчас. Она видит во мне умного, чуткого мужчину. Посмотрите на нее: она смотрит мне в рот. Ее тянет ко мне. Посмотри правде в глаза. Я чуткий. Я сильный. Я серьезный. Как часто одиноким женщинам ее возраста — да любого возраста! — попадают такие мужчины, как я?

«Но, дамы и господа, тот факт, что студенты-медики жаждут легкой и немудреной диагностики и терапии, связанной с утратой травмы, не делает их проще. Попытка понять суть утраты через медицинскую модель влечет за собой потерю всего истинно человеческого в нас. Потеря — это не бактериальное заражение, она не похожа на физическую травму; душевная боль не схожа с соматическими дисфункциями; душа и тело — это не одно и то же Сила, характер муки, которую мы испытываем, определяется не (или не только) характером травмы, но и смыслом оной. А смысл и составляет то различие между телом и душой». Эрнест сел на своего конька. Он всмотрелся в лица слушателей, чтобы удостовериться в том, что

их внимание приковано к нему.

Помнишь, прошипел Эрнест про себя, как она боялась развода из-за прошлого опыта с мужчинами, которые использовали ее как сексуальный объект, а потом просто шли дальше своей дорогой? Помнишь, какую опустошенность она ощущала? Если бы я провел с ней эту ночь, я бы сделал в точности то же самое — я бы стал еще одним мужчиной-эксплуататором из ее длинного списка! «Позвольте мне привести пример важности «смысла» из данных моего исследования. Попробуйте решить вот такую загадку: две вдовы, недавно пережившие утрату, каждая из них прожила в браке сорок лет. Одна вдова сильно страдала, но постепенно вернулась к жизни, стала наслаждаться периодами спокойствия и даже — время от времени — счастья. Другой пришлось намного тяжелее: спустя год она впала в глубокую депрессию с суицидальными проявлениями, так что потребовалось длительное психиатрическое лечение. От чего может зависеть такая разница в исходе подобной ситуации? Вот в чем загадка. Теперь я дам вам небольшую подсказку.

Эти женщины были во многом похожи, но между ними есть одно очень важное различие: характер семейных отношений: у одной женщины были неустойчивые, конфликтные отношения с мужем, у другой — любовь, взаимоуважение и качественный рост отношений. А теперь я хочу задать вам вопрос: кто из них кто?»

В ожидании ответа Эрнест снова поймал взгляд Нан и одумал: «Как я смогу узнать, что она чувствует себя опустошенной? Или используемой? А как насчет благодарности? Может, у наших отношений есть будущее? Может, ее сексуальные аппетиты столь же велики, как мои? Неужели я не могу расслабиться? Разве я обязан быть спасителем двадцать четыре часа в сутки? Если мне придется беспокоиться о каждом движении, каждом действии, каждом слове, у меня никогда ничего ни с кем не получится!»

Женщины, большие сиськи, секс... ты отвратителен, сказал он себе. Тебе что, больше нечем заняться? Ты не можешь подумать ни о чем более возвышенном?

«Да, вы абсолютно правы!» — сказал Эрнест женщине из третьего ряда, которая высказала свое предположение. «Именно так: женщина, конфликтовавшая с мужем, пережила свою трагедию более болезненно. Очень хорошо. Готов поспорить, вы уже читали мою книгу, а может, вы в этом и не нуждаетесь». Светящиеся обожанием улыбки зала. Эрнест проглотил их с жадностью и продолжил. «Но не кажется ли вам, что это противоречит здравому смыслу? Можно подумать, что женщина, брак которой сорок лет дарил ей любовь и радость, должна была переживать

намного сильнее. В конце концов, разве не пришлось ей пережить огромную потерю?

Но, как вы и предположили, на самом деле результат бывает совершенно противоположный. Тому есть ряд объяснений. Думаю, «сожаление» в этом плане выступает как ключевое понятие. Представьте, какие мучения должны терзать женщину, которая где-то в глубине души чувствует, что потратила сорок лет жизни не на того мужчину. Так что горюет она не по своему мужу или не только по нему. Она оплакивает свою собственную жизнь».

Эрнест, увещевал он себя, в мире миллионы, миллиарды женщин. Только в этом зале наверняка найдется с десятков женщин, которые бы не отказались провести с тобой ночь, если бы тебе хватило прыти заговорить с ними. Только держись подальше от пациенток! Держись подальше от пациенток!

Но она не пациентка. Она свободная женщина.

Тот образ тебя, который она создала себе и который видит перед собой до сих пор, не соответствует реальности. Ты помог ей; она верила тебе. Перенос был мощнейший. А ты пытаешься воспользоваться этим!

Десять лет! Перенос что, бессмертен? Где это написано?

Посмотри на нее! Она великолепна! Она обожает тебя. Когда еще такая женщина выделяла тебя из толпы и испытывала к тебе такие чувства? Посмотри на себя. Посмотри на свое брюхо. Еще пара фунтов, и ты не увидишь ширинку собственных брюк. Хочешь доказательств? Вот тебе доказательство!

Внимание Эрнеста было настолько рассредоточенно, что у него начала кружиться голова. Это состояние было ему прекрасно знакомо. С одной стороны, искренний интерес к своим пациентам, студентам, слушателям. С другой стороны — озабоченность глобальными вопросами бытия: развитие, сожаление, жизнь, смерть, значимость. Еще его тень: эгоизм и похоть. О, он был знатоком по части обучения пациентов использованию тени, подпитки ее силами: энергией, жизненной энергией, креативными способностями. Он знал все необходимые слова; ему нравилось изречение Ницше о том, что самые сильные деревья должны пустить корни глубоко, глубоко во тьму, глубоко в зло.

Однако эти прекрасные слова мало для него значили. Эрнест ненавидел свою темную сторону, ненавидел ее власть над ним. Он ненавидел рабство, ненавидел быть ведомым животными инстинктами, ненавидел быть слугой примитивного программирования. Сегодня как раз такой случай: его скотское сопение и кукареканье, примитивное желание

соблазнения и обладания — что это, как не атавизмы со времен зарождения живого? А его страсть к женской груди, страсть мять ее и сосать. Патетика! Реликт из молочного детства!

Эрнест сжал кулак, впиваясь ногтями в ладонь, сильнее! Внимание! У тебя тут сто человек слушателей! Лай им все, выкладывайся по максимуму.

«И еще один момент относительно конфликтных супружеских отношений. Смерть замораживает их во времени. Они навеки остаются конфликтными, незавершенными, не приносящими удовлетворения. Вспомните о чувстве вины! Вспомните, как вдовцы и вдовы говорят: «Если бы я только....» Я полагаю, что именно поэтому люди так тяжело переносят внезапную утрату, например смерть в автокатастрофе. В этих случаях жена или муж не успевают сказать последнее прости, у них нет времени подготовиться — слишком много незавершенных дел, слишком много неразрешенных конфликтов».

Эрнест говорил, люди затихли, слушая. Он больше не смотрел на Нан.

«Позвольте мне задать вам последний вопрос, после чего мы перейдем к вашим. Задумайтесь на минуту над тем, как специалисты по психическому здоровью оценивают процесс переживания утраты супруга. Какая скорбь позитивна? Когда она проходит? Через год? Через два? Здравый смысл подсказывает, что скорбь проходит, когда человек, переживший утрату, смог достаточно отделиться от утраченного супруга и вернуться к нормальному функционированию, нормальной жизни. Но эта проблема не так проста, как кажется! Она значительно сложнее!

Одним из наиболее интересных открытий, сделанных в ходе моего исследования, стал тот факт, что значительная часть овдовевших супругов — около двадцати пяти процентов — не просто возвращаются к жизни или на прежний уровень функционирования, помимо этого происходит значительный личностный рост».

Эрнесту нравилась эта часть выступления; любая его аудитория находила ее значимой.

«Личностный рост — не абстрактное выражение. Я не знаю, как это можно назвать. Может, понятие «повышенное сознание существования» лучше отражает суть данного явления. Я только знаю, что определенный процент вдов и некоторые вдовцы научаются относиться к жизни совершенно иначе. Они начинают совершенно иначе оценивать самооценку жизни. Появляются новые приоритеты. Как можно характеризовать это? Можно сказать, что они перестают обращать внимание на мелочи. Теперь они способны отказаться делать то, что им делать не хочется, они посвящают себя тому, что действительно имеет

значение: любви близких друзей и семье. Они также учатся пить из родников своей креативности, чувствовать смену сезонов и красоту природы. Возможно, самым важным приобретением является пронзительное ощущение собственной конечности и, как следствие, умение жить в непосредственном настоящем, не откладывая жизнь на неопределенный момент в будущем: на выходные, на летний отпуск, на пенсию. Все это более подробно описано в моей книге, в том числе и причины и происхождение этого сознания.

"А теперь я готов ответить на ваши вопросы». Эрнест любил отвечать на вопросы: «Как долго вы работали над этой книгой?», «Описания случаев в вашей книге реальны, и если да, то как вы решаете проблему конфиденциальности?», «Ваша следующая книга?..», «Насколько действительно терапевтическое воздействие при переживании утраты?» Вопросы относительно терапии всегда исходили от людей, переживающих личную утрату, и Эрнест прикладывал максимум усилий, чтобы отвечать на эти вопросы со всей возможной деликатностью. Так, он отвечал, что переживание утраты, по сути своей, ограничено во времени — пережившие утрату люди в большинстве своем приходят в норму как при терапевтическом вмешательстве, так и без него, причем нет никаких доказательств того, что те, кто пережили утрату и проходили впоследствии курс терапии, по истечении года чувствуют себя лучше, чем те, кто к терапевту не обращался. Но, чтобы не показалось, что он принижает значимость терапии, Эрнест поспешил добавить, что существуют доказательства того, что терапия может сделать первый после утраты год менее болезненным, а также неоспоримые доказательства эффективности терапевтического воздействия на людей, переживших утрату и испытывающих сильное чувство вины или злость.

Все вопросы были привычными и приличными — ничего иного от Пало-Альто он и не ожидал. Вопросы здешних слушателей разительно отличались от придирчивых, вызывающих раздражение вопросов, которые он выслушивал в Беркли. Эрнест посмотрел на часы, показал хозяйке, что он закончил, закрыл папку с заметками и сел. После формального выражения благодарностей от владельца магазина раздались громкие аплодисменты. Толпа покупателей его книг окружила стол. Подписывая книги, Эрнест любезно улыбался. Может, просто разыгралась фантазия, но ему показалось, что несколько привлекательных женщин посмотрели на него с интересом и задержали взгляд на пару секунд. Он не отреагировал: его ждала Нан Карлин.

Толпа понемногу рассосалась. Наконец он освободился и может

вернуться к ней. Как все это устроить? Чашка капучино в кафе книжного магазина? Или какое-нибудь не столь людное место? Или просто обменяться парой фраз в магазине и забыть обо всем? Что же делать? Сердце Эрнеста опять начало выпрыгивать из груди. Он оглядел комнату. Где же она?

Эрнест закрыл портфель и помчался искать ее в магазине. Ни следа Нан. Он просунул голову в читальный зал и осмотрелся. Он был пуст, только на том стуле, где раньше сидела Нан, он увидел женщину — стройная суровая Женщина с короткими черными кудрями и злым, пронизывающим взглядом. Эрнест снова попытался заглянуть ей в глаза. И снова она отвернулась.



## Глава 4

Пациент отменил визит буквально в последний момент что подарило доктору Маршалу Стрейдеру целый час свободного времени перед еженедельной супервизорской консультацией с Эрнестом Лэшем. Отмена приема вызвала в нем смешанные чувства. Сила сопротивления пациента всерьез беспокоила его: он не поверил в малоправдоподобное оправдание — командировка, но внезапная свобода радовала его. Деньги он получит в любом случае: независимо от причины неявки он вышлет ему счет за этот час.

Ответив на письма и телефонные звонки, Маршал встал из-за стола, чтобы полить четыре бонсай, стоящие на деревянной полке за окном: снежная роза с чудесными хрупкими корнями, выступающими из земли (какой-то дотошный садовник посадил ее так, что она обвила корнями камень, а через четыре года так же тщательно камень удалил); искривленная сосна, которой было, как минимум, шестьдесят лет; рощица из пяти кленов и можжевельник. Ширли, его жена, провела все воскресенье, помогая ему придать форму можжевельнику, и теперь, после первой серьезной стрижки, он выглядел совсем иначе, словно ему было года четыре. Они удалили все отростки снизу двух крупных веток, растущих друг напротив друга, отрезали заблудившуюся ветку, растущую куда-то вперед, и превратили деревце в изящный неравносторонний треугольник.

Потом Маршал перешел к одному из своих самых любимых занятий: он развернул «Wall Street Journal» на таблицах сырьевых бирж и достал из бумажника два приспособления размером с кредитную карточку, при помощи которых он подсчитывал свои доходы: увеличительное стекло, чтобы читать напечатанные мелким шрифтом рыночные цены, и калькулятор на солнечных батарейках. Вчера рынок был ненасыщенным. Ничего не изменилось, за исключением позиции его самого крупного вложения — Silicon Valley Bank, акции которого он приобрел по совету своего бывшего пациента. Его акции поднялись на один и восемь; 104 его долей в пятнадцать сотен получалось почти семнадцать сотен долларов. Он поднял голову от таблиц и расплылся в улыбке. Жизнь хороша.

Достав самый свежий номер «Американского психоаналитического журнала», он пробежался глазами по содержанию, но тут же захлопнул его. Семнадцать сотен баксов! Боже правый, почему же он не купил больше?

Откинувшись на спинку вращающегося кожаного кресла, он начал оценивающе изучать свой офис. Гравюры Хандертвассера и Шагала, коллекция винных бокалов восемнадцатого века со слегка изогнутыми, украшенными лентами ножками блистала в тщательно отполированной горке розового дерева. Особенно он любил три восхитительные стеклянные скульптуры работы Мюслера. Он поднялся, чтобы смахнуть с них пыль старой метелкой из перьев, которой отец чистил полки в своей крошечной бакалейной лавке на перекрестке Пятой улицы и улицы Р в Вашингтоне.

Большую коллекцию картин и гравюр он держал дома, но изящные бокалы для шерри и хрупкие шедевры Мюслера были неотъемлемым украшением офиса. Проверив сейс-моустойчивость стеклянных конструкций, он любовно коснулся своего любимого Золотого Кольца Времени — крупной, сияющей тончайшей чаши оранжевого стекла, чьи края напоминали крыши какого-то футуристического мегаполиса. Он купил ее двенадцать лет назад, но не проходило и дня, чтобы он не приласкал ее; ее совершенные очертания и удивительная прохлада чудесным образом успокаивали его. Не раз возникало у него искушение, только искушение, разумеется, предложить обезумевшему пациенту разбить ее и впитать ее прохладную, успокаивающую тайну.

Слава богу, ему удалось взять верх над желаниями жены и купить эти три произведения искусства. Это были его лучшие приобретения. И, возможно, последние. Работы Мюслера так сильно поднялись в цене, что следующая покупка стоила бы ему полугодового заработка. Вот если бы ему уловить еще один рыночный взлет фондового индекса, как получилось у него в прошлом году, может быть, тогда — но, разумеется, его лучший «жучок» был еще слишком неуравновешен, чтобы можно было завершить терапию. Или, может быть, когда его дети закончат колледж и школу, но до этого момента придется ждать, как минимум, пять лет.

Три минуты двенадцатого. Эрнест Аэш, как обычно, опаздывал. Маршал был его супервизором последние два года, и, хотя Эрнест платил ему на десять процентов меньше, чем пациенты, Маршал всегда с нетерпением ждал этих еженедельных встреч. Эрнест был освежающим перерывом в его работе с клиническими пациентами — прекрасный ученик: целеустремленный искатель, способный, восприимчивый к новым идеям. Владелец живого любопытства — и абсолютный невежда в психотерапии.

Эрнесту уже тридцать восемь — поздновато для супервизорского наблюдения, но Маршал считал это скорее его достоинством, чем недостатком. Во время практики в психиатрической клинике, которая

закончилась около десяти лет назад, Эрнест наотрез отказывался приобретать какие-либо знания или умения из области психотерапии. Вместо этого, заслышав сладкое пение сирен биологической психологии, он посвятил себя фармакологическому лечению психических заболеваний, а после практики был приглашен принять участие в лабораторных исследованиях в области молекулярной биологии.

Эрнест был не одинок в своем увлечении. Большинство его сверстников направили свои стопы в том же направлении. Десять лет назад психиатрия оказалась на пороге важнейших биологических открытий в области биохимических причин психических расстройств, в психофармакологии, в новых имаджинарных методах исследования анатомии и функционирования мозга, в психогенетике. Предстояло открытие хромосомной локализации специфических генов, вызывающих основные психические расстройства.

Но эти новые разработки не увлекли Маршала. За свои шестьдесят три года он слишком долго проработал в психиатрии, успев пережить не один такой позитивистский взлет. Он помнил те волны близкого к экстазу оптимизма (с последующим разочарованием), сопровождавшие появление тофранила, психохирургии, милтауна, резерпина, ЛСД, торазина, лития, экстази, бета-блокаторов, занакса и прозака, и ничуть не удивлялся, когда биологизаторский ажиотаж начинал угасать, когда множество экстравагантных результатов исследования не получали подтверждения и ученые начинали понимать, что, вероятнее всего, им так и не удалось найти пораженные хромосомы, вызывающие искаженные мысли. На прошлой неделе Маршал присутствовал на спонсируемом университетом семинаре, на котором ведущие ученые представляли сенсационные данные своих исследований далай ламе. Он не был сторонником нематериалистических взглядов на мир, но ему доставила огромное удовольствие реакция далай ламы на представленные учеными новейшие фотографии отдельных атомов и их уверенность в том, что нет ничего вне материи. «А как насчет времени? — ласково спросил далай лама. — Вы уже видели его молекулы? И еще, пожалуйста, покажите мне фотографии самости, покажите мне вечную суть личности».

Проработав несколько лет в области психогенетических исследований, Эрнест разочаровался как в самих исследованиях, так и в научной политике и занялся частной практикой. Два года он проработал психофармакологом, выписывая всем пациентам лекарства после двадцати минут общения. Со временем — и в этом свою роль сыграл Сеймур Троттер — Эрнест начал осознавать ограниченность и даже вульгарность лечения всех заболеваний

при помощи медикаментов и, пожертвовав сорока процентами дохода, мало-помалу переходил на психотерапевтическую практику.

Так что, думал Маршал, Эрнесту делает честь желание работать с экспертом в области психоанализа в качестве супервизора и намерение закончить институт психоанализа. Маршал содрогался при мысли обо всех тех психиатрах, психологах, социальных работниках, консультантах, которые занимаются практической психотерапией без специальной психоаналитической подготовки.

Эрнест, как обычно, ворвался в кабинет, опоздав ровно на пять минут, налил себе чашку кофе, упал в итальянское кресло Маршала, обтянутое белой кожей, и начал рыться в портфеле в поисках своих записей по клиническим случаям.

Маршал уже не спрашивал, почему Эрнест опаздывает. Он задавал этот вопрос месяцами, не получая удовлетворительного ответа. Однажды Маршал даже вышел на улицу и замерил путь от своего офиса до офиса Эрнеста. Один квартал, четыре минуты! Назначенная на 11.00 встреча Эрнеста с пациентом закончилась в 11.50, так что даже с посещением туалетной комнаты Эрнесту вполне должно было хватить времени, чтобы добраться сюда ровно в полдень. Но, утверждал Эрнест, обязательно возникают непредвиденные обстоятельства: пациент занял больше времени, чем было запланировано, пришлось ответить на телефонный звонок, Эрнест забыл свои записи, и ему пришлось бегом возвращаться в офис. Всегда находилась какая-нибудь причина.

И причиной этой было сопротивление. Платить немалые деньги за пятьдесят минут и систематически проматывать десять процентов этого времени и денег! Маршал был уверен, что все это является неоспоримым доказательством амбивалентности пациента.

Обычно Маршал был непоколебим в своем намерении досконально исследовать причины опоздания. Но Эрнест не был его пациентом. Вернее, не совсем. Супервизорство занимает ничейную землю между терапией и обучением. Были случаи, когда хорошему супервизору приходилось выходить за пределы материала разбираемого случая и углубляться в бессознательные мотивации и конфликты самого студента. Но существовали границы, заходить за которые супервизор не имел права, если, конечно, это не было специально оговорено в терапевтическом контракте.

Так что Маршал оставил опоздание Эрнеста без комментариев, но пообещал себе в любом случае закончить их пятидесятиминутную встречу точно вовремя — секунда в секунду.

«Нам надо столько всего обсудить, — начал Эрнест — Даже не знаю, с чего начать. Сегодня я бы хотел поговорить о других проблемах. У тех двух пациентов, которых мы с вами ведем, Джонатана и Венди, ничего нового — обычные сеансы, у них все в порядке.

Я бы хотел рассказать вам о встрече с Джастином: здесь мы имеем основательный материал по контрпереносу. И еще о случайной встрече с моей бывшей пациенткой — вчера вечером в читальном зале книжного магазина».

«Как продается книга?»

«Она все еще выставляется в книжных магазинах. Ее читают все мои друзья. Еще я получил несколько хороших отзывов — один был напечатан на этой неделе в информационном бюллетене АМА<sup>[13]</sup>».

«Потрясающе! Это важная книга. Я собираюсь послать экземпляр своей старшей сестре, у которой прошлым летом умер муж».

Эрнест подумал, что с удовольствием предложил бы поставить автограф с небольшим личным посланием на этом экземпляре. Но слова застряли у него в горле. Предлагать такое Маршалу было бы самонадеянным нахальством.

«Ладно, приступим к работе. Джастин... Джастин... — Маршал пролистывал свои записи. — Джастин? Напомните мне. Это тот ваш давний обсессивно-компульсивный пациент? Тот, у которого масса проблем с женой?»

«Он самый. Я давно ничего не рассказывал о нем. Но, если вы помните, мы довольно тщательно следили за ходом терапии в течение нескольких месяцев».

«Я не знал, что вы до сих пор с ним работаете. Напомните мне, почему мы перестали разбирать этот случай на супервизорских консультациях?»

«Ну, если честно, то потому, что я потерял интерес к этому случаю. Мне было ясно, что он больше никуда не продвинется. Мы же на самом деле не проводили терапию, скорее осуществляли сдерживающую функцию. Но он все равно приходит ко мне три раза в неделю».

«Сдерживающее воздействие — три раза в неделю? Это интенсивное сдерживание». Маршал откинулся в кресле и уставился на потолок, как всегда, когда он внимательно слушал собеседника

«Ну, меня это тоже беспокоит. Правда, я не поэтому решил поговорить с вами о нем сегодня, но, может быть, к этому мы тоже вернемся. Я никак не могу урезать его время — сейчас это три сеанса в неделю, а потом один-два телефонных звонка!»

«Эрнест, к вам есть очередь?»

«Небольшая. На самом деле один-единственный пациент. А что?» Но Эрнест прекрасно знал, к чему клонит Маршал, и не мог не восхититься тем, с какой уверенностью он задает сложные вопросы. Черт возьми, он крут!

«Ну, я полагаю, что многих терапевтов настолько пугает перспектива невостребованных часов, что они бессознательно стараются удерживать своих пациентов в зависимом состоянии как можно дольше».

«Я. не такой — и я не раз обсуждал с Джастином возможность сокращения нашего общения. Если бы я удерживал пациента в терапии ради своей записной книжки или бумажника, я бы плохо спал по ночам».

Маршал слегка наклонил голову, давая понять, что он удовлетворен ответом, по крайней мере на данный момент. «Несколько минут назад вы сказали, что вам было ясно, что он больше никуда не продвинется. Глагол в прошедшем времени. А теперь произошло нечто, что заставило вас пересмотреть свою точку зрения?»

Маршал был хорошим слушателем: запоминал все, что ему говорили. Эрнест с восхищением посмотрел на него, копна светлых волос, внимательные карие глаза, чистая, ровная кожа, тело, которое могло бы принадлежать человеку лет на двадцать моложе. Тело Маршала было под стать духу — подтянутое, ни капли жира, крепкие мускулы. Он когда-то играл за команду Рочестерского университета в качестве защитника. Рукава пиджака тесно облегали его крупные бицепсы и веснушчатые предплечья — скала! Скалой он был и в своей профессиональной роли: подтянутый, уверенный, никогда не поддающийся сомнениям, всегда точно знающий правильный путь. Некоторые терапевты-преподаватели тоже были окружены аурой уверенности — уверенности, порожденной ортодоксальностью и убежденностью, — но никто из них не мог сравниться с Маршалом, никто не мог говорить с такой информированной и гибкой авторитетностью. Уверенность Маршала проистекала из какого-то другого источника, из некоей инстинктивной уверенности тела и разума, которая отметала все сомнения, которая неизменно обеспечивала ему немедленную и полную осведомленность в важных вопросах. С самой первой встречи, которая состоялась десять лет назад, когда Эрнест услышал лекцию Маршала по аналитической психотерапии, Маршал стал для него эталоном.

«Вы правы. Чтобы ввести вас в курс дела, мне придется вернуться немного назад, — сказал Эрнест. — Вы, наверное, помните, что в самом начале Джастин прямо попросил меня помочь ему уйти от жены. Вам казалось, что я оказался слишком сильно вовлечен в этот случай, что развод

Джастина стал моей миссией, что я стал членом «комитета бдительности». Кажется, тогда вы называли меня «терапевтически невоздержанным», помните?»

Разумеется, Маршал помнил. Он улыбнулся и кивнул.

«Ну, вы были правы. Я выбрал неверное направление. Все, что я ни делал, чтобы помочь Джастину уйти от жены, пошло прахом. Каждый раз, когда он был близок к осуществлению своего намерения, каждый раз, когда его жена говорила, что, может, им лучше расстаться, он впадал в панику. Я не раз боролся с искушением отправить его на госпитализацию».

«А его жена? — Маршал взял лист бумаги и начал делать заметки. — Простите, Эрнест, я не смог найти свои старые записи».

«А что его жена?» — спросил Эрнест.

«Вы когда-нибудь видели их вместе? Что она собой представляет? Она тоже работала с терапевтом?»

«Никогда ее не видел! Я даже не знаю, как она выглядит, но представляю ее демоном. Она не захотела прийти ко мне, говорила, что это у Джастина патология, а не у нее. И на индивидуальную терапию она не соглашалась — полагаю, по той же причине. Нет, здесь было что-то еще... Помнится, Джастин говорил мне, что она ненавидит моз-гоправов — она лечилась у двух или даже трех терапевтов, когда была моложе, и каждый из них в конце концов склонял ее к сексу — или пытался склонить. Как вы знаете, мне уже доводилось работать с пациентами, пережившими насилие, и меня, как никого другого, возмущает это бессовестное предательство. Но если с одной и той же женщиной два или три раза случается что-то подобное... Я не знаю, может, имеет смысл разобраться с ее бессознательными мотивациями...»

«Эрнест, — энергично затряс головой Маршал, — это первый и последний раз, когда вы слышите от меня такие слова, но это как раз тот случай, когда бессознательные мотивации не имеют никакого отношения к делу! Когда происходит сексуальный контакт терапевта с пациенткой, мы должны игнорировать психодинамику и переключить все внимание исключительно на поведение. Терапевты, вступающие в сексуальные отношения со своими пациентками, всегда безответственны и деструктивны. Им нет оправдания — они не должны были этого делать! Возможно, некоторые пациенты испытывают конфликты в сексуальной сфере, возможно, они хотят соблазнить мужчину (или женщину), занимающего авторитетное положение или обладающего властью, возможно, они сексуально импульсивны, но ведь это именно то, в связи с чем они обращаются к терапевту. А если терапевт не понимает этого и не

способен работать с этим, ему стоит заняться чем-нибудь другим.

Я уже говорил вам, — продолжал Маршал, — что я вляюсь членом Государственной комиссии по медицин-кой этике. Так что прошлую ночь я провел за чтением дел, которые будут разбираться на ежемесячном заседании, которое состоится на следующей неделе в Сакраменто. Кстати, я собирался об этом с вами поговорить. Я хочу предложить вам отработать срок в этой комиссии. Мои три года истекают в следующем месяце, и мне кажется, что вы прекрасно справитесь. Я помню, какую вы заняли позицию при разборе того дела Сеймура Троттера несколько лет назад. Смелость, прямота и честность. Этот грязный старый подонок так затерроризировал всех, что никто бы не осмелился давать показания против него. Вы оказали огромную услугу психотерапии. Но что я хочу вам сказать, — продолжал Маршал, — сексуальные злоупотребления в отношениях терапевт—пациент приобретают масштабы эпидемии. Почти каждый день в газетах появляются статьи о новых скандальных случаях. Друг прислал мне одну статью из «Boston Globe», в которой говорилось о шестнадцати психиатрах, обвиненных в сексуальном злоупотреблении за последние несколько лет. Среди них были и довольно известные фигуры, например бывший председатель Тафте, один старший преподаватель психоанализа из Бостонского института. И разумеется, там упоминался случай Юлиуса Массермана, который, как и Троттер, когда-то занимал пост президента Американской психиатрической ассоциации. Только представьте себе, чем он занимался! Он давал своим пациентам пентотал натрия и занимался с ними сексом, пока они находились без сознания. Уму непостижимо!»

«Да, это поразило меня больше всего, — сказал Эрнест. — Мои соседи по комнате во время интернатуры посмеивались надо мной из-за того, что весь тот год я провел, вымачивая ноги, — у меня были огромные проблемы с вросшими ногтями, — за чтением «Принципов динамической психотерапии» Массермана. Это был лучший учебник, который мне приходилось читать!»

«Знаю, знаю, — ответил Маршал, — все эти падшие идолы. И ситуация ухудшается. Не понимаю, что происходит. Сегодня ночью я проштудировал обвинения в адрес восьми терапевтов — шокирующие, отвратительные вещи. Можете представить себе терапевта, который спал — и брал за это деньги! — со своей пациенткой на каждом сеансе два раза в неделю в течение восьми лет! Или детский психиатр, которого поймали в мотеле с пятнадцатилетним пациентом. Он был с головы до ног намазан шоколадным сиропом, а пациент его слизывал! Какая мерзость! Был и случай вуайеризма: терапевт, специализирующийся на работе с



расщеплением личности, гипнотизировал своих пациентов, выводя на передний план самую примитивную личность и заставляя ее мастурбировать перед ним. В оправдание он приводил тот факт, что он никогда не прикасался к своим пациентам, к тому же, по его словам, это был верный терапевтический подход: сначала обеспечить сублимностям свободное выражение в безопасной среде, после чего постепенно стимулировать проверку реальности и интеграцию».

«И при всем при этом возбуждаться, глядя на мастурбирующих пациентов», — вставил Эрнест, бросив украдкой взгляд на часы.

«Вы посмотрели на часы, Эрнест. Можете сказать это словами?»

«Ну, время идет, а я хотел рассказать вам кое-что о Джастине».

«Иначе говоря, может, вам бы и было интересно поговорить об этом, вы не за тем пришли. И вам бы не хотелось тратить на это время и деньги?»

Эрнест пожал плечами.

«Я угадал?»

Эрнест кивнул.

«Так почему бы не сказать об этом прямо? Это ваше время, вы за него деньги платите!»

«Да, Маршал, это все та же старая история — всем всегда угодить. Трепетать в благоговейном страхе».

«Чуть меньше страха и чуть больше непосредственное-пошло бы на пользу нашему сотрудничеству».

Как скала, подумал Эрнест. Как гора. Вот такие короткие диалоги, по сути своей, не имеющие отношения к формальному обсуждению пациентов, приносили ему самую большую пользу. Эрнест надеялся, что рано или поздно ему удастся интернализировать психическую устойчивость Маршала. Он также взял на заметку ярое неприятие Маршалом сексуальных отношений между терапевтом и пациентом. Он хотел поговорить о дилемме, с которой он столкнулся, встретив Нан Карлин на выступлении в книжном магазине. Теперь он сомневался, стоит ли начинать этот разговор.

Эрнест вернулся к Джастину: «Итак, чем больше я работал с Джестином, тем больше убеждался в том, что все, чего нам удавалось добиться на сеансах, разбивалось в пух и прах дома, стоило ему вернуться к жене Кэрол, которая была самой настоящей мегерой».

«Я начинаю вспоминать. Это не у нее было пограничное состояние? Это не она выбрасывалась из автомобиля, чтобы не позволить ему купить рогастики?»

Эрнест кивнул: «Да, это Кэрол! Самая подлая, самая упрямая, самая

несговорчивая дамочка, которую мне доводилось знать, пусть и не лично, и я надеюсь, что мы никогда не встретимся. Что касается Джастина, два или три года я успешно применял к нему традиционный подход: хороший терапевтический альянс, однозначная интерпретация его динамики, совершенная профессиональная беспристрастность. Но я все равно не мог сдвинуть этого парня с мертвой точки. Я перепробовал все, задал ему все необходимые вопросы: почему он женился на Кэрол? Какую выгоду он получает, поддерживая эти отношения? Почему он решил завести детей? Но ничего из того, о чем мы говорили, так и не отразилось в поведении.

Я понял, что все наши традиционные предположения о том, что правильная интерпретация и инсайт не могут не привести к внешним переменам, не работают. Я потратил несколько лет на интерпретацию, но Джастин, как мне казалось, страдал полным параличом воли. Может, вы помните, что, поработав с Джестином, я увлекся концепцией воли и начал читать все, что только мог найти на эту тему: Уильям Джеймс, Ролло Мэй, Ханна Арендт, Алан Уилз, Лесли Фарбер, Сильвано Ариети. Кажется, около двух лет назад я представил целостную концепцию паралича воли». «Да, я помню вашу лекцию — это было хорошее выступление, Эрнест. Я до сих пор думаю, что вам стоит подготовить ее для публикации».

«Благодарю. У меня самого случился небольшой паралич воли, и я никак не могу закончить эту работу. Сейчас ее отодвинули на второй план два других проекта. Может, вы помните, я тогда говорил, что, если инсайт не запускает механизм воли, терапевт должен найти какой-то другой способ ее мобилизации. Я пытался убеждать: так или иначе, я начинал нашептывать ему на ушко: «Вам нужно попытаться». Я понял, о, я прочувствовал слова Алана Уилза о том, что некоторым пациентам стоит оторваться от кушетки и взять руль в свои руки.

Я пробовал визуализацию, — продолжал Эрнест, — и заставлял Джастина проецировать себя на будущее — десять, двадцать лет спустя — и представлять себя все также состоящим в этом смертоносном браке, представлять, как он будет сожалеть и раскаиваться в том, во что он превратил свою жизнь. Это не сработало.

Я превратился в тренера на ринге, я давал ему советы, натаскивал его, напоминал ему декларацию о свободе в браке. Но я тренировал боксера в полулегком весе, а его жена была тяжеловесом убойной силы. Ничего не помогало. Последняя соломинка, за которую я ухватился, был великий поход. Я уже рассказывал вам об этом?»

«Продолжайте; если я уже слышал об этом, я вас остановлю».

«Итак, года четыре назад Джастин решил, что будет здорово, если они

всей семьей отправятся в поход. У него близнецы, мальчик и девочка, сейчас им лет восемь-девять. Я поддержал эту идею. Все, в чем проскальзывала инициативность, приводило меня в восторг. Его не оставляло чувство вины за то, что он слишком мало времени проводит с детьми. Я предложил ему подумать, что с этим можно сделать, и он решил, что поход даст ему отличную возможность попрактиковаться в отцовстве. Я был в восторге, о чем не преминул ему сообщить. Но Кэрол не испытывала ни малейшего восторга! Она отказалась идти — без каких бы то ни было объяснений, просто явное упрямство — и запретила детям идти в поход с Джастин. Она не хотела, чтобы они спали в лесу, — у нее на все своя фобия, по полной программе: на насекомых, на ядовитые дубы, змей, скорпионов. Кроме того, она не могла оставаться одна дома, что странно, так как она совершенно спокойно отправляется в одиночестве в деловые командировки — она прокурор, жесткий судебный юрист. Джастин тоже не может оставаться один дома. *A folie a deux*.<sup>[14]</sup>

Джастин, с активнейшей поддержкой с моей стороны, настаивал на том, что пойдет в поход, независимо от того, разрешит она ему это или нет. Теперь он начал бить кулаком по столу. «Молодец, молодец», — нашептывал я. Вот мы и сдвинулись с места! Она устраивала грандиозные скандалы, она подлизывалась, оца торговалась, обещала, что если в этом году они поедут в Иосимити<sup>[15]</sup> и остановятся в отеле «Авани», то в следующем году она пойдет с ними в поход. «Никаких сделок, — натаскивал я его, — стой на своем».

«И чем все это кончилось?»

«Джастин удивил ее. Она сдалась и пригласила сестру, чтобы та побыла с ней, пока Джастин и дети будут в походе. Но потом включилась сумеречная зона... и начали происходить странные вещи. Джастин, ослепленный триумфом, начал переживать, что он находится не в такой уж хорошей физической форме для этой авантюры. Сначала необходимо сбросить вес — он поставил перед собой цель лишиться двадцати фунтов, а потом укрепить мышцы спины. Он начал работать над собой, преимущественно преодолевая сорок пролетов к своему офису и спускаясь вниз пешком. Во время одного из таких восхождений он начал задыхаться и прошел полное медицинское обследование».

«Результаты которого, разумеется, были неудовлетворительными, — вставил Маршал. — Я не помню, чтобы вы рассказывали мне эту историю, но можно догадаться, чем она закончилась. Ваш пациент начал испытывать сильное беспокойство относительно этого похода, у него не получалось

сбросить вес, он был уверен, что его спина не выдержит такой нагрузки и что он не сможет должным образом позаботиться о детях. В конце концов у него начались полноценные панические приступы, и он расстался с идеей похода. Вся семья поехала в отель «Авани», и все в один голос удивлялись, как этому идиоту мозгоправу пришла в голову эта дурацкая идея с походом».

«Они поехали в «Диснейленд».

«Эрнест, эта история стара как мир. И ошибка эта стара как мир! Можете быть уверены, что столкнетесь с этим сценарием, когда примете симптомы семейной системы за симптомы конкретного индивида. И вот тогда вы сдались, да?»

Эрнест кивнул: «Тогда я переключился на сдерживание. Я понял, что до конца дней своих он не сможет выбраться из этой терапии, из этого брака, этой жизни. Вот тогда я и перестал обсуждать его случай на наших встречах».

«Но теперь мы имеем некое глобальное новообразование?»

«Да. Вчера он пришел и почти небрежно обронил, что расстался с Кэрол и переехал к женщине намного моложе ее — причем раньше он никогда мне о ней не говорил. Он приходил ко мне три раза в неделю и забывал рассказывать о ней!»

«Ого! Вот это уже интересно! Ну и?..»

«Ну, это был неудачный сеанс. Мы были совершенно рассинхронизированы. Все это время я был очень раздражен».

«Расскажите мне вкратце, что происходило во время сеанса, Эрнест».

Эрнест прошелся по основным моментам, и Маршал начал непосредственно с контрпереноса — эмоциональной реакции терапевта на пациента.

«Эрнест, давайте остановимся на раздражении, которое вызывает у вас Джастин. Представьте себе этот сеанс. Когда пациент говорит вам, что он бросил жену, какие чувства у вас это вызывает? Просто свободные ассоциации в течение минуты. Не пытайтесь придерживаться традиционного подхода — расслабьтесь!»

Эрнест собрал волю в кулак. «Ну, казалось, словно он не придавал значения, даже насмеялся над годами нашего сотрудничества. Я столько лет горбатился ради этого парня, я все жилы из себя вытянул. Столько лет он мертвым грузом висел на моей шее... Это нечестно, Маршал».

«Продолжайте. Никто и не обещал, что это будет честная игра».

Эрнест пытался понять, что он чувствует. Море эмоций, но что можно рассказать Маршалу? Он не был пациентом Маршала. И он хотел, чтобы

Маршал уважал его как коллегу — ему нужны были его подсказки, его помощь при поступлении в Институт психоанализа. Но он также хотел, чтобы его супервизор оставался его супервизором.

«Ну, я был в шоке. В шоке от того, что он бросил мне в лицо восемьдесят тысяч долларов, в шоке от того, что он так вот просто слинял от своей жены, не сказав мне ни слова. Он знал, сколько я сделал для того, чтобы он ее бросил. И даже не удосужился мне позвонить! А этот парень, между прочим, звонил мне из-за совершеннейших пустяков. И это еще не все! Он скрывал от меня существование Другой женщины в своей жизни, и это тоже меня шокировало! А еще я был в шоке из-за того, что она, да и любая женщина могла лишь поманить пальчиком или помаячить своей маленькой дыркой, так, что он смог сделать то, ца что мне за столько лет так и не удалось его сподвигнуть!» «А что вы думаете о том, что он все-таки бросил жену?» «Как бы то ни было, он сделал это! И это хорошо. Неважно, как, главное, что сделал. Но сделал он это неправильно. Какого черта он не мог сделать это так, как положено? Маршал, это безумие — примитивная штука, самый что ни на есть примитивный процесс. Мне трудно говорить об этом».

Маршал наклонился к нему и накрыл его руку своей, что было нехарактерно для него. «Поверь мне, Эрнест. Это и правда непросто. Ты прекрасно справляешься. Продолжай в том же духе».

Эрнесту стало легче. Удивительное дело — странный парадокс психотерапии и супервизорства: чем больше ты говоришь о вещах противозаконных, постыдных, дурных, скверных, тем большее вознаграждение получаешь! Но поток его ассоциаций замедлился: «Посмотрим, надо в этом разобраться. Меня взбесило то, что Джастин пошел на поводу у своего члена. Я желал ему добра, надеялся, что он сможет по-хорошему разобраться со своей драконихой. Эта его жена, Кэрол... это что-то».

«С чем она у вас ассоциируется? Давайте потратим на это одну-две минуты, не больше», — сказал Маршал. Это его обнадеживающее «одну-две минуты» было скорее поклоном в сторону супервизорства, чем частью терапевтического контакта. Четкое указание короткого промежутка времени ограничивало самораскрытие и позволяло Эрнесту чувствовать себя более защищенным.

«Кэрол?... нехороший человек... горгона Медуза... эгоистичная, злобная женщина на грани... острые зубки... глаза-щелочки... воплощение зла... самая отвратительная женщина, которую я когда-либо встречал».

«То есть вы все-таки встречались с ней?» «Я имею в виду, самая

отвратительная женщина, которую я никогда не встречал. Я знаю ее только со слов Джастина. Но за несколько сотен часов я узнал ее довольно хорошо».

«Что вы имели в виду, когда сказали, что он сделал это неправильно? А как правильно?»

Эрнест смутился. Он уставился в окно, стараясь не встретиться взглядом с Маршалом.

«Э-э-э... Могу вам сказать, как неправильно: неправильно выпрыгивать из постели одной женщины, чтобы сразу же запрыгнуть в постель другой. Посмотрим-ка... Если бы я хотел чего-то от Джастина, что бы это могло быть? Чтобы однажды, хотя бы однажды, он повел себя как мужик! И чтобы бросил Кэрол как мужик! Чтобы он решил, что это был не самый лучший выбор, не самый лучший способ провести свою единственную и неповторимую жизнь, — и просто собрал бы вещи и ушел. Навстречу одиночеству, навстречу необходимости разобраться с тем, что ты собой представляешь как человек, как взрослый человек, как отдельно взятое человеческое существо. То, что сделал он, — это патетика: снял с себя всю ответственность, вошел в транс, потерял голову от любви к девчонке со смазливой мордашкой — он говорит, что она «ангел небесный». Даже если на какое-то время это подействует, здесь нет никакого роста, он ни черта из этого не вынесет!

Вот так вот, Маршал! Плохо! И я не горжусь этим! Но если хотите примитивных проявлений, вот вам, пожалуйста. Тут этого полно — и на самой поверхности. Я и сам практически все понимаю!» Эрнест вздохнул и устало откинулся на спинку стула в ожидании реакции Маршала.

«Знаете, говорят, цель терапии заключается в том, чтобы стать собственным отцом и матерью. Сдается мне, что-то подобное мы можем сказать и о супервизорстве. Цель его заключается в том, чтобы стать супервизором самого себя. Так что... посмотрим, как вы себя видите».

Прежде чем заглянуть внутрь себя, Эрнест бросил взгляд на Маршала и подумал: «Быть собственным отцом и матерью, быть супервизором самому себе — черт возьми, он хорош».

«Ну, самое очевидное — это глубина моих чувств. Ра-зумеется, я слишком сильно вовлечен. И это безумное негодование, собственничество — как он посмел принять решение, не проконсультировавшись предварительно со мной».

«Верно! — Маршал энергично закивал. — Теперь сопоставьте негодование с вашей задачей снизить его зависимость от вас и сократить количество часов».

«Понимаю я, понимаю. Противоречие очевидно. Я хочу, чтобы он отделился от меня, но, когда он начинает действовать самостоятельно, я прихожу в ярость. Это хороший знак — то, что он настаивает на праве иметь личную жизнь, даже если он скрывает от меня своих женщин».

«Не просто хороший знак, — сказал Маршал, — но и знак того, что вы провели хорошую терапию. Чертовски хорошую терапию! При работе с зависимым пациентом лучшее вознаграждение — бунт, а не заискивание. Получайте от этого удовольствие».

Эрнест был тронут. Он молчал, едва сдерживая слезы, переполненный благодарности, и пытался осмыслить услышанное. Он так много лет заботился о других, что отвык, когда кто-то заботился о нем.

«Что вы видите, — продолжал тем временем Маршал, — в своих комментариях по поводу того, как Джас-тину надлежало бы правильно обставить разрыв с женой?» «Моя самонадеянность! Есть только одно мнение — мое мнение! Но это очень сильное чувство. Оно не исчезает и сейчас. Джастин разочаровал меня. Я желал ему большего. Знаю, я говорю как требовательный пациент!»

«Вы заняли столь непримиримую позицию в этой ситуации — настолько, что сами себе не верите. Зачем эти крайности, Эрнест? Что стало стимулом для этого? Какие требования вы выдвигаете к самому себе?»

«Но я верю в это! Он перешел из одной зависимости к другой, от жены — злой матери к матери-ангелу. Это любовное безумие, умопомешательство, — «ангелы с неба» — его засасывает блаженство, словно не до конца разделившуюся амебу, говорит он... все, что угодно, лишь бы не думать о своем одиночестве. И этот страх одиночества все эти долгие годы удерживал его в губительном браке. Я должен помочь ему понять это».

«Но не слишком ли круто вы берете, Эрнест? Не слишком ли вы требовательны? Полагаю, теоретически вы правы, но разве хоть один разводящийся пациент сможет соответствовать этому вашему стандарту? Вам требуется некий экзистенциальный герой. Это случается в романах, но, оглядываясь на годы своей практики, я не могу вспомнить ни одного пациента, который бы оставил свою жену таким вот благородным образом. Так что я повторю свой вопрос: что стало стимулом для этого? Приходилось ли вам переживать что-то подобное? Я знаю, что ваша жена погибла в автокатастрофе несколько лет назад. Но я почти ничего не знаю о том, как складывались ваши отношения с женщинами. Были ли у вас повторные браки? Разводились ли вы когда-нибудь?»

Эрнест покачал головой, и Маршал продолжал: «Скажите, если я буду задавать слишком много вопросов, мы перейдем грань между терапией и супервизорством».

«Нет, вы все делаете правильно. Никогда больше не вступал в брак. Моей жены, Рут, нет уже шесть лет. Но на самом деле наш брак перестал существовать задолго до этого. Мы жили в одном доме, но порознь, не расставаясь лишь потому, что нам было так удобнее. Уйти от Рут мне было слишком сложно, хотя я довольно быстро понял еще в самом начале — мы оба это поняли, — что мы не подходим друг другу».

«Давайте-ка вернемся к Джастину и вашему контрпереносу», — не отступался Маршал.

«Очевидно, что мне надо выполнять свою работу и надо прекратить требовать от Джастина, чтобы он работал за меня. — Эрнест посмотрел на помпезные позолоченные часы эпохи Луи XIV — только для того, чтобы в очередной раз вспомнить, что они выполняли исключительно декоративную функцию. Он взглянул на свои часы: — Осталось всего пять минут. Давайте обсудим еще один вопрос».

«Вы что-то говорили о выступлении в книжном магазине и случайной встрече с бывшей пациенткой».

«Нет, для начала скажите мне вот что. Меня интересует, должен ли я был откровенно признаться Джастину, что он вывел меня из себя, когда он прямо спросил меня об этом. Когда он обвинил меня в том, что я пытаюсь вернуть его на землю с небес его любовного блаженства, он был абсолютно прав — он все правильно понял. Полагаю, что, не подтвердив его верные наблюдения, я поступал антитерапевтично».

Маршал покачал головой: «Только подумайте, Эрнест, а что еще вы могли сказать?»

«Ну, можно было просто сказать Джастину правду — приблизительно то же самое, что я рассказывал вам сегодня». Так бы поступил Сеймур Троттер. Но Эрнест, разумеется, не стал говорить об этом.

«Как это? Что вы имеете в виду?» «Сказать, что я невольно начал испытывать собственнические чувства; что я, возможно, ввел его в замешательство, поощряя его зависимость от терапии; а еще что я, вероятно, позволил некоторым своим личным проблемам исказить мое видение ситуации».

Маршал сидел, уставившись в потолок, но вдруг перевел взгляд на Эрнеста, ожидая увидеть на его лице улыбку. Но он не улыбался.

«Эрнест, вы это серьезно?» «Почему бы нет?»

«Неужели вы не видите, что вы слишком вовлечены? Кто там говорил,



что главное в терапии — быть абсолютно честным? Главное же, единственный смысл, вся соль терапии в том, чтобы действовать всегда на благо пациента. Если терапевты откажутся от структурных директив и решат работать так, как им хочется, как-то импровизировать, говорить правду, только правду и ничего, кроме правды? Только представьте себе такую картину — терапия превратится в хаос. Представьте себе генерала, который с перекошенным от ужаса лицом расхаживает перед войсками накануне сражения, ломая руки. Представьте, как вы говорите пациентке с острым пограничным состоянием, что, что бы она ни делала, ей предстоят еще двадцать лет терапии, еще пятнадцать срывов, еще десятки передозировок и порезов на запястьях. Представьте, что вы говорите пациенту, что вы устали, вам все надоело, что вы ничего не понимаете в терапии, что вам хочется есть, до смерти надоело его слушать или вам просто не терпится попасть на баскетбольную площадку. Три раза в неделю я в полдень играю в баскетбол, так что за пару часов до этого я уже весь в мечтах о бросках, прыжках и крученых мячах. Я что, должен обо всем этом рассказывать пациенту?

Разумеется, нет! — Маршал сам ответил на свой вопрос. — Я оставляю эти фантазии при себе. И если они начинают мне мешать, я анализирую свой контрперенос или делаю как раз то, чем вы занимаетесь сейчас, — и, должен заметить, делаю это хорошо: прорабатываю это с супервизором».

Маршал посмотрел на часы. «Простите, что я так разговорился. Наше время уже заканчивается — и в этом есть и моя вина, я слишком долго распространялся о комитете по этике. Давайте на следующей неделе я сообщу вам подробности относительно вашей работы в этом комитете. А сейчас, прошу вас, давайте потратим еще пару минут, и вы расскажете мне о том, как вы встретились в книжном магазине со своей бывшей пациенткой. Помню, вы ставили этот вопрос на повестку дня».

Эрнест начал собирать свои заметки и убирать их в портфель. «О, ничего драматического не произошло, но ситуация была интересная — это могло бы стать предметом оживленной дискуссии в институтской исследовательской группе. В самом начале вечера меня довольно активно взяла в оборот потрясающе красивая женщина, и я какое-то время отвечал ей, флиртовал. Она сказала мне, что она была моей пациенткой — недолго, очень недолго, десять лет назад, она была членом группы, которую я вел в первый год практики. Сказала, что терапия прошла успешно и что жизнь ее складывается просто замечательно».

«И?..» — спросил Маршал.

«Потом она предложила мне встретиться после моего выступления — просто выпить по чашечке кофе в кафе этого книжного магазина».

«И что вы сделали?»

«Отказался, разумеется. Сказал, что на вечер у меня назначена встреча».

«М-м-м-м... Да, понимаю, о чем вы. Ситуация и правда интересная. Некоторые терапевты, даже некоторые аналитики, наверняка бы выпили с ней по чашечке. Кто-то, может, скажет, что вы работали с ней недолго, тем более в группе, так что вы повели себя слишком ригидно. Но, — Маршал поднялся, показывая, что их встреча подошла к концу, — я считаю, что вы правы, Эрнест. Вы поступили совершенно правильно. Я поступил бы точно так же».

## Глава 5

До встречи с пациентом оставалось еще сорок пять минут, и Эрнест отправился в долгую прогулку по Филл-мор-стрит к Джапантауну. После встречи с супервизором он пребывал в несколько растрепанных чувствах, особенно его взволновало предложение Маршала войти в Государственную комиссию по медицинской этике, которое больше напоминало указание.

Маршал, в сущности, приглашал его присоединиться к профессиональной полиции. И если он хочет стать аналитиком, отказать Маршалу он не может. Но почему Маршал так на этом настаивает? Он не может не знать, что это не самая подходящая роль для Эрнеста. Чем больше он думал об этом, тем беспокойнее становилось у него на душе. Это не было невинным предложением. Вне всякого сомнения, Маршал посылал ему какой-то знак, некое закодированное сообщение. Может, «посмотри-ка ты сам, что ждет невоздержанных мозгоправов».

Успокойся, не нужно так преувеличивать, уговаривал себя Эрнест. Может, Маршал руководствуется исключительно благими побуждениями. Вероятно, работа в этой комиссии поможет ему поступить в Институт психоанализа. Даже если и так, эта идея Эрнесту не нравилась. Он был склонен стараться понять человека, а не осуждать его. В качестве полицейского ему приходилось выступать всего однажды, с Сеймуром Троттером, и, хотя вел он себя в той ситуации действительно безупречно, он решил для себя, что никогда больше не будет ни для кого судьей.

Эрнест посмотрел на часы. До прихода первого из четырех запланированных на день пациентов оставалось всего восемнадцать минут. Он купил пару твердых японских яблочек в бакалейной лавке на Дивизадеро и жадно съел их, пока бежал обратно в офис. Короткие перерывы на ленч, состоящий из яблок или моркови, были очередной попыткой сбросить вес. Из множества стратегий похудения ни одна не принесла результатов. К вечеру Эрнест успевал проголодаться так, что съедаемое им на ужин приблизительно равнялось нескольким походам на ленч.

Истина же была проста: Эрнест был обжорой. Он слишком много ел, и похудеть, просто иначе распределяя порции в течение дня, ему бы никогда не удалось. По теории Маршала (которую Эрнест на самом деле считал психоаналитическим бредом), он слишком по-матерински относился к своим пациентам, позволяя им высасывать из него все соки, а потому и

объедался, пытаясь заполнить эту пустоту. На супервизорских консультациях Маршал неоднократно советовал ему меньше давать им, меньше говорить, ограничиваясь тремя-четырьмя интерпретациями в час.

Озираясь по сторонам — Эрнест не хотел, чтобы пациенты видели, как он ест, — он продолжал обдумывать встречу с супервизором. «Генерал расхаживает перед войсками накануне сражения, ломая руки»! Хорошо звучит. Все, что Маршал говорил с этим уверенным бостонским акцентом, звучало хорошо. Почти так же хорошо, как оксфордское произношение двух британских психоаналитиков на кафедре психотерапии. Он был поражен, как все студенты, в том числе и он сам, ловили каждое их слово, при том, что ему уже доводилось слышать, как кто-то из них излагал эту теорию.

Вот так и слова Маршала были хороши. Но что же он сказал на самом деле? Что Эрнест не должен раскрываться, что он должен скрывать все сомнения и неуверенность? И что касается генерала, ломающего руки, — что означает эта аналогия? Какое, черт возьми, отношение поле боя имело к нему и Джастину? Между ними что, идет война? Сам он генерал? А Джастин — солдат? Чистая софистика! Опасные мысли приходили в его голову. Никогда раньше Эрнест не позволял себе так критично относиться к Маршалу. Он добрался до офиса и начал просматривать свои записи, готовясь к визиту пациента. Эрнест не позволял себе тратить время на личные переживания, когда пациент должен был вот-вот прийти. Еретические мысли о Маршале подождут. Одно из непреложных терапевтических правил Эрнеста заключалось в том, чтобы уделять пациенту сто процентов внимания.

Он часто цитировал это правило пациентам, когда они жаловались, что думают о нем гораздо больше, чем он о них, что он всего лишь друг, нанятый на час. Обычно он отвечал, что, когда он с ними, в «здесь и сейчас» терапевтического сеанса, он целиком и полностью принадлежит им. Разумеется, они думали о нем больше, чем он о них. А как иначе? У него было много пациентов, у них — всего один терапевт. Неужели учитель с его множеством учеников, многодетные родители находятся в иных условиях? У Эрнеста не раз было искушение сказать им, что он сам испытывал такие чувства к терапевту, когда был пациентом, но как раз такая откровенность вызывала жесткую критику Маршала.

«Бога ради, Эрнест, — говорил он. — Обсуди это с друзьями. Твои пациенты — профессиональные клиенты, а не твои друзья». Но в последнее время Эрнеста все больше беспокоил вопрос о различии профессионального и личного «я».

Неужели терапевт не может быть настоящим, таким, какой он есть, со всеми? Эрнест вспомнил о записи выступления далай ламы перед буддийскими наставниками. Кто-то из присутствующих спросил у него о кризисе наставничества и целесообразности структурированного свободного времени. Далай лама усмехнулся и спросил: «Будда отдыхает? Христос отдыхает?»

Вечером этого же дня, ужиная с Полом, своим старым другом, он вновь вернулся к этим размышлениям. Пол и Эрнест познакомились на шестом курсе, их дружба крепла в медицинском колледже и во время практики у Джона Хопкинса, когда они делили небольшой домик с белыми ступеньками в Маунт Верной-Плейс в Балтиморе.

Последние несколько лет дружили они в основном по телефону, потому что Пол, отшельник по натуре, облюбывал лесистый участок земли в двадцать акров на предгорье Сьерры в трех часах езды от Сан-Франциско. Они договорились проводить один вечер в месяц вместе. Иногда они встречались где-нибудь на полпути, иногда ездили друг к другу. В этом месяце была очередь Пола ехать к другу, так что они устроили ранний ужин. Пол никогда не ночевал вне дома; он всегда был мизантропом, что только усиливалось с возрастом, а в последнее время он испытывал острое отвращение ко всем кроватям, кроме своей собственной. Интерпретации Эрнеста относительно гомосексуальной паники и его же шуточки о том, что ему стоит возить с собой свои обожаемые простыни и матрас, Пол выслушивал с каменным лицом.

Эрнеста раздражала все усиливающаяся любовь Пола к самокопанию, так как ему в путешествиях не хватало компаньона, каким раньше был Пол. Пол был прекрасным специалистом в области психотерапии — он когда-то провел год на соискании в Юнгианском институте в Цюрихе, — но из-за его любви к сельской жизни денежные поступления от его старых пациентов сильно сократились. Основным источником его доходов была психофармакологическая практика в психиатрической лечебнице графства. Но истинной его страстью была скульптура. Работая со стеклом и с металлом, он переносил на графическую форму свои глубинные психологические и экзистенциальные проблемы. Эрнест больше всего любил работу, которую Пол посвятил ему: массивная глиняная чаша, внутри которой, вцепившись в огромный валун, стояла маленькая медная фигурка, с любопытством рассматривавшая что-то за пределами сосуда. Пол называл ее «Сизиф, наслаждающийся видом».

Они обедали в «Граци», небольшом ресторанчике в НортБич. Эрнест приехал прямо из офиса в аккуратном светло-сером костюме и жилете в

черно-зеленую клетку. Наряд Пола — ковбойские сапоги, клетчатая рубашка а-ля «Дикий Запад» и галстук «поло» с большим бирюзовым камнем — плохо сочетался с его острой профессорской бородкой и толстыми стеклами очков в тонкой оправе. Он напоминал нечто среднее между Спинозой и Роем Роджерсом.<sup>[16]</sup>

Эрнест заказал себе плотный ужин, тогда как Пол, вегетарианец, к вящему неудовольствию официанта-итальянца, отверг все его заманчивые предложения и ограничился салатом и поджаренными маринованными цуккини. Эрнест, не теряя времени зря, вводил Пола в курс событий прошедшей недели. Макая в оливковое масло фокаччо,<sup>[17]</sup> он рассказал о встрече с Нан Карлин в книжном магазине, после чего ударился в сожаления о трех женщинах, которых он упустил на этой неделе.

«Ты в своем репертуаре — ни одной юбки не пропускаешь! — заметил Пол, глядя на него сквозь толстые стекла очков и ковыряясь вилкой в салате radicchio. — Только послушай, что ты говоришь! К тебе подходит красивая женщина, и по той простой причине, что ты видел ее двадцать лет назад...»

«Не просто «видел», Пол; я был ее терапевтом. И это было десять лет назад».

«Ну десять лет. Она была членом твоей терапевтической группы, присутствовала на нескольких сеансах десять лет назад — черт возьми, сто лет назад! — и теперь у вас с ней не может быть иных отношений. Может, она страдает от сексуальной неудовлетворенности, и лучшее, что ты мог бы ей предложить, — это свой член».

«Прекрати, Пол, я серьезно говорю... Официант! Еще фокаччо, оливкового масла и кьянти, будьте добры!»

«Я тоже серьезно говорю, — продолжал Пол. — Знаешь, почему тебе не везет с женщинами? Амбивалентность. Целый океан, море разлитое амбивалентности. Каждый раз находится какая-нибудь причина. С Мирной ты боялся, что она в тебя влюбится и будет страдать. С этой, как там ее, в прошлом месяце, ты боялся, что она догадается, что тебя привлекает исключительно ее большая грудь, и будет думать, что ты используешь ее. С Марси ты боялся, что, если она хоть однажды покувыркается с тобой в постели, ее брак будет разрушен. Старая песня — слова разные, но мотив все тот же: леди обожает тебя, но ты проявляешь благородство, не ложишься с ней в постель, леди еще больше уважает тебя за это, после чего отправляется домой и ложится в постель с собственным вибратором».

«Я же не могу по желанию включать и отключать это. Я же не могу быть образцом ответственности днем, а ночью пускаться во все тяжкие».

«Пускаться во все тяжкие? Да что ты говоришь! Ты не можешь поверить в то, что десятки женщин не меньше нашего заинтересованы в случайных сексуальных связях. Я хочу сказать, что ты сам загнал себя в угол ханжеской добродетели. В твоих отношениях с женщинами присутствует лошадиная доза «терапевтической» ответственности, так что ты не даешь им того, что им, возможно, действительно нужно».

Пол попал в точку. Забавно, но в этом он вторил Маршалу, который уже давно говорил Эрнесту: нельзя узурпировать личную ответственность другого человека. Нельзя стремиться стать универсальной нянькой для каждого. Если ты хочешь, чтобы человек шел по пути личностного

Госта, помоги ему научиться быть себе и отцом и матерью. При всех мизантропических причудах Пола он был способен на проницательные и креативные инсайты.

«Пол, что-то я не припомню, чтобы ты стремился удовлетворить потребности сексуально неудовлетворенных женщин-пилигримов».

«Но я же не жалею. Я не тот человек, который идет на поводу у своего члена. Уже нет, и я об этом не жалею. Стареть не так уж и плохо. Я как раз закончил оду «гонадной безмятежности».

«О-па! «Гонадная безмятежность»! Я прямо-таки вижу эту надпись на тимпане<sup>[18]</sup> твоей усыпальницы!»

«На тимпане? Хорошее слово, Эрнест. — Пол нацарапал это слово на салфетке, которую засунул в карман своей клетчатой байковой рубашки. Он начал писать стихи для каждой из своих скульптур и собирал интересные слова. — Но я не мертв, я просто спокоен. Умиротворен. И не собираюсь спастись бегством от тараканов в моей голове. Значит, говоришь, женщина из книжного магазина, которая не против переспать с мозгоправом? Присылай ее ко мне. Гарантирую, что не буду выдумывать причины, мешающие мне лечь с ней в постель. Скажи ей, что она может рассчитывать на мужчину столь же просветленного, сколь и ненасытного».

«Я, между прочим, совершенно серьезно предлагал познакомить тебя с Ирен, с той опрятной женщиной, с которой познакомился по объявлению. Тебе правда это интересно?»

«Только если она будет довольствоваться тем, что подучает, не будет носиться по моему дому и той же ночью отправится домой. Она может выжимать из меня все соки, кроме апельсинового по утрам».

Эрнест оторвался от своего супа с овощами, ожидая увидеть улыбку на лице Пола. Но Пол не улыбался. Только его глаза, увеличенные стеклами очков, неотрывно смотрели на Эрнеста. «Пол, нам надо с этим что-то делать — ты становишься непроходимым мизантропом. Еще год-другой, и

ты переберешься в горную пещеру и повесишь на стене святого Джерома».

«Ты имеешь в виду святого Антония. Святой Джером жил в пустыне и общался с нищими. Я терпеть не могу нищих. А что ты имеешь против пещер?»

«Да ничего, в общем. Только насекомые, холод, сырость, темнота, множество ходов — черт возьми, это слишком серьезный проект для сегодняшнего вечера, особенно при полном нежелании пациента сотрудничать».

Подошел официант, прогибаясь под тяжестью заказанных Эрнестом блюд. «Позвольте мне догадаться, что кому. Телячья нога, тушенная в белом вине. Это, наверное, вам? — игриво спросил он, расставляя тарелки перед Полом. — А вы, — повернулся он к Эрнесту, — вам должны понравиться эти холодные овощи».

Эрнест рассмеялся: «Слишком много цуккини — я столько не съем! — Он поменял тарелки и принялся за еду. — Давай серьезно обсудим ситуацию с Джастином, — говорил он, отправляя в рот очередной кусок, — и рекомендации Маршала. Это действительно волнует меня. С одной стороны, Маршал знает, что делает. Я имею в виду, как бы то ни было, этот человек — настоящий профессионал своего дела. Психотерапевтической науке уже почти сто лет...»

«Науке? Ты что, шутишь? Черт побери, ты с тем же успехом можешь назвать наукой алхимию. Может, даже с большим основанием!»

«Ладно. Искусству терапии...» Пол нахмурился, и это не укрылось от Эрнеста. Он попытался поправиться: «Ну ты понимаешь, о чем я, сфера деятельности, усилия, я только хочу сказать, что сто лет этим занимались многие умные люди. Фрейд, знаешь ли, не был тупицей или тугодумом, мало кто может с ним сравниться. И все эти психоаналитики проводили десятки, тысячи, десятки тысяч часов, выслушивая своих пациентов. Маршал утверждает, что не принимать во внимание накопленный ими опыт, начинать все с чистого листа, поступать так, как я, — это верх самонадеянности».

Пол покачал головой: «Не верь ему, все это чушь — будто слушание неизбежно приносит знание. Есть такие вещи, как неорганизованное слушание, конкретизация ошибки, выборочное невнимание, самореализующиеся пророчества — бессознательное стимулирование пациента на сообщение информации, которую тебе бы хотелось услышать. Хочешь сделать что-то интересное? Зайди в библиотечное книгохранилище, найди книгу девятнадцатого века по гидротерапии — не исторический обзор, а оригинальный текст. Я сам видел тысячи страниц, на



которых давались подробнейшие инструкции — температура воды, длительность погружения, сила струи, оптимальное чередование холодной и горячей воды для каждого конкретного диагноза. Действительно впечатляюще, очень много материала, вполне научный подход — но не имеет абсолютно никакого отношения к реальности. Так что я не закидываюсь на «опыте поколений» или «традициях» и тебе не советую. На днях один эксперт по энеаграммам привел в качестве аргумента утверждение о том, что учение об энеа-граммах уходит корнями в священные древнесуфийские тексты. Полагаю, этим он хотел сказать, что их следует воспринимать со всей серьезностью. На самом же деле единственное, о чем это говорит, — и ему не понравилось, что я высказал ему свое мнение по этому поводу, — так это о том что давным-давно погонщики верблюдов, ведя мужские разговоры на кучах высохшего верблюжьего навоза, втыкали кнуты в песок и рисовали диаграммы личности».

«Странно... Интересно, почему он не оценил твое заявление?» — произнес Эрнест, подбирая остатки соуса толстым куском фокаччо.

«Знаю я, о чем ты думаешь, — продолжал Пол. — Абсолютная мизантропия, особенно в том, что касается экспертов. Я не рассказывал тебе, какое решение я принял на Новый год? Избавляться от экспертов — по одному в день. Это экспертное мнение — это одна большая шарада. Истина заключается в том, что мы частенько не понимаем, что творим. Почему нельзя быть настоящим, почему нельзя признать это, почему нельзя обращаться с пациентом по-человечески?

Я когда-нибудь рассказывал тебе, — продолжал Пол, — о том, как я лечился у психоаналитика в Цюрихе? Я попал к доктору Файферу. Ветеран психоаналитического движения был близким другом Юнга. К слову о самораскрытии терапевта! Этот парень рассказывал мне свои сны, особенно если в этом сне фигурировал я или если они имели хоть малейшее отношение к моей терапии. Ты читал «Воспоминания, сны, размышления» Юнга?»

Эрнест кивнул: «Да, чудная книжечка. И нечестная».

«Нечестная? Это почему же? Поставь этот вопрос на повестку дня на следующий месяц. А сейчас скажи мне, помнишь ли ты его слова о раненом лекаре?»

«Что лечить может только раненый лекар?»

«Этот старикан зашел еще дальше. Он утверждает, что идеальная терапевтическая ситуация возникает, когда пациент оказывается лучшим лекарством для душевных ран терапевта».

«Пациент залечивает раны терапевта?» — переспросил Эрнест.

«Именно! Только подумай, что это влечет за собой! Просто в голове не укладывается! И что бы ты там ни думал о Юнге, видит бог, он не был идиотом. Не уровня Фрейда, разумеется, но около того. Ну, многие из ближайшего окружения Юнга восприняли его слова буквально и, если в ходе терапии выплывали их собственные проблемы, начинали прорабатывать их. Так что мой аналитик не только рассказывал мне свои сны; при их интерпретации он уходил в самые интимные свои проблемы, однажды даже рассказывал мне о том, как испытывал ко мне гомосексуальное влечение. Я тогда пулей вылетел из его кабинета. Позже я выяснил, что моя волосатая задница его особенно не интересовала — он тогда активно совокуплялся с двумя своими пациентками».

«Научился он этому, разумеется, у своих старших товарищей», — заметил Эрнест.

«А как же, старина гОнг не испытывал ни малейших угрызений совести, соблазняя своих пациенток. В те годы психоаналитики были самыми настоящими хищниками, практически каждый из них. Отто Ранк спал с Анаис Нин, Юнг спал с Сабриной Спилрейн, а Тони Вулфф и Эрнест Джонс не пропускали ни одной юбки — им пришлось покинуть, как минимум, два города из-за скандалов на сексуальной почве. И разумеется, у Ференци плохо получалось держать руки подальше от своих пациенток. Пожалуй, единственный, кто не ввязывался в такие истории, был сам Фрейд». «Может, потому, что он был слишком увлечен Минной, своей свояченицей?»

«Нет, я так не думаю, — отозвался Пол. — Нет никаких доказательств. Полагаю, Фрейд преждевременно пришел в состояние гонадного спокойствия».

«Как я вижу, влечение к пациенткам вызывает у тебя столь же сильные эмоции, как и у меня. Итак, что ты думаешь о моей ситуации — о той встрече с бывшей пациенткой в книжном магазине, о которой я тебе только что рассказывал?»

«Знаешь, что мне напомнила эта история? Мой дядя Моррис был евреем-ортодоксом и настолько ревностно относился к кошерной пище, что в некошерном магазине не мог съесть и сандвич: он боялся, что его нарезали тем же ножом, что и сандвич с ветчиной для предыдущего клиента. Есть ответственность, и есть фанатизм под маской ответственности. Черт возьми, я помню времена у Хопкинса, когда мы гуляли со студентками-медсестрами. Ты всегда быстро уходил и мчался назад к своим книгам или начинал ухаживать за самой невзрачной.

Помнишь Матильду Порк? Мы еще звали ее Матильда Подпорка? Вот кого ты выбирал! А та красавица, которая бегала за тобой, а ты шарахался от нее, как от чумы. Как ее звали?»

«Бетси. Она казалась такой хрупкой — дунь и рассыплется. К тому же у нее был парень — полицейский детектив».

«Вот-вот, я об этом и говорю! Хрупкость, бойфренд — Эрнест, это ее проблемы, а не твои. Кто это увенчал тебя венком всеобщего терапевта? Но дай мне дорассказать тебе об этом докторе Файфере. На нескольких сеансах он менялся со мной местами».

«Менялся местами?»

«Самым натуральным образом. Иногда в самой середине сеанса он вставал и предлагал мне сесть на его стул, а сам садился на мой. Он начинал рассказывать о своих личных проблемах, связанных с той, о которой я ему рассказывал. Или объявлял о наличии у него сильнейшего контрпереноса и немедленно начинал его прорабатывать».

«Это часть юнгианской концепции?»

«В некотором роде да. Я слышал, что Юнг экспериментировал в этой области в работе со странным парнем по имени Отто Гросс».

«Есть какая-нибудь литература по этому поводу?»

«Не уверен. Знаю, что Френци и Юнг говорили о смене мест и экспериментировали с этим. Я даже не знаю точно, с кого все это началось».

«Ну и о чем же откровенничал с тобой твой аналитик? Приведи какой-нибудь пример».

«Лучше всего я помню историю, связанную с моей национальностью. Сам он не был антисемитом, но его отец, швейцарец, симпатизировал нацистам, чего он очень стыдился. Он сказал мне, что именно поэтому он женился на еврейке».

«И как это повлияло на ход терапии?»

«Да посмотри на меня! Приходилось ли тебе видеть человека более целостного?»

«Да, поработай ты с ним еще пару лет, сейчас бы уже замуровал вход в свою пещеру! Seriously, Пол, к чему это привело?»

«Ты знаешь, как сложно заниматься поиском причин, но я уверен, что его откровение не оказало никакого отрицательного влияния на терапевтический процесс. В целом оно пошло на пользу. Это позволило мне чувствовать себя более свободно, позволило доверять ему. Помнишь, в Балтиморе я пытался ходить к двум или трем терапевтам, холодным, как рыбы, и ни разу не вернулся».

«Я был более восприимчивым. Первым моим аналитиком была Оливия Смизерт, и я провел с ней около шестисот сеансов. Она была обучающим аналитиком, так что я решил, что в таком случае она должна знать, что делает, и если у меня что-то не получается, то это моя проблема. Огромное заблуждение. Как бы мне хотелось вернуть себе эти шестьсот часов! Она ничего о себе не рассказывала. У нас ни разу не было момента честности».

«Знаешь, не хотелось бы, чтобы ты неверно понял наши отношения с Файфером. Откровения *a la Suisse* вовсе не обязательно оказываются правдой. По большей части ко мне они отношения не имели. Его тянуло на откровения приступами. Он не смотрел на меня, он сидел футах в десяти и вдруг выскакивал из своего кресла, как чертик из табакерки, и начинал говорить о том, как бы ему хотелось отрубить отцу голову или переспать с сестрой. После чего опять становился черствым и надменным».

«Меня больше интересует актуальная реальность взаимоотношений, — сказал Эрнест. — Помнишь, я рассказывал тебе о сеансе с Джастином? Он должен был догадаться, что я в обиде на него, что я чувствую себя униженным. Только подумай, в какой парадоксальной ситуации он казался по моей вине: сначала я говорил ему, что цель терапии — перевести его на качественно иной уровень в отношениях с окружающими. Во-вторых, я пытаюсь установить аутентичные отношения с ним самим. В-третьих, возникает ситуация, когда он совершенно точно подмечает проблематичный аспект наших взаимоотношений. И я спрашиваю, как еще можно назвать это отрицание верного наблюдения, как не антитерапией?»

«Боже правый, Эрнест, не кажется ли тебе, что ты застрял на ничтожнейшем моменте в истории человечества? Знаешь, сколько у меня сегодня было пациентов? Двадцать два! И это при том, что я закончил пораньше, чтобы приехать сюда. Выпиши этому парню прозак и встречайся с ним по пятнадцать минут в две недели. Ты и вправду думаешь, что ему станет хуже от этого?»

«Ладно, забудь об этом, Пол, мы уже говорили на эту тему. Давай вернемся к моей проблеме».

«Ну давай. Проведи эксперимент. Поменяйся с ним местами во время сеанса и говори правду, только правду и ничего, кроме правды. Начни с завтрашнего дня. Говоришь, ты встречаешься с ним три раза в неделю? Ты хочешь отучить его от себя, развенчать свой образ в его глазах, отвести иллюзии? Так покажи ему свои слабые стороны. Чем ты рискуешь?»

«Возможно, будут проблемы с Джастином, кроме того, после стольких

лет терапии кардинальное изменение методики собьет его с толку. Идеализация устойчива. Может также возникнуть обратный эффект: зная Джастина, можно предположить, что он может идеализировать меня еще сильнее за такую честность».

«Ну и что? Вот тогда-то ты и обратишь на это его внимание».

«Ты прав, Пол. На самом деле, по-настоящему я рискую не пациентом, а собой. Как я могу сделать что-то, что Маршал, мой супервизор, не приемлет? А я ни в коем случае не могу лгать супервизору. Только представь — платить сто шестьдесят долларов в час и врать».

«Может, ты уже достиг профессионального роста. Может, пришло время перестать учиться у Маршала. Может он даже согласится с этим. Ты уже прошел стадию ученичества».

«Ха! Что касается психоанализа, я еще даже не начал! Мне нужно пройти полный курс психоаналитической подготовки, потратить на это четыре-пять лет — годы занятий, годы интенсивного супервизорского наблюдения за моими пациентами».

«Ну вот мы и решили, чем ты будешь заниматься остаток своих дней, — отозвался Пол. — Это ортодоксальный *modus operandi*.<sup>[19]</sup> Они несколько лет душат опасный, цветущий молодой мозг в куче навоза своих доктрин, пока он не перезреет, не зачахнет и не уйдет в семена. И вот, когда ветер сдувает последнюю одуванчиковую вспышку креативности, они присваивают вновь посвященному степень с уверенностью, что в своем слабоумии он увековечит их Святое писание. Вот как это работает, не правда ли? Любая инициатива обучаемого воспринимается как сопротивление, разве нет?»

«Что-то в этом роде. Разумеется, в интерпретации Маршала любой эксперимент будет отреагированием, или, как он говорит, моей терапевтической неводержанностью».

Пол подозвал официанта и заказал себе эспresso. «Терапевты давным-давно начали экспериментировать с самораскрытием. Я как раз начал читать новые клинические дневники Ференци. Очаровательно! Из всех близких соратников Фрейда один лишь Ференци нашел в себе смелость разработать более эффективную терапевтическую методику. Сам старик слишком большое значение придавал теории и слишком заботился о сохранении своего движения, чтобы уделять достаточное внимание результату. Кроме этого, как мне кажется, он был слишком циничен, чересчур уверен в непоколебимости человеческого отчаяния, чтобы ожидать реальных перемен после какой бы то ни было формы психологического воздействия. Так что Фрейд терпел Ференци, испытывал

к нему некоторую симпатию, насколько он вообще умел симпатизировать. Он брал Ференци с собой на отдых и подвергал его психоанализу во время совместных прогулок. Но каждый раз, когда ференци слишком далеко заходил в своих экспериментах, каждый раз, когда разработанные им процедуры грозили принести психоанализу дурную славу, Фрейд обходился с ним круто, очень круто. Есть письмо, где Фрейд поносит Ференци, говоря, что у того наступил третий пубертат».

«Разве Ференци не заслужил подобное обращение? Разве он не спал со своими пациентками?»

«Я не уверен. Это возможно, но мне кажется, что он преследовал ту же цель, что и ты, — стремился каким-то образом гуманизировать терапию. Прочитай эту книгу. Мне кажется очень интересным момент, посвященный «двойному» или «обоюдному» анализу, как он его называет. Один час он анализирует пациента, а следующий час пациент анализирует его. Я дам тебе эту книгу — когда ты вернешь мне предыдущие четырнадцать. И заплатишь штраф за то, что задержал их».

«Спасибо, Пол. Но у меня она уже есть. Стоит на полке, ждет своей очереди. Но твоё предложение дать мне её почитать... Я тронут, можно даже сказать, ошеломлен».

Двадцать лет Пол и Эрнест рекомендовали друг другу книги, в основном романы, но и специализированную литературу. Коньком Пола была современная проза, особенно те произведения, которые укрылись от взгляда или были отвергнуты нью-йоркским истеблишментом, тогда как Эрнест любил удивлять друга работами ныне покойных и порядком подзабытых авторов — Джозефа Рота, Стефана Цвейга, Бруно Шульца. Но книгами они не обменивались никогда. Пол вообще не любил делиться — даже едой, хотя Эрнесту всегда хотелось попробовать то или иное блюдо. Стены его дома были заставлены книгами, и он частенько неспешно просматривал их, с удовольствием вспоминая старинную дружбу с каждой из них. Эрнест тоже не любил давать книги почитать. Даже самые незначительные эпизоды он читал внимательно, с карандашом в руке, подчеркивая моменты, которые тронули его или заставили задуматься, чтобы впоследствии, возможно, использовать их в своих собственных произведениях. Пол разыскивал интересные поэтические слова и образы, Эрнест — идеи.

Приехав домой, Эрнест в течение часа изучал записи Ференци. Ещё он задумался над комментариями Сеймура Троттера относительно роли правды в терапии. Сеймур говорил, что мы должны показать пациентам, что едим свою собственную стряпню, что чем более открыто, более

естественно ведем себя мы, тем выше вероятность того, что пациенты последуют нашему примеру. Несмотря на общую неприязнь к Троттеру, Эрнест чувствовал, что что-то в нем есть от мудреца.

А что, если последовать совету Троттера? Раскрыться перед пациентом полностью? До рассвета Эрнест решился: он проведет эксперимент с использованием радикально эгалитарной терапии. Он будет абсолютно откровенен и преследовать будет одну лишь цель — установление аутентичных отношений с пациентом и признание того, что отношения сами по себе будут иметь терапевтический эффект. Никакой исторической реконструкции, никаких интерпретаций прошлого, никакого анализа психосексуального развития. Единственное, что удостоится его внимания, — это то, что происходит между ним и пациентом. И начнет он этот эксперимент немедленно.

Но кто же станет экспериментальным пациентом? Никто из тех, с кем он работал сейчас, не подходил на эту роль. Переход со старой методики к новой получится неуклюжим. Гораздо лучше начать все по-новому с новым пациентом.

Он взял свой блокнот, куда записывал время сеансов, и просмотрел расписание на следующий день. В десять утра приходила новая пациентка — Каролин Лефтман. Он ничего не знал о ней, за исключением того, что она решила обратиться к нему сама, прослушав его выступление в книжном магазине «Printers. Inc.» в Пало-Альто. «Итак, Каролин Лефтман, кто бы вы ни были, вас ожидает неповторимый терапевтический опыт!» — произнес он, выключая свет.

## Глава 6

В 9.45 Кэрол была уже в офисе Эрнеста и, следуя инструкциям, полученным при записи, прошла в приемную. Кэрол специально приехала пораньше, чтобы у нее было несколько минут привести себя в порядок, успокоиться, повторить придуманную ею историю болезни и вжиться в роль. Она присела на тот же зеленый кожаный диван, на котором обычно сидел Джастин. Всего два часа назад Джастин беспечно взбежал вверх по ступенькам и плюхнулся на тот же самый диван, где сейчас сидела Кэрол.

Она налила себе немного кофе, не спеша выпила его мелкими глотками, а потом сделала несколько глубоких вдохов, «пробуя на вкус» приемную Эрнеста. «Так вот оно, — думала она, оглядывая комнату. — Вот то поле боя, где этот гнусный человек и мой муж так долго готовили против меня заговор».

Она пробежалась взглядом по обстановке приемной. Отвратительно! Аипкие тканые портьеры на стенах, перекочевавшие сюда с ярмарки на Найт-стрит 60-х годов, древние кресла, любительские фотографии Сан-Шранцис-ко, среди которых — неперенный снимок викторианских зданий на Аламо-сквер. Боже упаси еще раз увидеть домашние фото психиатра, подумала Кэрол. Она вздрогнула, вспомнив офис доктора Кука, как она лежала на этом драном персидском ковре, уставившись на фотографии туманных восходов Труро, пока доктор мял ее ягодицы своими ледяными руками и с безрадостным, приглушенным ворчанием впихивал в нее сексуальное подтверждение, которое, по его словам, было ей необходимо.

Она потратила около часа на одевание. Она хотела выглядеть чувственной, но при этом ранимой и трогательной Шелковые брюки сменила длинная узорчатая юбка, легкую атласную блузку — красный кашемировый свитер Наконец она остановилась на короткой черной юбке, узком рубчатом свитере, тоже черном, и простенькой витой золотой цепочке. Под свитером — новый с иголочки кружевной бюстгальтер с объемными чашечками, очаровательно поднимающий грудь, который она приобрела специально для этого случая. Не зря же она наблюдала, как Эрнест общался с Нан в книжном магазине. Только слепой идиот мог бы не заметить этот ребяческий интерес к грудям. Эта похотливая дрожь — и язык, постоянно облизывающий напряженные губы. Он практически нагнулся к ней и начал сосать. Хуже того, он держался настолько напыщенно и самоуверенно, что ему, наверное, никогда и в голову не



приходило, что женщины замечают его плотоядные взгляды. Эрнест был невысокий, практически одного роста с Джастином, поэтому она надела туфли на плоской подошве. Она хотела было надеть черные узорчатые колготки, но передумала. Не сейчас.

Эрнест вышел в приемную и протянул руку: «Каролин Лефтман? Я Эрнест Лэш».

Каролина пожала его руку: «Доброе утро, доктор». «Прошу вас, входите, — произнес Эрнест, указывая ей на одно из кресел, стоящих друг напротив друга. — Мы в Калифорнии, поэтому мы с пациентами называем друг друга по имени. «Эрнест» и «Каролин», вы не против?»

«Я постараюсь привыкнуть, доктор. Может быть, у меня не сразу получится». Она прошла в кабинет следом за ним, бегло осмотрев окружающую обстановку. Два дешевых кожаных кресла были повернуты на девяносто градусов, так, чтобы и доктору, и пациенту приходилось слегка поворачивать голову, чтобы увидеть друг друга. На полу лежал потрепанный поддельный кашанский ковер. А у одной стены стояла — замечательно! — обязательная кушетка, над которой висела пара дипломов в рамках. Корзина для бумаг была переполнена, и Кэрл разглядела несколько измятых, перепачканных салфеток — вероятно, прямо из Бургер-Кинг. Ветхая фанерная ширма неприятного желтого цвета стояла напротив заваленного беспорядочными грудями бумаг, книг и увенчанного огромным компьютерным монитором стола Эрнеста. Ни намека на эстетический вкус. Ни следа женской руки. Хорошо!

Кресло оказалось жестким и неудобным. Сначала ей не хотелось опускаться в него, и она подложила под себя руки. Кресло Джастина. Сколько часов — часов, которые она оплатила, — Джастин провел в этом кресле, поливая ее помоями? Она вздрогнула при мысли о том, как он и эта жирная скотина сидели в этом кабинете, голова к голове, плетя против нее интриги.

«Спасибо вам, что приняли меня так быстро. Мне казалось, что я стою на самом краю», — дрожащим от благодарности голосом произнесла она.

«Когда мы говорили по телефону, вы казались подавленной. Давайте начнем с самого начала, — отозвался Эрнест, доставая свой блокнот. — Расскажите мне все, что я должен знать. Из нашего короткого разговора я вынес только то, что у вашего мужа рак и вы позвонили мне после того, как услышали мое выступление в книжном магазине».

«Да. А потом я прочитала вашу книгу. Она оказала на меня сильное впечатление. По многим причинам: ваше сострадание, ваша чувствительность, ваш ум. Я никогда не испытывала особого уважения к

терапии и к терапевтам, с которыми мне доводилось сталкиваться. За одним исключением. Когда я услышала вашу речь, меня охватило чувство, что вы, и только вы, можете мне помочь».

«О боже, — подумал Эрнест, — с этой пациенткой я собирался проводить терапию правды, устанавливать бескомпромиссно честные отношения, и вот, с самой первой минуты, — наифальшивейшее начало». Слишком хорошо он помнил, как сражался со своей тенью тем вечером в книжном магазине. Но что он мог сказать Каролине? Не правду же, честное слово! Что его бросало туда-обратно между членом и мозгом, между похотливым влечением к Нан и мыслями о теме доклада и слушателях? Нет! Дисциплина! Дисциплина! Там и тогда Эрнест начал формулировать основные принципы своей терапии правды. Первый принцип: «раскрывайся настолько, насколько это будет полезно для пациента».

В соответствии с этим принципом Эрнест дал ей честный, но продуманный ответ: «Я могу дать вам два различных ответа на этот комментарий, Каролин. Естественно, мне приятны ваши комплименты. Но в то же время ваши слова о том, что я, и только я, могу помочь вам, вызывают у меня дискомфорт. Потому что я еще и писатель, и общественное мнение склонно считать меня мудрее и компетентнее в области терапии, чем я есть на самом деле».

Каролин, — продолжал он, — я говорю вам это на тот случай, если выяснится, что наше сотрудничество по каким-либо причинам оказывается не слишком плодотворным, и я хочу, чтобы вы знали, что существует огромное множество терапевтов не менее компетентных, чем я. Но позвольте заметить, что я со своей стороны сделаю все, что в моих силах, чтобы соответствовать вашим ожиданиям». Эрнест почувствовал приятную теплоту в теле. Он был доволен собой. Неплохо. Очень неплохо.

Кэрол одарила его понимающей, восторженной улыбкой. «Нет ничего хуже, — подумала она, — чем пытаться втереться в доверие фальшивой скромностью. Напыщенный подонок! И если он так и будет через каждое предложение повторять «Каролин», меня стошнит».

«Итак, Каролина, давайте начнем с начала. Сначала — основные сведения о вас: возраст, семья, образ жизни, профессия».

Кэрол решила придерживаться середины между правдой и ложью. Чтобы не запутаться во лжи, она собиралась как можно более правдиво рассказать ему о своей жизни, искажая факты только по мере необходимости, чтобы не позволить Эрнесту догадаться, что она жена Джастина. Сначала она хотела назваться Кэролайн, но это имя казалось ей

слишком чужим, и она остановилась на «Каролин» в надежде, что оно не слишком похоже на «Кэрол». Обман давался ей легко. Она снова бросила взгляд на кушетку. Это не займет много времени, подумала она. Возможно, сеанса два-три.

Она выложила свою заученную историю ничего не подозревающему Эрнесту. Она произвела все необходимые приготовления. Она сменила телефонный номер, чтобы Эрнест не заметил, что у нее тот же телефон, что и у Джас-тина. Чтобы избежать ненужных проблем при открытии счета на свою девичью фамилию, Лефтман, она заплатила наличными. Она подготовила рассказ о своей жизни, который был максимально приближен к реальности, чтобы у Эрнеста не возникло подозрений. Она сказала ему, что ей тридцать пять лет, она прокурор, мать восьмилетней дочери, девять лет прожила в несчастливом браке и ее муж несколько месяцев назад перенес радикальное хирургическое вмешательство по поводу рака предстательной железы. Рак рецидивировал, и пришлось делать орхидэктомия, <sup>[20]</sup> назначить гормональную и химиотерапию. Она также хотела сказать, что гормоны и удаление яичек сделало его импотентом, а ее привело к сексуальной неудовлетворенности. Но сейчас ей казалось, что для первого раза это слишком. Не стоит спешить. Всему свое время.

Вместо этого она решила сделать центральной проблемой их первой встречи свое отчаяние, вызванное ощущением того, что она в ловушке. Ее семейная жизнь, говорила она Эрнесту, никогда не приносила ей удовлетворения, и она серьезно думала о разводе, когда у мужа нашли рак. Когда страшный диагноз был поставлен, мужа охватило глубокое отчаяние. Он приходил в ужас при мысли, что будет умирать в одиночестве, и она не могла заставить себя поднять вопрос о разводе. Прогноз был неутешительным. Муж умолял ее не оставлять его умирать в одиночестве. Она согласилась и оказалась в ловушке до конца его дней. Он настоял на переезде с северо-запада в Сан-Франциско — поближе к раковому центру Калифорнийского университета. Так что пару месяцев назад она, расставшись с друзьями и оставив юридическую карьеру, переехала в Сан-Франциско.

Эрнест внимательно ее слушал. Он был поражен, насколько ее история напоминала историю вдовы, которую он лечил несколько месяцев назад. Эта учительница уже собиралась попросить мужа дать ей развод, но у мужа тоже обнаружили рак предстательной железы. Она пообещала ему, что не оставит его умирать в одиночестве. Но ужас ситуации заключался в том, что умирал он целых девять лет! Девять лет она ухаживала за ним, а рак потихоньку пожирал его тело. Ужасно! А после его смерти она не могла

найти себе места от ярости и сожалений. Она отдала девять лучших лет своей жизни мужчине, которого не любила. Не это ли ожидало и Каролин? Сердце Эрнеста сжималось от сочувствия.

Он пытался проявить эмпатию, представить себя в ее ситуации. Он отметил сопротивление. Словно он нырял в холодный бассейн. Какая ужасная ловушка!

«А теперь расскажите мне, как это на вас повлияло».

Кэрол быстро перечислила симптомы: бессонница, тревожность, ощущение одиночества, приступы плача, ощущение безысходности. Ей было не с кем поговорить. Не с мужем же! Они никогда не разговаривали раньше, а сейчас пропасть, лежащая между ними, только увеличилась. Единственное, что ей помогало, была марихуана, и после переезда в Сан-Франциско она выкуривала по два-три косяка в день. С глубоким вздохом она замолчала.

Эрнест окинул Каролин внимательным взглядом. Грустная привлекательная женщина. Опущенные уголки ее губ превращали лицо в горькую гримасу. Большие, полные слез глаза; короткие черные кудри; длинная изящная шея; узкий свитер, обтягивающий аккуратные крепкие грудки, натянутый смело выступающими сосками; узкая юбка; черные трусики, промелькивающие, когда она медленно скрещивала свои стройные ноги. На какой-нибудь вечеринке Эрнест бы не смог пройти мимо такой женщины, но сегодня ее сексуальная привлекательность не трогала его. Еще в медицинском колледже он научился щелкать выключателем, отключая сексуальное возбуждение и даже интерес, работая с пациентами. Он целый день проводил осмотр в гинекологической клинике, не допустив не единой мысли о сексе, а вечером выставил себя полным идиотом, пытаясь забраться в трусы какой-то медсестре.

«Что я могу сделать для Каролин, — думал он. — Имеет ли ее проблема отношение к психиатрии? Может, она просто невинная жертва, оказавшаяся в ненужное время в ненужном месте. Будь она помоложе, она бы обратилась за утешением к своему священнику».

Может, именно такого рода утешение ему и стоило предложить ей. Вне всякого сомнения, у церкви стоит позаимствовать что-то из ее двухтысячелетней терапевтической практики. Эрнеста всегда занимал вопрос о подготовке священников. Насколько эффективно было то утешение, которое они давали людям? Где они учились этому? Курсы утешения? Курсы консультирования в исповедальне? Любопытство Эрнеста однажды заставило его начать поиски литературы, посвященной консультированию в католической церкви. Поиски оказались бесплодными.

Потом он обратился с вопросом в местную семинарию и выяснил, что в расписании не была предусмотрена непосредственная психологическая подготовка. Однажды, оказавшись в заброшенном шанхайском соборе, Эрнест пробрался в исповедальню и полчаса просидел в кресле священника, вдыхая воздух католической церкви и бормоча снова и снова: «Ты прощен, сын мой, ты прощен!» Переполненный завистью, он вышел из исповедальни. Каким мощным оружием против отчаяния, достойным Юпитера, обладали жрецы; по сравнению с ними его светское вооружение, состоящее из интерпретаций и утешительных зелий, казалось совершенно ничтожным.

Вдова, которой он помог пережить горечь утраты и которая до сих пор иногда приходила к нему, чтобы привести в порядок свои чувства, однажды сказала, что он играет роль «сочувствующего свидетеля». Возможно, подумал Эрнест, эта роль — единственное, что он может предложить Каролин Лефтман.

Но может быть, и нет! Может, здесь открываются возможности для полноценной терапии.

Эрнест мысленно составил список вопросов, которые необходимо выяснить. Во-первых, почему у нее были такие плохие отношения с мужем до того, как у него обнаружили рак? Зачем десять лет жить с человеком, которого не любишь? Эрнест вспомнил свой несчастный брак. Если бы Рут не разбилась насмерть в своем автомобиле, смог бы он порвать с ней? Возможно, нет. Но все же, если семейная жизнь Каролин складывалась так неудачно, почему они ни разу не попытались пройти курс семейной терапии? И можно ли ее оценку брака принимать за истину в последней инстанции? Может быть, был шанс сохранить семью? Зачем им понадобилось переезжать в Сан-Франциско для лечения рака? Множество пациентов приезжают в раковый центр, проходят краткосрочное лечение и возвращаются домой. И почему она так смиренно отказалась от карьеры и друзей?

«Вы давно уже попали в ловушку, Каролин, сначала это был брак, теперь брак и моральные терзания, — предположил Эрнест. — Или брак против морали?»

Кэрол попыталась выдать из себя кивок согласия. «О! Потрясающе! — подумала она. — Мне, наверное, стоит броситься на колени».

«Знаете, мне бы хотелось, чтобы вы ввели меня в курс дела, чтобы вы рассказали мне все о себе, все, что, по вашему мнению, я должен знать и что поможет нам понять, в чем суть затруднительной ситуации, в которой

вы оказались».

«Нам», — подумала Кэрол. Хм-м-м, интересно. Они такие хитрые. Они так искусно подцепляют нас на крючок. Пятнадцать минут после начала сеанса — и вот уже «мы», «расскажите мне все»; «мы» уже, судя по всему, сошлись на том, что, если мы поймем, в чем суть моей «затруднительной ситуации», это и будет спасением. И ему нужно знать все-все-все. Он к тому же не торопится. И правда, зачем ему торопиться за сто пятьдесят долларов в час? Сто пятьдесят долларов чистыми, между прочим, никаких пятидесятипроцентных предоплат, никаких чиновников, комнаты для переговоров, библиотеки юридического персонала, даже секретаря нет.

Вернувшись мыслями к Эрнесту, Кэрол начала вспоминать свою историю. Правдивость — залог безопасности. Держаться в рамках. Разумеется, думала она, Джастин слишком эгоцентричен, чтобы подробно рассказывать терапевту о жизни своей жены. Чем меньше она будет лгать, тем убедительнее будут ее слова. Следовательно, за исключением того, что вместо юридического колледжа «Браун и Стэнфорд», в котором она училась, Кэрол назвала колледж «Рэдклифф», она просто рассказала Эрнесту о своем детстве, о фрустрированной, ожесточенной матери, преподавательнице начальных классов, которая так и не оправилась от удара, которым стал уход отца из семьи.

Воспоминания об отце? Он бросил их, когда ей было восемь. По словам ее матери, он сошел с ума в тридцать пять лет, влюбился в замызганную хиппушку, все бросил, несколько лет ездил за «Greatest Dead», после чего пятнадцать лет курил марихуану в коммуне хиппи в Сан-Франциско. Еще несколько лет он присылал ей поздравительные открытки на день рождения (без обратного адреса), а потом... ничего. До похорон матери. Тогда он внезапно вернулся, одетый так, словно время повернулось вспять, в поношенную униформу Хейт-Эшбери — стоптанные сандалии, потертые драные джинсы и выцветшую рубашку, утверждая, что только присутствие его жены все эти годы мешало ему исполнять свой отцовский долг. Кэрол отчаянно скучала по отцу, нуждалась в нем, хотела, чтобы он остался с ней, но начала сомневаться в его нормальности, когда во время службы на кладбище он прошептал ей, что ей необходимо немедленно выпустить наружу всю злость к матери.

Все ее иллюзии относительно возвращения отца окончательно развеялись на следующий же день, когда, запинаясь, яростно скребя вшивые космы и наполняя комнату зловонием от своих самокруток, он сделал ей деловое предложение, которое заключалось в том, что она

должна передать ему полученное ею небольшое наследство, чтобы он вложил его в центральный магазин Хейт-стрит. Она отказалась. Он начал настаивать, что дом ее матери «по праву» принадлежит ему — пусть не «юридически», но по «закону человеческого», так как двадцать пять лет назад он внес за него первый взнос. Разумеется, она предложила ему удалиться (на самом деле она не стала говорить Эрнесту, что ее предложение звучало так: «Выметайся отсюда, ублюдок»). После чего ей, к счастью, никогда не приходилось с ним встречаться.

«То есть вы одновременно потеряли и отца, и мать?»

Кэрол смело кивнула.

«Братья, сестры?»

«Да, брат, на три года старше меня».

«Как его зовут?»

«Джеб».

«Где он сейчас?»

«В Нью-Йорке или Нью-Джерси, я точно не знаю. Где-то на Восточном побережье».

«Он не звонит вам?»

«И не надо!»

В резком ответе Кэрол прозвучала такая горечь, что Эрнест невольно вздрогнул.

«Почему не надо?» — поинтересовался он.

«Джеб женился в девятнадцать, а в двадцать один ушел на флот. В тридцать один он начал приставать к двум своим маленьким дочерям. Я была на суде: ему дали всего три года тюрьмы и позорное предписание суда. Ему запрещено жить ближе чем за тысячу миль от Чикаго, где живут его дочери».

«Посмотрим. — Эрнест сверился со своими записями и произвел несложные вычисления. — Он на три года старше вас... вам было где-то двадцать восемь... то есть это случилось десять лет назад. Вы не виделись с ним с тех пор, как его посадили?»

«Три года — это слишком короткий срок. Я назначила ему более длительное наказание».

«Какое?»

«Пожизненное!»

Эрнеста передернуло. «Пожизненное заключение — это очень долго».

«За преступление, караемое смертной казнью?»

«А что было до преступления? Вы сильно злились на брата?»

«Одной его дочери было восемь лет, другой десять, когда он

изнасиловал их».

«Нет, нет, я имел в виду, злились ли вы на него до того, как он совершил это преступление».

«Одной его дочери было восемь лет, другой десять, когда он изнасиловал их», — сжав зубы, повторила Кэрол.

Тпру! Эрнест попал на минное поле. Он знал, что он проводит рискованный сеанс, о котором никогда не расскажет Маршалу. Он мог представить себе, какая критика его ждет: «Что, черт возьми, ты творишь? Выжимаешь из нее информацию о брате, а у самого еще нет даже приличной систематизированной истории ее жизни. Ты не выяснил ничего о ее супружеской жизни, а это заявленная ею причина ее прихода к тебе». Да, он прямо-таки слышал, как Маршал говорит ему все это. «Разумеется, в этом что-то есть. Но, Христа ради, можешь ты подождать? Запомни эту тему; вернись к ней в подходящее время. Опять твоя невозддержанность!»

Но Эрнест знал, что должен выбросить из головы мысли о Маршале. Он решил быть полностью открытым и честным с Каролин, а это требовало от него спонтанности; он должен был делиться с ней тем, что чувствовал, именно тогда, когда он это чувствовал. Никакой тактики, никаких «идей про запас», скрываемых от пациента. Его лозунгом на сегодня было «Будь собой. Отдавай себя».

Кроме того, Эрнест был восхищен внезапной вспышкой ярости Каролин — такой неожиданной, такой неподдельной. Сначала ему было трудно задеть ее — она казалась такой мягкой, такой слабой. А вот теперь он видел ее сущность — она ожила, ее слова и ее лицо говорили об одном. Чтобы установить контакт с этой женщиной, он должен сделать так, чтобы она оставалась такой, какая она есть. Он решил довериться своей интуиции и отдаться на волю эмоций.

«Вы злитесь, Каролин, — не только на Джеба, но и на меня».

Наконец-то, кретин, ты что-то понял, подумала Кэрол. Господи Иисусе, ты даже хуже, чем я думала. Немудрено, что ты так и не смог понять, что вы с Джастином сделали мне. Тебя даже не трогает мысль, что восьмилетняя девочка подвергается насилию со стороны отца!

«Прошу прощения, Каролин, что я задаю так много вопросов на эту деликатную тему. Возможно, я поторопился. Но позвольте мне быть честным с вами. Я пытался выяснить вот что: если этот варвар Джеб мог сделать это со своими маленькими дочками, что же он мог сделать со своей младшей сестренкой?»

«Что вы имеете в виду?..» Кэрол опустила голову; ее вдруг охватила невыносимая слабость.



«Вы в порядке? Может быть, принести воды?»

Кэрол покачала головой и быстро взяла себя в руки. «Простите, мне вдруг стало нехорошо. Не знаю, что это было».

«Как вы думаете?»

«Я не знаю».

«Не отпускайте это ощущение, Каролин. Сохраните его еще на пару минут. Это произошло, когда я спросил о вас и Джебе. Я думал о том, какой вы были в десять лет, как вы жили тогда с таким старшим братом».

«Я была консультантом на нескольких процессах по насилию над детьми. Это были самые жестокие процессы, которые мне доводилось видеть. Не только ужасные воспоминания, к которым приходится возвращаться, но и этот насильственный переворот в жизни семьи и все эти споры вокруг внушенных воспоминаний — это всегда тяжело. Думаю, я побледнела, представив, что мне пришлось пережить что-то подобное. Не знаю, это ли вы хотели от меня услышать, но если так, то я должна вам сказать, что сейчас я не могу вспомнить ни одной конкретной травмы, связанной с Джебом. Я помню только типичную ситуацию: он изводил меня точно так же, как любой брат младшую сестру. Но я должна отметить и то, что я мало что помню про свое раннее детство».

«Нет, нет. Простите, Каролин, я, наверное, недостаточно четко выражаю свои мысли. Я не имел в виду какую-нибудь серьезную детскую травму и связанный с ней посттравматический стресс. Вовсе нет, хотя не могу не согласиться с вами — сейчас модно говорить об этом. Я имел в виду совсем другое. Это не столь драматично, не столь явно, более типично. Можно сказать так: каково вам жилось, если приходилось большую часть времени проводить с безразличным или даже жестоким братом?»

«Да, да, теперь я вижу разницу».

Эрнест посмотрел на часы. «Черт возьми, — подумал он, — осталось всего семь минут. А сколько всего еще нужно успеть! Я должен начать разбираться в ее семейной ситуации».

Хотя Эрнест бросил лишь мимолетный взгляд на часы, это не укрылось от внимания Кэрол. Ее первая реакция была необъяснима: ей стало обидно. Но это быстро прошло. Только посмотрите на него! — думала она. Трусливый, жадный ублюдок высматривает, через сколько минут он сможет выставить меня за дверь и запустить счетчик на очередные сто пятьдесят долларов.

Эрнест прятал часы в глубине полки, где пациенты не могли их видеть. Маршал же, наоборот, держал на самом видном месте — на небольшом

столике, который стоял между ним и пациентом. «Все должно быть по-честному, — говорил он. — Все знают, что пациент оплачивает пятьдесят минут моего времени, так зачем прятать часы? Если ты прячешь часы, ты притворяешься, что у вас с пациентом не профессиональные, а личные отношения». В этом весь Маршал: основательный, неопровержимый. Эрнест же убирал часы подальше.

Эрнест попытался за последние несколько минут добыть информацию о муже Каролин: «Меня поражает тот факт, что все мужчины, о которых вы говорили, мужчины, которые играли основную роль в вашей жизни, сильно разочаровали вас, причем разочаровали — это слабо сказано: отец, брат, муж, разумеется. Но про вашего мужа я пока почти ничего не знаю».

Каролин проигнорировала приманку, брошенную Эрнестом. У нее был свой план.

«Раз уж мы затронули тему значимых мужчин в моей жизни, которые разочаровали меня, я должна отметить одно важное исключение. Когда я училась в «Рэдклиффе», я была в ужасном психологическом состоянии. Хуже мне никогда не было. Я была в глубокой депрессии, ненавидела себя, чувствовала себя неполноценной, отвратительной. Последней каплей стало предательство Расти, с которым я встречалась со школы. Я пустилась во все тяжкие, много пила, употребляла наркотики, собиралась бросить колледж, думала даже о самоубийстве. А потом я попала к терапевту, доктору Ральфу Куку, и он спас мне жизнь. Это был удивительно добрый, ласковый и надежный человек».

«Как долго вы с ним встречались?»

«В качестве пациентки — полтора года».

«Было что-то еще, Каролин?»

«Я не совсем уверена, стоит ли говорить об этом. Мне действительно дорог этот человек, и я не хочу быть неправильно понятой». Кэрл достала салфетку и выжала слезу.

«Вы можете продолжать?»

«Ну... Мне действительно неудобно говорить об этом...

Я боюсь, вы осудите его. Мне вообще не стоило упоминать о нем. Я знаю, что терапия конфиденциальна. Но... но...»

«Каролин, вы хотите о чем-то меня спросить?» Эрнест хотел как можно скорее дать ей понять, что он — терапевт, которому она может задать любой вопрос и который на любой вопрос ответит.

Черт тебя побери, думала Кэрл, вне себя от бешенства. «Каролин, Каролин, Каролин». В каждую чертову фразу он должен вставлять «Каролин»!

Она продолжила. «Вопрос... Ну да. И не один. Во-первых, действительно ли это полностью конфиденциально? Никто об этом не узнает? И во-вторых, будете ли вы осуждать его или подводить под сложившиеся стереотипы?»

«Конфиденциально? Абсолютно. Можете на меня положиться».

Положиться на тебя? — подумала Кэрол. Ага, точно, как на Ральфа Кука.

«Что касается осуждения, я здесь для того, чтобы понять, а не чтобы судить. Я сделаю все, что в моих силах, и обещаю, что буду с вами полностью откровенен. Я отвечу на все ваши вопросы», — сказал Эрнест, вплетая в ткань первого сеанса нить решимости говорить правду.

«Хорошо, тогда я просто скажу. Доктор Кук стал моим любовником. Мы провели несколько сеансов, после чего он начал иногда обнимать меня, чтобы успокоить, и однажды это случилось — на том восхитительном персидском ковре, прямо на полу его кабинета. Это было лучшее, что со мной происходило. Не знаю, что еще можно сказать об этом, кроме того, что это спасло меня. Я приходила к нему каждую неделю, и каждую неделю мы занимались любовью, и вся боль, все страдания попросту исчезли. В конце концов он решил, что в терапии я больше не нуждаюсь, но мы оставались любовниками еще целый год. С его помощью я закончила колледж и поступила на юридический факультет. В самый лучший университет — Чикагский университет права».

«Ваши отношения прекратились, когда вы поступили в университет?»

«По большей части да. Но иногда, когда он был мне нужен, я летела в Провиденс, и он всегда ждал меня, всегда давал мне поддержку, в которой я нуждалась».

«Он все еще присутствует в вашей жизни?»

«Он мертв. Он умер рано, года через три после того, как я закончила юридический факультет. Думаю, я так и не научилась обходиться без него. Вскоре после этого я познакомилась со своим мужем, Уэйном, и решила выйти за него. Опрометчивое, поспешное решение. И не самое удачное. Может, мне так не хватало Ральфа, что я внушила себе, что вижу его в своем муже».

Кэрол взяла еще салфеток, опустошив коробку Эрнеста. Сейчас ей не приходилось выжимать из себя слезы; они текли сами по себе. Эрнест достал очередную коробку из ящика стола, оторвал пластиковую крышку, вытащил первую салфетку и передал ее Кэрол. Эти слезы поразили ее: собственная жизнь, представленная в таком трагическом и романтическом свете, повергла ее в смятение, и выдумка стала реальностью. Как это

прекрасно — быть любимой таким великодушным, удивительным человеком," и как ужасно, как невыносимо — здесь Кэрол разрыдалась еще сильнее — никогда больше не видеть его, потерять его навсегда! Когда приступ мировой скорби миновал, Кэрол отложила салфетки в сторону и уставилась на Эрнеста, ожидая его реакции.

«Итак, я все вам рассказала. Вы не осуждаете его? Вы обещали сказать мне правду».

Эрнест чувствовал себя крайне неловко. Истина состояла в том, что этот покойный доктор Кук не вызывал у него сострадания. Он быстро перебрал возможные варианты поведения. «Не забудь: полная откровенность!» — напоминал он себе. Но решил пренебречь этим советом. Полная откровенность в данном случае не пойдет пациенту на пользу.

Впервые он столкнулся с сексуальными злоупотреблениями терапевтов во время беседы с Сеймуром Троттером. В течение следующих восьми лет ему доводилось работать с пациентами, у которых были сексуальные контакты с предыдущими терапевтами, и каждый раз последствия оказывались пагубными для пациента. И кто может сказать, как это все закончилось для Белль, если есть лишь одна фотография, на которой Троттер торжествующе поднимает руку к небу? Разумеется, суд постановил выплатить ей денежную компенсацию, но что еще? Разрушение мозга Сеймура прогрессировало. Возможно, через год-два ей пришлось постоянно заботиться о нем до конца его дней. Нет, нельзя сказать, что для Белль все это хорошо кончилось. Как и для всех пациентов, о которых он слышал. Но как бы то ни было, сегодня перед ним сидит Каролин, которая утверждает, что имела длительную сексуальную связь со своим терапевтом и это спасло ей жизнь. Эрнест был ошеломлен.

Первым его побуждением было оспорить заявление Каролин: возможно, перенос на доктора Кука был столь силен, что она не могла сказать правду самой себе. В конце концов, было ясно, что Каролин не была свободна. Пятнадцать лет спустя она все еще скорбит о нем. Более того, из-за романа с доктором Куком она неудачно вышла замуж, и последствия этого мучили ее до сих пор.

«Осторожно, — предостерег себя Эрнест, — не принимай поспешных решений. Займи позицию добродетельного праведника-моралиста, и ты потеряешь пациента» Откройся, попытайся войти в чувственный мир Каролин. И, главное, ни одного плохого слова в адрес доктора Кука». Маршал говорил ему об этом. Большинство пациентов испытывают сильную привязанность к терапевтам, с которыми вступали в сексуальные

отношения, и им нужно время, чтобы избавиться от пережитков этой любви. Большинству пациентов-жертв сексуального злоупотребления приходится сменить несколько терапевтов, прежде чем они найдут того, с кем смогут работать.

«Итак, ваш отец, ваш брат и ваш муж в конце концов бросили или предали или обманули вас. А единственный мужчина, которого вы любили, умер. Иногда смерть тоже кажется предательством». Эрнест был крайне недоволен собой, этим терапевтическим клише, но в сложившейся ситуации это было лучшее, что он мог сказать.

«Не думаю, что доктор Кук испытывал особенную радость, умирая».

Кэрол сразу пожалела о своих словах. Не глупи! — обругала она себя. Ты хочешь соблазнить этого человека, обставить его, так какого черта ты взрываешься и бросаешься на защиту этого замечательного доктора Кука, который на самом деле лишь плод твоего воображения?

«Простите меня, доктор Лэш... то есть Эрнест. Я знаю, что вы не это хотели сказать. Думаю, что сейчас я очень скучаю по Ральфу. Мне так одиноко».

«Знаю, Каролин. Вот почему так важно, чтобы мы были близки».

Эрнест заметил, как расширились глаза Каролин. Осторожнее, осадил он себя. Она может подумать, что ты хочешь соблазнить ее. Он продолжал более формальным голосом: «И именно поэтому терапевт и пациент должны разобрать все, что появляется в их отношениях, — как, например, раздражение, которое я вызвал у вас пару минут назад». Хорошо, хорошо, значительно лучше, подумал он.

«Вы сказали, что будете со мной полностью откровенны. Кажется, я спрашивала, осуждаете ли вы меня или его».

«Въехотите, чтобы я ответил на этот вопрос, Каролин?» Эрнест тянул время.

Боже правый! Я что, должна написать ему это большими буквами? — возмущалась Кэрол. «Вы осуждали нас? Что вы чувствуете?»

«По поводу Ральфа?» Еще одна отговорка.

Кэрол кивнула, беззвучно застонав.

Эрнест отбросил всю осторожность и выложил ей все как на духу. Почти. «Должен сказать, ваши слова вывели меня из равновесия. И, мне кажется, я действительно осуждаю его. Но я работаю над этим — я не хочу подавлять это в себе, хочу остаться полностью открытым перед вами.

Позвольте мне объяснить, почему это вывело меня из равновесия, — продолжал Эрнест. — Вы говорите, что он сильно помог вам, и я верю вам. Иначе зачем вам приходить сюда, платить мне большие деньги и не

говорить правду? Так что я не сомневаюсь в искренности ваших слов. Но я не могу не обращать внимания на свои чувства — не говоря уже о специализированной литературе и единодушном признании выдающимися клиницистами данного факта, который заставляет меня думать иначе. А именно, я считаю, что сексуальные отношения между пациентом и терапевтом неизбежно оказываются деструктивными для пациента — а в конце концов и для терапевта».

Кэрол предусмотрела такой аргумент. «Знаете, доктор Лэш... простите, Эрнест... я скоро переучусь; я не привыкла воспринимать мозгоправов как реальных людей, к которым можно обращаться по имени. Они обычно прячутся за своими титулами. Они, в отличие от вас, обычно не отличаются такой честностью по отношению к самим себе. О чем это я... Ах да. Готовясь к встрече с вами, я взяла на себя смелость просмотреть в библиотеке вашу биографию: старая профессиональная привычка проверять мандаты врачей, которые будут выступать в суде в качестве экспертных свидетелей».

«И что?»

«И я узнала, что вы хороший специалист в области естественных наук и что вы опубликовали несколько отчетов по проведенным вами исследованиям в психофармакологии».

«И что?»

«Так как вы можете отвергать научные стандарты здесь? Только подумайте, на основании каких данных вы делаете выводы относительно Ральфа. Какие у вас свидетельства? Совершенно неконтролируемая выборка. Признайтесь себе — неужели она сможет пройти хоть какое-нибудь научное освидетельствование? Разумеется, имеющаяся в вашем распоряжении выборка пациентов, имевших сексуальные отношения со своими терапевтами, состоит из травмированных и неудовлетворенных — потому что именно они обращаются к вам за помощью. Но остальные — довольные клиенты, вроде меня, — они к вам не приходят, и вы даже не представляете, как их много. Итак, вы знаете только числитель — это те, кто обращается за терапевтической помощью. О знаменателе же — о тех пациентах и терапевтах, которые поддерживают сексуальные отношения, или о тех, кому это помогло, или о тех, на ком никак не отразился этот опыт, — вы не знаете ничего».

Впечатляюще, подумал Эрнест. Интересно видеть ее в профессиональной роли; не хотел бы я оказаться в зале суда в качестве противника этой женщины.

«Понимаете, о чем я говорю, Эрнест? Вы допускаете, что я могу быть

права? Ответьте мне честно. Приходилось ли вам до меня видеть пациента, который не пострадал от подобного рода отношений?»

Он снова вспомнил Белль, пациентку Сеймура Троттера. Попадает ли Белль под категорию тех, кому это помогло? Снова в его мозгу появилась фотография Сеймура и Белль. Эти грустные глаза. Но, может быть, ей стало лучше. Кто знает, может, они оба вытрали от этого? Или улучшение было временным? Нет, в этом случае ни в чем нельзя быть уверенным, и меньше всего уверенности в том, как сложились их личные отношения. Эрнест уже давно задавался вопросом, когда же они приняли решение уехать на остров. Может, Сеймур в самом конце решил спасти ее? Или они сговорились еще раньше? Может, с самого начала?

Нет, эти мысли озвучивать не стоило. Эрнест выбросил из головы образы Сеймура и Белль и легонько покачал головой в ответ на вопрос Каролин. «Нет, Каролин. У меня никогда не было пациентки, которая бы не пострадала от этого. Но тем не менее ваше требование объективности имеет право на жизнь. Это поможет мне не быть предвзятым. — Эрнест демонстративно посмотрел на часы. — Наше время уже вышло, но мне бы хотелось прояснить пару вопросов».

«Разумеется», — обрадовалась Кэрл. Еще один хороший знак. Сначала он предложил мне задавать ему вопросы. Ни один уважающий себя мозгоправ на это не пойдет. Он даже намекал, что ответит на личные вопросы о своей жизни, — в следующий раз я это проверю. А теперь он нарушает правила, сильно превышая пятидесятиминутный лимит.

Она читала рекомендации АПА психиатрам о том, как избежать обвинения в сексуальном злоупотреблении: ставить четкие границы, избегать «скользких» тем, не называть пациентов по имени, начинать и заканчивать сеансы точно вовремя. Каждый случай сексуального злоупотребления, при разборе которого она выступала консультантом, начинался с превышения этого пятидесятиминутного лимита времени. Ага, подумала она, здесь промашка, там промашка, кто знает, к чему это нас приведет через пару сеансов?

«Сначала мне хотелось бы узнать, какие неприятные ощущения вы унесете домой после этого сеанса. Что вы можете сказать о сильных эмоциях, которые у вас вызвал разговор о Джеде?»

«Он не Джед, он Джеб».

«Простите. О Джебе. Когда мы говорили о нем, вы побледнели».

«Мне до сих пор немного не по себе, но я в порядке. Думаю, вы были близки к чему-то важному».

«Хорошо. Во-вторых, я бы хотел спросить вас о наших

взаимоотношениях. Вы сегодня хорошо поработали, несколько раз шли на риск, посвятили меня в действительно важные проблемы. Вы доверились мне, и я ценю это доверие. Как вы думаете, мы сработаемся? Что вы чувствуете по отношению ко мне? Каково это — быть со мной такой откровенной?»

«Мне нравится работать с вами. Действительно нравится, Эрнест. Вы привлекательны, вы гибкий; с вами легка общаться, и вы обладаете удивительной способностью находить травмы, о которых я и не подозревала. Мне кажется, я попала в надежные руки. Вот ваши деньги. — Она вручила ему три пятидесятидолларовые банкноты. — Пока мои деньги переводят из Чикаго в Сан-Франциско, мне было бы удобнее расплачиваться наличными».

В надежные руки, думал Эрнест, провожая ее до двери. Но, кажется, говорят «в хорошие руки»?

Уже у двери Кэрол обернулась. В ее глазах стояли слезы. «Спасибо вам. Вас мне сам бог послал!»

Она наклонилась, легонько обняла удивленного Эрнеста и вышла.

Кэрол спускалась вниз по ступенькам, когда волна грусти нахлынула на нее. К ней вернулись нежеланные образы прошлого: они с Джемом дерутся подушками; с воплями скачут по родительской кровати; отец несет ее книги, провожая ее в школу; гроб ее матери уходит под землю; Расти, совсем еще ребенок, ухмыляется ей, вытаскивая ее книги из ее школьного ящика; ужасное возвращение отца; жуткий, протертый персидский ковер в кабинете доктора Кука. Она зажмурилась, пытаясь отогнать их. Потом ей в голову пришла мысль о Джастине, который в этот самый момент, быть может, идет где-то рука об руку с той другой женщиной. Может быть, даже где-то рядом. Она вышла из здания и огляделась. На Сакраменто-стрит Джастина не было. Был молодой привлекательный мужчина с длинными светлыми волосами в хлопчатобумажных брюках, розовой майке и свитере цвета слоновой кости, который проскочил мимо нее и понесся вверх, перескакивая через две ступеньки. Очередной сосунок в гости к Лэшу, подумала она. Уходя, она обернулась и бросила взгляд на окно Эрнеста. Черт возьми, подумала она, этот сукин сын пытается мне помочь!

Эрнест сидел за столом и делал записи по проведенному сеансу. В комнате еще долго стоял резкий цитрусовый аромат духов Каролин.



## Глава 7

Проведя супервизорскую консультацию с Эрнестом, Маршал Стрейдер откинулся на спинку кресла, думая о победной сигаре. Двадцать лет назад он слышал, как доктор Рой Гринкер, известный чикагский психоаналитик, рассказывал о том, как провел год на кушетке у Фрейда. Это было в двадцатые годы, когда для того, чтобы стать признанным корифеем психоанализа, необходимо было совершить паломничество на кушетку мастера. В некоторых случаях это занимало пару недель, а если кто-то ставил своей целью совершить переворот в психоанализе — не меньше года. По словам Гринкера, Фрейд никогда не скрывал ликования, когда ему удавалось сделать удачную интерпретацию. А если Фрейду казалось, что интерпретация была чрезвычайно удачной, он открывал коробку дешевых сигар и предлагал пациенту раскурить «победную сигару». Эта его милая, наивная трактовка переноса вызвала у Маршала улыбку. Если бы он не бросил курить, он бы раскурил торжественную сигару после ухода Эрнеста.

Его молодой подопечный в течение последних нескольких месяцев справлялся со своими делами вполне успешно, но сегодняшний сеанс стал переворотным пунктом. Решение ввести Эрнеста в комитет по медицинской этике было самым настоящим откровением. Маршалу часто казалось, что эго Эрнеста было изрыто пустотами: он был претенциозен и импульсивен. Неуправляемые частицы его сексуального ид выскакивали наружу, как чертик из табакерки. Но самым худшим было его подростковое иконоборчество: Эрнест не слишком уважал дисциплину, разумный авторитет, знание, накопленное в веках упорными аналитиками, с которыми он вряд ли мог сравниться в проницательности.

А разве можно более эффективно справиться с иконоборчеством, думал Маршал, кроме как назначить Эрнеста на роль судьи? Гениально! Именно в таких случаях Маршалу не доставало толпы зрителей, которые бы смогли оценить произведение искусства, созданное им. Но Маршал собирался когда-нибудь (его список запланированных дел рос день ото дня) написать статью о недооцениваемом аспекте зрелости, а именно способности сохранять креативность годами, десятилетиями при отсутствии внешних наблюдателей. В конце концов, какие еще люди творчества — разве кто-нибудь до сих пор принимает всерьез заявление Фрейда о том, что психоанализ — это наука? — способны посвятить всю

свою жизнь искусству, которое никогда никто не увидит. Только представьте себе, что Челлини создает серебряный потир небесной красоты и прячет его в подвале. Или Мюслер создает из стекла вершину изящества, а потом разбивает его в уединении своей студии. Ужасно! Разве «наблюдение», думал Маршал, не есть то не указанное в меню, но тем не менее важное питательное вещество, которое супервизорство предоставляет не совсем сформировавшемуся терапевту? Человеку необходимы годы подготовки, чтобы обрести способность творить без зрителей.

Так происходит и в жизни, раздумывал Маршал. Нет ничего хуже, чем жить скрытой от посторонних глаз жизнью. В своей психоаналитической практике он снова и снова замечал, что его пациентам его внимание необходимо, как воздух. В самом деле, потребность во внимании есть основной невоспетый фактор продолжительной терапии. Работая с пациентами над травмой утраты (и в этом он был согласен с наблюдениями Эрнеста, изложенными в его книге), он часто замечал, что они впадают в отчаяние, лишаясь зрителя: за их жизнью больше никто не наблюдает (если, конечно, они не верили в божество, которое на досуге отслеживало каждое их действие).

Но постойте! — подумал Маршал. Неужели творцы психоанализа работают в одиночестве? Разве их пациенты не есть их благодарные зрители? Нет, они не считаются. Пациент никогда не бывает достаточно беспристрастен. Он не способен заметить даже самые элегантные аналитические креативные решения! К тому же пациенты жадные! Только посмотрите, с каким аппетитом они обглаживают самые вкусные кусочки интерпретации, не бросив ни единого полного обожания взгляда на вместилище оной! А студенты и ученики? разве они не зрители? Лишь некоторые студенты достаточно проницательны для того, чтобы уловить мастерство психоаналитика. Обычно они не постигают сути интерпретации; позже, когда они уже ведут собственную клиническую практику, месяцы, даже годы спустя что-то вспыхивает в их мозгу, и тогда внезапное озарение приносит им понимание, и дыхание перехватывает от изящества и величия искусства наставника.

Разумеется, это ожидает и Эрнеста. Придет время, когда придет и понимание, и благодарность. Принуждая его сейчас идентифицироваться с агрессором, я экономлю ему, как минимум, год аналитической подготовки.

Но он не торопился отпускать Эрнеста. Маршал собирался надолго оставить его при себе.

Вечером, проведя пять сеансов психоанализа, Маршал примчался

домой, где его ждала лишь записка от Ширли, его жены, в которой она сообщала ему, что обед ждет его в холодильнике, а она ушла на выставку цветочных композиций и вернется около семи. Как всегда, она оставила ему икебану: в длинном трубчатом керамическом сосуде переплетались серые, угловатые, голые, загнутые книзу ветви бересклета. Один край этого сплетения украшали две лилии на длинных стеблях, повернутые в разные стороны.

«Черт бы ее побрал, — подумал Маршал, оттолкнув композицию с такой силой, что она едва не упала со стола. — Я сегодня провел восемь сеансов с пациентами и одну супервизорскую консультацию — это тысяча четыреста долларов, — а она не может накормить меня обедом только потому, что ужасно занята этими своими дурацкими икебанами!» Гнев, правда, отступил, когда Маршал достал из холодильника пластиковые контейнеры с обедом: гаспаччо, источающий сногшибательный аромат, яркий разноцветный салат нисуаз с поперченным тунцом и фруктовый салат из манго, белого винограда и папайи, заправленный восхитительным соусом. К контейнеру с гаспаччо Ширли прикрепил записку: «Эврика! Наконец-то! Найден рецепт, сжигающий калории: чем больше ты ешь, тем костлявее становишься. Две тарелки — только смотри, не исчезни совсем». Маршал улыбнулся. Но улыбка сразу завяла. Он вспомнил другую шутку с исчезновением, которую Ширли сыграла с ним пару дней назад.

За едой Маршал изучал финансовые отчеты в «Examiner». Индекс Доу Джонса поднялся на двадцать пунктов. «Examiner», конечно, печатает только сводки на час дня, и к концу дня положение дел заметно изменилось. Но как бы то ни было, ему нравилось два раза в день просматривать сводки, так что итоговые данные он прочитает на следующее утро в «Chronicle». С замиранием сердца он набил на калькуляторе сведения о повышении всех своих акций и подсчитал дневную прибыль. Тысяча сто долларов — при том, что к закрытию торгов эта сумма могла увеличиться. Удовлетворение теплом разлилось по его телу, и он отправил в рот первую ложку густого темно-красного гаспаччо, усеянного мелкими блестящими зелено-белыми кубиками лука, огурцов и цуккини. Тысяча четыреста долларов с пациентов и тысяча сто — доход с акций. День удался.

Просмотрев спортивный раздел и сводку всемирных новостей, Маршал быстро переоделся и вышел из дома. Его страсть к спорту могла сравниться лишь со страстью к доходам. По понедельникам, средам и пятницам во время перерыва на ленч он играл в баскетбол в Христианском союзе молодежи. По выходным он катался на велосипеде, играл в теннис

или ракетбол. По вторникам и четвергам он должен был найти время для аэробики — в восемь начиналось собрание в Институте психоанализа «Golden Gate», и Маршал вышел из дома пораньше, чтобы успеть дойти до института за полчаса быстрым шагом.

Маршал думал о намеченном на сегодня собрании, и возбуждение росло с каждым шагом. Сегодня его ожидало что-то особенное. Вне всякого сомнения, намечались поистине драматические события. Должна была пролиться кровь. О да, кровь — это было самое захватывающее действо. Никогда раньше он не улавливал так отчетливо все очарование ужаса. Карнавальная атмосфера публичных экзекуций древности, коробейники, торгующие игрушечными виселицами; возбужденный гул толпы и барабанная дробь, сопровождающие приговоренного к эшафоту. Казнь через повешение, казнь через обезглавливание, сожжение на костре, дыба и четвертование — только представьте человеческие члены, привязанные к лошадям, которых зеваки понукают, подгоняют, прищипоривают до тех пор, пока жертву не разрывает на четыре части, и все основные кровеносные сосуды одновременно взрываются фонтанами крови. Ужас. Но чей-то чужой ужас, ужас того, кто выставил на всеобщее обозрение сцену, где бытие переходит в небытие, то самое мгновение, когда душа и тело разрываются на куски.

И чем величественнее была жизнь, которую ждало уничтожение, тем сильнее было очарование ужаса. Во времена Царствования Террора, когда благородные головы слетали с плеч и из царственных торсов хлестала алая кровь, возбуждение должно было переходить все границы. Не меньший ажиотаж окружал те сакральные последние слова. Когда граница между бытием и небытием становилась почти осязаемой, даже вольнодумцы-атеисты переходили на шепот, прислушиваясь, стараясь разобрать последние слова умирающего, словно в тот самый момент, когда жизнь покидает тело и оно начинает превращаться в гору мяса, снисходит откровение, ключ к великим тайнам.

Маршалу вспомнился всплеск интереса к околосмертному опыту. Все знали, что это было чистой воды шарлатанство, но безумие продолжалось два десятка лет, и было продано несколько миллионов книг. Боже правый, подумал Маршал, сколько денег принес этот вздор!

Но на этот вечер не планировалось суда над цареубийцей. Намечалось кое-что получше: отлучение от церкви и изгнание. Подсудимым и верным претендентом на увольнение по причине разнообразных антианалитических проступков был Сет Пейнд, один из основателей института и главный инструктор по психоанализу. Подобного

разбирательства не было с тех самых пор, когда Сеймур Троттер был изгнан за соблазнение пациентки.

Маршал знал, что на этот раз он сам находился в довольно щекотливом положении и что ему придется соблюдать особую осторожность. Все знали, что пятнадцать лет назад Сет Пейнд был его личным наставником и оказал ему огромную помощь как в личном, так и в профессиональном плане.

Но звезда Сета закатилась; ему было уже за семьдесят, а три года назад он перенес серьезную операцию рака легких. С присущим ему высокомерию Сет считал своей привилегией переступать все законы технологии и морали. Сейчас же болезнь и борьба со смертью лишили его последних остатков конформизма. Попирающая психоаналитическую мораль психотерапевтическая позиция и вопиюще скандальное поведение Сета вызывали шок и негодование его коллег. Но он оставался в седле: он обладал такой неотразимой харизмой, что журналисты и телевизионщики выбирали именно его для выступлений по всем сенсационным происшествиям, как то: влияние насилия на телеэкранах на детей, безразличие муниципального правительства к бездомным, отношение к попрошайкам, ограничения на ношение оружия, сексуальные похождения политических деятелей. По каждой из этих тем у Сета имелся наготове достойный освещения в прессе, зачастую скандально непочтительный комментарий. За последнее время это зашло слишком далеко, и действующий президент института, Джон Уэлдон, а также давние противники Пейнда наконец-то набрались смелости и выдвинули против него обвинение.

Маршал продумывал стратегию своего поведения: в последнее время Сет окончательно распоясался, беззастенчиво обирая и соблазняя своих пациенток, так что оказание ему сейчас поддержки равносильно для Маршала политическому самоубийству. Маршал знал, что он должен сказать свое слово. Джон Уэлдон рассчитывает на его помощь. Это будет непросто. Сет уже стоял одной ногой в могиле, но у него еще оставались союзники. На слушании дела будут присутствовать его бывшие пациенты и те, кого он лечит сейчас. В течение сорока лет он играл ведущую роль в интеллектуальных изысканиях института. Сеймур Троттер и Сет были единственными оставшимися в живых основателями института — если предположить, что Сеймур еще жив. Слава богу, за последние годы о Сеймуре не было никаких известий. Какой урон этот человек нанес репутации профессии! Сет же, с другой стороны, представлял собой актуальную угрозу, к тому же он отработал столько трехгодичных сроков в качестве президента, что власть придется буквально вырывать из его рук.

Интересно, думал Маршал, а сможет ли Сет существовать без института, который фактически стал частью его самого? Изгнание для Сета будет равносильно смертному приговору. Слишком жестоко! Сету стоило подумать об этом, прежде чем очернять доброе имя психоанализа. У Маршала не было выбора: ему придется проголосовать против Сета. Но Сет был его психоаналитиком. Как не показаться жестоким, как избежать славы отцеубийцы? Сложная ситуация. Очень сложная.

Самого же Маршала, казалось, ждала блистательная карьера в институте. Он был так уверен в своем абсолютном лидерстве, что единственное, что его заботило, так это вопрос о том, как бы ускорить процесс восхождения к вершине. Он был одним из тех немногих ключевых персонажей, которые пришли в институт в семидесятые, когда слава психоанализа шла на убыль и количество претендентов значительно снизилось. В восьмидесятые и девяностые ситуация изменилась, и желающих пройти семи- и восьмилетние курсы резко увеличилось. Так что в институте сформировалась бимодальная возрастная градация: были «старики», пожилые ученые мужи под предводительством Джона Уэлдона, объединившие усилия для свержения Сета, и некоторое количество новичков, некоторые — бывшие пациенты Маршала, получившие полноправное членство каких-то два-три года назад.

В своей возрастной группе у Маршала не было конкурентов: два наиболее перспективных члена группы скончались от сердечного приступа. На самом деле именно их смерть подтолкнула Маршала пройти интенсивный курс аэробного шунтирования коронарной артерии, состояние которой оставляло желать лучшего вследствие сидячего образа жизни практикующего психоаналитика. Единственными реальными соперниками Маршала были Берт Кантрелл, Тед Роллинз и Далтон Салц.

Берт был хорошим парнем, но политическое чутье у него отсутствовало полностью. Он скомпрометировал себя активным участием в проектах, не имеющих отношения к психоанализу, в особенности в проектах, связанных с оказанием терапевтической поддержки больным СПИДом. Тед был типичным неудачником: на обучение психоанализу ему потребовалось одиннадцать лет, и все знали, что ему удалось получить диплом исключительно благодаря усталости и состраданию психоаналитиков. Далтон не так давно с головой ушел в проблемы окружающей среды, так что больше никто из аналитиков его серьезно не воспринимал. Когда Далтон прочитал свой идиотский доклад по анализу архаичных деструктивных фантазий относительно окружающей среды — насилие над Матерью-Землей и мочеиспускание на стены нашего

планетарного дома — первой реакцией Джона Уэлдона было: «Далтон, ты это серьезно или издеваешься над нами?» Но Далтон стоял на своем и, после того как все психоаналитические журналы отказались печатать этот доклад, отдал его в юнгианский журнал. Маршал знал, что все, что от него требуется, — это ждать и стараться не делать ошибок. Все эти три клоуна рыли себе могилы и без его помощи.

Но амбиции Маршала уводили его намного дальше простого президентства в Институте психоанализа «Golden Gate». Этот пост должен стать трамплином, с которого он попадет в общенациональную ассоциацию, может быть, даже станет главой Международной психоаналитической ассоциации. Время пришло: президентом МПА еще ни разу не становился выпускник университета с Западного побережья Соединенных Штатов.

Но была одна загвоздка: Маршалу были нужны публикации. Он не испытывал недостатка в идеях. Сейчас он работал с интересным случаем: у его пациента в пограничном состоянии был брат-близнец, шизоид, у которого на пограничное состояние не было и намека. Этот случай прямо соотносился с теорией зеркала и буквально просился на бумагу. Его идеи относительно первородного греха и наблюдающей казнь толпы приведут к глобальному пересмотру основ теории. Маршал знал, что идеи буквально переполняют его. Проблема была в другом: писать он не умел, и его неуклюжие слова и нескладные предложения не поспевали за полетом мысли.

И тут появляется Эрнест. В последнее время он начал раздражать Маршала: его инфантильность, импульсивность, твердолобая подростковая уверенность в том, что терапевт должен быть аутентичен и откровенен, стали бы серьезным испытанием для самого терпеливого супервизора. Но у Маршала были свои причины набраться терпения: Эрнест был наделен незаурядным литературным талантом. С клавиатуры его компьютера сходили самые изящные предложения. Сочетание идей Маршала с формулировками Эрнеста стало бы верным залогом успеха. И ему необходимо лишь обуздать нрав Эрнеста настолько, чтобы его приняли в институт. А уж склонить его к сотрудничеству над журнальными статьями или даже книгами будет несложно. Маршал занялся подготовкой почвы для этого, постоянно преувеличивая трудности, с которыми Эрнесту придется столкнуться при поступлении в институт, и значимость его, Маршала, поддержки. Благодарность Эрнеста не будет знать границ. Кроме того, по мнению Маршала, Эрнест был настолько честолобив, что за возможность стать его соавтором ухватится обеими руками.

Приблизившись к зданию института, Маршал сделал несколько глубоких вдохов холодного воздуха, чтобы прочистить голову. Сегодня он должен быть в полной боевой готовности; этим вечером разгорится битва за власть.

Джон Уэлдон, высокий величественный мужчина за шестьдесят, румяный, с редющими седыми волосами и длинной морщинистой шеей, на которой выступало внушительное адамово яблоко, уже стоял на кафедре в заставленной книгами комнате, которая служила как библиотекой, так и конференц-залом. Маршал оглядел забитую людьми комнату: казалось, здесь собрались все без исключения члены института. Кроме Сета Пейнда, разумеется, который уже имел длительный разговор с представителями подкомитета и которого специально попросили не присутствовать на этом заседании.

Кроме членов института, здесь сидели трое студентов-кандидатов, пациенты Сета, которых попросили прийти. Это был беспрецедентный случай. И они находились в отчаянном положении: если Сета уволят или изгонят или он просто потеряет статус инструктора психоанализа, годы, потраченные ими на аналитическую работу с ним, пойдут насмарку, и они будут вынуждены начать все заново с другим инструктором. Все трое ясно дали понять, что они отказываются переходить к другому аналитику, если это повлечет за собой отказ в зачислении в институт. Шли даже разговоры о формировании самостоятельного института. В таких условиях комитет правления, в надежде, что эти трое увидят, как Сет поступил с их лояльностью, пошли на чрезвычайный и в высшей степени рискованный шаг, позволив им присутствовать на собрании в качестве не имеющих права голоса участников.

Как только Маршал занял место во втором ряду, Джон Уэлдон, словно он только и ждал его появления, постучал лакированным молоточком, призывая собрание к порядку.

«Каждый из вас, — начал он, — имеет представление о цели данного чрезвычайного собрания. Нам сегодня предстоит решить болезненную проблему, и подойти к ее решению мы должны со всей серьезностью. Нам предстоит рассмотреть серьезные, очень серьезные обвинения, выдвинутые против одного из наших давних и почтенных членов, Сета Пейнда, и понять, какие меры должен предпринять институт, если это необходимо. Как было указано в письме, специальный подкомитет со всей тщательностью рассмотрел каждое из этих обвинений, поэтому я полагаю, что целесообразным будет перейти непосредственно к полученным им результатам».



«Доктор Уэлдон, процедурный вопрос!» Это был Терри Фуллер, дерзкий молодой психоаналитик, зачисленный всего год назад. Сет был его аналитиком.

«Слово доктору Фуллеру».

Уэлдон обращался к Перри Вилеру, семидесятилетнему, почти глухому психоаналитику, который исполнял обязанности секретаря и старательно записывал каждое слово.

«Разве мы можем рассматривать эти «обвинения» в отсутствие Сета Пейнда? Судебное разбирательство *in absentia*<sup>[21]</sup> не только противоречит морали, но и нарушает уставные нормы института».

«Я разговаривал с доктором Пейндом, и мы решили, что так будет лучше для всех, если он не будет присутствовать на сегодняшнем собрании».

«Поправка! Вы, а не мы решили, что так будет лучше, Джон», — прогремел сочный голос Сета Пейнда. Он стоял в дверях, обводя взглядом собравшихся, потом взял стул из последнего ряда и понес его к первому. По дороге он с нежностью похлопал Терри Фуллера по плечу и продолжал: «Я сказал, что подумаю над вашим предложением и сообщу вам о своем решении. А я решил, как видите, быть здесь, среди моих любящих собратьев и многоуважаемых коллег».

Рак заставил сгорбиться Сета, шести футов и трех дюймов роста, но он оставался внушительным, импозантным мужчиной с блестящей копной седых волос, загорелой кожей, тонким крючковатым носом и царственным подбородком. Он принадлежал к королевскому роду и в детстве воспитывался при дворе в Кипоче, провинции на северо-западе Индии. Когда его отец был назначен представителем ООН в Индии, Сет перебрался в Соединенные Штаты и продолжил обучение в Экзетере и Гарварде.

Боже правый, подумал Маршал. Прочь с дороги, теперь будет есть лев. Он изо всех сил вжал голову в плечи.

Лицо Джона Уэлдона побагровело, но голос его не дрогнул. «Я сожалею о твоём решении, Сет, и я искренне надеюсь, что и у тебя будут причины пожалеть о нём. Я просто пытался защитить тебя от тебя самого. Выслушивать подробное публичное обсуждение твоего профессионального и непрофессионального поведения будет унижением для тебя».

«Мне нечего скрывать. Я всегда гордился своей профессиональной деятельностью». — Сет окинул взглядом собравшихся и продолжил: — Если тебе нужны доказательства, Джон, я могу предложить тебе посмотреть вокруг. В этой комнате присутствует с полдюжины моих бывших пациентов и трое, с которыми я работаю сейчас; каждый —

творческая, целостная личность, что делает честь его или ее, — он склонился в низком поклоне перед Карен Джай, одной из пациенток, — профессии — и свидетельствует об эффективности моей работы».

Маршал содрогнулся. Сет собирается усложнить все настолько, насколько это возможно. О боже, боже мой! Оглядывая комнату, Сет моментально поймал его взгляд. Маршал отвел глаза — и только для того, чтобы встретиться взглядом с Уэлдоном. Он закрыл глаза, сжал ягодицы и скукожился еще сильнее.

Сет продолжал. «Но что действительно будет для меня унижением, Джон, и в этом ты можешь со мной не согласиться, так это быть ложно обвиненным, возможно, оклеветанным и не приложить никаких усилий к тому, чтобы защитить себя. Давайте приступим к делу. В чем меня обвиняют? Кто меня обвиняет? Давайте выслушаем их всех по очереди».

«В письме, которое каждый из вас, в том числе и ты, Сет получил из образовательного комитета, — ответил Уэлдон, — перечислены все нарекания. Я зачту весь список. Начнем с бартера: проведение терапевтических сеансов за оказание личных услуг».

«Я имею право знать, кто выдвигает каждое конкретное обвинение», — потребовал Сет.

Маршал вздрогнул. «Пришел мой час», — подумал он. Именно он поставил Уэлдона в известность об этих манипуляциях Сета. У него не было выбора, и он поднялся и заговорил со всей прямоотой и уверенностью, на которые был способен:

«Я беру на себя ответственность за обвинение в бартере. Несколько месяцев назад у меня был пациент, профессиональный консультант по финансовым вопросам, и, когда мы обсуждали вопрос оплаты, он предложил обмен услугами. Наша почасовая оплата была одинакова, и он сказал: «Почему бы нам просто не обменять услугу на услугу, вместо того чтобы передавать из рук в руки деньги, подлежащие налогообложению?» Естественно, я отверг его предложение и объяснил, что такое положение дел по целому ряду причин саботирует терапию. На что он упрекнул меня в мелочности и ригидности, а также назвал имена двоих людей — одного своего коллегу и клиента, архитектора, которые вступили в бартерное соглашение с Сетом Пейндром, бывшим президентом Института психоанализа».

«Я готов подробно разобрать эту жалобу Маршала, но чуть позже, а пока нельзя не поинтересоваться, почему коллега, друг и, более того, бывший пациент не стал говорить об этом со мной, не обсудил этот вопрос со мной непосредственно?»

«Где это написано, — ответил Маршал, — что прошедший качественный курс психоанализа пациент должен во веки веков испытывать к своему бывшему терапевту сыновнюю любовь? Вы учили меня, что цель терапии и проработки переноса заключается в том, чтобы помочь пациенту отделиться от родителей, развить автономию и целостность».

Сет расплылся в широкой улыбке, словно отец, который первый раз проиграл ребенку в шахматы. «Браво, Маршал. И туше. Вы хорошо усвоили урок, и я горжусь вашим выступлением. Но неужели, несмотря на все наши усилия, после пяти лет психоаналитической чистки и полировки, уцелели очаги софистики?»

«Софистики?» Маршал упрямо рвался в бой. В колледже он был защитником, и его крепкие, сильные ноги заставляли отступать противников вдвое больше его. Вступив в противоборство, он никогда не сдавался.

«Не вижу никакой софистики. Должен ли я ради своего психоаналитического отца забыть о своей убежденности — убежденности, которую, я уверен, разделяют все здесь присутствующие, — в том, что бартерный обмен психоаналитических услуг на услуги личные недопустим? Недопустим в принципе. Он как нелегален, так и аморален: его запрещают законы налогообложения этой страны. Он противоречит методике: он разрушает перенос и контрперенос. Его недопустимость лишь усиливается, когда услуги, оказываемые психоаналитику, носят личный характер: например, финансовое консультирование, которое предполагает осведомленность пациента в самых интимных подробностях вашего финансового положения. Или, как мне видится случай с пациентом-архитектором, разработка нового дизайна дома, при котором пациент получает подробную информацию о ваших самых сокровенных домашних привычках и предпочтениях. Вы скрываете свои ошибки за дымовой завесой обвинений в мою сторону».

На этом Маршал сел, довольный собой. Он не смотрел по сторонам. В этом не было необходимости. Он буквально слышал восхищенные вздохи. Он знал, что показал себя человеком, с которым надо считаться. К тому же он знал Сета достаточно хорошо, чтобы предсказать, что произойдет дальше. На любые нападки он отвечал ответным нападением, которое лишь еще больше расшатывало его позиции. В дальнейших разговорах о деструктивном характере поведения Сета не было надобности: теперь он сам выкопает себе могилу.

«Достаточно, — сказал Джон Уэлдон, постукивая молоточком. — Этот вопрос слишком важен для нас, чтобы позволить его обсуждению

превратиться в свару. Давайте перейдем к повестке дня: систематическому обзору обвинений и обсуждению каждого из них в отдельности».

«Бартер, — сказал Сет, полностью проигнорировав комментарий Уэлдона, — отвратительное слово, инсинуация, предполагающая, что факт психоаналитического агапе есть нечто иное, нечто возмутительное».

«Что ты можешь сказать в защиту бартера, Сет? — поинтересовалась Олив Смит, пожилой психоаналитик, чьим основным притязанием на признание был факт благородного психоаналитического происхождения: сорок пять лет назад она была пациенткой Фриды Фромм-Рейкман, которая, в свою очередь, была пациенткой самого Фрейда. Более того, когда-то она дружила и переписывалась с Анной Фрейд, была знакома с некоторыми его внуками. — Очевидно, стерильные рамки, особенно в том, что касается оплаты, — это неотъемлемая часть психоаналитического процесса».

«Ты говоришь о психоаналитическом агапе так, словно этим можно оправдать бартерные сделки. Уверен, ты шутишь, — сказал Харви Грин, полный, самодовольный психоаналитик, который никогда не упускал случая внести какое-нибудь неприятное замечание. — Предположим, твоя клиентка — проститутка. Как тогда будет выглядеть бартерный обмен?»

«Продажное и оригинальное замечание, Харви, — отозвался Сет. — Правда, твоя продажность для меня, разумеется, не была открытием. Зато оригинальность, остроумие твоего вопроса меня действительно удивляют. Но как бы то ни было, вопрос совершенно бестолковый. Вижу, в институте «Golden Gate» поселилась софистика. — Сет оросил взгляд на Маршала и снова повернулся к Харви. — Скажи-ка нам, Харви, сколько проституток в последнее время были твоими клиентками? Может, с ними доводилось работать кому-нибудь еще? — Темные глаза Сета всматривались в лица собравшихся. — Сколько проституток, подвергнув себя глубокому психоанализу, могли бы продолжать заниматься проституцией?»

Когда же ты наконец вырастешь, Харви? — продолжал Сет, получая явное удовольствие от этой конфронтации. — Ты подтверждаешь то, что я писал для «Международного журнала», а именно то, что мы, аборигены психоанализа, — какой там официальный термин вы, евреи, используете? Alte cockers! — должны в обязательном порядке проходить регулярные поддерживающие курсы психоанализа, скажем, каждые десять лет или около того. Мы фактически должны быть контрольными пациентами для кандидатов. Так мы сможем воспрепятствовать окостенению, что, несомненно, необходимо нашей организации».

«Регламент, — напомнил Уэлдон, ударив молоточком. — Вернемся к

повестке дня. Как президент, я настаиваю...»

«Бартер! — продолжал Сет. Он повернулся спиной к кафедре и теперь стоял перед аудиторией. — Бартер! Какое преступление! Заслуживает смертной казни! Очень тревожный молодой архитектор, анорексик, с которым я проработал три года и практически привел его к кардинальному изменению характера, внезапно теряет работу из-за того, что фирму, где он трудился, поглотила другая компания. Ему понадобится год-два, чтобы утвердиться на позиции независимости. А тогда у него не осталось ни единого источника дохода. И как же я должен был поступить с позиций психоанализа? Бросить его? Позволить ему влезть в долги на несколько тысяч долларов, что для него было абсолютно неприемлемым? Я в то время по причинам, связанным с моим здоровьем, планировал пристроить крыло к своему дому, в котором был бы кабинет и приемная. Я искал архитектора. Ему нужен был клиент.

Решение — достойное, нравственное, с моей точки зрения решение, за которое я не считаю нужным оправдываться ни перед этой, ни перед какой-либо другой аудиторией, — было очевидно. Пациент разработал проект моей новой пристройки. Проблема оплаты была решена, а мое доверие к нему оказало благоприятное психотерапевтическое воздействие. Я планирую описать этот случай: проектирование моего дома — отцовской берлоги — обеспечило ему доступ на самые глубинные уровни архаических воспоминаний и фантазий о его отце — доступ, который не могут обеспечить консервативные техники. Неужели я должен, неужели я когда-либо был должен получать ваше разрешение на креативный подход к терапии?»

С этими словами Сет с драматизмом оглядел зал, позволив взгляду задержаться на несколько мгновений на Маршале

Ответить осмелился лишь Джон Уэлдон.

«Границы! Границы! Сет, ты что, отказываешься признавать все устоявшиеся методики? Пациент изучает и проектирует твой дом? Ты называешь это решение креативным? Но я скажу тебе, и знаю, что все со мной согласятся: это не психоанализ».

«Устоявшиеся методики». «Не психоанализ», — передразнил Сет Джона Уэлдона, монотонно повторяя его слова тоненьким голоском. — Узколобое пицание. Неужели ты думаешь, что методики были выбиты в Моисеевых скрижалях? Методики придумали фантазеры-психоаналитики. Ференци, Ранк, Рейк, Салливан, Сирз. Да, и Сет Пейнд!»

«Добровольное провозглашение себя фантазером, — встрял Моррис Фендер, похожий на гнома лысый человечек с глазами навывкате, в

огромных очках, чья голова сразу переходила в плечи, — представляет собой дьявольски эффективное средство сокрытия и рационализации всего многообразия грехов. Сет, твоё поведение действительно сильно беспокоит меня. Оно порочит доброе имя психоанализа в глазах общества, и, честно говоря, я содрогаюсь при мысли о том, что ты обучаешь молодых аналитиков. Вспомни только свои статьи — например, твои прокламации в «London Literary Review».

Моррис достал из кармана несколько газетных страниц и дрожащими руками развернул их. «Вот здесь, — произнес он, потрясая перед собой газетой, — твой обзор переписки Фрейда и Ференци. Здесь ты публично заявляешь, что ты говоришь своим пациентам, что любишь их, что ты обнимаешь их, что обсуждаешь с ними интимные подробности своей жизни: грозящий тебе развод, твой рак. Ты называешь их своими лучшими друзьями. Ты приглашаешь их к себе домой на чашку чая, ты обсуждаешь с ними свои сексуальные предпочтения. Да, твои сексуальные пристрастия — это твоё личное дело, и мы не будем здесь обсуждать их специфику, но зачем читателям, равно как и твоим пациентам, знать о твоей бисексуальности? Ты не можешь это отрицать. — Моррис снова потряс газетой. — Это твои собственные слова».

«Разумеется, это мои слова. Плагиат тоже входит в список обвинений? — Сет вытащил письмо из специального комитета и притворился, что внимательно изучает его. — Плагиат, плагиат — о, столько тяжких преступлений, такое разнообразие абсолютного зла, но плагиата нет. Хотя эта чаша миновала меня. Да, конечно, это мои слова. И я не отказываюсь от них. Существует ли связь более интимная, чем между психоаналитиком и пациентом?»

Маршал с интересом слушал. «Прекрасно, Моррис, — думал он. — Из тебя вышел отличный подстрекатель. Это первый твой умный поступок на моей памяти!» Космолет Сета был готов к взлету; ещё немного, и он вырвется на орбиту саморазрушения.

«Да, — продолжал Сет. У него работало только одно легкое, и голос заметно сел. — Я не отрицаю, что самые близкие мои друзья — это мои пациенты. И это утверждение в той же мере относится ко всем вам. К тебе тоже, Моррис. Со своими пациентами я провожу четыре часа в неделю, обсуждая самые интимные темы. Скажите мне, кто из вас проводит столько же времени в такой же интимной обстановке с другом? Я могу ответить за вас: ни один, и уж конечно, не ты, Моррис. Все мы знаем основные паттерны дружбы американских мужчин. Может, некоторые из вас — думаю, не многие, — раз в неделю обедают с друзьями, выкраивая для

близкого общения тридцать минут между жеванием и заказом блюда».

Голос Сета заполнил зал: «Неужели вы будете отрицать, что терапевтический сеанс должен быть святилищем честности? Если вы называете пациентов своими ближайшими друзьями, так найдите в себе силы отбросить лицемерие и скажите им! А что с того, что они узнают интимные подробности вашей жизни? Никогда моя откровенность не становилась препятствием для психоанализа. Наоборот, она лишь ускоряет процесс. Может быть, из-за моего рака скорость стала особенно важна для меня. Единственное, о чем я сожалею, так это о том, что, для того чтобы понять это, мне потребовалось так много времени. Мои новые пациенты, которые присутствуют здесь, могут подтвердить, что мы продвигаемся вперед с огромной скоростью. Спросите их! Сейчас я уверен, что психоаналитическая подготовка не должна продолжаться больше трех лет. Ну же, дайте им слово!»

Маршал поднялся. «Я протестую! Это неуместный шаг, проявление неводержанности, — вот опять это слово, его любимое слово! — так или иначе вовлекать ваших пациентов в это прискорбное обсуждение. Лишь воспаленный рассудок мог породить эту идею. Их мнение испытывает воздействие сразу двух факторов — переноса и личной заинтересованности. Вы спрашиваете их о скорости, о неряшливом экспресс-психоанализе — и, разумеется, они согласятся с вами. Разумеется, идея быстрой трехгодичной психоаналитической подготовки пришлась им по вкусу. А какому кандидату она бы не понравилась? Но мы упускаем из виду истинную проблему, вашу болезнь и то, как она сказывается на ваших воззрениях и вашей профессиональной деятельности. Как вы сами сказали, Сет, ваша болезнь заставляет вас торопиться, заканчивать терапию как можно быстрее. Все мы готовы отнестись к этому с пониманием и сочувствием. Болезнь вносит кардинальные изменения в ваши планы на будущее, вполне понятные изменения в данной ситуации.

Но это не значит, — со все возрастающей убежденностью в голосе продолжал Маршал, — что ваши новые перспективы, порожденные личными обстоятельствами, вы должны представлять студентам как психоаналитическую доктрину. Прости, Сет, но я должен согласиться с Образовательным комитетом в том, что пришло время поднять вопрос о твоём статусе преподавателя и о том, способен ли ты и дальше выполнять эту роль. Психоаналитическая ассоциация вряд ли может позволить себе игнорировать проблему преемственности. Если психоаналитики не могут с этим справиться, то как мы можем ожидать от организаций, которые обращаются за нашей помощью: корпораций, правительства, что они

смогут наладить процесс передачи власти и ответственности от власти имущих стариков к новому поколению?»

«Мы, — прогремел Сет, — не можем также позволить себе игнорировать тот факт, что власть пытаются захватить посредственности!»

«К порядку! — стукнул молоточком Джон Уэлдон. — Вернемся к повестке дня. Специальный комитет довел до нашего сведения ваши публичные и опубликованные комментарии, которые подвергают критике и намеренно дискредитируют некоторые основополагающие положения психоаналитической теории. Вот, например, в одном из ваших последних интервью для журнала «Vanity Fair» вы высмеиваете теорию эдипова комплекса и называете ее «еврейской ошибкой», а далее заявляете, что это один из многих канонов психоанализа...»

«Разумеется, — отозвался Сет, оставив все попытки шутить, — разумеется, это еврейская ошибка. Нельзя возводить маленькую семейку венских евреев до семейного универсума, а потом пытаться решить в мировом масштабе проблему, которую одержимые чувством вины евреи не смогли решить для себя!»

Зал наполнился гулом голосов, несколько психоаналитиков пытались высказаться одновременно. «Антисемит!» — говорил один. Слышались и другие голоса: «...делает пациентам массаж», «...занимается с пациентами сексом», «...самовозвышение», «это не психоанализ! Пусть он делает что угодно, только не надо называть это психоанализом!»

Голос Сета перекрыл все остальные голоса. «Да, Джон, конечно, я говорил и писал все это. И от этих слов я не отказываюсь. Каждый из вас, где-то глубоко внутри, знает, что я прав. Семья Шрейда — маленькое еврейское гетто — это лишь крошечная частичка человечества. Например, возьмем культуру, к которой я принадлежу. На каждую еврейскую семью приходится тысячи мусульманских семей. Психоанализу ничего не известно про разнообразие главенствующей роли отца, о глубинной бессознательной страсти к отцу, о желании вернуться в его покой и защищенность, о слиянии с отцом».

«Да, — отметил Моррис, раскрыв журнал. — Об этом вы говорите в письме к редактору «Современного психоанализа». Вы описываете интерпретации желаний молодого бисексуала, и я цитирую: «...которые представляли собой универсальное желание возвращения в первичную синекуру этого мира — отцовское чрево — прямую кишку». Вы, со всей вашей необычайной скромностью, называете ее — он продолжил чтение, — «трансформирующей продуктивной интерпретацией, которую полностью искажают расовые предрассудки психоанализа».



«Именно так! Но эту статью опубликовали только пару лет назад, а написал я ее шесть лет назад. И в ней изложено далеко не все. Это универсальная интерпретация. Она стала основой работы со всеми моими пациентами. Психоанализ — это не поле деятельности провинциальных евреев. Он должен признать и впитать в себя истины не только — запада, но и Востока. Всем вам еще предстоит узнать многое, и я сильно сомневаюсь как в вашем желании, так и в вашей способности воспринять новые идеи».

Первый решающий вызов бросила Луиза Сен-Клер, мягкая седовласая женщина-психоаналитик удивительной целостности. Она обратилась непосредственно к председателю: «Полагаю, я уже достаточно услышала, мистер президент, чтобы убедиться в том, что доктор Пейнд слишком далеко ушел от кодекса психоаналитического учения, чтобы нести ответственность за подготовку молодых специалистов. Я голосую за лишение его статуса инструктора психоанализа!»

Маршал поднял руку. «Я присоединяюсь».

Сет угрожающе поднялся и окинул присутствующих сердитым взглядом. «Вы отстраняете меня? Ничего большего от еврейской аналитической мафии я и не ожидал».

«Еврейской мафии? — переспросила Луиза Сен-Клер. — Мой священник потерял бы дар речи, услышь он ваши слова!»

«Еврейская, христианская — какая разница. Еврейско-христианская мафия. И вы думаете, что можете отстранить меня? Нет, это я вас отстраню. Я создал этот институт. Я и есть этот институт. И институт будет там, куда я пойду, а, поверьте мне, я уйду». С этими словами Сет вскочил, схватил шляпу и пальто и шумно прошагал к выходу.

Рик Чаптон нарушил тишину, воцарившуюся после ухода Сета. Естественно, именно Рик, как одному из бывших пациентов Сета, предстоит наиболее остро ощутить на себе последствия его изгнания. Хотя он уже прошел полный курс обучения и стал полноправным членом института, Рик, как и многие, не переставал гордиться статусом своего учителя.

«Я хочу высказаться в защиту Сета, — сказал Рик. — События сегодняшнего вечера, их сущность и уместность вызывают у меня серьезные опасения. Не считаю я уместными и последние замечания Сета. Они ничего не доказывают. Это гордый человек, и он болен, и все мы знаем, что, когда на него оказывают давление, — а сегодня, как можно догадаться, давление было весьма интенсивным, — он начинает защищаться, становится высокомерным».

Рик на мгновение замолчал, чтобы свериться с карточкой три на пять дюймов, после чего продолжил: «Я хотел бы предложить свою интерпретацию сегодняшних событий. Я вижу, что теоретические воззрения Сета вызывают у многих из вас самодовольный гнев. Но я не уверен, что причиной тому стала именно суть интерпретаций этой проблемы, предложенных доктором Пейндоном, а не их форма, видимость. Возможно, у многих из вас вызывают настороженность острота его ума, его вклад в наше дело, его литературный талант и, прежде всего, его честолюбие? Неужели члены института не испытывают зависти к тому, что Сет часто появляется на страницах журналов, газет, в телепрограммах? Можем ли мы стерпеть его диссидентство? Можем ли мы стерпеть того, кто бросает вызов ортодоксальной концепции, как Шандор Ференци бросил вызов психоаналитической доктрине семьдесят пять лет назад? Полагаю, что сегодняшняя полемика была направлена не на содержание аналитических интерпретаций Сета Пейн-да. Обсуждение его теории фокусировки на отце — всего лишь отвлекающий маневр, классический пример замещения. Нет, это была вендетта, нападение прямое — и недостойное. Я уверен, что действительными мотивами происшедшего были зависть, защита ортодоксальной доктрины, страх перед отцом и боязнь перемен».

Ответил ему Маршал. Он хорошо знал Рика, так как в течение трех лет был его супервизором по одному из пациентов. «Рик, я уважаю твою смелость, твою лояльность и желание высказаться, но я не могу согласиться с тобой. Именно суть теоретических взглядов Сета вызывает мое наибольшее беспокойство. Он настолько далеко отошел от психоаналитической теории, что наш долг в этой связи — дифференцироваться, отделиться от него. Подумай только, о чем он говорит: стремление к слиянию с отцом, к возвращению в прямую кишку — отцовское чрево. Ну и ну!»

«Маршал, — возразил Рик. — Ты выдергиваешь из контекста одну лишь интерпретацию. Сколько из вас делали такие вот идиосинкразические интерпретации, которые, будучи выхваченными из общего контекста, казались глупыми или недоказуемыми?»

«Может, ты и прав. Но не в отношении Сета. Он часто высказывался перед коллегами, перед широкой публикой, писал в своих статьях, что именно этот мотив ему представляется ключевой динамикой в анализе любого мужчины. Сегодня он ясно дал нам понять, что это не был единичный случай. Он назвал это «универсальной интерпретацией». Он хвастался тем, что всем своим пациентам он озвучивает именно эту

опасную интерпретацию!»

«Правильно, верно!» Маршала поддерживал хор голосов.

«Опасную», Маршал? — В голосе Рика звучало недовольство. — Тебе не кажется, что мы принимаем это слишком близко к сердцу?»

«Нет уж, мы слишком спокойно к этому относимся. — Маршал повысил голос. Теперь он выступал в роли оратора, вещающего от лица института. — Неужели ты ставишь под сомнение первостепенное значение или возможности интерпретации? Представляешь ли ты себе, какой вред принесли эти интерпретации? Любой взрослый мужчина, который испытывает хоть малейшее желание вернуться на некую регрессивную стадию развития, хоть ненадолго вновь оказаться там, где его ждут покой и забота, слышит, что он, оказывается, мечтает о том, чтобы через отцовский анус забраться в чрево — в прямую кишку. Только подумай о ятрогенном чувстве вины, о страхе гомосексуальной регрессии».

«Полностью с этим согласен, — отозвался Джон Уэл-дон. — Члены образовательного комитета единодушно настаивают на снятии с Сета Пейнда полномочий инструктора по психоанализу. Единственное, что удерживает их от полного исключения Сета Пейнда из института, так это его болезнь и его вклад в наше дело. Необходимо объявить общее голосование для всех членов института по принятию рекомендации Образовательного комитета».

«Я голосую за», — произнесла Олив Смит.

Маршал поддержал ее, и предложение было принято единогласно всеми членами института, за исключением Рика Чаптона, который проголосовал против. Миан Хан, психоаналитик из Пакистана, который часто сотрудничал с Сетом, и четыре бывших пациента Сета воздержались.

Три пациента Сета, не имеющие права голоса, пошептались, и один из них заявил, что им нужно время, чтобы обдумать свои дальнейшие действия, но они как группа шокированы развитием событий. После чего они покинули комнату.

«Я не просто шокирован, — сказал Рик, который шумно собрал свои вещи и направлялся к выходу. — Это скандал — неприкрытое лицемерие. — Остановившись в дверях, он добавил: — Я согласен с Ницше в том, что единственная подлинная истина есть истина прожитая!»

«Что ты имеешь в виду в данном контексте?» — спросил Джон Уэлдон, призывая собрание к тишине стуком молоточка.

«Я хочу знать, действительно ли присутствующие согласны с Маршалом Стрейдером в том, что Сет Пейнд причинил огромный вред своим пациентам этими интерпретациями относительно слияния с отцом?»

«Полагаю, я могу высказаться от имени института, — ответил Джон Уэлдон. — Я утверждаю, что ни один достойный доверия психоаналитик не будет оспаривать тот факт, что Сет причинил значительный вред нескольким своим пациентам».

Рик, стоя в дверях, сказал: «Тогда вы должны понимать, о чем говорил Ницше. Если эта организация действительно и искренне верит в то, что пациентам Сета причинен сильный вред, и если в этой организации сохранилась хоть крупица честности, то вам остается лишь одно — то есть если вы хотите, чтобы ваши действия соответствовали нормам морали и права».

«И что же это?» — поинтересовался Уэлдон.

«Отзовите!»

«Отозвать? О чем ты?»

«Если, — отозвался Рик, — у «Дженерал моторе» и у «Тойоты» хватает честности и им не слабо — простите, дамы, я не могу подобрать политически корректного эквивалента, — отзывать бракованные машины, машины с дефектом, который в конце концов может стать причиной серьезных проблем для их владельцев, то ваш план действий предельно ясен».

«Ты хочешь сказать...»

«Вы прекрасно знаете, что я хочу сказать». Рик вылетел из зала, с грохотом хлопнув дверью.

Три бывших пациента Сета и Миан Хан ушли сразу за Риком. У дверей Терри Фуллер предостерег собравшихся: «Отнеситесь к этому со всей серьезностью, джентльмены. Возникла реальная угроза раскола».

Джон Уэлдон и без того понимал, что этот Исход приведет к серьезным последствиям. Последнее, что он хотел бы увидеть на своем веку, так это раскол и основание самостоятельного психоаналитического института. Подобное не раз происходило в других городах: после того как откололась Карен Хорни со своими последователями, а пqj-ом и интерперсоналисты во главе с Салливаном, в Нью-Йорке появилось три института. Такая же судьба постигла Чикаго, и Лос-Анджелес, и Вашингтонско-Балтиморскую школу. Это должно было произойти и в Лондоне, где десятилетиями последователи Мелани Клейн, Анны Фрейд и «серединная школа» — апологеты теории объектных отношений Фейрберна и Винникотта — вели непримиримую борьбу.

Институт психоанализа «Golden Gate» мирно просуществовал полвека, возможно, потому, что агрессия его членов была эффективно перенаправлена на более очевидных врагов: на сильный Юнгианский

институт и ряд альтернативных терапевтических школ — трансперсональную, Рейхианскую, прошлых жизней, холотропного дыхания, гомеопатическую, Ролфинга, которые чудесным образом одна за другой возникали из горячих источников и бурных трений графства Марин. Более того, Джон понимал, что какой-нибудь ушлый журналист не откажет себе в удовольствии написать материал по поводу раскола института. Зрелище хорошо проанализированных психоаналитиков, неспособных ужиться друг с другом, которые встают в позу, борются за власть, сталкиваются по пустякам и в конце концов шумно расстаются, может послужить пищей для прекрасной литературной буффонады. Джон не хотел войти в историю как президент периода распада института.

«Отозвать? — воскликнул Моррис. — Такого никогда не было!»

«Чрезвычайные шаги в чрезвычайных ситуациях», — пробормотала Олив Смит.

Маршал не отрываясь следил за Джоном Уэлдоном. Перехватив едва заметный кивок в ответ на слова Олив, он воспользовался ситуацией.

«Если мы не примем брошенный Риком вызов — который, я уверен, скоро станет достоянием общественности, — то наши шансы заделать эту брешь равны нулю».

«Но отзывать, — не унимался Моррис Фендер, — из-за неверной интерпретации?»

«Не стоит недооценивать, Моррис, это серьезная проблема, — сказал Маршал. — Существует ли психоаналитическая техника более мощная, чем интерпретация? И разве не все мы сходимся во мнении, что предложенная Сетом формулировка опасна и неверна?»

«Она опасна потому, что она неверна», — заметил Моррис.

«Нет, — возразил Маршал. — Она может быть неверной, но пассивной — просто не дающей пациенту развития. Но эта не просто неверна, но и активно опасна. Только представь себе! Каждый его пациент-мужчина, который мечтает о поддержке, о человеческом общении, должен поверить в то, что испытывает примитивное желание забраться в отцовский анус, в комфорт его утробы. Это беспрецедентный случай, но я уверен, что нам следует предпринять что-то для защиты его пациентов». Быстрый взгляд убедил Маршала в том, что Джон не только поддерживает его позицию, но и ценит ее.

«Матка — прямая кишка! Где он только набрался этого дерьма, этой ереси, этой... этой... этой белиберды?» — воскликнул Джекоб, свирепого вида психоаналитик с обвисшими щеками, двойным подбородком и огромными седыми бровями и бакенбардами.

«Он говорил, что взял это из своей практики, из анализа Аллена Джейнвея», — ответил Моррис.

«Но Аллен умер три года назад. Знаете, Аллен никогда не вызывал у меня доверия. У меня нет доказательств, но его женоненавистничество, его щегольство, все эти банты, друзья-гомосексуалисты, этот кондоминиум в Кастро, опера как сосредоточие всех интересов...»

«Давайте не будем уходить от темы, Джекоб, — перебил его Джон Уэлдон. — На данный момент нас не интересуют ни сексуальные предпочтения Аллена Джейнвея, ни самого Сета. Нам нужно быть с этим очень осторожными. Если общественность решит, что мы осуждаем или даже увольняем члена института только потому, что он гей, то, с учетом сложившейся ситуации, это будет для нас политической катастрофой».

«Он — или она — был геем», — сказала Олив.

Джон нетерпеливо кивнул, соглашаясь с ней, и продолжил: «Нас не интересует в этой связи и проблема сексуальных злоупотреблений Сета в отношении пациентов, в чем он обвиняется и о чем мы сегодня еще не говорили. У нас есть заявления о сексуальных злоупотреблениях терапевтов, которые работали с двумя бывшими пациентами Сета, но на данный момент ни один из пациентов не согласился предъявить обвинение. Одна пациентка считает, что это причинило ей серьезный вред; другая утверждает, что это внесло коварный и деструктивный раскол в ее супружескую жизнь, но либо из-за устойчивой лояльности, обусловленной переносом, либо из-за нежелания широкой огласки она не захотела выдвигать обвинения. Я согласен с Маршалом: нам следует придерживаться одной линии поведения, а именно: стоять на том, что под предлогом психоанализа он делал неверные, неаналитические и опасные интерпретации».

«Но есть и другая проблема, — произнес Берт Кантрелл, один из инструкторов, партнер Маршала, — не забудьте про гарантию конфиденциальности. Сет может подать на нас в суд за клевету. А что насчет превышения полномочий? Если один из бывших пациентов Сета обвинил его в злоупотреблении служебным положением, что помешает и другим пациентам начать преследовать наших богатеев или даже толстосумов из национального института? В конце концов, они вполне могут обвинить нас в том, что мы Сета спонсировали, что мы сами назначили его на высший пост, разрешили готовить молодых специалистов. Мы разворошили осиное гнездо, и лучше бы нам этого не делать».

Маршал получал истинное удовольствие, видя слабость и нерешительность своего соперника. Чтобы сделать контраст еще более

очевидным, он постарался придать своему голосу как можно больше уверенности: «*Аи contraire*,<sup>[22]</sup> Берт. Мы окажемся в значительно более уязвимой позиции, если мы не будем действовать. Причем действовать мы должны именно по той причине, по которой ты предлагаешь нам бездействовать, и действовать мы должны быстро, чтобы как можно скорее дистанцироваться от Сета и сделать все возможное, чтобы компенсировать нанесенный им вред. Я прямо-таки вижу, как этот Рик Чаптон, черт бы его побрал, предъявляет нам иск — или, по крайней мере, перемывает наши кости с репортером «Тайме», — если мы предадим Сета анафеме и ничего не предпримем в защиту его пациентов».

«Маршал прав, — сказала Олив, которая часто исполняла роль чести и совести института. — Если мы верим в то, что наша терапия эффективна, а ошибочное применение психоанализа — дикий анализ — приносит серьезный вред, то нам ничего не остается, кроме как действовать в соответствии с этими убеждениями. Мы должны провести для всех бывших пациентов Сета курс восстановительной терапии».

«Сказать легко, — заметил Джекоб. — Никакими силами мы не вытянем из Сета имена пациентов, с которыми он работал».

«В этом нет необходимости, — ответил Маршал. — Мне кажется, нам в данной ситуации лучше всего будет опубликовать в популярных изданиях обращение ко всем пациентам, которые лечились у него в последние несколько лет, или, по крайней мере, ко всем пациентам-мужчинам. — Маршал улыбнулся и добавил: — Будем надеяться, что женщин он лечил иначе».

Собравшиеся заулыбались в ответ на шутку Маршала. Слухи о сексуальных отношениях Маршала с пациентками ходили среди членов института годами, потому все почувствовали огромное облегчение от того, что об этом заговорили в открытую.

«Итак, — подытожил Джон Уэлдон, стукнув молоточком, — мы пришли к единому мнению о том, что мы должны попытаться предложить курс восстановительной терапии пациентам Сета?»

«Я голосую за», — сказал Харви.

Предложение было принято единогласно, и Уэлдон обратился к Маршалу: «Согласен ли ты взять на себя ответственность за этот шаг? Просто согласуй свой план действий с организационным комитетом».

«Разумеется, Джон, — ответил Маршал, едва сдерживая переполнявшую его радость. Он не мог даже предположить, насколько высоко взлетели сегодня его акции. — Я также скоординирую все наши действия с Международной психоаналитической ассоциацией — на этой

неделе я собирался обсудить с Реем Веллингтоном, секретарем, еще один вопрос».



## Глава 8

Полпятого утра. Тибурон был погружен в темноту, и только один ярко освещенный дом возвышался на мысе над бухтой Сан-Франциско. Молочно-белый туман приглушил огни огромного здания «Golden Gate», но вдалеке на фоне неба мерцали огни города. Восемь усталых мужчин, склонившиеся над столом, не обращали внимания ни на мост, ни на туман, ни на огни на горизонте; они видели лишь свои карты.

Аэн, краснолицый здоровяк, который носил широкие желтые подтяжки с изображенными на них игральными костями и картами, объявил: «Последняя сдача». Это был выбор сдающего, и Лэн объявил открытый покер с семью картами по «старшая — младшая»: первые две карты сдаются втемную, четыре — открытых, и последняя — опять втемную. Банк поделят между собой двое победителей, обладатели самой старшей и самой младшей руки.

Шелли, чья жена, Норма, была одним из партнеров Кэрол, этим вечером сильно не везло (впрочем, как и каждый вечер, по крайней мере последние месяцев пять), но он нетерпеливо схватил свои карты. Это был привлекательный, сильный мужчина с печальными глазами, неудержимым оптимизмом и травмированной спиной. Прежде чем посмотреть первые две карты, Шелли встал и поправил лед, которым была обернута его поясница. С юных лет он профессионально играл в теннис и до сих пор, несмотря на все предостережения врачей и смещенные межпозвоночные диски, продолжал играть почти каждый день.

Он взял две первые карты, одна поверх другой. Бубновый туз! Что ж, неплохо. Он медленно вытащил из-под него вторую карту. Двойка бубен. Туз и двойка бубен! Превосходные карты! Разве это возможно — после того, как ему шла такая отвратительная карта! Он положил их на стол, но через несколько секунд не удержался и бросил на них еще один взгляд. Шелли не замечал, что все остальные игроки смотрят на него. Этот второй влюбленный взгляд был одним из его «маячков» — едва заметный неосторожный жест, который выдавал его сдачу.

Две следующие карты были не хуже: пятерка и четверка бубен. Боже правый! Сдача на миллион долларов! Шелли едва не запел «зип-а-ди-ду-да, зип-а-ди-дзень, о да, о да, какой прекрасный день». Единица, двойка, четверка и пятерка бубен — удавиться за такую сдачу! Наконец-то фортуна улыбнулась ему. Он знал, что это случится, если он выжмет все из этой

ситуации. И, видит бог, он это сделает!

Еще три карты, и, чтобы собрать флеш от туза, ему нужна была одна-единственная бубновая карта, а чтобы у него на руках оказался стрит-флеш, не хватало тройки бубен — тогда он возьмет верхнюю часть банка. Любой младший козырь — тройка, шестерка, даже семерка — и он забирает нижний банк. Если к нему придет и бубновая карта, и младший козырь, то ему достанется и верхняя, и нижняя части банка — в общем, все ставки. Такая сдача поправит его положение, но не окончательно; он проиграл двенадцать тысяч.

Обычно, в тех редких случаях, когда к нему приходила хорошая карта, большинство игроков рано раскрывали свои карты. Какое невезение! Неужели? На самом деле его подводили эти его «маячки» — игроки открывали карты, как только замечали его возбуждение, видели, как он подсчитывает в уме сумму ставок, как он старательно охраняет свои карты от посторонних глаз, как он делает ставки более решительно, чем обычно, как он отводит глаза от игрока, делающего ставку, чтобы он ставил на кон больше, как трогательно он притворяется, что изучает верхний банк, когда на самом деле рассчитывает на нижний.

Но на этот раз никто и не думал раскрываться! Казалось, все довольны своими картами. Эта игра обещала стать особенной.

Чтобы обеспечить себе как можно больший банк, Шелли начал ставить на третью карту. На четвертую он поставил сто долларов (для первого круга у них был установлен двадцатипятидолларовый порог, на остальные — сто долларов, а на последние два — двести долларов) и сильно удивился, когда Лэн поднял ставку. Карты, лежавшие перед Лэном, были не слишком хороши: две пики, двойка и король. Максимум, на что мог рассчитывать Лэн, был пиковый флеш от короля (туз пик сидел напротив Гарри).

Повышай, Лэн, повышай, умолял его Шелли. Прошу тебя, повышай. Дай бог тебе твой флеш от короля! И я умою тебя своим бубновым флешем от туза! Он снова повысил ставку, и все семь игроков откликнулись. Все семеро — потрясающе! Сердце Шелли стучало все быстрее. Ему, черт возьми, светило целое состояние! Боже правый, жизнь хороша! Боже, он любил играть в покер!

Пятая карта разочаровала Шелли — бесполезный валет червей. Но оставались еще две карты. Пора разыграть эту руку. Он быстро оглядел стол, пытаясь оценить ситуацию. У него на руках были четыре бубны, еще три карты лежали на столе. Значит, вышло семь бубновых карт из тринадцати. Оставалось шесть. У него были все шансы собрать флеш. К

тому же были еще младшие козыри. На столе лежало всего несколько младших козырей, в колоде их еще много, а ему нужны были всего две карты.

Голова Шелли шла кругом — слишком сложно все точно просчитать, но шансы его были сказочно велики. Все складывалось в его пользу. К черту оценку ситуации — он собирался выиграть с этим раскладом во что бы то ни стало. Если учесть, что на кону — ставки семи игроков, он вернет по три с половиной доллара за каждый свой. К тому же у него был неплохой шанс сорвать весь банк, тогда за каждый доллар возвращалось по семь.

Следующим к нему пришел туз червей. Шелли передернуло. От двух тузов мало толку. Он начал волноваться. Все зависело от последней карты. При последней раздаче открылась лишь одна бубновая карта и два младших козыря; шансы его все еще были велики. Он поставил по максимуму — двести долларов. И Лэн, и Билл повысили ставку. Повышать можно было только три раза, и Шелли воспользовался этой возможностью. Шесть игроков объявили карты. Шелли посмотрел, что было у них на руках. Ни у кого ничего особенного не было. На весь стол лишь две небольшие пары. Так какого же черта они делают ставки? В чем подвох? Шелли попытался украдкой подсчитать деньги на кону. Гигантская сумма! Вероятно, около семи тысяч.

Раздали седьмую и последнюю карту. Шелли схватил три свои карты, которые лежали рубашками вверх, тщательно их перетасовал и медленно раскрыл их. Он тысячу раз видел, как делал это его отец. Туз треф! Вот черт! Хуже карты просто быть не могло. Начать с четырех небольших бубен и закончить тремя тузами. Они были бесполезны — даже хуже, чем просто бесполезны, потому что ему наверняка не удастся выиграть, но и раскрывать их было жалко. Не рука, а проклятие судьбы! Он попал в ловушку; и он должен был остаться в игре. Он проверил обстановку. Лэн, Арни и Вилли делали ставки, повышали их снова и снова. Тед и Гарри сбросили карты. Его восемь сотен. Сбросить карты? Пять игроков в игре. Шансов на победу нет. Трудно поверить, что ни у кого не найдется чем побить трех тузов.

Но все же... все же... хорошей карты не было ни у кого. Может быть, думал Шелли, ведь может быть так, что остальные четыре игрока рассчитывают на нижний банк! Аэн выложил пару троек; может, он пытался собрать две пары или тройки? Это было на него похоже. Нет! Спустишься с небес на землю, мечтатель! Спаси свои восемь сотен. У тебя нет шансов выиграть с тремя тузами — у кого-то должен быть на руках флеш

или стрит. Обязательно должен быть. Иначе за каким чертом они делали ставки? Сколько на кону? Тысяч двенадцать, как минимум, может, и больше. Он мог вернуться домой, к Норме, победителем.

А открыть карты сейчас — и узнать, что три его туза могли принести ему выигрыш, — видит бог, он никогда не простит себе, что у него не выдержали нервы. Он никогда не забудет этого. Черт! Черт! У него не было выбора. Он слишком сжился с мыслью о выигрыше, чтобы отступить. Шелли послал к черту восемь сотен.

Развязка была быстрой и милосердной. Лэн открыл флеш от короля, и три туза Шелли почил в бозе. Но даже Дэну с его флешем не удалось выиграть: Арни открыл фулл-хаус, полностью закрытый, а это значило, что он собрал его с последней картой. Черт! Шелли понял, что, даже если бы ему удалось собрать бубновый флеш, он не смог бы выиграть. И даже если бы он получил желанную тройку или четверку, он все равно не получил бы нижний банк — Билл открыл прекрасную руку младших козырей: пятерка, четверка, три двойки и туз. Шелли почувствовал, как слезы подкатывают к горлу, но, одарив игроков своей ослепительной улыбкой, он произнес: «И не говорите мне, что это развлечение не стоит двух тысяч долларов!»

Все пересчитали фишки и обменяли их на деньги у Лэна. Их игры перемещались из дома в дом, и хозяин брал на себя роль банкомета и в конце вечера разбирался со счетом. Шелли проиграл четырнадцать тысяч триста долларов. Он выписал чек и извиняющимся голосом объявил, что датирует его более поздним числом. Вытащив толстенную пачку стодолларовых банкнот, Лэн ответил: «Забудь об этом, Шелли, я плачу. Принеси свой чек на следующую игру». Так они и играли. Они до такой степени доверяли друг другу, что ребята не раз шутили, что, если случится наводнение или землетрясение, они будут играть в покер по телефону.

«Да нет, никаких проблем, — беспечно заверил его Шелли. — Я взял другую чековую книжку, и мне просто придется перевести деньги на этот счет».

Но проблемы у Шелли были. И проблемы крупные. На его банковском счету лежало четыре тысячи, а долг его составлял четырнадцать тысяч долларов. А если Норма узнает о его проигрыше, его семейная жизнь на этом закончится. Просто эта игра в покер должна была стать для него последней. Покидая дом Лэна, он на прощание окинул его ностальгическим взором. Может статься, он последний раз находится в его доме и никогда уже не увидит жилища остальных ребят. Слезы наворачивались на глаза, когда он видел антикварную карусель с лошадками на лестничной площадке, блеск огромного полированного

обеденного стола, кусок песчаника в шесть квадратных футов, в котором навеки застыли доисторические рыбы.

Семь лет назад вечер начался с пирушки с участием горячей солонины, языка и сэндвичей с копченой говядиной, приготовленных Лэном. Он свалил их в огромную кучу, обложив половинками маринованных огурчиков, салатом из шинкованной капусты и салатом из картофеля с майонезом — все это было специально доставлено заранее из нью-йоркского «Карнеги Дели». Лэн любил поесть до отвала и повеселиться от души. А потом он сгонял набранные калории, по крайней мере, большую их часть, на «Stairmasten» и бегущей дорожке в своем навороченном спортзале.

Шелли вошел в гостиную, где остальные с восхищением рассматривали старинное полотно, только что приобретенное Лэном на аукционе в Лондоне. Не узнав автора и опасаясь показать свое невежество, Шелли воздержался от комментариев. Искусство не было единственной темой, в разговорах на которую Шелли старался не принимать участия. Были и другие: вино (некоторые его партнеры по покеру имели погреба размером со средний ресторан и часто вместе посещали аукционы вин), опера, балет, морские путешествия, трехзвездочные парижские рестораны, ограничения по ставкам в казино. Шелли себе этого позволить не мог.

Он подолгу смотрел на каждого из игроков, словно хотел, чтобы их образы навеки отпечатались в его памяти. Он знал, что это было хорошее времечко, и когда-нибудь, спустя годы, — может быть, когда он, разбитый параличом, будет сидеть на лужайке перед домом престарелых, завернутый в потрепанный клетчатый плед, прекрасным осенним днем, когда ветер тербит сухие листья, — он хотел бы помнить все эти улыбающиеся лица.

Здесь был Джим, Железный Герцог, или Гибралтар, как его часто называли. У Джима были огромные руки и мощная нижняя челюсть. Да, он был крут. Никому никогда не удавалось надуть его в картах.

И Винс — огромный. Или иногда огромный. Иногда он таким не был. У Винса были интересные взаимоотношения с центрами здоровья и похудения, работающими по системе Притикина: он либо ложился в один из них (пару раз он понимал, что стоит это сделать, когда стул, на который он садился, когда они собирались играть, разваливался под ним), либо выписывался из него, тощий и довольный, нагруженный диетической пищей: персиковая газировка, свежие яблоки, обезжиренные печенья. В основном, когда они играли у него, он закатывал роскошные пиры — его жена прекрасно готовила итальянскую пищу, но первые пару месяцев после возвращения из центра Притикина ребятам приходилось давиться тем, что

он предлагал им: печеные маисовые лепешки, сырая морковь, грибы, китайский салат из цыпленка без кунжутного масла. Большинство игроков предпочитали поесть заранее. Всем им нравилась калорийная пища — чем больше калорий, тем вкуснее.

Потом Шелли подумал о Дэйве, лысеющем бородатом мозгоправе. Он плохо видел и, если хозяин дома не предоставлял для покера карты с огромными изображениями, начинал сходить с ума. Он пулей вылетал из дома и с ревом уносился на своей ярко-красной помятой «Хонде Цивик» к ближайшему универсальному магазину, что порой было не так уж и просто, так как некоторые жили в пригородной глуши. Эта настойчивость, с которой Дэйв требовал правильные карты, была источником постоянного веселья. Он настолько плохо играл в покер, настолько щедро разбрасывался «маячками», что ребята часто думали, что для него было бы намного лучше, если бы он не видел свои карты. А самое смешное было то, что Дэйв свято верил, что он хорошо играет в покер! Забавно, но Дэйв обычно оставался в выигрыше. Это была страшная тайна вторичной игры: как так получилось, что Дэйв не проигрался в пух и прах?

Еще все не уставали удивляться тому, что этот психотерапевт был настолько не от мира сего. Или, по крайней мере, был таким раньше. Со временем Дэйв начал походить на нормального человека. Исчезло высоколобое интеллектуальное ханжество. Он начал употреблять слова короче десяти слогов. Как там он говорил? «Предпоследняя сдача» или «двуличная стратегия». А удар он называл «цереброваскулярным нарушением». А еда, которой он потчевал гостей: суши, дынные кебабы, холодный фруктовый суп, маринованные цуккини. Хуже, чем у Винса. Никто и не притрагивался к угощению, но ему все равно потребовался год, чтобы понять, в чем дело, — и то только когда он начал получать по факсу бесчисленные рецепты приготовления грудинки, шоколадных пирожных и чизкейков.

Он сильно изменился к лучшему, подумал Шелли, стал естественным, настоящим. Нам бы стоило выставить ему счет за наши услуги. Несколько человек взяли на себя его перевоспитание. Арни продал ему пять процентов своей доли в одной своей скаковой лошади, брал его с собой на тренировки и скачки, научил его обращаться с таблицами забегов и выводить из строя лошадей на тренировках. Гарри привел Дэйва в профессиональный баскетбол. Когда они впервые встретились, Дэйв не знал, как выглядит открытая оборонительная стойка или перехват. Где он только был все эти сорок лет? Теперь Дэйв водил «Альфу» цвета бургундского вина, ходил с Тедом на бейсбол, а с Аэном на хоккей, вместе с

остальными делал ставки у букмекера Арни в Вегасе и почти уже выложил тысячу баксов за поход на концерт Барбары Стрейзанд в компании Винса и Гарри.

Шелли смотрел, как Арни выходит из комнаты в своей идиотской шляпе а-ля Шерлок Холмс. Он всегда надевал такую шляпу на время игры и, если ему удавалось выиграть, не снимал ее, пока удача не отворачивалась от него. Потом он шел и покупал новую. Эта чертова шляпа Шерлока Холмса принесла ему около сорока тысяч. На своем «Порше», сделанном по заказу, Арни добирался до места встречи игроков два с половиной часа. Пару лет назад он на год переехал в Лос-Анджелес, чтобы руководить своей компанией радиосвязи, и систематически летал сюда, чтобы посетить дантиста и поиграть в покер. Ребята сделали красивый жест и вычитали из его первых ставок стоимость перелета. Его дантист, Джек, иногда тоже принимал участие в игре, пока не проигрался. Джек ужасно играл, но потрясюще одевался. Лэн однажды просто влюбился в его рубашку в стиле вестерн с прострочкой «металлик» и на одной сдаче поставил двести долларов против этой рубашки. Джек проиграл: его «королевский перебор» против стрит-флеша Лэна. Лэн разрешил ему добраться до дому в рубашке, но на следующее утро приехал и забрал ее. Это была последняя игра Джека. И почти весь следующий год Лэн приходил играть в его рубашке.

Даже в лучшие времена у Шелли было значительно меньше денег, чем у остальных игроков. Раз в десять. Или больше. А теперь, с падением Силиконовой долины, для него наступили и вовсе тяжелые времена; пять месяцев назад, когда компания «Digilog Microsystems» лопнула, он остался без работы. Сначала он пытался выгодно себя продать и каждый день прочесывал объявления о вакансиях. Час работы Нормы стоил двести пятьдесят долларов. Семейный бюджет от этого только выигрывал, но Шелли было стыдно соглашаться на работу, где платили двадцать — двадцать пять долларов. Он выдвигал такие непомерно высокие требования, что потенциальные работодатели в конце концов перестали его слушать, и он постепенно свыкся с мыслью о том, что будет жить на деньги жены.

Нет, Шелли не умел делать деньги. У них это было семейное. Когда он был ребенком, отец трудился в поте лица, чтобы скопить на два пакета акций. И оба прогорели. Первый почил в бозе вместе с японским рестораном, который открылся в Вашингтоне за две недели до инцидента в Перл-Харборе. А второй, десять лет спустя, ушел в представительство «Edsel».

Шелли свято хранил семейные традиции. Он играл в теннис по всем

колледжам Америки, но выиграл лишь три матча за три года во время тура по регионам. Он был красив, он прекрасно играл, зрители любили его, первая подача всегда доставалась ему — но он просто не мог дожимать своих соперников. Может, он просто был слишком добрым. Может, ему не хватало «выключателя». Когда он ушел из профессионального спорта, он вложил свое скромное наследство в теннисный клуб около Санта-Крус — за месяц до того, как землетрясение 89-го года стерло всю долину с лица земли. Он получил небольшую страховку, большую часть которой вложил в авиалинии «Пан-Америкэн», которые сразу же обанкротились. Какие-то деньги он потерял на брокерской фирме Майкла Милкена, а остальное вложил в клуб «Сан Хосе Нетс» Американской волейбольной лиги.

Может быть, именно в этом и заключалась прелесть игры для Шелли. Эти парни знают, что делают. Они знают, как делать деньги. Может, и ему чуть перепадет.

Из всех игроков самым богатым был Вилли. Продав корпорации «Майкрософт» свою компанию, занимающуюся разработкой финансового программного обеспечения, он получил около сорока миллионов долларов. Шелли узнал об этом из газет; никто из игроков никогда не заговаривал на эту тему. Что ему нравилось в Вилли, так это то, как он наслаждался своими деньгами. Он не церемонился с ними: его миссия на этой земле состояла в том, чтобы хорошо проводить время. Никакого чувства вины. Никакого стыда. Вилли говорил и читал по-гречески — его предки были греческими иммигрантами. Особенно он любил греческого писателя по имени Казанзакис и пытался во всем походить на Зорбу, одного из его персонажей, чья цель жизни заключалась в том, чтобы оставить смерти «лишь выжженные земли».

Вилли любил действие. Раскрыв карты, он тут же бросался в соседнюю комнату, чтобы ухватить пару секунд какого-нибудь спортивного матча по телевизору — бейсбола, футбола, баскетбола, — на который он поставил кучу денег. Однажды он арендовал на целый день ранчо в Санта-Крус, на котором играли в военные игры вроде «Захват флага», расстреливая друг друга пулями с краской. Шелли улыбнулся, вспомнив, как он приехал туда и увидел, что ребята столпились вокруг дуэлянтов и следят за развитием событий. Вилли, в защитных очках и летном шлеме времен Первой мировой, и Вине, оба с пистолетами в руках, расходятся на десять шагов, и Лэн, судья, в рубашке Джека и с пачкой стодолларовых банкнот, суммой ставок, в руке. Эти парни были сумасшедшими — они делали ставки на все на свете.

Шелли следом за Вилли вышел на улицу, где «Порше», «Бентли» и



«Ягуары», рыча моторами, ждали, когда Лэн откроет массивные железные ворота. Вилли повернулся к Шелли и обнял его за плечи; телесный контакт был для ребят нормой. «Как дела, Шелли? Как продвигается поиск работы?»

«Comme ci comme ça».<sup>[23]</sup>

«Не вешай нос, — сказал Вилли. — Времена меняются. Мне кажется, что скоро Силиконовая долина еще заявит о себе. Давай пообедаем?» Они крепко сдружились за эти годы. Вилли любил играть в теннис, так что Шелли частенько делился с ним секретами мастерства и несколько лет был неофициальным тренером его детей, один из которых играл за стэнфордскую команду.

«С удовольствием! На следующей неделе?»

«Нет, позже. Две недели я буду в разъездах, а в конце месяца буду совершенно свободен. Мое расписание осталось в офисе. Я позвоню тебе завтра. Мне надо с тобой кое о чем поговорить. Увидимся на следующей игре».

Шелли промолчал.

«Идет?»

Шелли кивнул. «Хорошо, Вилли».

«Пока, Шелли, пока, Шелли». «Пока, Шелли». «Пока, Шелли», — звенело в воздухе, когда большие машины выезжали за ворота. Шелли было больно смотреть, как они исчезали в ночи. О, как ему будет их не хватать. Видит бог, он любил этих ребят!

Шелли ехал домой в растрепанных чувствах. Проиграть четырнадцать тысяч. Черт возьми, надо уметь так проигрывать. Но не деньги его беспокоили. Шелли было наплевать на четырнадцать тысяч. Что действительно волновало его, так это ребята и игра. Но играть он больше не мог. У него не было выхода! Арифметика была проста: больше не было денег. Мне нужно найти работу. Если не продажа программного обеспечения, значит, это будет другой вид деятельности. Может, я опять буду продавать яхты в Монтерее. Черт. Способен ли я на это? Сидеть неделями в ожидании одной или двух продаж в месяц или два — да я так с ума сойду. Шелли нужно было действовать.

За последние несколько месяцев он проиграл крупную сумму денег. Может быть, сорок, а то и пятьдесят тысяч долларов — он боялся подсчитывать точную сумму. А брать деньги ему уже было неоткуда. Норма перевела свои активы на отдельный счет. Он одалживал деньги под любым предлогом. У всех подряд. Кроме, разумеется, своих партнеров по покеру. Это было бы дурным тоном. Единственное, что у него оставалось, — это

тысяча акций банка Imperial Valley стоимостью пятнадцать тысяч баксов. Проблема была только в том, как обналичить их, чтобы Норма ничего не заподозрила. Она все равно узнает, так или иначе. У него уже кончились оправдания. А у нее кончалось терпение. Это был вопрос времени.

Четырнадцать тысяч? Это все та проклятая последняя сдача. Он все еще прокручивал в уме ход игры. Шелли был уверен, что здесь он не сделал ни одной ошибки: когда у тебя появляется шанс, ты должен действовать. Если сдадут нервы, все пропало. Все дело в картах. Он знал, что скоро ситуация изменится. Так оно обычно и происходит. Он просчитывал ходы. Он знал, что делает. Он играл в карты чуть ли не с детства, а в старших классах школы был букмекером в бейсбольном тотализаторе. И делал на этом неплохие деньги.

Когда ему было четырнадцать, он прочитал, забыл уже где, что шансы угадать трех любых игроков, в совокупности забивших шесть мячей в данный конкретный день, составляли двадцать к одному. Так что он предлагал девять или десять к одному, и желающих принять пари было предостаточно. День за днем эти идиоты пребывали в полной уверенности, что три игрока из десятки, в которую входят, скажем, Мэнтл, Музиал, Берра, Пески, Бенч, Керью, Бэнкс, МакКуин, Роуз и Калин, просто обязаны заработать шесть очков на всех. Сосунки. Они так ничего и не поняли.

А может, сейчас именно он ничего не понимал. Может, теперь он был сосунком, которому пора бы выйти из игры. Не хватает денег, не хватает хладнокровия, играет он недостаточно хорошо. Но Шелли было трудно поверить, что он так уж плох. Вдруг, продержавшись в игре пятнадцать лет, он превратился в плохого игрока? Что-то не сходится. Но может быть, он теперь делает что-то иначе. Может быть, игра не ладилась, потому что ему шла плохая карта.

Он знал, что худшим его проступком было то, что во время этой полосы невезения он был слишком нетерпелив и пытался пробиться к победе с довольно посредственными картами. Да, сомнений быть не могло. Дело в картах. И скоро ему обязательно повезет. Просто надо подождать. Это могло случиться в любой момент — может быть, уже на следующей игре, — и тогда он выйдет на фантастическую победную прямую. Он в игре уже пятнадцать лет, так что рано или поздно все наладится. Просто нужно подождать. Но теперь Шелли уже не мог купить себе время ожидания.

Начал накрапывать дождь. Стекло запотело. Шелли включил «дворники» и обогреватель стекла, остановился, чтобы заплатить положенные три доллара на выезде из «Golden Gate», и выехал на Ломбард-

стрит. Ему плохо удавалось строить планы, но сейчас, чем больше он думал об этом, тем отчетливее понимал, что поставил на кон: свое членство в компании игроков, свою гордость, свою самооценку как игрока. Не говоря уже о браке — он тоже был поставлен на карту!

Норма знала о его страсти к азартным играм. Еще до их свадьбы, восемь лет назад, она имела длительный разговор с его первой женой, которая ушла от него за шесть лет до этого, когда после его участия в игорном марафоне во время круиза по Багамам четыре валета лишили их всех сбережений.

Шелли действительно любил Норму, и все его клятвы были искренними: прекратить играть, записаться в Клуб анонимных игроков, передать ей свои активы и позволить ей заниматься всеми финансовыми вопросами. Помимо этого, в приступе добросовестности Шелли даже предложил поработать над этой проблемой с любым терапевтом по ее выбору. Норма выбрала терапевта, к которому ходила несколько лет назад. Он лечился у этого сопляка-мозгоправа несколько месяцев. Только время зря потерял; он вообще не помнил, о чем они говорили. Но это стало хорошим вложением капитала", закрепило их сделку, и Норма поняла, что он серьезно относится к своим клятвам.

И Шелли по крупному счету свое слово держал. Он перестал играть в азартные игры, кроме покера. Перестал делать ставки на футбольные и баскетбольные матчи, распрощался с Сонни и Ленни, своими букмекерами с незапамятных времен. Ушли в прошлое Вегас и Рино. Он отказался от подписки на журналы «Мир спорта» и «Карточный игрок». Единственное спортивное мероприятие, на которое он продолжал делать ставки — это U.S. Open,<sup>[24]</sup> он знал, как обращаться с теннисными таблицами. (Но потерял кучу денег, поставив на Макенроя в турнире с Сампрасом.)

И до тех самых пор, пока полгода назад не развалилась «Digilog», он исправно переводил свои чеки на Норму. Она, разумеется, знала о том, что он играл в покер, и дала ему на это особое разрешение. Она думала, что они играют на пять-десять долларов, и иногда охотно выдавала ему пару сотен — Норме нравилось, что ее муж общается с самыми богатыми и самыми влиятельными бизнесменами Северной Калифорнии. Кроме того, некоторые игроки даже обращались к ней за юридическими услугами.

Но были две вещи, о которых Норма не знала. Во-первых, ставки. Ребята были с этим очень осторожны: наличных денег на столе быть не должно, только фишки, для которых у них были свои названия: «четвертаки» (двадцать пять долларов), «полтинники» (пятьдесят долларов) и «баксы» (сто долларов). Иногда кто-нибудь из ребят привозил

на игру детей, но они, посмотрев пару сдач, так и не понимали реального размера ставок. Иногда Норма встречала кого-нибудь из игроков или их жен на светских мероприятиях — на свадьбах, на крестинах, на бар мицва<sup>1</sup>, и Шелли содрогался при мысли, что она может узнать, сколько он проиграл или насколько велик риск. Но ребята, храни их господь, знали, что можно говорить, а что нет, так что никто из них ни разу не проболтался. Это было одним из тех правил, о которых никто никогда не говорил, но все знали.

Еще Норма не знала о его покерном счете. Между женитьбами Шелли сколотил небольшой капитал — шестьдесят тысяч долларов. Он был прекрасным продавцом программного обеспечения... когда решал поработать. Двадцать тысяч он внес в семейный бюджет, но сорок тысяч стали его покерным фондом, и он скрывал его от Нормы на секретном счету в банке «Уэллс Фарго». Он думал, что сорока тысяч ему хватит на всю жизнь, что эта сумма сможет окупить любую полосу невезения. И так оно и было. Целых пятнадцать — лет. До этого дня — до начала полосы дьявольского невезения!

Ставки постепенно росли. Он начал было протестовать против этого, но делать из этого трагедию постыдился. Чтобы игра была действительно азартной, нужны были большие ставки. Проигрыши должны быть ощутимыми. Проблема была в том, что у остальных было слишком мно-

Празднование в честь тринадцатилетия ребенка, означающего его переход к взрослой жизни, совершеннолетие его денег: крупные ставки для них были мизером. А что ему оставалось делать? Унижаться, объяснять им: «Простите, ребята, но у меня нет денег, чтобы играть с вами в карты. Я слишком беден, слишком труслив, я, черт возьми, неудачник, не ровня вам»? Он никогда бы не смог сказать им это.

Но теперь его покерный фонд иссяк, остались только четыре тысячи. Слава богу, Норма так и не узнала о сорока тысячах. Иначе ее бы и след простыл. Норма ненавидела азартные игры, потому что ее отец потерял их дом на биржевых торгах; он не играл в покер (он был церковным дьяконом, образцом честности и благопристойности), но фондовая биржа, покер — не все ли равно! Шелли всегда думал, что на фондовых биржах играют сосунки, у которых кишка тонка для покера!

Шелли пытался сконцентрироваться; ему срочно нужны были десять тысяч: до даты, проставленной на чеке, оставалось всего четыре дня. Ему надо было достать деньги там, куда Норма не будет заглядывать в ближайшие две недели. Шелли знал, он совершенно точно знал, как знал некоторые вещи в своей жизни, что, если бы он только мог поднять ставки

и принять участие в следующей игре, карты лягут так, как ему надо, он сорвет большой куш и все встанет на свои места.

Шелли приехал домой в половине шестого, и к этому времени он уже точно знал, что делать. Лучшим выходом — единственным выходом для него — была продажа акций «Империял банк». Года три назад Вилли купил «Империял банк» и намекнул Шелли, что вложение в него денег сулило верную прибыль. Вилли планировал, как минимум, удвоить свои инвестиции через пару лет, когда банк стал общественным. Итак, на те двадцать тысяч, которые он принес в семейное гнездышко, Шелли купил тысячу акций, прожужжав Норме все уши про секретную информацию и деньги, которые они с Вилли собираются на этом сделать.

Шелли не изменил себе, снова оказавшись в ненужном месте в ненужное время: на этот раз разгорелся скандал вокруг сбережений и ссуд. Банку Вилли был нанесен сильный ущерб: стоимость акций скатилась с двадцати до одиннадцати. Теперь они снова поднялись до пятнадцати. Шелли спокойно воспринял эту потерю, зная, что Вилли тоже понес огромные убытки. Но он не мог понять, почему войдя в дело одного из своих закадычных друзей, он не мог однажды, хотя бы на этот раз, хорошо заработать. Все, к чему он прикасался, превращалось в дерьмо.

Он не ложился спать до шести утра, чтобы позвонить Эрлу, своему брокеру, чтобы дать ему указания по продаже акций по рыночной цене. Сначала он планировал продать всего шестьсот пятьдесят акций — это бы принесло ему необходимые десять тысяч. Но, дожидаясь ответа Эрла, он решил продать все акции, чтобы десять тысяч отдать в счет оплаты долга, а на остальные пять делать ставки в следующей игре.

«Тебе позвонить с подтверждением продажи, Шелли?» — спросил своим писклявым голосом Эрл.

«Да, приятель, я весь день буду дома. Скажешь мне точную сумму. Да, кстати, постарайся ускорить процесс и, главное, не переводи его на наш счет. Это очень важно — не переводи его на счет. Придержи чек, я заскочу и заберу его».

Кажется, все получается, подумал Шелли. Через две недели, после следующей игры, он выкупит свои акции обратно на выигранные деньги, и Норма никогда ни о чем не догадается. К нему вернулось хорошее настроение. Он тихонько пропел несколько строчек из «зип-а-ди-ду-да» и лег спать. Норма, которая спала очень чутко, легла в комнате для гостей: она всегда там спала в те ночи, когда он играл в покер. Он пролистал журнал «Профессиональный теннис», чтобы успокоиться, отключил звонок телефона, вставил в уши затычки, чтобы не слышать, как Норма собирается

на работу, и выключил свет. Если ему повезет, он сможет проспать до полудня.

Когда Шелли дополз до кухни и налил себе кофе, часы показывали уже почти час дня. Телефон зазвонил сразу же, как только он его включил. Это была Кэрол, подруга Нормы, которая работала юристом в той же фирме, что и Норма.

«Привет, Кэрол, ищешь Норму? Она уже давно ушла. А что, в офисе ее нет? Слушай, Кэрол, я так рад, что ты позвонила. Я слышал, что Джастин ушел. Норма сказала, что ты в шоке. Только идиот мог бросить такую классную женщину, как ты! Я всегда думал, что он тебя не достоин. Прости, что никогда не звонил тебе так просто, поболтать. Но это можно исправить. Аенч? Выпивка? Горячие объятия?» С того самого дня, когда Кэрол переспала с ним, чтобы отомстить Джастину, Шелли не питал иллюзий на повторение случившегося.

«Спасибо, Шелли, — ответила Кэрол стальным голосом. — Но это не личный звонок. Я звоню по делу».

«В смысле? Я же сказал тебе, что Нормы нет дома».

«Шелли, я звоню тебе, а не Норме. Норма наняла меня в качестве консультанта, и теперь я ее представитель. Разумеется, это довольно неудобная ситуация, особенно если учесть наши особые отношения, но Норма обратилась ко мне, и я не могу ей отказать».

Перейдем к делу, — продолжила Кэрол сдержанным, профессиональным тоном. — Мой клиент попросил меня подготовить документы о разводе, а потому я предписываю вам покинуть дом, полностью покинуть дом, к семи часам вечера. Она не желает далее вступать с вами в непосредственный контакт. Вы не должны пытаться переговорить с ней, мистер Мерримен. Я предложила ей вести все необходимые переговоры с вами через меня, консультанта вашей жены».

«Брось ты это юридическое дерьмо, Кэрол. Я имею дело с бабой и не позволю ей запугать меня своими напыщенными высоколобыми речами! Говори человеческим языком. Так что, черт возьми, происходит?»

«Мистер Мерримен, мой клиент проинструктировал меня обратить ваше внимание на факс. Тогда ответы на все ваши вопросы станут очевидными. Даже для вас. Запомните, у нас есть предписание суда, семь вечера, сегодня».

О да, еще кое-что, мистер Мерримен. Если мне будет позволено вставить в нашу беседу небольшой личный комментарий: вы дерьмо. Подрасти сначала!» И с этими словами Кэрол бросила трубку.

У Шелли зазвенело в ушах. Он бросился к факсу. Там, к его ужасу, он

обнаружил копию утренней фондовой операции с запиской, в которой говорилось, что Шелли может забрать чек на следующий день. А под этим нашлась еще более ужасная вещь — ксерокопия баланса его секретного покерного фонда в «Уэллс Фарго», к которому был прикреплен желтый квадратик самоклеющейся бумаги с кратким посланием от Нормы: «Не хочешь, чтобы я это видела? Учись замечать следы! Мы в прошлом».

Шелли позвонил своему брокеру: «Эй, Эрл, какого черта ты тут творишь? Я просил, чтобы ты с подтверждением звонил мне! Тоже мне друг!»

«Потише на поворотах, приятель, — ответил Эрл. — Ты просил, чтобы я позвонил с подтверждением тебе домой. Мы продали акции в семь пятнадцать. Секретарша позвонила тебе в половине восьмого. Трубку взяла твоя жена, и секретарша передала ей информацию. Она попросила переслать ей все это по факсу в офис. Моя секретарша должна знать, что говорить твоей жене, а что нет? Как ты помнишь, бонны лежали на совместном счету. Мы должны скрывать это от нее? Я что, должен терять лицензию из-за твоих вшивых пятнадцати тысяч?»

Шелли повесил трубку. Голова шла кругом. Он пытался осознать происходящее. Ему ни в коем случае не стоило просить о звонке с подтверждением. И еще эти чертовы затычки для ушей. Когда Норма узнала о продаже акций, она, наверное, перерыла все его бумаги и нашла счет из «Уэллс Фарго». Так что теперь она знает все. Все кончено.

Шелли перечитал факс от Нормы и вдруг заорал: «Да пошло все это к чертям, к чертям!» — и разорвал его в клочья. Он вернулся в кухню, подогрел кофе и открыл утренний выпуск «Chronicle». Время объявлений. Только теперь ему нужна была не только работа, но и квартира с мебелью. Но вдруг его взгляд упал на странный заголовок на первой странице раздела «Столичная жизнь».

«ФОРД», «ТОЙОТА», «ШЕВРОЛЕ»....

ТЕПЕРЬ И ПСИХИАТРЫ ОТЗЫВАЮТ СВОЙ ПРОДУКТ!

Шелли начал читать.

Одолжив бланк у гигантов автомобилестроения, Институт психоанализа Golden Gate опубликовал уведомление об отзыве (см. стр. 62). На скандальном собрании, проведенном 24 октября, институт цензурировал и временно исключил из своих рядов одного из выдающихся своих членов, доктора Сета Пейнда, «за поведение, наносящее ущерб психоанализу».

«Сет Пейнд! Сет Пейнд! Эй, — подумал Шелли, — а не тот ли это мозгоправ, к которому Норма попросила меня обратиться перед нашей свадьбой? Сет Пейнд — да, точно: ну сколько может быть Сетов Пейндов?» Шелли читал дальше:

Доктор Маршал Стрейдер, официальный представитель института, отказавшись от дальнейших комментариев, заявил лишь, что члены института считают, что пациенты доктора Пейнда, вероятно, получили не самую качественную терапию в рамках психоанализа и работа с доктором Пейндом могла нанести им значительный вред. Пациентам доктора Пейнда предложена бесплатная «психоаналитическая наладка»! Что не работает? — спрашивает репортер. Бензонасос? Двигатель? Свечи зажигания? Выхлопная система? Доктор Стрейдер воздержался от комментариев.

Доктор Стрейдер утверждает, что данная акция является свидетельством приверженности Института психоанализа высшим психоаналитическим стандартам заботы о пациенте, профессиональной ответственности и честности.

Возможно, это так. Но неужели в этой связи не встает вопрос о самонадеянности психоанализа в целом? Как долго психиатры будут делать вид, что оказывают поддержку группам, отдельным пациентам и организации, когда снова и снова — вспомните скандал с Сеймуром Троттером, разгоревшийся несколько лет назад? — появляется прямое доказательство их неспособности справиться с внутренним управлением?

Мы связались с доктором Пейндом. Его комментарий (что удивительно!): «Все вопросы к моему адвокату».

Шелли нашел страницу 62 с формальным уведомлением.

### ОТЗЫВ ПСИХИАТРИЧЕСКИХ ПАЦИЕНТОВ

Институт психоанализа «Golden Gate» настоятельно рекомендует всем пациентам мужского пола, которые лечились у доктора Сета Пейнда после 1984 года, позвонить по тел. 415-555-2441 для прохождения психологической диагностики и, в случае необходимости, курса восстановительной психиатрической помощи. Существует вероятность того, что терапевтическая методика доктора Сета Пейнда могла существенно отступать от психоаналитических канонов и принести пациентам существенный вред. Все услуги бесплатны.

Через мгновение Шелли уже общался с секретарем Института



психоанализа.

«Да, мистер Мерримен, вы имеете право, на самом Деле мы настаиваем, чтобы вы прошли бесплатный курс терапии у одного из членов нашего института. Наши терапевты предлагают свои услуги в порядке очереди. Вы позвонили нам первым. Могу я записать вас на прием к доктору Маршалу Стрейдеру — это один из наших ведущих специалистов-психоаналитиков? Вас устроит пятница, девять утра, Калифорния-стрит, 2313?»

«Не могли бы вы мне объяснить, что случилось? Я начинаю нервничать. Я не хочу пережить приступ паники, пока буду ждать».

«Я не так много могу вам сказать. Доктор Стрейдер введет вас в курс дела, но институт полагает, что интерпретации доктора Пейнда могли сослужить плохую службу некоторым его пациентам».

«То есть если у меня был симптом, скажем, зависимость, то он только все испортил?»

«Ну.... можно сказать и так. Мы не утверждаем, что доктор Пейнд преднамеренно причинил вам вред. Институт просто полностью не согласен с его методами».

«Хорошо, девять утра в пятницу меня вполне устроит. Но знаете, я легко поддаюсь приступам паники. Сложившаяся ситуация очень меня расстраивает, и мне не хотелось бы оказаться в реанимации; мне было бы легче — вы бы буквально спасли меня, если бы все, что вы мне сейчас сказали, я мог получить в письменном виде, в том числе и время и место встречи с терапевтом. Как вы его назвали? Вот, видите, я уже все забыл. Мне нужно это прямо сейчас, не могли бы вы сразу же отправить мне факс?»

«С радостью, мистер Мерримен».

Шелли подошел к факсу в ожидании послания. Наконец-то хоть что-то идет так, как надо. Он быстро нацарапал записку:

**НОРМА!**

Прочитай это! Загадка решена! Помнишь того терапевта, доктора Пейнда? И как я к нему попал? И какое неприятие вызывала у меня терапия? И как я отдал себя в его руки по твоей просьбе? Это принесло мне, и тебе, и нам много страданий. Я пытался сделать то, что нужно. Неудивительно, что терапия мне не помогла! Теперь мы знаем, почему! Я снова пытаюсь поступить правильно — и отправляюсь на капитальный ремонт — я собираюсь вылечиться! Во что бы то ни стало. Сколько бы

мне ни потребовалось на это времени. Давай стараться вместе.  
Прошу тебя!

ТВОЙ ЕДИНСТВЕННЫЙ СУПРУГ

Шелли отправил эту записку Норме вместе с газетной статьей и письмом от секретаря Института психоанализа. Спустя полчаса факс заработал снова, выдав послание от Нормы.

Шелли,  
надо поговорить. Встретимся в шесть.  
НОРМА

Шелли взял чашку кофе, закрыл страницу объявлений и открыл раздел «Спорт».

«Зип-а-ди-ду-да, зип-а-ди-дзень».

## Глава 9

Маршал заглянул в журнал записи пациентов. Следующим в списке был Питер Макондо, бизнесмен из Мексики, живущий в Швейцарии. Это была их восьмая и последняя встреча. Мистер Макондо, приехав на месяц в Сан-Франциско, обратился к нему с просьбой о кратком курсе терапии: его семья переживала кризис. Еще года два-три назад Маршал соглашался проводить лишь долгосрочный психоанализ, но времена меняются. Теперь у Маршала, как и у любого терапевта в городе, появились свободные часы, и он с радостью принимал мистера Макондо два раза в неделю в течение месяца.

С мистером Макондо было приятно работать, и терапия явно шла ему на пользу. Он добился удивительных результатов. Более того, он платил наличными после каждого сеанса. В конце первой их встречи он вручил Маршалу две стодолларовые купюры со словами: «Я предпочитаю иметь дело с наличными — мне так проще жить. Между прочим, если хотите знать, в Соединенных Штатах я не представлял налоговую декларацию и не требую возмещения медицинских расходов в счет налогов, которые плачу в Швейцарии».

С этими словами он направился к двери.

Маршал точно знал, как поступать в подобной ситуации. Начать терапию со сговора, с нечестности, с сокрытия пусть даже такого распространенного греха, как укрывание наличных доходов, было бы грубейшей ошибкой. Маршал был настойчив, но говорил мягко: Питер Макондо был кротким человеком, окруженным аурой невинного благородства.

«Мистер Макондо, я должен сказать вам две вещи. Во-первых, позвольте сообщить вам, что я всегда декларирую свои доходы. И это правильно. В конце каждого месяца я буду выдавать вам квитанцию. Во-вторых, вы заплатили мне слишком много. Сеанс стоит сто семьдесят пять долларов. Подождите, я посмотрю, есть ли у меня сдача». Он полез в стол.

Мистер Макондо, стоя в дверях, повернулся к Маршалу и вскинул руку: «Умоляю вас, доктор Стрейдер, в Цюрихе сеанс стоит двести долларов. А швейцарские психотерапевты уступают вам в квалификации. Сильно уступают. Прошу вас, окажите мне услугу, позвольте мне платить вам по тем же расценкам. Мне будет так проще, а потому и наше сотрудничество будет более продуктивным. До четверга».

Маршал, так и не вытащив руку из кармана, проводил уходящего изумленным взглядом. Многие пациенты считали, что его услуги стоят слишком дорого, но еще никто никогда не настаивал на том, что он берет слишком мало. Да ладно, подумал он. Он же европеец. К тому же о стойких эффектах переноса здесь речь не идет: это всего лишь краткосрочная терапия.

Маршал не просто не питал уважения к краткосрочной терапии. Он презирал ее. Фокусированная, направленная на ослабление симптома терапия... модель «удовлетворенный клиент»... к черту все это! Что действительно имело значение для Маршала, да и для большинства терапевтов, так это глубина изменений. Глубина — это все. Психотерапевты по всему миру знали, что чем глубже исследование, тем эффективнее терапия. «Копайте глубже, — услышал Маршал голос Боба МакСаллума, своего супервизора в психоаналитической практике, — добирайтесь до самых глубинных, древнейших уровней сознания, примитивных чувств, архаичных фантазий; возвращайтесь к первичным слоям памяти; тогда, и только тогда, вы сможете полностью искоренить невроз и обеспечить эффективное психоаналитическое воздействие».

Но глубинная терапия сдавала свои позиции: орды варваров в погоне за выгодой заполнили весь мир. Батальоны краткосрочной терапии, марширующие под знаменами регулируемого предоставления медицинских услуг,<sup>[25]</sup> черной тучей накрыли земли, и под их ударами дрожали ворота психоаналитических институтов — последних укрепленных оплотов мудрости, истины и разума в психотерапии. Враг подобрался так близко, что Маршал видел каждое из множества его лиц: биологическая обратная связь<sup>[26]</sup> и мышечная релаксация для тревожных расстройств; имплозия<sup>[27]</sup> или десенсибилизация<sup>[28]</sup> для фобий; лекарственные средства для дистимии и обсессивно-компульсивных расстройств; когнитивная групповая терапия для пищевых расстройств; тренинги уверенности в себе для робких; диа-фрагмальное дыхание для панических состояний; тренинги социальных навыков для нелюдимых; одноразовое гипнотическое воздействие для курильщиков; и эти группы «12 шагов», черт бы их побрал, для всего остального!

Сокрушительная экономическая сила регулируемого представления медицинских услуг подмяла под себя медицинские бастионы практически по всей стране. Чтобы сохранить практику, терапевты в поработанных штатах были вынуждены преклонить колена перед завоевателем, который платил им лишь часть их обычных гонораров и предписывал им проводить

пять-шесть сеансов с пациентами, которым на самом деле требовалось пятьдесят-шестьдесят сеансов.

Когда эти скудные подачки подходили к концу, терапевтам приходилось играть по-честному и выпрашивать у начальства дополнительные часы для продолжения терапии. И разумеется, им приходилось документировать этот запрос, тратить уйму времени на фальсификацию тонны бумаг, в которых они были вынуждены лгать, преувеличивая силу суицидальных наклонностей пациента, значимость угрозы или его склонность к насилию; только эти волшебные слова могли привлечь к пациенту внимание системы здравоохранения — не то чтобы чиновники беспокоились о пациентах, их умирляла вероятность судебных тяжб.

Таким образом, терапевты не просто получили приказ лечить своих пациентов в несоразмерно короткие сроки, но еще и получили унизительную обязанность успокаивать и приспосабливаться к менеджерам-наблюдателям, роль которых часто исполняли наглые юнцы-администраторы с рудиментарными познаниями в психотерапии. На днях Виктор Янг, почитаемый им коллега, получил от своего двадцатисемилетнего менеджера записку с разрешением провести еще четыре дополнительных сеанса для лечения ярко выраженного шизоида. На полях он нацарапал идиотическую рекомендацию: «Преодолей отрицание!»

Но пострадало не только достоинство психиатров, но и их бумажники. Один из коллег Маршала оставил психотерапию и в возрасте сорока трех лет занялся рентгенологией. Другие, которые удачно пристроили свой капитал, подумывали о раннем уходе на пенсию. В кабинет самого Маршала больше не было очереди, и он с радостью принимал пациентов, которым раньше отказал бы. Его часто посещали тревожные мысли о будущем — его собственном и будущем психиатрии.

Обычно Маршал считал, что максимум, чего он может достичь в кратковременной терапии, — это некоторое ослабление симптомов, что, если повезет, должно помочь пациенту продержаться до следующего финансового года, когда менеджеры-наблюдатели дадут ему разрешение провести еще несколько сеансов. Но Питер Макондо стал поразительным исключением. Каких-то четыре недели назад у него была ярко выраженная симптоматика: чувство вины, сопровождающееся сильнейшей тревожностью, бессонницей и желудочными расстройствами. Маршалу редко попадались пациенты, которым удавалось добиться такого прогресса за столь короткий промежуток времени.

Изменило ли это мнение Маршала об эффективности краткосрочной

терапии? Ничуть! Объяснение феноменального успеха Питера Макондо было простым и очевидным: у мистера Макондо не было значительных невротических или характерологических проблем. Он был необычайно сильной, достаточно целостной личностью, чьи симптомы были вызваны стрессом, который, в свою очередь, был по большей части обусловлен внешними обстоятельствами.

Мистер Макондо был весьма успешным бизнесменом, которому, по мнению Маршала, пришлось столкнуться с типичными проблемами очень богатых людей. С женой он развелся несколько лет назад и теперь собирался оформить отношения с Адрианой, красивой женщиной, много моложе его. Он очень любил Адриану, но не мог избавиться от сомнений: он знал слишком много историй о кошмарных разводах богатых бизнесменов с их женами — охотницами за кошельками. Казалось, у него был только один выход — отвратительный, постыдный — настаивать на заключении брачного контракта. Но как предложить это, не превращая их любовь в коммерческое предприятие, не оскверняя ее? Он ходил по замкнутому кругу. Это стало его навязчивой идеей, реализацию которой он откладывал со дня на день. Это было главной проблемой, с которой он обратился к психотерапевту.

Второй проблемой были дети Питера. Под влиянием Эвелин, его разозленной бывшей жены, дети ни в какую не соглашались на этот брак и отказывались даже знакомиться с Адрианой. Питер и Эвелин были неразлучны в колледже и поженились на следующий же день после выпускного. Но брак их вскоре зачах, и за несколько лет Эвелин превратилась в законченную алкоголичку. Питер делал героические усилия, пытаясь сохранить семью, убедился, что дети получили хорошее католическое образование, а потом, когда они закончили среднюю школу, подал на развод. Но годы жизни в эпицентре ожесточенного конфликта наложили свой отпечаток на детей. Оглядываясь назад, Питер понимал, что должен был развестись раньше и отвоевать у жены опеку над детьми.

Дети, которым было чуть больше двадцати, открыто обвиняли Адриану в интриганстве, утверждали, что она намеревается прибрать к рукам состояние их семьи. Не выбирали они слов и для выражения своего негодования, возмущения поведением отца. Питер положил на счет каждого из них почти три миллиона долларов, они же утверждали, что он поступил с ними нечестно. В качестве аргумента они приводили недавнюю статью в «London Financial Times», в которой описывалось удачное предприятие, принесшее Питеру двести миллионов фунтов.

Конфликт чувств парализовал его. Щедрый по природе, он желал лишь

разделить свое имущество с детьми, ведь именно ради них он и приумножал свой капитал. Но деньги стали проклятием. Оба его сына бросили колледж, отошли от церкви и слонялись без дела, без амбиций, без устремлений на будущее и без нравственных ценностей, которые направили бы их на путь истинный. Вдобавок к этому его старший сын пристрастился к наркотикам.

Питер Макондо уходил в нигилизм. Ради чего он работал последние двадцать лет? Вера покинула его, дети перестали быть для него жизненным стимулом, даже филантропия стала казаться ему бессмысленной. Он жертвовал деньги нескольким университетам на своей родине, в Мексике, но бедность, коррумпированность политиков, огромных размеров демографический взрыв в Мехико, экологические катастрофы ошеломили его. Последний раз, когда он был в Мехико, ему пришлось носить тканевую повязку, потому что без нее он не мог дышать. Что могли сделать его жалкие несколько миллионов?

Маршал не сомневался в том, что терапевта лучше, чем он, Питеру Макондо не найти. Он привык работать с наиболее богатыми пациентами, их детьми и был способен понять суть их проблем. Несколько раз он выступал на эту тему перед группами финансовых дельцов и филантропов и даже подумывал написать книгу. Но эта книга, к которой он уже придумал название — «Изобилие: проклятие правящего класса», как и другие хорошие литературные задумки Маршала, осталась лишь мечтой. Выкроить время для работы над книгой из активной практики казалось невозможным. Как только это удавалось великим теоретикам — Фрейду, Юнгу, Ранку, Фромму, Мэю, Хорни?

В работе с Макондо он использовал ряд сжатых, фокусированных терапевтических техник, и, к вящему его удовольствию, все, что он пробовал, работало великолепно. Он упорядочил стоящую перед пациентом дилемму и избавил его от чувства вины, объяснив, что с подобными проблемами сталкиваются все очень богатые люди. Он изменил отношение Питера к детям тем, что помог ему лучше понять мир их переживаний, а в частности, их вовлеченность в непрекращающуюся битву между отцом и матерью. Он предположил, что наилучший способ наладить отношения с детьми — это наладить отношения с бывшей женой. Постепенно, с помощью Маршала, Питер смог установить с ней более уважительные отношения и после четвертого терапевтического сеанса пригласил ее на ленч, во время которого они смогли впервые за долгие годы пообщаться без ссор.

И снова по предложению Маршала Питер постарался убедить жену в

том, что, хотя они и не могут жить больше вместе, они любили друг друга долгие годы, и эта реальность былой любви существует до сих пор: главное — беречь ее, не дать ей исчезнуть. Питер, по совету Маршала, предложил жене заплатить двадцать тысяч долларов за ее месячное пребывание в Центре реабилитации лиц с алкогольной зависимостью Бетти Форд. После развода Эвелин получила щедрую компенсацию и с легкостью могла бы сама заплатить за себя, но лечиться она отказывалась наотрез. Это проявление заботы со стороны Питера сильно ее тронуло, и, к его удивлению, она приняла это предложение.

Когда отношения Питера с бывшей женой улучшились, наладились и его отношения с детьми. С помощью Маршала он составил план создания дополнительного пятимиллионного траста на каждого из них, воспользоваться которыми они смогут в течение последующих десяти лет по достижении определенных целей: окончание колледжа, женитьба, два года занятий какой-либо стабильной, достойной профессиональной деятельностью и служба в правлении социально ориентированных проектов. Этот щедрый, но четко структурированный траст сотворил чудо, и за рекордно короткое время отношение детей к отцу резко изменилось.

Два сеанса Маршал посвятил проработке склонности мистера Макондо брать вину на себя. Тот не любил разочаровывать людей и, будучи склонным принижать значимость удивительно удачных капиталовложений, которые по его совету сделали его клиенты — группа банкиров из Швейцарии и Шотландии, он помнил все неудачные решения до единого. Рассказывая об этом Маршалу и вспоминая расстроенные лица немногих своих разочарованных инвесторов, он приходил в отчаяние.

Большую часть пятого сеанса Маршал и мистер Макондо посвятили разбору одной такой инвестиции. Около года назад его отец, знаменитый профессор экономики, который работал в университете Мехико, прилетел из Мехико в Бостон, где ему предстояла операция на коронарных сосудах.

После операции хирург, доктор Блэк, которому мистер Макондо был несказанно благодарен, попросил его сделать пожертвование в поддержку гарвардской программы исследований сердечно-сосудистой системы. Мистер Макондо не только немедленно дал свое согласие: он также высказал желание сделать дар непосредственно доктору Блэку. Доктор Блэк отказался от денег, заявив, что десяти тысяч долларов, полученных хирургом за операцию, ему вполне достаточно. Но в разговоре Макондо обмолвился о том, что рассчитывает получить большую прибыль с крупных закупок в песо. Доктор Блэк сразу же последовал по его стопам — и на следующей же неделе потерял семьдесят процентов, когда был >бит



Луис Колозио, кандидат в президенты

Мистер Макондо чувствовал себя безгранично виноватым перед доктором Блэком. Маршал приложил все усилия, чтобы спустить его с небес на землю, напомнив своему пациенту, что действовал он исключительно из благих побуждений, что он и сам потерял крупную сумму, что доктор Блэк сам принял решение об этом капиталовложении. Но мистер Макондо все искал пути исправить создавшуюся ситуацию. После сеанса, несмотря на все протесты Маршала, он, поддавшись порыву, отправил доктору Блэку персональный чек на тридцать тысяч долларов — именно столько он потерял на инвестиции.

Но доктор Блэк, надо отдать ему должное, отослал чек обратно с благодарностью, впрочем, не удержавшись от резкого напоминания о том, что он уже большой мальчик и знает, как бороться с подобными ситуациями. Он также добавил, что эта потеря может компенсироваться доходами, полученными от вложений в оптовые закупки сахара. В конце концов мистер Макондо успокоил свою совесть дополнительным пожертвованием на гарвардскую программу исследования сердечно-сосудистой системы в размере тридцати тысяч долларов.

Работа с мистером Макондо стала настоящим испытанием для Маршала. Никогда прежде ему не доводилось работать с пациентами, чье состояние исчислялось такими астрономическими цифрами. Возможность прикоснуться к миру огромных денег, заглянуть в него изнутри, поучаствовать в принятии решений о миллионных тратах вызвала у него суеверный трепет. Он буквально истекал слюной, думая о том, как щедро одарил Питер доктора, который лечил его отца. Он мечтал о том, что благодарный пациент одарит и его. Но каждый раз Маршал поспешно отгонял от себя эти фантазии; еще слишком свежи были воспоминания об изгнании Сета Пейнда за нарушение профессиональной этики. Принимать крупные подарки от пациентов, а тем более от человека, который патологически щедр и совестлив, — значит превысить служебные полномочия и злоупотребить доверием пациента. Любой — без исключения — комитет по этике, членом которого он являлся, подверг бы жесткому ostracism терапевта, воспользовавшегося слабостью такого пациента.

Самой сложной проблемой в терапии мистера Макондо был его иррациональный страх перед обсуждением условий брачного контракта с его невестой. Ее решение потребовало систематичности и дисциплины. Во-первых, он помог сформулировать условия брачного контракта: круглая сумма в один миллион долларов, которая будет расти в строгой

зависимости от продолжительности брака и по истечении десяти лет вырастет до одной трети состояния Питера Макондо. После чего Маршал с пациентом несколько раз проиграли обсуждение этой проблемы по ролям. Но даже после этого мистер Макондо продолжал высказывать нежелание общаться с Адрианой на эту тему. В конце концов Маршал решил облегчить объяснение и предложил привести Адриану на следующий сеанс.

Когда Питер с невестой приехали на следующий сеанс, Маршал испугался, что сделал ошибку: еще никогда он не видел мистера Макондо таким взволнованным — тот едва мог усидеть на стуле. Адриана же была воплощением любезности и спокойствия. Когда мистер Макондо в самом начале сеанса с трудом выдавил из себя что-то о терзающем его конфликте между матримониальными желаниями и претензиями семьи на его состояние, она сразу же прервала его, утверждая, что, по ее мнению, заключение брачного контракта не только возможно, но и желательно.

Она сказала, что прекрасно понимает сомнения Питера. На самом деле многие из них приходили и ей в голову. Буквально на днях ее отец — он серьезно болен — уверял ее в том, что свои личные сбережения разумнее хранить отдельно, не включая их в совместный супружеский капитал. Хотя ее сбережения по сравнению с капиталом Питера выглядят очень скромно, в будущем ее финансовое положение изменится — ее отец является держателем главного пакета акций крупной сети кинотеатров в Калифорнии.

Проблема разрешилась сама собой. Питер дрожащим голосом огласил свои условия, которые были с энтузиазмом встречены Адрианой. Она только добавила еще одно Условие: все ее личные сбережения остаются оформленными на ее имя. К неудовольствию Маршала, его клиент удвоил заранее оговоренные ими суммы, вероятно, из благодарности к Адриане, благодаря которой эта щекотливая ситуация так легко разрешилась. Неизлечимая щедрость, подумал Маршал. Но, думаю, есть болезни и похуже. Когда они выходили из кабинета, Питер вернулся и горячо пожал руку Маршала со словами: «Я никогда не забуду того, что вы для меня сегодня сделали».

Маршал открыл дверь и пригласил мистера Макондо. Питер был одет в шикарный мягкий красновато-коричневый кашемировый пиджак, оттеняющий шелковистые каштановые волосы. Челка постоянно падала ему на глаза, и он с изяществом возвращал ее на место.

Последний сеанс Маршал посвятил проверке и укреплению достигнутого. Мистер Макондо говорил, что он очень сожалеет о том, что

их работа окончена, особенно подчеркивая тот факт, что теперь он в неоплатном долгу перед Маршалом.

«Доктор Стрейдер, я всю жизнь платил консультантам значительные суммы за то, что, как оказывалось, не имело особой ценности. С вами все получилось совершенно иначе: вы дали мне нечто бесценное, а я вам практически ничего не отдал взамен. За эти несколько сеансов вы изменили мою жизнь. И что я? Заплатил шестьсот долларов? Я могу заработать эту сумму за пятнадцать минут, вложив деньги в финансовые предприятия, если мне просто станет скучно».

Он говорил все быстрее и быстрее. «Вы хорошо меня знаете, доктор Стрейдер, достаточно хорошо, чтобы понимать, что это несоответствие мне совсем не нравится. Это раздражает меня, это как кость в горле. Мы не можем не обращать на это внимания, потому что — кто знает? — это может даже свести на нет все то, чего я достиг в результате нашей работы. Я хочу, я настаиваю на том, чтобы мы сравняли счет.

Итак, вы знаете, — продолжал он, — что мне не слишком хорошо дается межличностное общение. Я не слишком хороший отец. Я не умею обращаться с женщинами. Но есть одна вещь, которая действительно удастся мне, и это зарабатывание денег. Вы бы оказали мне великую честь, если бы приняли от меня в дар долю в одной из моих новых инвестиций».

Маршала бросило в жар. Голова его шла кругом из-за борьбы жадности и сознательности. Но он, сжав зубы, переборол себя и отверг возможность, какая может представиться лишь раз в жизни. «Я тронут вашим предложением, мистер Макондо, но об этом не может быть и речи. Боюсь, что моя профессиональная этика не позволяет мне принимать денежные, равно как и любые другие, подарки, от пациентов. В ходе терапии мы не затронули еще одну вашу проблему — неумение принимать помощь. Может быть, если мы когда-нибудь еще будем работать вместе, мы разберем и это. А сейчас я могу лишь напомнить вам, что я назначил, а вы оплатили истинную стоимость моих услуг. Я придерживаюсь той же точки зрения, что и хирург, который лечил вашего отца, и могу заверить вас, что ни о каком долге речь не идет».

«Доктор Блэк? Странное сравнение. Доктор Блэк за несколько часов работы получил десять тысяч долларов. А через полчаса после операции потребовал миллион долларов для профессоров Гарварда на исследования в области сердечно-сосудистой хирургии».

Маршал понимающе кивнул. «Мистер Макондо, я восхищаюсь вашей щедростью; это прекрасно. И я бы с удовольствием принял ваш дар. Идея финансовой стабильности, защищенности привлекает меня не меньше, чем

кого бы то ни было, — может, даже сильнее, чем многих, потому что я стараюсь заработать себе на свободное время, когда я смогу писать. У меня есть несколько наработок по теории психоанализа, которые просятся на бумагу. Но я не могу принять ваш подарок. Это было бы нарушением профессионального этического кодекса».

«Другое предложение, — быстро отозвался мистер Макондо, — это не деньги. Позвольте мне завести на вас фьючерсный счет и в течение месяца заниматься торговлей от вашего имени. Мы будем связываться каждый день, и я обучу вас искусству делать деньги на торговле текущими фьючерсами. После чего я изыму свой исходный взнос и отдам вам полученные доходы».

Предложение узнать внутренние механизмы предпринимательства было для Маршала необычайно привлекательным. Отказываться было обидно до слез. Но, сжав волю в кулак, он покачал головой еще энергичнее: «Мистер Макондо, если бы мы с вами встретились при других... уф... обстоятельствах, я бы согласился с радостью. Я тронут вашим предложением, я хотел бы учиться у вас искусству предпринимательства. Но мой ответ «нет». Это невозможно. И кое-что еще, о чем я забыл сказать ранее. Я получил от вас не только деньги. Есть еще что-то, а именно удовлетворение, которое доставляет мне ваше выздоровление. Это огромная радость для меня».

Мистер Макондо беспомощно откинулся на спинку стула; его лицо светилось восхищением профессионализмом и непоколебимой честностью Маршала. Он воздел ладони, словно говоря: «Сдаюсь, я сделал все, что мог». Сеанс закончился. Мужчины пожали друг другу руки в последний раз. Мистер Макондо направился к двери в глубокой задумчивости. Внезапно он остановился и посмотрел на Маршала.

«Последнее предложение. В этом вы не сможете мне отказать. Прошу вас, будьте моим гостем завтра. Или в пятницу. Я приглашаю вас на ленч. Я улетаю в Цюрих в воскресенье».

Маршал не решался ответить.

Мистер Макондо быстро добавил: «Я знаю, что правила запрещают вам общаться с пациентами, но после этого последнего рукопожатия мы с вами уже не доктор и пациент. Благодаря вам я вылечился, и мы снова стали просто знакомыми, свободными гражданами».

Маршал обдумывал это приглашение. Ему нравился мистер Макондо, его рассказы о внутренних механизмах «делания денег». Что в этом плохого? Это не будет нарушением профессиональной этики.

Видя сомнение Маршала, Макондо сказал: «Я, конечно, буду время от

времени приезжать в Сан-Франциско по делам — два раза в год обязательно, на собрания правления, повидать детей, навестить отца и сестер Адрианы, мы с вами будем жить на разных континентах. Я уверен, нет никакого правила, запрещающего посттерапевтический завтрак». Маршал сверился с ежедневником: «Пятница, час дня-1» «Прекрасно. Клуб «Пасифик юнион». Знаете такой?» «Слышал о таком. Но никогда там не был». «Калифорния, на вершине Ноб-Хилл. Рядом с «Фейр-монтом». Парковка на заднем дворе. Просто скажите, что вы ко мне. Увидимся».

Утром в пятницу Маршал получил факс — копию факса, присланного мистеру Макондо из Университета Мехико.

Дорогой мистер МАКОНДО,

мы с радостью приняли ваше щедрое предложение об организации ежегодных Лекций Маршала Стрейдера: «Психическое здоровье в третьем тысячелетии». Мы, разумеется, воспользуемся вашим предложением и пригласим доктора Стрейдера стать одним из членов комитета по отбору выступающих. Рауль Менендес, президент университета, вскоре с ним свяжется. Президент Менендес обратился ко мне с просьбой передать вам его личные поздравления; кстати, в начале этой недели он обедал с вашим отцом.

Мы в неоплатном долгу перед вами за этот и многие другие дары, за поддержку исследований и образования Мексики. Страшно даже представить себе, в каком положении находился бы наш университет без вашей помощи и без поддержки небольшой группы ваших единомышленников-благотелей.

Искренне ваш, РАУЛЬ ГОМЕС Университет Мехико, ректор

И сопроводительная записка от Питера Макондо:

Я никогда не говорю «нет». От этого подарка не сможете отказаться даже вы! Увидимся завтра.

Маршал дважды перечитал текст факса — медленно, прислушиваясь к своим ощущениям. Ежегодные Лекции Маршала Стрейдера — мемориал, которому жить в веках. А кому бы это не понравилось? Прекрасный способ повышения самооценки. Через много лет, чувствуя себя недооцененным, он мог бы думать о лекциях, названных в его честь. Или о том, как летал в Мехико, чтобы прочитать лекцию, как он неохотно поднимался, подняв

руку, медленно и скромно принимал аплодисменты благодарных слушателей.

Но к радости примешивалась горечь — разве этот дар мог заменить возможность заработать, которая выпадает лишь раз в жизни, которой он позволил ускользнуть из его рук. Когда еще ему попадется фантастически богатый пациент, единственное желание которого — сделать его обеспеченным человеком? Макондо предлагал подарить ему «долю своих инвестиций». Сколько это? — думал Маршал. Пятьдесят тысяч? Сто тысяч долларов? Боже правый, как могла бы измениться его жизнь! Он быстро все подсчитал. Даже его собственная инвестиционная стратегия приносила ему по шестнадцать процентов последние два года. Прими он предложение мистера Макондо заняться торговлей на зарубежном валютном рынке, эта сумма выросла бы в два, а то и в три раза. Маршал понимал, что в торговых делах он был новичком-неумехой — все обрывки информации доходили до него слишком поздно. Сейчас, первый раз в жизни, он получил шанс стать своим человеком в этом деле.

Да, если бы он мог это сделать, ему бы жилось намного лучше. Не так уж велики были его потребности. Единственное, в чем он по-настоящему нуждался, так это в том, чтобы освободить время и три-четыре дня в неделю посвящать исследованиям и книге. Ну и в деньгах!

Но ему все равно пришлось отказаться. Проклятье! Проклятье! Проклятье! Но разве у него был выбор? Неужели он хотел повторить судьбу Сета Пейнда? Или Сеймура Трот-тера? Он знал, что поступил правильно.

В пятницу, приближаясь к массивным мраморным дверям клуба «Пасифик юнион», Маршал испытывал сильное волнение, граничащее с ужасом. Долгие годы он понимал, что двери подобных заведений, таких, как «Пасифик юнион», «Берлингейм клуб» и «Богемская роща», закрыты для него. Теперь они открылись. На пороге он замешкался, но, сделав глубокий вдох, шагнул в тайную обитель посвященных.

Это был конец пути. Маршал думал, что путь этот начался в 1924-м в переполненном вонючем третьем классе трансатлантической баржи, которая привезла его родителей, совсем молодых, на Эллис-Айленд из Саутгемптона. Нет, нет, он начался еще раньше, в Пруссии — штетле<sup>[29]</sup> у самой русско-польской границы, в одном из его покосившихся деревянных домишек с земляными полами, где отец его ребенком спал в теплом закутке на большой глиняной печи, которая заполняла собой большую часть общей комнаты.

Как они попали из Пруссии в Саутгемптон? — поражался Маршал. По суше? На лодке? Он никогда не спрашивал их об этом. А теперь было

уже поздно. Его отец и мать давным-давно обратились в прах, лежа рядышком в высокой траве кладбища «Анакостия» в пригороде Вашингтона. Из всех участников этого долгого путешествия в живых остался лишь один человек, способный рассказать об этом, — брат его матери, Лейбл, доживающий свои дни на длинном деревянном балконе пропахшего мочой дома престарелых в Майами-Бич с его стенами, покрытыми розовой штукатуркой. Пора позвонить Лейблу.

Центральная ротонда, изящный восьмиугольник, была обставлена величественными диванами из кожи и красного дерева. На высоте девяти футов ее венчал изумительный потолок: тонкий цветочный узор, выгравированный на полупрозрачном стекле. Мажордом, облаченный в смокинг и тонкие кожаные перчатки, почтительно поприветствовал Маршала, а услышав его имя, кивнул и провел его в гостиную, в дальнем конце которой у огромного камина сидел Питер Макондо.

Гостиная поражала своими размерами — половина Прусины, наверное, поместилась бы под высоким потолком, покоящимся на полированных дубовых стенах со вставками геральдических лилий на алом атласе И кругом кожа — Маршал быстро насчитал двенадцать длинных диванов и тридцать массивных стульев. Некоторые стулья были заняты морщинистыми седовласыми сухощавыми стариками, читающими газеты. Маршалу пришлось присмотреться, чтобы убедиться, что они еще дышат. Двенадцать канделябров на стене, то есть всего сорок восемь в комнате, по три ряда лампочек в каждом — пять во внутреннем, в следующем — семь, во внешнем — девять, всего двадцать одна лампочка, а во всей комнате... Маршал прекратил подсчеты, заметив пару трехфутовых металлических фигур на одном из каминов — копии закованных рабов Микеланджело; в центре комнаты стоял массивный стол, заваленный грудami газет, в основном финансовых, со всего мира. У одной стены в застекленной витрине находилась огромная фарфоровая чаша конца восемнадцатого века с табличкой, на которой было указано, что она была получена в дар от одного из членов клуба и была изготовлена в мастерской Чинг-те Ченг. На ней были изображены сцены из романа «Сон в красном тереме».

Подлинник. Да, это подлинник, думал Маршал, приближаясь к Питеру, который болтал с другим членом клуба, сидя на диване. Его собеседником был высокий представительный мужчина в красном клетчатом пиджаке, розовой рубашке и цветастом аскотском галстуке. Маршал никогда раньше не видел, чтобы кто-то так одевался, никогда не видел, чтобы кто-то мог допустить такую шокирующую дисгармонию в одежде и выглядеть при этом так элегантно и достойно.

«О, Маршал, — произнес Питер. — Рад вас видеть. Позвольте представить вам Роско Ричардсона. Отец Роско был лучшим мэром в истории Сан-Франциско. Роско, это доктор Маршал Стрейдер, ведущий психоаналитик Сан-Франциско. Ходят слухи, Роско, что доктор Стрейдер недавно удостоился огромной чести: в одном из университетов будут проводиться серии лекций, названные в его честь».

После короткого обмена любезностями Питер повел Маршала в обеденный зал, вернувшись к прерванному разговору:

«Роско, я не верю, что на рынке может прижиться еще одна компьютерная система, но не могу полностью отрицать эту возможность. Если Сиско действительно решит делать инвестиции, я буду более заинтересован. Убедите меня, и я обещаю убедить своих инвесторов. Будьте добры, отправьте бизнес-план в Цюрих, и я ознакомлюсь с ним в понедельник, когда вернусь в офис.

Прекрасный человек, — сказал Питер, когда они распрощались. — Мой отец знал его отца. И прекрасно играет в гольф. Он живет как раз по дороге к Сайпрес-Пойнт. Интересный вариант инвестиции, но вам я его рекомендовать не буду: эти начинающие слишком долго раскачиваются. Играть в эту игру слишком дорого — из двадцати новых проектов стоящим окажется один. Разумеется, если вам удастся его угадать, он приносит больше, значительно больше, чем двадцать к одному. Кстати, надеюсь, вы не возражаете, что я обращаюсь к вам по имени?»

«Нет, что вы, конечно, нет. Только по имени. Это уже не профессиональные отношения».

«Вы говорили, что не были здесь раньше?»

«Нет, — ответил Маршал. — Проходил мимо. Восхищался. Это не похоже на места, где пасутся члены медицинского сообщества. Я почти ничего не знаю о клубе. Кто в него входит? В основном бизнесмены?»

«В основном старые денежные мешки Сан-Франциско. Консерваторы. В основном живут на проценты с наследства. Роско — исключение, вот почему он мне нравится. Ему семьдесят один, но он все еще высоко летает. Вот так...»

Они добрались до обеденной залы, и Питер обратился к мажордому: «Эмиль, мы готовы. Есть у нас шанс отведать того запеченного лосося в тесте?»

«Думаю, я смогу убедить шеф-повара приготовить одного специально для вас, мистер Макондо».

«Эмиль, я помню, каким удивительно вкусным он был в «Cercle Union Interalliee» в Париже». Тут Питер наклонился к Эмилю и прошептал ему на



ухо: «Только никому не говорите: мне больше нравится, как его готовят здесь».

Питер продолжал оживленно обсуждать что-то с Эмилем. Маршал не слышал, о чем они говорили, пораженный великолепием обеденной залы, а в особенности гигантской фарфоровой вазой, в которой нашел пристанище шедевр японского искусства икебаны: восхитительные орхидеи, ниспадающие каскадом с покрытой красными листьями кленовой ветви. «Если бы моя жена это видела», — подумал Маршал. Кто-то получил кучу денег за эту композицию, так что у нее была возможность превратить свое маленькое увлечение в источник дохода.

«Питер, — произнес Маршал, когда Эмиль усадил их за стол, — вы так редко бываете в Сан-Франциско. Вы являетесь активным членом этого клуба, а также клубов в Париже и Цюрихе?»

«Нет, нет, нет, — ответил Питер, улыбаясь наивности Маршала. — Тогда бы мне пришлось заплатить около пяти тысяч за сэндвич, если бы я решил здесь пообедать. Все эти клубы — «Circolo dell Unione» в Милане, «Atheneum» в Лондоне, «Cosmos Club» в Вашингтоне, «Cercle Union Interalliee» в Париже, «Pacific Union» в Сан-Франциско, «Baur au Lac» в Цюрихе — составляют единую сеть: членство в одном клубе гарантирует привилегии во всех остальных. Собственно, вот откуда я знаю Эмиля: он работал в «Cercle Union Interalliee» в Париже». Питер взял в руки мелю. «Ну что, Маршал, начнем с напитков?»

«Просто воды, «Caligosta», если можно. Мне сегодня предстоит еще провести четыре сеанса».

Питер заказал дюбонне и содовую. Когда принесли напитки, он поднял свой бокал: «За вас и за Лекции Маршала Стрейдера».

Маршал вспыхнул. Он был настолько ошеломлен увиденным в клубе, что забыл даже поблагодарить Питера.

«Питер, лекции под моим именем — это великая честь. Я должен был поблагодарить вас сразу, но мысли мои были заняты моим последним пациентом».

«Вашим последним пациентом? Удивительно. Мне почему-то казалось, что, стоит пациенту закрыть за собой дверь, терапевт не вспоминает его до того самого момента, когда тот приходит на следующий сеанс».

«Вашими бы устами да мед пить. Но — и это профессиональная тайна — даже самые организованные терапевты думают о пациентах чуть ли не постоянно и даже ведут с ними безмолвные диалоги между сеансами».

«И не требуют за это дополнительную плату!»

«Увы, нет. За размышления приходится платить только юристам».

«Интересно, интересно! Вы, вероятно, говорите обо всех терапевтах, но, сдаётся мне, вы говорите именно о себе. Я часто размышлял над тем, почему остальные терапевты принесли мне так мало пользы. Может, это потому, что у вас уровень вовлечённости больше, может, ваши пациенты больше для вас значат».

Принесли лосося, но Питер, не обращая на это внимания, продолжал говорить о том, что Адриана тоже была очень недовольна своими предыдущими терапевтами.

«На самом деле, Маршал, — говорил он, — я хотел обсудить с вами сегодня две вещи, и это одна из них. Адриане бы очень хотелось, чтобы вы провели с ней несколько сеансов: ей нужно решить некоторые проблемы в отношениях с отцом, тем более сейчас, когда жить ему осталось совсем недолго».

Маршал, прекрасный специалист по классовым различиям, давно понял, что представители высшего класса сознательно оттягивают начало приема пищи; на самом деле чем старше богач, тем дольше пауза перед первой вилкой. Маршал из всех сил старался выдержать паузу наравне с Питером. Он тоже игнорировал лосося, потягивал свою минеральную воду, внимательно слушал собеседника, кивал и уверял Питера в том, что он с радостью проведет для Адрианы краткий курс терапии.

В конце концов Маршал не выдержал. И впился в лосося. И обрадовался, что последовал совету Питера и заказал именно это блюдо. Лосось действительно был великолепен. Тоненькая хрустящая масляная корочка таяла во рту, ему даже не приходилось жевать — стоило лишь легонько прижать кусочек лосося языком к небу, как кусочки цвета розмарина превращались в мягкую массу и начинали свое путешествие по горлу в коконе теплого масла. «Черт с ним, с холестерином», — подумал Маршал, чувствуя себя довольным грешником.

Питер бросил первый взгляд на еду, словно удивляясь ее появлению на столе. Он подхватил вилкой первый увесистый кусок и продолжил:

«Это очень хорошо. Адриана действительно нуждается в вашей помощи. Она позвонит вам сегодня днем. Вот ее визитная карточка. Если вам не удастся созвониться, она будет очень рада, если вы позвоните ей и назначите сеанс на следующей неделе. В любое время, когда вам будет удобно, — она распланирует свои дела соответственно. И еще вот что, Маршал. Я уже обсудил этот вопрос с Адрианой: я хотел бы оплатить ее сеансы. Это за пять часов. — Он протянул Маршалу конверт с десятью стодолларовыми купюрами. — Не могу выразить словами, как я благодарен

вам за то, что вы согласились поработать с Адрианой. И разумеется, теперь я еще больше хочу отплатить вам добром».

Это заявление заинтересовало Маршала. Он думал, что известие об организации серии лекций, названных в его честь, говорит о том, что эта возможность для него потеряна навсегда. Но оказалось, что судьба решила искушать его снова. Но он знал, что профессионализм возобладает: «Вы сказали, что хотите обсудить со мной две проблемы. Первая — терапия Адрианы. Не является ли ваше непрекращающееся чувство обязанности по отношению ко мне второй проблемой?»

Питер кивнул.

«Питер, вы должны забыть об этом Или — это угроза! — мне придется заставить вас отложить вашу поездку на три-четыре года, чтобы мы смогли справиться с этим посредством психоанализа. Я повторяюсь: нет никакого неоплаченного долга. Вы воспользовались моими услугами. Я назначил соответствующую цену. Вы заплатили. Вы заплатили даже больше, чем я просил. Помните? А потом, вы были настолько любезны, настолько щедры, что организовали в честь меня курс лекций. Не было никакого долга. А даже если б и был, ваш дар с лихвой его компенсировал. Более чем: теперь я чувствую себя обязанным вам!»

«Маршал, вы учили меня быть искренним с собой и открыто выражать свои чувства. Именно это я и собираюсь сделать. Потерпите меня буквально пару минут. Просто выслушайте меня. Пять минут. Договорились?»

«Пять минут. А потом мы навсегда забудем эту тему. Идет?»

Питер кивнул. Маршал улыбнулся, снял часы и положил их на стол между ними.

Питер взял часы Маршала в руки, внимательно рассмотрел их, положил обратно и начал говорить:

«Во-первых, позвольте мне прояснить один момент. Я солгал бы вам, если бы позволил вам думать, что мой дар университету был на самом деле подарком вам. На самом деле я почти каждый год делаю университету относительно скромный подарок. Четыре года назад я организовал там ту самую кафедру экономики, деканом которой является мой отец. Так что я бы так и так сделал им подарок. Единственное, что я сделал, так это подарил им ваши лекции.

Во-вторых, я прекрасно понимаю, как вы относитесь к подаркам, и я уважаю ваши чувства. Но я могу сделать вам предложение, которое вы, вероятно, сможете принять. Сколько у меня осталось времени?»

«Всего три минуты», — ухмыльнулся Маршал.

«Я не рассказывал вам о моем бизнесе. Так вот основным моим занятием является покупка и продажа компаний. Я работаю в качестве эксперта на оценочные фирмы — несколько лет я занимался этим в «Citicorp», после чего ушел на вольные хлеба. За эти годы я принял участие в приобретении более двухсот компаний. Недавно я наткнулся на датскую компанию, которую оценили удивительно низко, и это при том, что она обладает мощным доходным потенциалом. И я купил ее сам. Может быть, я поступил эгоистично, я еще не до конца определился со своими новыми партнерами. Мы собираем двести пятьдесят миллионов. Возможность купить компанию нужно использовать быстро, и, если быть до конца честным, она слишком хороша, чтобы делиться».

Сам того не желая, Маршал был заинтригован: «И?..»

«Погодите, дайте мне закончить. Эта компания, «Rucksen», занимает второе место в мире по производству велосипедных шлемов, имея четырнадцать процентов рынка. В прошлом году продажи были высокие — двадцать три миллиона, — но я уверен, что за два года я смогу увеличить эту сумму в четыре раза. И вот почему. Самая большая доля рынка — двадцать шесть процентов — принадлежит финской компании «Solvag», и так получилось, что моему консорциуму принадлежит контрольный пакет акций «Solvag»! А мне принадлежит контрольный пакет акций консорциума. Основной продукт, производимый «Solvag», — мотоциклетные шлемы, и это производство приносит значительно больше прибыли, чем производство велосипедных шлемов в той же компании. Я планирую модернизировать «Solvag», объединив ее с австрийской компанией по производству мотоциклетных шлемов. Когда это произойдет, я прекращу производство велосипедных шлемов «Solvag» и завод перейдет исключительно на производство мотоциклетных шлемов. К тому времени я увеличу производительную мощность «Rucksen» и позиционирую ее таким образом, что она займет как раз ту нишу, которая принадлежала «Solvag». Видите, Маршал, как красиво все получается?»

Маршал кивнул. Он действительно видел это. Красота для посвященных. Он также видел всю тщетность своих попыток просчитать временные закономерности фондового рынка или выкупить акции, обладая жалкими обрывками информации, доступными людям сторонним.

«Вот что я вам предлагаю. — Питер бросил взгляд на часы. — Еще несколько минут. Дослушайте меня». Но Маршал уже забыл о пятиминутном лимите.

«Я выкупил контрольный пакет акций «Rucksen», теперь мне нужно внести всего десять миллионов долларов наличными. Я рассчитываю

публично презентовать «Rucksen» где-то через двадцать два месяца, и у меня есть все основания ожидать, как минимум, пятьсот процентов прибыли. Когда «Solvag» освободит эту нишу, у нее не останется сильных конкурентов. Разумеется, никто, кроме меня, этого не знает, поэтому вам тоже нужно молчать об этом. У меня также есть информация — источник ее я не могу открыть даже вам — о законопроекте, который обязывает несовершеннолетних использовать велосипедные шлемы в обязательном порядке. Он скоро вступит в силу на территории трех европейских стран.

Я предлагаю вам долю в этой инвестиции, скажем, один процент... Подождите, Маршал, не торопитесь отказываться: это не подарок, и я больше не ваш пациент. Это самая настоящая инвестиция. Вы даете мне чек и становитесь совладельцем. Но у меня есть одно условие, и здесь вы должны согласиться со мной даже через силу: я не хочу оказаться в такой же ситуации, как тогда, с доктором Блэком. Помните, как я мучился из-за этого?

Итак, — продолжал Питер более конфиденциальным тоном, видя растущую заинтересованность Маршала. — Вот что я вам предлагаю. Ради моего собственного психического здоровья я хочу, чтобы вы ничем не рисковали. Если когда-нибудь вы пожалеете об этой инвестиции, я выкуплю у вас вашу долю по вашей цене. Я предлагаю сделать так: я дам вам мой личный вексель с полным обеспечением. По вашему требованию вам будет выплачена сумма, равная ста процентам вложенной плюс десять процентов годовых. Но вы должны пообещать мне, что воспользуетесь этим векселем, если произойдет что-то непредвиденное, — кто знает, что может случиться? Убийство президента, моя внезапная гибель или что-либо еще, что поставит вас в ситуацию риска. Иными словами, вы обязаны использовать этот вексель».

Питер откинулся на спинку стула, взял часы Маршала и отдал хозяину: «Семь с половиной минут. Я все сказал». Маршал судорожно соображал. На этот раз все сходится. «Девяносто тысяч долларов, — думал он. — Я получаю, скажем, семьсот процентов — более шестисот тысяч дохода. За двадцать два месяца. Как я могу отказаться от этого? Да и кто бы смог? Вложить деньги под двенадцать процентов и до конца своих дней получать семьдесят две тысячи долларов в год. Питер прав. Он больше не мой пациент. И это не подарок из-за переноса — я вкладываю свои деньги; это инвестиция. И что с того, что я ничем не рискую? Это частный вексель. Нет и речи о злоупотреблении профессиональным положением. Все чисто. Идеально чисто».

Маршал перестал думать. Время действовать. «Питер, в офисе я видел

вас лишь с одной стороны. Теперь я знаю вас лучше. Теперь я знаю, что принесло вам такой успех в делах. Вы ставите перед собой цель и движетесь в направлении этой цели с редким упорством и смекалкой... и изяществом. — Маршал протянул Питеру руку. — Я принимаю ваше предложение. С огромной признательностью».

Об остальном они договорились быстро. Питер предложил Маршалу партнерство в пределах одного процента акций. Маршал решил, что, если уж он пошел на это, нужно играть по-крупному, и вложил максимум: девяносто тысяч. Деньги он получит с продажи акций «Уэллс Фарго» и «фиделити» и переведет их на цюрихский счет Маршала в течение пяти дней. Питер собирался окончательно выкупить «Rucksen» за восемь дней, а по датским законам он должен был предоставить список акционеров. Питер также обещал оформить вексель и доставить его в офис Маршала до отъезда в Цюрих.

Вечером того же дня, когда Маршал проводил своего последнего пациента, в дверь кабинета постучали. Курьер, прыщавый подросток-велосипедист в джинсовой куртке с ярко-красными нарукавниками и обязательной бейсболке «San Francisco Giants» козырьком назад, вручил ему конверт с заверенным нотариусом письмом, в котором были изложены все аспекты соглашения. Вторая бумага, на которой Маршал должен был оставить подпись, гласила, что он обязан потребовать полного возмещения своей инвестиции в случае, если по каким-либо причинам стоимость акций «Rucksen» упадет ниже номинала. В конверте лежала и записка от Питера: «Для вашего полного спокойствия, оформленный моим юристом вексель будет доставлен вам к среде. Вот вам мой подарок в честь подписания договора о нашем партнерстве».

Маршал достал из конверта коробочку из ювелирного салона «Shreve's». Он открыл ее — и от удивления у него перехватило дыхание. С замиранием сердца Маршал надел отделанные брильянтами часы «Ролекс».

## Глава 10

В четверг вечером, около шести, Эрнесту позвонила сестра Евы Голсуорт, одной из его пациенток.

«Ева попросила позвонить вам и сказать, что пора».

Эрнест оставил записку с извинениями пациенту, который должен был прийти в 18.10, прикрепил ее к двери кабинета и помчался к Еве. Ей был пятьдесят один год, и она страдала раком яичников в терминальной стадии. Ева преподавала писательское мастерство. Это была изящная, исключительно достойная женщина. Эрнесту нравилось представлять себе, что он всю свою жизнь прожил бы с Евой, будь она моложе, а обстоятельства их встречи — иными. Он считал ее красивой, искренне восхищался ею и был поражен ее жизнелюбием. Последние полтора года он полностью посвятил смягчению боли ее умирания.

В работе с большинством пациентов Эрнест использовал понятие «сожаление». Пациенты должны были разобраться с прошлыми сожалениями и избегать сожалений в будущем. «Ваша задача, — говорил он, — жить так, чтобы, обернувшись назад через пять лет, вы бы ни о чем не жалели».

Случалось, эта стратегия «антиципирующего сожаления» терпела неудачу. Но в большинстве случаев она оказывалась действенной. Но ни один пациент не относился к этой методике так серьезно, как Ева, которая полностью посвятила себя, как она говорила, «выжиманию всех соков из этой жизни». Узнав свой диагноз, Ева за последующие два года круто изменила свою жизнь: она рассталась с нелюбимым мужем, завела сумасшедшие романы с двоими мужчинами, о которых давно мечтала, побывала на сафари в Кении, закончила два рассказа и объехала страну, навестив троих своих детей и некоторых любимых студентов.

Все это время она тесно и продуктивно сотрудничала с Эрнестом. Кабинет Эрнеста стал для Евы тихой гаванью, куда она могла принести все свои страхи, связанные со смертью, все те мрачные мысли, которыми она не могла поделиться с друзьями. Эрнест пообещал тотчас с ней все прорабатывать, ничего не страшась и не замалчивая, обращаться с ней не как с пациентом, но как с попутчиком, с товарищем по несчастью.

И Эрнест сдержал свое слово. Ева приходила к нему последней из пациентов, потому что после сеанса его часто охватывала тревога — относительно смерти Евы, да и собственной. Он постоянно напоминал ей,

что она не еГ инока, что они вместе смотрят в лицо ужаса конечности и ггия, что он пойдет за ней настолько далеко, насколько может. Когда Ева попросила его дать обещание, что он будет с ней, когда она будет умирать, Эрнест выполнил ее просьбу. Последние два месяца болезнь уже не позволяла ей приходить к нему в офис, но Эрнест поддерживал с ней связь по телефону и иногда заезжал к ней домой, не требуя платы за эти визиты.

Сестра Евы встретила его и проводила в спальню, где лежала больная. Кожа Евы сильно пожелтела — опухоль распространилась и на печень. Она тяжело дышала и вспотела так, что влажные волосы облепили ее череп. Она кивнула и шепотом, между вдохами, попросила сестру оставить их. «Я хочу, чтобы мой доктор провел со мной еще один сеанс».

Эрнест сел рядом с ней. «Вы можете говорить?»

«Слишком поздно. Не надо больше слов. Просто держите меня».

Эрнест взял Еву за руку, но она покачала головой. «Нет, прошу вас, просто обнимите меня», — прошептала она.

Эрнест сел на кровать, наклонился к ней, но не смог найти такого положения, чтобы сделать то, о чем она просила. Ему ничего не оставалось, кроме как лечь рядом с ней и обвить ее руками. Он не стал снимать пиджак и ботинки и не сводил глаз с двери, опасаясь, как бы не зашел посторонний, который может не понять, что здесь происходит. Ему было неловко, и он был рад, что их столько разделяет — простыня, ватное одеяло, покрывало, пиджак. Ева притянула его к себе. Постепенно напряжение, сковывавшее его, спало. Он расслабился, снял пиджак, откинул одеяло и крепче сжал Еву. Она ответила тем же. На мгновение он почувствовал непрощеное тепло внутри — предвестник сексуального возбуждения, но, разозлившись на себя, заставил его исчезнуть и приложил все усилия, чтобы передать Еве этим объятием свою любовь. Через несколько секунд он спросил: «Так лучше, Ева?»

Она не ответила. Дыхание ее стало затрудненным. Эрнест вскочил с кровати, наклонился над ней и громко позвал ее по имени.

Не отвечает. В комнату вбежала сестра Евы, услышавшая его крики. Эрнест схватил запястье Евы, но пульс не прощупывался. Он положил руку на ее грудную клетку и, аккуратным нажатием отодвинув в сторону ее тяжелую грудь, попытался прощупать апикальный пульс. Сердце Евы билось слабо, с перебойми, и он сказал: «Мерцательная аритмия желудочков. Очень плохо».

Несколько часов они дежурили у кровати больной, прислушиваясь к ее тяжелому прерывистому дыханию. «Дыхание Чейни—Стокса», — подумал Эрнест, удивившись, как этот термин, осколок знаний, полученных им на



третьем курсе мединститута, смог всплыть из глубин его бессознательного. Иногда веки Евы начинали дрожать, но так больше и не поднимались. Пена слюны засыхала на ее губах, и Эрнест каждые несколько минут стирал ее бумажной салфеткой.

«Это признак отека легких, — произнес Эрнест. — Сердце отказывает, и жидкость скапливается в легких».

Сестра Евы кивнула, на ее лице читалось облегчение. «Интересно, — подумал Эрнест, — каким образом эти научные ритуалы — название и объяснение феномена — способны заглушить страх. Я привел научное название ее дыхания? Я объяснил, каким образом из-за слабеющего правого желудочка жидкость оттекает назад в правое предсердие, а оттуда в легкие, отчего образуется пена? И что? Я же не предлагаю решения проблемы! Я всего лишь дал монстру имя. Но мне стало лучше, ее сестре стало лучше, и, если бы бедная Ева была в сознании, ей бы тоже скорее всего стало лучше».

Эрнест держал Еву за руку. Ее дыхание становилось все более поверхностным, более неровным и, спустя где-то час, остановилось. Эрнест не чувствовал биения пульса. «Она мертва».

Несколько минут они сидели молча, потом начали планировать свои дальнейшие действия. Они составили список людей, которым нужно позвонить, — детям, друзьям, в газеты, в бюро ритуальных услуг. Вскоре сестра собралась обмывать тело Евы, и Эрнест собрался уходить. Они наскоро обсудили, во что ее одеть. Сестра сказала, что тело Евы будет кремировано, и бюро ритуальных услуг, наверное, предоставит какой-нибудь саван. Эрнест согласился, хотя ничего об этом не знал.

По дороге домой Эрнест думал, что на самом деле его познания в этой области крайне скудны. Несмотря на долгие годы медицинской практики, анатомирование трупов в медицинском колледже, он, как и большинство терапевтов, никогда не видел своими глазами непосредственно момент смерти. Он сохранял спокойствие и профессионализм; да, он будет скучать по Еве, но ее смерть была милосердно легкой. Он знал, что сделал все, что мог, но провел беспокойную ночь: своей грудью он все еще ощущал ее тело.

Он проснулся в пять утра, цепляясь за остатки сна. Он сделал именно то, что всегда советовал своим пациентам, когда тем снились тревожные сновидения: он без движения лежал в постели, не открывая глаз, и вспоминал свой сон. Взяв с прикроватного столика блокнот и ручку, Эрнест записал все, что ему удалось вспомнить:

Мы с родителями и братом гуляли. Мы решили подняться вверх. Я

вдруг оказался один в лифте. Он ехал долго-долго. Когда я вышел из лифта, я оказался на берегу моря. Но я не мог найти своих. Я искал и искал. Хотя это было милое местечко... райское место... меня охватил ужас. Потом я начал натягивать ночную рубашку с милой улыбающейся физиономией медвежонка Смоки. Эта физиономия становилась все ярче, начала сверкать... и скоро стала средоточием всего сна — словно вся энергия сна перешла в эту милую улыбающуюся физиономию медвежонка Смоки.

Чем больше Эрнест думал об этом, тем более значимым казался ему этот сон. Он так и не смог уснуть, встал, оделся и в шесть утра поехал в офис, чтобы внести свой сон в компьютер. Он прекрасно вписывался в посвященную снам главу его новой книги, над которой он сейчас работал, под названием «Страх смерти и психотерапия». Или, может быть, «Психотерапия, смерть и страх». Он еще не определился с названием.

В этом сне не было ничего таинственного. События этой ночи полностью объясняли сон. Смерть Евы поставила его лицом к лицу с его собственной смертью (представленной во сне пронизывающим ощущением ужаса, отделением от семьи, долгим подъемом на лифте к райскому побережью). Как досадно, подумал Эрнест, что его собственный производитель снов выдал ему сказочку о восхождении в рай! Но что он мог поделать? Производитель снов был сам себе хозяин, сформировался он на заре сознательного, и на его становление массовая культура оказала значительно большее влияние, чем сила воли.

Сила сна заключалась в ночной рубашке с ярким изображением медвежонка Смоки. Эрнест знал, что этот символ был порожден разговором о том, во что одеть Еву для кремации, — медвежонок Смоки стал олицетворением кремации! Жутковато, но поучительно.

Чем больше Эрнест думал об этом сне, тем отчетливее понимал, какую пользу можно извлечь из этого сна при обучении психотерапевтов. С одной стороны, он иллюстрировал положение Фрейда о том, что первостепенная функция сновидений состоит в сохранении сна. В этом случае пугающая мысль — о кремации — трансформировалась в нечто более безобидное и приятное: в прелестный образ милого медвежонка Смоки. Но сновидение справилось со своей задачей лишь частично: оно позволило ему не просыпаться, но страх смерти наполнил сон ужасом.

Эрнест провел за письменным столом два часа, а потом в назначенное время приехал Джастин. Ему нравилось работать рано утром, хотя это и значило, что в конце дня он будет выжат как лимон.

«Простите меня за понедельник, — сказал Джастин, проходя к своему стулу и стараясь не встречаться глазами с Эрнестом. — Не могу поверить,

что я так поступил. Около десяти я ехал на работу, насвистывая, в превосходном настроении, и тут меня словно пыльным мешком из-за угла огрели: я забыл о том, что должен прийти к вам. Мне нет оправдания. Ни единого. Я просто забыл об этом начисто. Такого со мной никогда раньше не случилось. Я должен оплатить этот сеанс?»

«Ну...» Эрнест не знал, что ответить. Он не любил брать с пациентов деньги за пропущенные сеансы, даже если, как и в данном случае, виной тому было сопротивление.

«Ладно, Джастин, за все годы нашей с вами работы это первый сеанс, который вы пропустили... уфф... Джастин, давайте-ка договоримся, что с этого дня я буду брать с вас плату за каждый сеанс, пропущенный вами, если вы не предупредите меня за двадцать четыре часа».

Эрнест не верил своим ушам. Он что, правда это сказал? Как он мог не взять с Джастина денег? Мысль о предстоящей встрече с супервизором приводила его в ужас. Маршал загрызет его за такое! Маршал не принимал никаких оправданий: автомобильная авария, болезнь, ливень, наводнение, перелом ноги. Он бы взял с пациента деньги, даже если бы тот пропустил сеанс из-за похорон собственной матери.

Он буквально слышал голос Маршала: «Ты сделал это, чтобы казаться хорошим парнем, да, Эрнест? В этом дело? Чтобы твой пациент в один прекрасный день сказал кому-нибудь: «Этот Эрнест Лэш — хороший парень»? Или ты поступил так потому, что все еще чувствуешь себя виноватым за то, что рассердился на Джастина, когда тот бросил жену, не предупредив тебя? Что за непостоянство, что за непоследовательность в терапии?»

Что ж, с этим уже ничего не поделаешь.

«Давайте разбираться с этим, Джастин. Здесь есть нечто большее, чем просто забывчивость, пропуск сеанса в понедельник. Вы на несколько минут опоздали на последний сеанс, а последние несколько раз возникали паузы, длительные паузы. Как вы думаете, что происходит?»

«Ну, — ответил Джастин с несвойственной ему прямолинейностью, — сегодня пауз точно не будет. Я должен обсудить с вами нечто очень важное: я решил совершить налет на свой дом».

Эрнест отметил, что голос Джастина звучал иначе: он говорил прямо, не защищаясь. Но он продолжал избегать обсуждения их взаимоотношений. Эрнест решил вернуться к этому позже, потому что сейчас его охватило любопытство. «Что вы имеете в виду под налетом?»

«Ну, Лаура считает, что я должен взять все то, что принадлежит мне, — ни больше ни меньше. Сейчас у меня есть только то, что я запихнул

в чемодан в ту ночь, когда ушел оттуда. У меня огромный гардероб. Я всегда потакал своим прихотям в том, что касалось одежды. Боже, какие восхитительные галстуки остались дома! Это разбивает мое сердце Лаура считает, что глупо идти и покупать все заново, когда я и так весь в долгах; к тому же нам нужны деньги, чтобы сделать чуть ли не два десятка других покупок, начиная с еды и жилища. Лаура считает, что я должен просто прийти домой и забрать все, что по праву принадлежит мне».

«Отважный шаг Как вы себя чувствуете в этой ситуации?»

«Ну, мне кажется, что Лаура права. Она такая молодая, неиспорченная, что позволяет ей отметать в сторону всю шелуху и видеть самую суть проблемы».

«А Кэрол? Как она воспримет это?»

«Ну, я звонил ей пару раз — по поводу встреч с детьми и чтобы забрать кое-какие свои вещи. В моем компьютере хранятся некоторые платежные ведомости на следующий месяц — отец убьет меня! Я не говорил ей о данных в компьютере — она его уничтожит». Джастин замолчал.

«И?..» Эрнест начинал ощущать отголоски того раздражения, которое Джастин вызывал у него на прошлой неделе. После пяти лет терапии ему все еще приходилось клещами вытягивать из него каждое слово.

«Ну, Кэрол была в своем репертуаре. Прежде чем я успел сказать хоть слово, она поинтересовалась, когда я собираюсь возвращаться домой. Когда я сказал ей, что не вернусь, она назвала меня чертовым ублюдком и повесила трубку»

«Вы сказали, Кэрол была в своем репертуаре».

«Вы знаете, забавно, но она только помогает мне тем, что ведет себя как обычно, то есть злобно. После того как она наорала на меня и бросила трубку, я почувствовал себя лучше. Каждый раз, слыша ее визг по телефону, я убеждаюсь в правильности своего поступка. Снова и снова я думаю, каким был идиотом, потратив девять лет своей жизни на этот брак».

«Да, Джастин, я слышу сожаление в вашем голосе, но главное здесь не в том, чтобы оглядываться на десять лет назад и возвращаться к прежним сожалениям. Только подумай, какая жизнь ждет вас впереди! Как здорово, что вы расстались с этой женщиной. Как здорово, что вам достало смелости совершить этот шаг!»

«Доктор, вы постоянно повторяете «не сожалейте о будущем», «не сожалейте о будущем». Я во сне повторял эту фразу. Но раньше я не понимал ее истинного значения».

«Ну, Джастин, скажем так, раньше вы просто не были готовы

услышать ее А теперь вы готовы не только слышать это, но и действовать соответственно».

«Как хорошо, — произнес Джастин, — что я встретил Лауру тогда, когда я ее встретил. У меня нет слов, чтобы объяснить вам, каково это — жить с женщиной, которая действительно любит тебя, которая даже обожает тебя, которая на твоей стороне».

Эрнеста раздражало, что Джастин постоянно упоминает Лауру, но он мог держать себя в руках — суперви-зорская консультация Маршала действительно пошла ему на пользу. Эрнест знал, что ему ничего не остается, кроме как стать союзником Лауры. Но он не хотел, чтобы она обладала такой же силой в глазах Джастина. В конце концов, он только-только смог вырвать силу из рук Кэрол и хотел бы какое-то время быть единовластным ее обладателем.

«Прекрасно, что в вашей жизни появилась Лаура, Джастин, но я не хочу, чтобы вы недооценивали и свою роль в происходящем. Это вы сделали шаг, это ваши ноги вынесли вас из жизни Кэрол. Но вы что-то говорили о налете?»

«Да, я последовал совету Лауры и поехал вчера домой, чтобы забрать свое имущество».

Джастин, заметив удивление Эрнеста, поспешил добавить: «Не волнуйтесь, я еще не совсем потерял голову. Сначала я позвонил домой, чтобы убедиться в том, что Кэрол уехала на работу. И что же вы думаете? Кэрол не пускает меня в дом! Эта ведьма сменила замки. Мы с Лаурой всю ночь решали, что делать дальше. Она считает, что я должен взять лом из какого-нибудь отцовского магазина, вернуться туда, выломать дверь и взять то, что мне принадлежит. Чем больше я думаю об этом, тем больше уверен в правоте ее слов».

«Так поступают многие мужья, которых жены выставляют из дома, — произнес Эрнест, пораженный новообретенной энергией Джастина. На мгновение перед его глазами возник образ Джастина в черной кожаной куртке, с лыжной маской на лице, который ломом выкорчевывает поставленные Кэрол замки. Потрясающе! Лаура начинала ему нравиться. Но здравый смысл взял верх: он знал, что лучше скрыть свои чувства, потому что потом ему нужно будет дать отчет об этой беседе Маршалу. — Но это же преступление. Вы не думали обратиться к юристу?»

«Лаура хочет действовать без промедления. Пока мы будем искать адвоката, у Кэрол будет уйма времени для мародерства. Она уничтожит все мои вещи! К тому же у Кэрол такая репутация в юридических кругах, что мне придется постараться, чтобы найти в этом городе стряпчего, который

согласится схлестнуться с ней. Знаете, у нас нет выбора в том, что касается возвращения моих вещей: у нас с Лаурой кончаются деньги. У меня нет денег ни на что, и я опасюсь, что это касается и ваших услуг!»

«Еще одна причина, чтобы обратиться за помощью к профессионалам. Вы говорили, что Кэрол зарабатывала намного больше вас. По калифорнийским законам это значит, что вы имеете право на финансовую поддержку со стороны супруги».

«Шутите! Только представьте: Кэрол выплачивает мне алименты!»

«Она ничем не отличается от остальных. И обязана соблюдать законы штата».

«Кэрол никогда не согласится содержать меня. Она доведет дело до Верховного суда, она спустит деньги в унитаз, она сядет в тюрьму, лишь бы я не получил от нее ни цента».

«Вот и прекрасно, она садится в тюрьму, а вы приходите и возвращаете себе свои вещи, детей и дом. Неужели вы не понимаете, что у вас совершенно нереалистичное представление о вашей жене? Только послушайте, что вы говорите! Кэрол обладает сверхъестественными способностями! Кэрол вызывает такой ужас, что ни один адвокат в Калифорнии не осмелится ей противостоять! Кэрол выше всех законов! Джастин, мы говорим о вашей жене, а не о господе боге! И не об Аль Капоне!»

«Вы не знаете ее так, как знаю ее я, — даже после всех этих лет терапии вы все равно не знаете ее. И мои родители не лучше. Если бы они платили мне нормальную зарплату, у меня все было бы в порядке. Знаю, знаю, вы несколько лет убеждали меня потребовать реальное жалование. Мне давным-давно стоило это сделать. Но не сейчас — теперь я попал в немилость из-за случившегося».

«В немилость? Почему? — удивился Эрнест. — Вы же говорили, что они ненавидели Кэрол?»

«Они бы много дали, чтобы никогда больше ее не видеть. Но она подрезала им крылья: она держит в заложниках детей. С тех пор как я ушел, она не позволяла им повидаться с внуками, даже поговорить по телефону. Она предупредила их, что если они встанут на мою сторону, будут мне содействовать, то внуков больше не увидят. Так что теперь они стучат зубами, боятся мне помогать».

Остаток сеанса Эрнест и Джастин посвятили обсуждению будущего их сотрудничества. Пропуск сеанса и опоздания были очевидным свидетельством того, что Джастин терял вовлеченность в терапевтический процесс, отметил Эрнест. Джастин согласился с этим и заявил, что больше

не может позволить себе посещать психотерапевта. Эрнест посоветовал не прекращать терапию в самый разгар таких событий и предложил Джастину отложить оплату до тех пор, когда его финансовое положение стабилизируется. Но Джастин, щеголяя своей новоприобретенной уверенностью, отказался от этого предложения, потому что полагал, что его финансовое положение не будет улучшаться в ближайшие годы — до тех пор, пока живы его родители. К тому же Лаура считала (и он был с ней согласен), что не стоит начинать новую жизнь с долгов.

Но дело было не только в деньгах. Джастин сообщил Эрнесту, что больше не нуждается в терапевтической помощи. Общение с Лаурой давало ему помощь, в которой он нуждался. Эрнесту это не понравилось, но, вспомнив слова Маршала о том, что бунт Джастина был признаком реального прогресса, успокоился. Он согласился с решением Джастина прекратить терапию, но осторожно настоял на том, что не стоит делать это так резко. Джастин упорствовал, но в конце концов согласился еще на два сеанса.

Большинство терапевтов утруждают десятиминутный перерыв между пациентами и назначают сеансы на начало каждого часа. Эрнест же был слишком недисциплинирован для этого и часто начинал сеансы позже или превышал пятидесятиминутный лимит. С самого начала практики он устраивал себе пятнадцати-двадцатиминутные перерывы и назначал сеансы в странное время: 9.10, 11.20, 14.50. Естественно, Эрнест держал это отступление от ортодоксальной методики в секрете от Маршала, который бы раскритиковал его неспособность устанавливать границы.

Обычно во время перерыва Эрнест делал заметки в карте пациента или набрасывал в дневнике идеи для книги, над которой на данный момент работал. Но после ухода Джастина он не стал делать записи. Он просто сидел и размышлял над поступком этого пациента. Терапия не завершилась должным образом. Эрнест знал, что помог Джастину, но они недостаточно продвинулись вперед. И разумеется, его раздражал тот факт, что свое выздоровление Джастин полностью приписывал влиянию Лауры. Но почему-то это уже не имело для Эрнеста особого значения. Встреча с супервизором помогла ослабить это чувство. Он обязательно должен сказать об этом Маршалу. Люди, настолько уверенные в себе, как Маршал, редко получают похвалу — большинство считают, что им ничего не нужно. Но Эрнест подозревал, что он будет не против получить обратную связь.

Да, Эрнест хотел бы достичь большего прогресса с Джастином, но факт прекращения терапии не рассердил его. Пяти лет вполне достаточно. Он не был создан для работы с хроническими пациентами. Авантюрист по

натуре, он терял интерес к пациентам, которые теряли желание исследовать новые, неизведанные территории. А Джастин никогда не был склонен к исследовательской деятельности. Да, верно, в конце концов Джастин сбросил сковывавшие его цепи и вырвался на свободу из чрева супружества. Но Эрнест не считал этот поступок заслугой Джастина; это был не он, но новый организм Джастин—Лаура. Эрнест был уверен, что, когда Лаура исчезнет из его жизни — что она непременно сделает, — Джастин вернется к старому, испытанному паттерну поведения.



## Глава 11

На следующий день Эрнест торопливо записывал клинические замечания, стараясь успеть до начала второго сеанса Каролин. День выдался тяжелым, но Эрнест не чувствовал усталости: успешная терапия всегда давала ему силы, поэтому этот день принес ему удовлетворение.

По крайней мере, он был доволен четырьмя пациентами из пяти. Пятый пациент, Брэд, как обычно, потратил все время на подробный и утомительный отчет о том, как он провел эту неделю. Многие пациенты, подобные ему, казалось, физически не способны пользоваться терапией. Эрнест не раз пытался вывести его на более глубокие уровни личности, но всякий раз неудачно. Эрнест даже предположил, что другое психотерапевтическое направление, может, даже бихевиоризм, будет более эффективным в борьбе с хронической тревожностью Брэда и его болезненной нерешительностью. Однако стоило ему завести об этом речь, Брэд начинал вдруг рассыпаться в любезностях, говоря о том, сколько пользы принесла ему терапия, что пропали приступы паники, и о том, как ценил он работу с Эрнестом.

Эрнест больше не видел перспективы в элементарном сдерживании тревожности Брэда. Он был так же недоволен Брэдом, как и Джастином. У Эрнеста появились новые критерии качества терапевтической работы: теперь он был доволен лишь тогда, когда его пациенты были откровенны, шли на риск, испытывали новые возможности и — что казалось наиболее важным — были готовы сконцентрироваться на исследовании промежуточного пространства, пролегающего между пациентом и терапевтом.

На последней супервизорской консультации Маршал отругал Эрнеста за то, что он имеет наглость думать, что идея сосредоточения на этом «между» была чем-то оригинальным; последние восемьдесят лет аналитики все свое внимание уделяли исключительно переносу, иррациональным чувствам пациента к терапевту.

Но Эрнест не сдавался и продолжал делать заметки для статьи, посвященной терапевтическим взаимоотношениям, под названием «Пространство между пациентом и терапевтом: аутентичность в терапии». В отличие от Маршала он был уверен в том, что через привлечение внимания не к переносу — искаженным, не соответствующим действительности отношениям, — но к аутентичным, настоящим

отношениям между пациентом и терапевтом ему удастся принести нечто новое в психотерапию.

Разрабатываемый Эрнестом терапевтический подход требовал большей откровенности с пациентами, фокусировки на их реальных «мы-отношениях» в кабинете терапевта. Он всегда думал, что терапевтическая работа состоит из выявления и устранения всего того, что пагубно сказывается на отношениях «терапевт—пациент». Радикальный эксперимент с откровенностью, который Эрнест проводил с Каролин Аефтман, был лишь очередным логическим этапом в эволюции его нового психотерапевтического подхода.

Сегодняшний день принес Эрнесту не только удовлетворение от проделанной работы: ему достался и отдельный бонус. Пациенты подарили ему два кошмарных сна, которые он с их разрешения использует в книге, посвященной страху смерти. До приезда Каролин оставалось пять минут, и он начал набивать эти сны на компьютере.

Первый был лишь обрывком сна:

Я пришла в ваш кабинет на сеанс. Вас там не было. Я оглянулась и на вешалке увидела вашу соломенную шляпу — внутри она вся была покрыта паутиной. На меня нахлынула грусть.

Маделейн, которой этот сон приснился, страдала от рака груди и буквально на днях узнала, что рак перешел и на позвоночник. В ее сне жертвой оказывался другой: смерть и разложение грозят не ей самой, но терапевту, который исчез, оставив лишь затянутую паутиной соломенную шляпу. Или, думал Эрнест, сон может отражать ее ощущение потери мира: если ее сознание отвечает за форму, содержание и смысл «объективной» реальности — весь ее личностно значимый мир, тогда с уничтожением сознания исчезнет все.

Эрнест привык работать с умирающими пациентами.

Но от этого образа — его любимая панама, оплетенная паутиной, — его бросило в дрожь.

Второй сон рассказал Мэтт, шестидесятичетырехлетний терапевт:

Я бродил по высокой отвесной скале на побережье Биг-Сур и наткнулся на небольшую речку, впадающую в Тихий океан. Подойдя ближе, я с удивлением заметил, что река течет прочь от океана, течет в обратную сторону. Потом я увидел сгорбленного

старика, который напомнил мне отца. Он стоял у реки, одинокий и сломленный. Я не мог подойти к нему, потому что спуска там не было, и я пошел дальше. Скоро я увидел другого старика, еще более сгорбленного. Возможно, это был мой дед. До него мне тоже не удалось добраться, и я проснулся, расстроенный и обеспокоенный.

Мэтта пугала не смерть как таковая, но смерть в одиночестве. Его отец, хронический алкоголик, умер несколько месяцев назад, и, хотя они постоянно конфликтовали, Мэтт не мог простить себе, что оставил отца умирать в одиночестве. Он боялся, что ему тоже суждено умереть одиноким, бездомным, как умирали все мужчины в его семье. Когда тревога охватывала его посреди ночи, Мэтт успокаивал себя тем, что садился у кровати своего восьмилетнего сына и прислушивался к его дыханию. Его преследовала фантазия, в которой он и Два его сына плывут по океану, далеко от берега, и дети с любовью помогают ему навеки скрыться в глубине волн. Но, так как он не помог отцу и деду, когда те умирали, он не верил, что заслужил таких детей.

Река, текущая вспять! Река, уносящая сосновые шишки и хрупкие дубовые листья в гору, от океана. Река, текущая назад, в золотое время детства и воссоединения первобытной семьи. Потрясающий визуальный образ времени, повернувшего вспять, стремления вырваться из рук судьбы, старения и исчезновения! Эрнест не уставал восторгаться художником, скрытым в каждом пациенте; ему часто хотелось почтительно снять шляпу перед производителем снов, обитателем бессознательного, который каждую ночь, год за годом сплетает шедевры иллюзий.

За стеной, в приемной Кэрл тоже делала записи: заметки о первой встрече с Эрнестом. Она отложила ручку и перечитала написанное:

#### ПЕРВЫЙ СЕАНС 12 февраля 1995 года

Доктор Лэш неуместно неформален. Навязчив. Настаивал, невзирая на мои протесты, чтобы я называла его по имени, Эрнест... прикоснулся ко мне в первые же тридцать секунд — за локоть, когда я входила в кабинет... очень нежен — прикоснулся ко мне опять, к руке, когда давал мне салфетку... выяснял, что меня беспокоит, историю моей семьи... на первом же сеансе начал настойчиво выжимать из меня вытесненные воспоминания о сексуальном насилии! Слишком много, слишком быстро — это ошеломило, смутило меня! Говорил о своих чувствах... говорил,

важно, чтобы мы стали очень близки... просит задавать вопросы о его жизни... обещает быть полностью откровенным, рассказать мне все... с одобрением отзывался о моем романе с доктором Куком... провел со мной на десять минут больше... настоял на прощальных объятиях...

Она была довольна собой. «Эти записи мне очень пригодятся, — думала она. — Правда, не сейчас. Но в один прекрасный день они покажутся кому-нибудь — Джастину, моему юристу, государственному комитету по этике — крайне любопытными». Кэрол закрыла блокнот. Ей нужно собраться перед встречей с Эрнестом. События последних Двадцати четырех часов не лучшим образом сказались на ее мыслительных способностях.

Когда она пришла домой вчера вечером, на двери висела записка от Джастина: «Я вернулся за вещами». Задняя дверь была взломана, и он унес все, что она не успела уничтожить: свои ракетки для ракетбола, одежду, туалетные принадлежности, обувь, книги, а также вещи, которые принадлежали им обоим: книги, фотоаппарат, бинокль, CD-плеер, большую часть их коллекции компакт-дисков, несколько кастрюль, чашек и стаканов. Он даже взломал ее кедровый секретер и унес свой компьютер.

Взбешенная Кэрол позвонила родителям Джастина, чтобы сообщить, что она собирается засадить их сына за решетку, а они окажутся в камере по соседству, если они будут оказывать хоть какую-нибудь помощь своему сыну-уголовнику. Она позвонила Норме и Хитер, но лучше от этого не стало. На самом деле стало еще хуже. Норма была слишком озабочена собственными проблемами с мужем, а Хитер своим нежным голоском напомнила ей, что Джастин имеет полное право на принадлежащие ему вещи. Она не могла обвинить его в краже со взломом или незаконном проникновении в чужое жилище: это был его дом и она не имела права менять замки или пытаться помешать ему попасть в дом каким-либо иным способом, не имея на то специального ордера.

Кэрол знала, что Хитер права. Она не получила в суде ордер, запрещающий ему вход в ее владения, потому что никогда — даже в самом страшном сне — не могла себе представить, что он решится на подобную акцию.

И в довершение ко всему утром, одеваясь, она обнаружила, что из всего ее нижнего белья были аккуратно вырезаны кусочки ткани из промежности. И, словно для того, чтобы у нее не оставалось сомнений в том, каким образом это произошло, в каждой паре Джастин оставил по

кусочку галстуков, которые она изрезала на куски и побросала в его шкаф.

Кэрол была ошеломлена. Это не Джастин. Не тот Джастин, которого она знала. Нет, один Джастин не смог бы это проделать. У него не хватило бы духу. И воображения.

260

Это могло произойти только в том случае... единственный человек, который мог бы все это так обставить, — это Эрнест Лэш! Она подняла глаза и увидела перед собой его — собственной персоной. Он кивал ей своей жирной головой, приглашая пройти в кабинет! Чего бы мне это ни стоило, ты, сукин сын, пообещала Кэрол, сколько бы это ни заняло времени, что бы мне ни пришлось сделать, я оставлю тебя без работы.

«Итак, — произнес Эрнест, когда они уселись, — что представляется вам важным сегодня?»

«О, столько всего. Мне нужно собраться с мыслями. Я не могу понять, почему я так взволнована».

«Да, на вашем лице отражается эта внутренняя работа».

О, прекрасно, прекрасно, ты, дурень чертов, подумала Кэрол.

«Но мне трудно читать ваше лицо, Каролин, — продолжал Эрнест. — Какое-то возмущение, может быть. Некая грусть».

«Ральф, мой последний терапевт, говорил, что существуют четыре базовых чувства...»

«Да, — мгновенно отозвался Эрнест. — Боль, грусть, ярость, радость. Так легко запомнить».

Легко запомнить? Да уж, в этой профессии мозги выдают в кредит, подумала Кэрол. Односложные слова! Все вы, кретины, одинаковые. «Мне кажется, что я все это чувствую, Эрнест».

«Как это, Каролин?»

«Ну, «ярость» по поводу проблем в моей жизни. Мы говорили о некоторых из них в прошлый раз: мой брат, особенно мой отец. И «боль» — тревога — когда я думаю о ловушке, в которой оказалась в ожидании смерти своего мужа. И «грусть», наверное, когда я думаю о том, сколько лет потеряла в этом неудачном браке».

«А радость?»

«О, с этим просто. «Радость» — это когда я думаю о вас и о том, как мне повезло с вами. Я думала о вас, о том, что я увижу вас сегодня, — вот что дало мне силы пережить эту неделю».

«Расскажите мне об этом».

Кэрол сняла сумку с колен, поставила ее на пол и элегантно скрестила длинные ноги. «Вы заставляете меня краснеть». Она помолчала — сама

скромность! Прекрасно, думала она. Но не торопись, только не торопись, Кэрол. «На самом деле я всю неделю фантазировала о вас. Это были эротические фантазии. Но вы, наверное, привыкли, что ваши пациентки находят вас привлекательным».

При мысли о том, что Каролин фантазирует о нем, может, даже мастурбирует на эти фантазии, Эрнест почувствовал возбуждение. Он думал, как лучше отреагировать на это — отреагировать честно.

«Вы же привыкли к этому, Эрнест? Вы просили меня задавать вам вопросы».

«Каролин, в вашем вопросе есть что-то, что смущает меня, и я пытаюсь понять почему. Думаю, потому, что из этого следует, что то, что происходит здесь между нами, есть нечто стандартизированное, нечто предсказуемое».

«Кажется, я не понимаю вас».

«Понимаете, вы для меня уникальны. Ваша жизнь, ваша ситуация уникальны Поэтому, когда вы спрашиваете меня, происходит ли так всегда, это кажется мне несколько неуместным».

Кэрол придала своим глазам мечтательное выражение.

Эрнест смаковал свои слова. Потрясающий ответ! Нужно не забыть эти слова, чтобы использовать в статье про промежуточное пространство. Но Эрнест также понимал, что с его подачи сеанс переключился на безличные абстракции, и попытался быстро исправить ситуацию: «Но, Каролин, я ушел в сторону от вашего вопроса... что вы хотели узнать?»

«Я хотела узнать, как вы относитесь к тому, что я нахожу вас привлекательным, — ответила Кэрол. — Я так много думала о вас на этой неделе... о том, что было бы, если бы мы с вами случайно, может, на одной из ваших лекций встретились как мужчина и женщина, а не как терапевт и его клиент. Знаю, я должна рассказать вам об этом, но мне трудно это сделать... Я стесняюсь... может, вы сочтете это — я имею в виду, мои слова — отвратительными. Я и сама чувствую себя отвратительной».

Очень, очень хорошо, думала Кэрол. Черт возьми, у меня здорово это получается!

«Ну что, Каролин, я обещал, что буду честен с вами. А правда состоит в том, что мне приятно слышать, что женщина — должен сказать, женщина очень и очень привлекательная — находит привлекательным меня. Как и большинство людей, я не уверен в своей физической привлекательности».

Эрнест замолчал. Так сердце колотится. Я никогда не общался с пациентами на такие личные темы. Мне понравилось говорить ей о том, что она привлекательна, — это заводит меня. Наверное, я сделал ошибку.

Она может подумать, что я соблазняю ее. Но она кажется самой себе отвратительной. Она не знает, насколько она хороша собой. Почему бы не устроить для нее небольшое подтверждение, небольшую проверку ее внешности?

Кэрол же ликовала — впервые за несколько недель. «Очень привлекательная женщина». Бинго! Помнится, Ральф Кук говорил мне то же самое, слово в слово. Он с этого начал. И именно эти слова говорил мне отвратительный доктор Цвейзунг. Слава богу, мне хватило ума назвать его подонком и уйти. Но они оба, наверное, проделывают сейчас то же самое с другими жертвами. Если бы я только додумалась собрать доказательства, прикончить этих ублюдков! Теперь я могу сделать это. Если бы я только положила диктофон в сумочку. В следующий раз! Я же не думала, что он так скоро проявит свою похотливую сущность.

«Но, — продолжал Эрнест, — чтобы быть полностью честным с вами, должен заметить, что я не принимаю ваши слова на свой счет. Вы говорите обо мне, но реагируете вы не на меня, а в гораздо большей степени на мою роль».

Его слова захватили Кэрол врасплох. «Что вы имеете в виду?»

«Вернитесь на пару шагов назад, Кэрол. Давайте дадим беспристрастную оценку последним событиям. В вашей жизни произошли ужасные вещи; вы держали все в себе, мало с кем делились своими переживаниями. У вас были ужасные отношения с мужчинами, которые имели важное значение в вашей жизни: ваш отец, ваш брат, ваш муж и... Расти, да? Так звали вашего школьного приятеля? И единственный человек, с которым вам было хорошо, — это ваш бывший терапевт, но и он умер, покинул вас.

А потом вы приходите сюда, ко мне и впервые, рискуя, рассказываете мне обо всем. С учетом всего этого, Каролин, разве можно удивляться тому, что у вас возникли сильные чувства ко мне? Не думаю. Вот что я имел в виду, когда говорил, что это моя роль, а вовсе не я сам. К тому же вы испытывали сильные чувства к доктору Куку. Неудивительно, что мне по наследству перешла некоторая их часть, то есть произошел перенос этих чувств на меня».

«Вот с этим я согласна, Эрнест. Я начинаю испытывать к вам те же чувства, что и к доктору Куку».

Короткая пауза. Кэрол не сводила глаз с Эрнеста. Маршал бы выждал. Но не Эрнест.

«Мы обсуждали «радость», и я ценю вашу честность. Могу я попросить вас вернуться к остальным трем чувствам? Посмотрим. Вы

сказали, что вы испытываете «ярость», вспоминая о проблемах прошлого, особенно связанных с мужчинами в вашей жизни; «боль» вызывает западня, в которой вы оказались вместе с вашим мужем; а «грусть»... «грусть»... напомните мне, Каролин».

Кэрол вспыхнула. Она забыла, что рассказывала ему. «Я и сама забыла, что это было: я слишком взволнована и не могу сосредоточиться». Так не пойдет, подумала она. Мне нельзя забывать роль. Избежать таких накладок можно только одним способом — я не должна врать про себя, за исключением, разумеется, того, что касается Джастина.

«А, я вспомнил, — сказал Эрнест. — «Грусть» из-за сожалений, которые у вас накопились, — «потерянные годы», так вы, кажется, сказали. Знаете, Каролин, эта мнемоника «боль, грусть, ярость, радость» слишком упрощенная. Вы умная женщина, и, боюсь, это вас покоробит. Но сегодня она сработала. Проблемы, ассоциирующиеся с каждым из четырех этих чувств, — это как раз то, что нам нужно. Давайте разберемся с этим».

Кэрол кивнула. Она была разочарована тем, что они так быстро ушли от разговора о ее привлекательности. «Терпение, только терпение, — напомнила она себе. — Вспомни Ральфа Кука. Они так обычно и делают. Сначала они завоевывают твоё доверие; потом ты попадаешь в полную зависимость, они становятся жизненно необходимы тебе. И только потом они принимают за свое. Избежать этого невозможно. Ему нужно дать пару недель. Надо сделать так, чтобы он сам был инициатором всех изменений».

«С чего начнем?» — поинтересовался Эрнест.

«С грусти, — предложила Кэрол. — Мне грустно думать о тех годах, которые я провела с мужчиной, которого терпеть не могу».

«Девять лет, — сказал Эрнест. — Значительная часть вашей жизни».

«Очень значительная. Как бы мне хотелось вернуть ее».

«Каролин, давайте попробуем выяснить, почему вы расстались с этими девятью годами».

«Я уже пыталась разобраться в этом с другими терапевтами. Все без толку. И не кажется ли вам, что работа с моим прошлым уведет нас от настоящего, от моей дилеммы?»

«Хороший вопрос, Каролин. Доверьтесь мне. Я не старьевщик. Тем не менее прошлое — это часть вашего актуального самосознания. Прошлое — это те очки, сквозь которые вы смотрите на настоящее. Чтобы знать о вас все, я должен смотреть на мир так, как смотрите вы. Мне также нужно знать, как вы принимали решения в прошлом, чтобы помочь вам принимать более эффективные решения в будущем».



«Понимаю», — кивнула Кэрол.

«Итак, расскажите мне о своем браке. Как вы решили выйти замуж и как вы оставались девять лет с человеком, которого не любили?»

Кэрол, не отступая от решения не уходить далеко от истины, честно рассказала Эрнесту о своей семейной жизни, изменив лишь географию и фактические детали, которые могли вызвать у Эрнеста подозрение.

«Я познакомилась с Уэйном, когда еще училась в юридическом колледже. Я работала секретарем в юридической компании Эванстона, и мне было передано дело, связанное с бизнесом отца Уэйна. Он был владельцем процветающей сети обувных магазинов. Мы с Уэйном проводили много времени вместе. Он был красивый, мягкий, преданный, задумчивый и собирался через год-два принять пятимиллионный бизнес. У меня вообще не было денег, зато была куча долгов по студенческим ссудам. Я сразу решила выйти за него замуж. Это было дурацкое решение».

«Почему?»

«Через несколько месяцев совместной жизни я стала более реалистично оценивать достоинства Уэйна. Я скоро поняла, что «мягкость» была следствием не доброты, но трусости. «Задумчивость» превратилась в катастрофическую нерешительность. «Преданность» стала удушливой зависимостью. А «богатство» обратилось в прах, когда обувной бизнес его отца обанкротился через три года».

«А привлекательность?»

«Бедный красавчик-болван плюс доллар пятьдесят — это чашка капучино. Это было крайне неудачное решение — решение, которое сломало мне жизнь».

«Как вы приняли это решение?»

«Я знаю, что этому предшествовало. Я уже рассказывала вам, что парень, с которым я встречалась в старших классах, бросил меня, когда я училась на втором курсе колледжа, без объяснения причин. В колледже я встречалась с Майклом. Мы были идеальной парой; Майкл был вторым в группе...»

«Вы были идеальной парой? — перебил ее Эрнест. — Вы тоже были хорошим студентом?»

«О, у нас было прекрасное будущее. Майкл был вторым в группе, я была первой. Но история с Майклом закончилась тем, что он бросил меня, чтобы жениться на взбалмошной дочери главы крупнейшей нью-йоркской юридической корпорации. Потом, во время летней практики в суде округа, был Эд, влиятельный помощник окружного судьи, который делился со мной профессиональным опытом на офисной кушетке почти каждый день.

Но он не хотел, чтобы наши отношения стали достоянием общественности, так что, когда закончилось лето, он так и не ответил ни на одно мое письмо или звонок. Потом полтора года я не подпускала к себе мужчин, а потом появился Уэйн. Думаю, я решила выйти за него на фоне всех этих разочарований».

«Теперь я вижу эту длинную цепочку мужчин, которые предали вас: ваш отец, Джед...»

«Джеб. На конце «б». Б, б, ты, мозгоправ, подумала Кэрол. Она выдавила из себя дружелюбную улыбку. «Попытайтесь запомнить: «б» — это «брат», простая мнемоника. Или «барыга», или «бормоглот», или «бестия».

«Простите, Каролин. Джеб, доктор Кук, Расти, а сегодня прибавились еще Майкл и Эд. Длинный список! Мне кажется, что, когда появился Уэйн, вы почувствовали облегчение от того, что наконец-то вам удалось найти кого-то, кто кажется надежным и на кого можно положиться».

«Я даже не думала о том, что Уэйн бросит меня. Он такой прилипала, что чуть ли не в ванную ходил за мной по пятам».

«Может быть, тогда вам даже нравилось, что он такой «прилипала». А этот список мужчин-неудачников? Его так никто и не разбавил? Я не слышал ни об одном исключении, ни об одном мужчине, который бы был достоин вас. И хорошо к вам относился».

«Был только Ральф Кук». Кэрол торопливо вернулась в безопасность своей лжи. Несколько мгновений назад, когда Эрнест перечислял мужчин, предавших ее, она почувствовала боль, как и на прошлом сеансе. Она поняла, что ей нужно быть очень осторожной. Она и не знала, насколько велико искушение терапии. И насколько она вероломна.

«Но он умер», — сказал Эрнест.

«А теперь есть вы. А вы будете хорошо ко мне относиться?»

Прежде чем Эрнест успел ответить, Кэрол улыбнулась и задала следующий вопрос: «А у вас как со здоровьем?»

Эрнест улыбнулся. «Я абсолютно здоров, Каролин. Я планирую прожить еще много лет».

«А другой вопрос?»

Эрнест взглянул на нее с лукавой улыбкой.

«Вы будете хорошо относиться ко мне?»

Эрнест помолчал, а потом заговорил, тщательно подбирая слова: «Да, я постараюсь помочь вам, я сделаю все, что смогу. Можете на это рассчитывать. Знаете, я вспомнил, как вы рассказывали, что были с тем студентом, который произносил прощальную речь на выпускном

торжестве. Мне пришлось вытаскивать из вас это чуть ли не клещами. Лучшая студентка группы юридического факультета Чикагского университета — это огромное достижение, Каролин. Вы гордитесь этим?»

Кэрол пожала плечами.

«Каролин, прошу вас. Скажите это еще раз: как вы успевали, учась на юридическом факультете Чикагского университета?»

«Очень неплохо».

«Насколько неплохо?»

Тишина, а потом слабый голос Кэрол: «Я была лучшей студенткой в группе».

«Ну-ка, еще раз. Насколько неплохо?» Эрнест приложил ладонь к уху, показывая, что никак не может расслышать ее слова.

«Лучшая студентка в группе, — громко произнесла Кэрол. И добавила. — Редактор юридического журнала. И никто, даже Майкл, и рядом со мной не стоял». И она разрыдалась.

Эрнест дал ей салфетку, подождал, пока ее плечи перестали ходить ходуном, и спросил ласково: «Вы можете превратить ваши слезы в слова?»

«Да знаете ли вы, вы вообще представляете себе, какие перспективы открывались передо мной? Я могла добиться чего угодно, у меня было множество прекрасных предложений, я могла организовать свою фирму. Я даже могла заниматься международным правом, мне предлагали отличную работу в главном юрисконсульстве агентства международного развития в США. Я могла бы занимать высокий пост, оказывать влияние на политику правительства. А если бы я пошла работать в престижную фирму на Уоллстрит, я бы сейчас зарабатывала пятьсот тысяч долларов в год. А вместо этого... Только посмотрите на меня: занимаюсь семейным правом, завещаниями, никудышными налоговыми делами — и зарабатываю гроши. Я все промотала».

«Из-за Уэйна?»

«Из-за Уэйна, из-за Мэри, которая родилась через десять месяцев после нашей свадьбы. Я очень люблю ее, но она — часть этой западни».

«Расскажите мне про западню».

«Я действительно хотела заниматься международным правом, но как я могла вести международные дела, имея на руках маленького ребенка и мужа, настолько инфантильного, что он не мог даже толком справиться с ролью домохозяйки. Мужа, который сходит с ума, стоит ему остаться одному на ночь, который не может решить, что надеть на работу, не спросив у меня совета? Так что я согласилась на меньшее, отказалась от всех перспектив и приняла предложение небольшой компании Эванстона,

чтобы Уэйн был поближе к главному управлению фирмы его отца».

«Как давно вы поняли, что совершили ошибку? Вы понимали, действительно ли вы понимали, на что идете?»

«Трудно сказать. У меня были сомнения в первые несколько лет, но потом произошла Великая Походная Трагедия, и они исчезли. Это было лет пять назад».

«Расскажите мне об этом случае».

«Ну, Уэйн решил, что стоит организовать любимое американское семейное мероприятие — пойти в поход. Когда я была подростком, я едва не умерла от укуса пчелы — анафилактический шок, к тому же у меня жуткая аллергия на ядовитый дуб, так что я никак не могла пойти в поход. Я предложила дюжину альтернативных вариантов: байдарки, подводное плавание, речное путешествие на Аляску, лодочные прогулки в Сан-Хуане, на Карибах, в штате Мэн — я неплохой моряк. Но Уэйн решил, что на карту поставлена его мужская честь, и не соглашался ни на что, кроме похода».

«Но как он мог надеяться на то, что вы отправитесь в поход с аллергией на пчелиные укусы? Он что, хотел, чтобы вы рисковали жизнью?»

«Он думал лишь о том, что я пытаюсь контролировать его. Начались ожесточенные сражения. Я сказала, что не пойду в этот поход ни в коем случае, а он заявил, что они с Мэри пойдут без меня. Я не возражала, чтобы он взвалил рюкзак на спину и отправился в этот поход с какими-нибудь друзьями, но друзей у него не было. Я боялась отпускать с ним Мэри, ей тогда было всего четыре года. Он настолько беспомощен, настолько труслив, что я не была уверена в ее безопасности. Мне кажется, что Мэри нужна была ему там, чтобы защищать его, а не наоборот. Но он стоял на своем. В конце концов он дожал меня, и я согласилась».

Вот тут-то и начались чудеса, — продолжала Кэрл. — Сначала он решил, что ему нужно восстановить форму и сбросить десять фунтов. На самом деле ему бы стоило сбросить тридцать. Вот, кстати, и ответ на ваш вопрос по поводу внешней привлекательности: он сильно поправился вскоре после нашей свадьбы. Он стал каждый день ходить в тренажерный зал, поднимать тяжести и худеть. И он действительно начал худеть, но потом сорвал спину и набрал свои килограммы обратно. Он так переживал, что у него началась гипервентиляция легких. Однажды мне пришлось уйти с банкета в мою честь — тогда я стала полноправным партнером в своей фирме — и везти его в больницу. Слишком круто для похода мачо. Вот тогда-то я и осознала весь ужас своего положения».

«Ух, вот это история, Каролин».

Эрнест был ошеломлен схожестью этого рассказа и истории о неудавшемся семейном походе Джастина. Удивительно слышать настолько похожие истории, рассказанные с разных точек зрения.

«Но расскажите мне, когда вы действительно поняли, что совершили ошибку. Посмотрим-ка. Как давно произошла история с походом? Говорите, вашей дочери было четыре года?»

«Около пяти лет назад». Кэрл постоянно приходилось одергивать себя; Эрнест вызывал у нее отвращение, но это расследование увлекало ее. Удивительно, думала она, как затягивает терапевтический процесс. За пару часов они способны подцепить тебя на крючок, а потом уже начинают делать все, что им вздумается: они могут заставить тебя посещать их каждый день, брать за это любые деньги, трахать тебя прямо на ковре и заставлять тебя оплачивать даже это. Может быть, я подвергаю себя опасности, ведя честную игру. Но выбора нет: если я начну врать, я сама себя загоню в угол. Этот парень — ублюдок, но он не идиот. Нет, я должна быть самой собой. Но осторожно. Очень осторожно.

«Итак, Каролин, пять лет назад вы осознали, что совершили ошибку, но с мужем разводиться не стали. Может, в вашей супружеской жизни были и положительные моменты, о которых вы мне еще не рассказывали».

«Нет, это был отвратительный брак! Я не люблю Уэйна. Не уважаю его. И он меня. Он ничего мне не дает. — Кэрл коснулась век. — Что мешало мне развестись с ним? Господи Иисусе, я не знаю! Привычка, страх, дочь — хотя Уэйн никогда не был привязан к ней — я не знаю... рак и обещание, которое я дала Уэйну... мне больше некуда идти — у меня не было других предложений».

«Предложений? Вы имеете в виду от других мужчин?»

«Да, разумеется, не было предложений от других мужчин, и, прошу вас, Эрнест, давайте поговорим об этом сегодня. Мне нужно что-то делать с сексуальными желаниями... я лишена этого, я в отчаянии. Но я говорила не об этом, я имела в виду, у меня не было интересных предложений в профессиональном плане. Ничего похожего на те блестящие предложения, которые я получала в молодости».

«Да, эти блестящие предложения. Знаете, я все вспоминаю, как вы плакали несколько минут назад, когда мы говорили о том, что вы были первой ученицей в группе, и о тех безграничных перспективах, которые открывались перед вами в плане карьеры...»

Кэрл окаменела. Он пытается вернуться к этой теме, подумала она. Стоит им обнаружить больное место, они начинают расковыривать его.

«Это очень болезненно, — продолжал Эрнест. — Думать о том, как бы могла сложиться ваша жизнь. Я вспомнил удивительные стихи Уитьера: «Из слов всевозможных, что сходят с пера, грустней быть не может, чем «если б тогда...»

О нет, подумала Кэрол. Избавьте меня от этого. Теперь пошла поэзия. Далее со всеми остановками. Потом он начнет настраивать старую гитару.

«И вы отказались ото всех этих возможностей ради того, чтобы жить с Уэйном. Неудачная сделка — неудивительно, что вы стараетесь не думать об этом... видите, как вам больно думать об этом? Думаю, именно поэтому вы остались с Уэйном. Иначе вам пришлось бы посмотреть в глаза реальности. Вы бы не смогли и дальше отрицать, что отказались от всего этого, похоронили свое будущее фактически зазря».

Кэрол не смогла сдержать дрожь. Интерпретация Эрнеста была верной. Слушай, ты, а ну-ка, руки прочь от моей жизни! Кто тебя просил влезать в нее? «Возможно, вы правы. Но все кончилось; зачем ворошить прошлое? Я как раз об этом и говорила. Что прошло, то прошло».

«Вы уверены, Каролин? Мне так не кажется. Я думаю, что проблема не в том, что вы принимали неверные решения в прошлом, а в том, что и в настоящем делаете неверный выбор. В вашем сегодняшнем настоящем».

«Разве у меня есть выбор? Бросить умирающего мужа?»

«Знаю, звучит резко. Но именно так мы все делаем неверный выбор — убеждая себя в том, что другой альтернативы нет. Может, это будет одной из наших задач».

«Что вы имеете в виду?»

«Помочь вам понять, что есть и другие варианты, широкий спектр альтернативных решений».

«Нет, Эрнест, все упирается в одно и то же. Есть лишь два варианта: я могу остаться с Уэйном или бросить его. Так?»

Кэрол совсем успокоилась: эта выдуманная ситуация с Уэйном не вызвала ассоциаций с Джастином. Но она видела, как Эрнест пытается помочь ей бросить его, и могла представить, каким образом он заставил Джастина уйти от нее.

«Нет, совсем не так. Вы делаете множество опущений, которые вовсе не обязательно соответствуют истине. Например, предположение о том, что вы с Уэйном всегда будете презирать друг друга. Вы забываете о том, что люди могут меняться. Конфронтация со смертью — сильный катализатор перемен — в нем и, возможно, в вас тоже. Вам может помочь семейная терапия — вы говорили, что не пробовали этот метод. Может, вы или он еще сможете снова открыть для себя давно утерянную любовь. В конце

концов, вы прожили вместе девять лет, вырастили ребенка. Что бы вы чувствовали, если бы расстались с ним или если бы он умер, а вы поняли, что должны были приложить больше усилий, чтобы наладить супружеские отношения? Уверен, что вам было бы намного спокойнее, если бы вы знали, что сделали все, что в ваших силах.

Можно посмотреть на проблему и с другой стороны, — продолжал Эрнест. — Можно поставить под сомнение вашу базовую предпосылку о том, что быть с ним до последнего его вздоха — правильный выбор. Так ли это? Я не уверен».

«Это лучше, чем оставить его умирать в одиночестве».

«Да? Разве Уэйн будет лучше себя чувствовать, если ему придется умирать в обществе человека, который презирает его? А еще можно вспомнить о том, что развестись с ним не значит бросить его на произвол судьбы. Разве нельзя представить себе ситуацию, в которой у вас будет своя жизнь, может быть даже с другим мужчиной, но при всем этом вы не оставите Уэйна? Скорее всего вы сможете даже лучше ухаживать за ним, когда перестанете злиться на него за то, что он стал частью западни. Видите, вариантов множество».

Кэрол кивнула, мечтая, чтобы он замолчал. Казалось, он был способен распинаться вечно. Она бросила взгляд на часы.

«Вы смотрите на часы, Каролин. Что вы можете сказать об этом?» Эрнест улыбнулся, вспомнив, как на супервизорской консультации Маршал обратился к нему с таким же вопросом.

«Видите ли, наше время почти истекло, — произнесла Кэрол, потирая глаза, — я еще хотела обсудить с вами некоторые вещи».

Эрнест с досадой подумал, что он был так директивен, что его пациентка даже не смогла обсудить с ним то, что ее волновало. Он заторопился.

«Несколько минут назад, Каролин, вы говорили о том, что испытываете сексуальную неудовлетворенность. Это одна из проблем?»

«Это самая большая проблема. Я с ума схожу от расстройства и уверена, что это причина моих бед. Наши сексуальные отношения закончились уже давно, но после операции на простате Уэйн стал импотентом. Я понимаю, что после такой операции так обычно и бывает». Ответ по этому билету Кэрол знала назубок.

Эрнест кивнул. И ждал.

«Так что, Эрнест... Вы уверены, что я могу называть вас по имени?»

«Если я называю вас Каролин, вы можете называть меня Эрнест».

«Хорошо, Эрнест так Эрнест. Итак, Эрнест, что же мне делать?»

Огромное количество сексуальной энергии, которую некуда направить».

«Расскажите мне о вас и о Уэйне. Да, он импотент, но есть же и другие способы быть вместе».

«Если под этим «быть вместе» вы подразумеваете способ доставить мне удовольствие, забудьте об этом. Эта проблема не имеет решения. Мы перестали заниматься сексом задолго до операции. Это была одна из причин, по которой я хотела расстаться с ним. Теперь я полностью потеряла интерес к любому физическому контакту с ним. Он и сам заинтересован в этом не больше моего. Он никогда не считал меня привлекательной, говорил, что я слишком худа, слишком костлява. А теперь он говорит мне «Иди куда угодно искать любовника».

«И?» — спросил Эрнест.

«И я не знаю, что мне делать и как делать это что-то. И куда пойти. Я в чужом городе. Я никого здесь не знаю. Я не могу пойти в бар и снять там кого-нибудь. Я словно попала в джунгли. Там опасно. Я думаю, вы согласитесь, что последнее, что мне сейчас нужно, так это встреча с очередным насильником».

«Разумеется, Каролин».

«А вы одиноки, Эрнест? Разведены? На обложке вашей книги о жене нет ни слова».

Эрнест судорожно вздохнул. Он никогда не говорил с пациентами о смерти жены. Теперь его решение быть полностью откровенным подвергалось суровому испытанию. «Моя жена погибла шесть лет назад в автомобильной катастрофе».

«О, простите. Это было тяжело, да?»

Эрнест кивнул: «Тяжело... да».

Неправда. Это неправда, думал он. Да, Рут действительно погибла в автомобильной катастрофе шесть лет назад, но правда и то, что их брак распался бы в любом случае. Но нужно ли ей знать это? Говори только то, что может помочь пациенту.

«То есть вы тоже ведете борьбу в мире одиночек?» — спросила Кэрол.

Эрнест был сбит с толку. Эта женщина непредсказуема. Он не предполагал, что первое плавание его корабля под флагом полной откровенности будет таким сложным, и сейчас боролся с искушением уйти в спокойные воды аналитического нейтралитета. Этим он владел в совершенстве: достаточно было спросить, почему она задает такие вопросы, или поинтересоваться, как она представляет себе его жизнь в мире одиночек. Но именно этого неискреннего нейтралитета, этой неаутентичности Эрнест поклялся избегать.



Что же делать? Он не удивится, если дальше она начнет расспрашивать его о том, как он знакомится с женщинами. Он вдруг представил себе, как несколько месяцев или лет спустя Каролин рассказывает какому-нибудь другому терапевту о его терапевтическом подходе: «О да, доктор Эрнест Лэш часто обсуждал со мной свои личные проблемы и свидания с одинокими женщинами».

Да, чем больше Эрнест думал об этом, тем отчетливее понимал, что именно в этом заключается основная проблема самораскрытия терапевта. Пациент имеет право на конфиденциальность, терапевт такого права не имеет! Терапевт не имеет права даже потребовать конфиденциальности: если пациент будет проходить курс терапии в будущем, у какого-либо другого специалиста, он должен иметь возможность свободно обсуждать любые вопросы, в том числе и странности предыдущих терапевтов. Тем более сами терапевты, свято храня тайны своих пациентов, частенько перемывают между собой косточки своим коллегам.

Например, пару недель назад Эрнест направил жену одного своего пациента к знакомому терапевту по имени Дэйв. Недавно этот же пациент попросил его найти другого терапевта для его жены; она перестала посещать сеансы Дэйва потому, что тот имел привычку обнюхивать ее, чтобы понять, в каком она настроении! В любом другом случае Эрнест бы пришел в ужас и никогда больше не посылал пациентов к этому терапевту. Но Дэйв был его хорошим другом, и Эрнест спросил у него, что случилось. Дэйв сказал, что пациентка прервала терапию потому, что разозлилась на него за то, что он отказался выписать ей валиум, которым втайне злоупотребляла много лет. «А при чем здесь обнюхивание?» Сначала Дэйв не понял, о чем речь, но потом вспомнил один случай: однажды, в самом начале терапии, он сделал ей комплимент по поводу ее новых, особенно тяжелых духов.

Эрнест добавил еще одно правило в свое руководство по самораскрытию: будь откровенен в той мере, в какой это может быть полезно для пациента; но если ты хочешь продолжать заниматься терапией, подумай о том, как твои откровения воспримут другие терапевты.

«Итак, вы тоже ведете борьбу в мире одиночек?» — повторила свой вопрос Кэрол.

«Я одинок, но я не веду борьбу, — ответил Эрнест. — По крайней мере, не сейчас». Он попытался изобразить обаятельную, но не бесстрастную улыбку

«Я бы хотела, чтобы вы поподробнее рассказали мне о том, как вы справляетесь с одиночеством в Сан-Франциско».

Эрнест молчал. Спонтанность и импульсивность, напомнил он себе, — это разные вещи. Он вовсе не обязан, хочет он того или нет, отвечать на любой ее вопрос.

«Каролин, я хотел бы знать, почему вы задаете мне эти вопросы. Я обещал вам две вещи: во-первых, сделать все, что в моих силах, чтобы помочь вам, и, во-вторых, быть для этого как можно более честным с вами. Итак, с учетом первостепенной моей задачи, а именно помочь вам, давайте попробуем разобраться с вашим вопросом. Скажите мне, вы действительно хотели узнать именно это? И почему?»

Неплохо, подумал Эрнест, очень даже неплохо. Быть откровенным — не значит быть рабом прихотей пациента и приступов его любопытства. Эрнест записал свой ответ на вопрос Каролин; он был слишком хорош, чтобы быть забытым, — его можно процитировать в статье.

Каролин была готова к этому вопросу и даже репетировала этот диалог: «Если бы я знала, что у вас возникают такие же проблемы, что и у меня, я бы чувствовала, что вы лучше понимаете меня. Особенно если вам удалось с ними справиться. Тогда я пойму, что мы с вами похожи».

«Да, в чем-то вы правы, Каролин. Но вы, должно быть, хотели узнать что-то еще, потому что я уже сказал, что я справляюсь — и, надо сказать, успешно справляюсь — с одиночеством».

«Я надеялась получить от вас прямое руководство к действию, думала, что вы укажете мне направление. Я словно парализована. Честно говоря, мне и хочется, и колется».

Эрнест бросил взгляд на часы. «Знаете, Каролин, наше время вышло. Я хочу дать вам задание на следующий сеанс. Составьте список возможных способов знакомства с мужчинами, и мы с вами разберем преимущества и недостатки каждого из них. Мне не очень удобно давать вам конкретные рекомендации, или, как вы выразились, «указывать вам направление». Поверьте мне на слово, я уже не раз сталкивался с этим: конкретные рекомендации редко бывают полезны для пациента. То, что подходит мне или кому-нибудь еще, может не подойти вам».

Кэрл злилась: ей не удавалось добиться своего. «Ты, самодовольный тупой ублюдок, — думала она, — я не собираюсь так просто уходить, не добившись конкретного результата». «Эрнест, мне будет трудно ждать следующего сеанса целую неделю. Не могли бы вы назначить мне встречу пораньше; мне нужно чаще встречаться с вами. Помните, я хороший клиент, я плачу наличными». Она открыла кошелек и отсчитала сто пятьдесят долларов.

Это замечание Кэрл по поводу денег смутило Эрнеста. Особенно ему

не понравилось слово «клиент»: он не любил, когда ему напоминали про финансовые аспекты психотерапии. «Э-э-э.... а... Каролин, это не обязательно... Я знаю, что вы и в первый раз платили наличными, но с этого сеанса мне было бы удобнее присылать вам счет в конце каждого месяца. И мне было бы удобнее, если бы вы расплачивались чеками, а не наличными, — так проще для моей примитивной бухгалтерии. Знаю, вам удобнее платить наличными, потому что вы не хотите, чтобы Уэйн знал, что вы лечитесь у меня, но, может быть, вы будете использовать банковские чеки?»

Эрнест открыл тетрадь для записи пациентов. Он мог назначить сеанс только на восемь вечера. Раньше в это время приходил Джастин, а теперь он планировал оставить этот час для работы над книгой. «Давайте сделаем так, Каролин. Сейчас у меня нет свободного времени. Подождите пару дней и, если вы почувствуете, что вам абсолютно необходимо встретиться со мной до нашего следующего сеанса, позвоните мне, я постараюсь выкроить время. Вот моя визитка; оставьте мне сообщение на автоответчике, я перезвоню вам и назначу время встречи»

«Не думаю, что вам удобно звонить мне. Я до сих пор не нашла работу, а мой муж постоянно дома...»

«Хорошо. Вот, я написал свой номер телефона на карточке. Обычно меня можно застать по этому номеру между девятью и одиннадцатью вечера». В отличие от большинства своих коллег Эрнест безбоязненно давал пациентам свой домашний номер телефона. Он давно понял, что чем легче тревожный пациент может с ним связаться, тем меньше вероятность того, что он позвонит.

Покидая кабинет Эрнеста, Кэрол разыграла последнюю припасенную на сегодня карту. Она повернулась к Эрнесту и обняла его — чуть дольше, чуть сильнее, чем в прошлый раз. Почувствовав, как он напрягся, она произнесла: «Спасибо, Эрнест. Мне нужно было обнять вас, чтобы пережить эту неделю. Мне так хочется чувствовать прикосновение чужих рук, что я просто не смогла справиться с собой».

Спускаясь вниз по лестнице, Кэрол думала: «Интересно, рыбка и правда попала на крючок или просто у меня воображение разыгралось? Ему же понравилось, что я обняла его». Она преодолела уже половину лестницы, когда мужчина в светлом свитере промчался мимо нее вверх по ступенькам, едва не сбив ее с ног. Он крепко схватил ее за руку, чтобы она не упала, приподнял за козырек белую кепку и одарил Кэрол ослепительной улыбкой: «Привет, мы снова встретились. Простите, что едва не сшиб вас. Я Джесс. Кажется, у нас с вами один мозгоправ на двоих.

Спасибо, что продержали его дольше часа, а то бы он полсеанса убил на интерпретацию моего опоздания. Он сегодня в хорошей форме?»

Кэрол не могла отвести глаза от его рта. Она никогда не видела таких замечательных, белых зубов. «В хорошей ли он форме? Да, он в хорошей форме. Сами увидите. А, да, я Кэрол». Она обернулась, чтобы посмотреть, как Джесс скачет вверх по лестнице через две ступеньки. Отличная задница!

## Глава 12

Вчетверг утром, без нескольких минут девять в приемной Маршала Стрейдера Шелли, нетерпеливо постукивая ногой по полу, захлопнул таблицы заездов. Сегодняшний день обещает быть удачным, надо только закончить свои дела с доктором Стрейдером. Сначала он собирался сыграть в теннис с Вилли и его детьми, которые приехали домой на пасхальные каникулы. Сыновья Вилли так хорошо научились держать в руках ракетку, что он уже играл с ними не как тренер, а как соперник. Потом они пообедают у Вилли в клубе: лангусты, зажаренные с маслом и анисом, или мягкие суши из крабового мяса. А потом они с Вилли отправятся в Бей-Мидоуз на скачки. Тинг-а-линг — лошадь, принадлежащая Вилли и Арни — бежала на кубок Санта Клара. (Тинг-а-линг — это название игры в покер, которую больше всего любил Шелли: лимитированная игра, сдается пять карт, шестую можно в конце выкупить за двести пятьдесят долларов.)

Шелли не считал, что мозгоправы могут принести пользу. Но к Маршалу Стрейдеру он уже чувствовал расположение. Они даже не успели встретиться, но Стрейдер уже сослужил ему хорошую службу. Когда Норма, которая, несмотря ни на что, действительно любила его, получив его факсы, приехала домой, она была так рада, что ей не придется разрушать семью, что бросилась в его объятия и потащила Шелли в спальню. Они снова поклялись друг другу. Шелли обещал быть хорошим пациентом и расстаться с пагубной тягой к азартным играм, а Норма — давать ему время от времени отдых от своих ненасытных сексуальных запросов.

Теперь, думал Шелли, все, что от меня требуется, — это пройти курс терапии у этого доктора Стрейдера. И я свободен. Но, возможно, здесь есть определенная выгода. Ее не может не быть. Раз уж мне придется потратить на это время, скажем, несколько часов, чтобы угодить Норме — ну и мозгоправу тоже, нужно посмотреть, не получится ли у меня извлечь из этого выгоду для себя.

Дверь открылась. Маршал представился, протянул Шелли руку и пригласил его пройти в кабинет. Шелли, спрятав таблицы заездов между страницами газеты, вошел в комнату и начал осматриваться.

«Да у вас тут прямо коллекция стекла, док! — воскликнул Шелли, указывая на работы Мюслера. — Мне нравится эта большая оранжевая штукавина. Можно потрогать?»

Шелли уже встал и, когда Маршал широким жестом предложил ему почувствовать себя как дома, постучал по Золотому Кольцу Времени. «Круто. Очень успокаивает. Бьюсь об заклад, некоторые ваши пациенты не отказались бы унести ее к себе домой. А этот зубчатый край, он напоминает крыши Манхэттена! А вот те стаканы? Старые, да?»

«Очень старые, мистер Мерримен. Им около двухсот пятидесяти лет. Нравится?»

«Ну, я люблю старое вино, а вот насчет старых стаканов... Не знаю. Дорогие небось?»

«Трудно сказать. Вряд ли сейчас можно говорить об огромном спросе на антикварные стаканы для шерри. Итак, мистер Мерримен... — Маршал перешел на формальный тон, которым он обычно начинал сеанс. — Прошу вас, присаживайтесь, и начнем».

Шелли еще раз прикоснулся к оранжевому шару и сел на свой стул.

«Я практически ничего о вас не знаю, за исключением того, что вы были пациентом доктора Пейнда и что вы сказали секретарю нашего института, что нуждается в немедленной встрече со мной».

«Ну, знаете ли, не каждый день читаешь в газете, что твой терапевт — фуфло. В чем его обвиняют? Что он сделал со мной?»

Маршал попытался взять контроль над ходом сеанса в свои руки.

«Почему бы вам для начала не рассказать мне немного о себе и о причинах вашего обращения к доктору Пейнду».

«Тпру, док. Мне нужно сосредоточиться. «Дженерал моторе» так не поступает! Разве можно опубликовать объявление о том, что в автомобилях обнаружена серьезная неполадка, а потом заставлять покупателей гадать, что бы это могло быть? Они говорят, что существуют проблемы с бензонасосом, или с зажиганием, или с коробкой передач. Почему бы вам для начала не сказать мне, в чем проблема терапии доктора Пейнда?»

Маршал опешил, но быстро взял себя в руки. Это не обычный пациент, напомнил он себе, это экспериментальный случай: это же первый случай отзыва пациентов в истории психиатрии. С тех самых времен, когда он выступал защитником в своей команде, он гордился своим умением чувствовать соперника. Надо уважить желание мистера Мерримена получить информацию, решил он. Уступим ему сейчас... в последний раз.

«Вы правы, мистер Мерримен. Институт психоанализа пришел к мнению, что доктор Пейнд предлагал своим пациентам идиосинкразические и совершенно необоснованные интерпретации».

«То есть?»

«Простите. Я хочу сказать, что он давал пациентам рискованные и

зачастую приводящие к тяжелым последствиям объяснения их поведения».

«Все равно не понял. Какого поведения? Приведите какой-нибудь пример».

«Ну, например, что все мужчины испытывают потребность в некоем гомосексуальном единении с отцом».

«Что?!»

«Скажем, они могут желать войти в тело отца и слиться с ним».

«Да вы что! В тело отца? А еще что?»

«Что это желание может влиять на их поведение и вмешиваться в дружеские отношения с другими мужчинами. Слышали ли вы что-либо подобное, когда работали с доктором Пейндом?»

«Да. Да. Что-то такое было. Я начинаю вспоминать. Это было так давно, что я уже все забыл. А это правда, что мы никогда ничего не забываем по-настоящему? Что все где-то хранится, все, что с нами когда-либо случилось?»

«Правда, — кивнул Маршал. — Мы говорим, что это хранится в подсознании. А теперь расскажите, что вам удалось вспомнить о терапии».

«Только это. Ну, как вы говорили, обо мне и отце».

«А ваши отношения с другими мужчинами? Возникают ли у вас проблемы?»

«Огромные проблемы. — Шелли еще не до конца сориентировался, но ситуация стала понемногу проясняться. — Ужасные, ужасные проблемы! Например, несколько месяцев назад компания, в которой я работал, прогорела, и с тех самых пор я пытаюсь найти работу. И каждый раз, когда я прихожу на собеседование, а их почти всегда проводят мужчины, я так или иначе все запарываю».

«Что происходит на этих собеседованиях?»

«Я просто проваливаю их. Я расстраиваюсь. Думаю, во всем виновата эта подсознательная фигня, связанная с моим отцом».

«Расстраиваетесь?»

«Очень расстраиваюсь. Как там вы это называете? Как его... паника. Учащенное дыхание и все такое».

Шелли заметил, что Маршал делает заметки, и понял, что движется в правильном направлении. «Да, паника, пожалуй, она и есть. Не могу перевести дух. Потеею, как лошадь. Интервьюеры смотрят на меня как на сумасшедшего и думают, наверное: «Интересно, а как этот парень собирается продавать наш товар?»

Маршал и это записал.

«Да, интервьюеры почти сразу показывают мне на дверь. Я так

нервничаю, что они сами начинают нервничать. Так что я уже давно без работы. И есть еще кое-что, док. Я играю в покер — играю пятнадцать лет с одними и теми же ребятами. Дружеские партии, но ставки достаточно высокие, чтобы просадить на этом уйму денег... Это же конфиденциальный разговор, да? В смысле, даже если вы вдруг столкнетесь где-нибудь с моей женой, это останется между нами? Вы можете поклясться в этом?»

«Да, разумеется. Все останется в этой комнате. Я делаю эти записи исключительно для личного пользования».

«Хорошо. Я бы не хотел, чтобы жена узнала о том, сколько я проиграл. Наш брак и так трещит по швам. Я уже проиграл уйму денег, и сейчас, когда думаю об этом, я понимаю, что начал проигрывать как раз тогда, когда ходил к доктору Пейнду. После того как пролечился у него, я потерял свои способности. Эта тревожность из-за ребят, как я вам уже говорил. Знаете, до терапии я был хорошим игроком, лучше среднего, а после терапии я весь на взводе... это напряжение... я сбрасываю карты... постоянно проигрываю. Вы играете в покер, док?»

Маршал покачал головой. «Нам предстоит еще много работы. Может быть, нам стоит поговорить немного о том, почему вы обратились к доктору Пейнду?»

«Секундочку, док. Дайте мне закончить. Я хотел сказать, что в покере нельзя полагаться на удачу, в покере все решают нервы. Семьдесят пять процентов искусства игры в покер — чистая психология: как сдерживать эмоции, как блефовать, как реагировать на блеф, сигналы, которые ты подаешь, — ненамеренно, когда тебе выпадает хорошая карта и когда плохая».

«Да, мистер Мерримен, я понимаю, о чем вы говорите. Если вы некомфортно себя чувствуете с партнерами по игре, вы не сможете выиграть».

«Не смогу выиграть» — значит проиграюсь в пух и прах. Огромные деньги».

«Итак, давайте перейдем к вопросу о том, что заставило вас обратиться к доктору Пейнду. Когда это было?»

«То есть, как я понимаю, доктор Пейнд со своими неверными интерпретациями довел меня до того, что я разучился играть в покер и не могу найти работу, то есть из-за него я теряю деньги, и немалые!»

«Да, понимаю, но скажите, что привело вас к доктору Пейнду?»

Маршал уже начал беспокоиться: ему никак не удавалось направить сеанс в нужное русло. Но Шелли вдруг расслабился. Он узнал все, что ему



нужно. Не зря он девять лет прожил с ушлым юристом. Он понял, что теперь ему нечего терять, осталось только получать выгоду. Можно стать хорошим пациентом. Он понимал, что его позиция в суде будет значительно более надежной, если он сможет доказать, что полностью подчинялся всем правилам традиционной психотерапии. Поэтому он максимально откровенно и тщательно ответил на все вопросы Маршала, за исключением, разумеется, вопросов, касающихся терапии доктора Пейнда, — об этом периоде своей жизни он не помнил абсолютно ничего.

Когда Маршал спросил его о родителях, Шелли с головой ушел в свое прошлое. Он вспомнил, как мать восхищалась его талантами и красотой, что так резко контрастировало с недовольством, которое вызывали у него бесконечные аферы и провалы отца. Но, несмотря на безоговорочную преданность матери, Шелли считал, что основную роль в его жизни сыграл отец.

Да, сказал он Маршалу, чем больше он над этим думает, тем сильнее его беспокоят интерпретации доктора Пейнда относительно его отца. Его отец был безответственный тип, но тем не менее Шелли был сильно привязан к нему. В детстве он восхищался отцом. Ему нравилось видеть, как он играет с друзьями в покер, ездит на скачки — в Мам-моте, что в Нью-Йорке, в Ниали и Пимлико, когда они отдыхали в Майами-Бич. Его отец ставил на все, на что мог поставить: на яхты, на футбольные лиги, на баскетбол, и играл во все игры: в покер, в пинокль, в «черви», в нарды. Как сказал Шелли, одно из самых теплых воспоминаний его детства — это как он сидит на коленях у отца, который играет в пинокль, берет со стола и раскладывает отцовские карты. Шелли почувствовал, что стал взрослым, когда отец позволил ему присоединиться к игре. Это стало своеобразной инициацией. Шелли вздрогнул, вспомнив, как он, шестнадцатилетний нахал, предложил поднять ставки в пинокле.

Да, Шелли согласился с предположением Маршала о том, что его идентификация с отцом очень глубока и распространяется практически на все сферы его личности. Даже голос Шелли был похож на отцовский, и он часто напевал песенки Джонни Рея, которые любил петь его отец. Он пользовался тем же кремом для бритья и лосьоном после бритья, что и отец. Он тоже чистил зубы содой и никогда, никогда не забывал закончить утренний прием душа обливанием холодной водой. Любил жареную картошку и, как и отец, частенько просил официантов в ресторане дожарить картофель, чтобы он сгорел.

Когда Маршал заговорил о смерти отца, глаза Шелли наполнились слезами. Отец умер от сердечного приступа в возрасте пятидесяти пяти лет

в окружении своих закадычных друзей, втаскивая пойманную им рыбину на борт судна, на котором они вышли в открытое море в Ки-Вест. Шелли даже рассказал Маршалу о том, как ему было стыдно, когда на похоронах отца он не мог избавиться от мысли о той последней рыбине, пойманной отцом. Он успел втащить ее на борт? Она была большая? Друзья отца всегда делали огромные ставки на самый большой улов, и, может быть, отцу — или его наследнику — полагались какие-то деньги. Вряд ли ему доведется когда-нибудь увидеть тех людей, с которыми рыбачил отец, и его так и подмывало выяснить этот вопрос прямо на похоронах. Только стыд удержал его от этого поступка.

Когда отец умер, Шелли так или иначе думал о нем каждый день. Одеваясь по утрам перед зеркалом, он отмечал, что его икроножные мышцы становятся все больше, бедра — все уже. В возрасте тридцати девяти лет он становился все больше похож на отца.

Когда сеанс подошел к концу, Маршал и Шелли решили встретиться в ближайшее время, так как работа шла полным ходом. У Маршала оставались свободные часы — он так и не заполнил время Питера Макондо, так что они договорились провести три сеанса на следующей неделе.

## Глава 13

«Вобщем, у этого аналитика было два пациента, которые, как оказалось, были хорошими друзьями... ты меня слушаешь?» — спросил Пол Эрнеста, который сосредоточенно пытался избавиться от костей тушеную треску в кисло-сладком соусе своими палочками. Эрнест выступал в Сакраменто, и Пол приехал туда, чтобы встретиться с ним. Они облюбовали угловой столик в «Китайском бистро», огромном ресторане, где в самом центре зала на островке стекла и хрома были разложены поджаренные утиные и куриные тушки. Эрнест был одет в свою униформу для подобных случаев: синий двубортный блейзер поверх белого кашемирового свитера.

«А как же. Думаешь, я не могу есть и слушать одновременно? Два друга лечатся у одного и того же аналитика. Ну и?..»

«Однажды после партии в теннис, — продолжил Пол, — они обсудили своего мозгоправа. Он корчил из себя всезнайку, чем уже довел их обоих до белого каления, так что они решили поразвлечься и договорились рассказать ему один и тот же сон. Так что на следующий день один из них рассказывает аналитику свой сон в восемь утра, а в одиннадцать второй повторяет его рассказ слово в слово. Аналитик, не изменившись в лице, восклицает: «Поразительно! За сегодняшний день я уже третий раз слышу этот сон!»

Эрнест расхохотался, да так, что едва не подавился. «Хорошая история, — отсмеявшись, сказал он, — но к чему это ты?»

«Ну, во-первых, к тому, что скрытничают не только терапевты. Многие пациенты врут, лежа на кушетке, и многих ловят на этом. Я тебе рассказывал про своего пациента, который за два года до нашей с ним встречи лечился у двух терапевтов, причем ни одному из них об этом не сообщил».

«А мотив?»

«Ой, что-то вроде мстительного ликования. Он сравнивал их комментарии и тихонько смеялся над тем, как они с полной уверенностью в своей правоте дают диаметрально противоположные, но одинаково нелепые интерпретации».

«Что-то вроде ликования... — произнес Эрнест. — Помнишь, как бы назвал это старик профессор Уайтхорн?»

«Пиррова победа!»

«Пиррова, — повторил Эрнест. — Его любимое слово. Мы слышали его каждый раз, когда он говорил о сопротивлении пациентов психотерапии.

Но знаешь, — продолжал он, — этот твой пациент, который лечился сразу у двух терапевтов.... Помнишь, в Хопкинсе мы с тобой предъявляли одного и того же пациента двум супервизорам, а потом смеялись над тем, что их мнения не совпали ни по одному вопросу? То же самое. Меня заинтриговала твоя история про двух терапевтов. — Эрнест отложил палочки. — Вот интересно, а со мной такое может случиться? Не думаю. Я уверен, что могу понять, когда пациент говорит мне правду, а когда лжет. Бывают, конечно, сомнения, но потом наступает момент, когда я уже не сомневаюсь в том, что мы оба говорим правду».

«Оба говорим правду» — хорошо звучит, Эрнест, но что это значит? Даже не могу вспомнить, сколько раз получалось так, что я работал с пациентом год, два, а потом происходило что-то, что заставляло меня полностью пересмотреть все, что я о нем знал. Были пациенты, с которыми я по несколько лет работал индивидуально, а потом я перевожу его в группу — и что я вижу! Быть не может! Это мой пациент? С таких сторон он мне не открывался!

Три года, — продолжал Пол, — я работал с пациенткой, очень интеллигентной женщиной лет тридцати, у которой спонтанно, без какой бы то ни было стимуляции с моей стороны, начали возникать воспоминания об инцесту-альных отношениях с отцом. Мы работали с этим около года, и я был уверен, что мы оба, как ты выразился, говорим правду. Все эти ужасные месяцы я держал ее за руку, когда воспоминания настигали ее, я поддерживал ее в то сложное для всей ее семьи время, когда она пыталась объяснить с отцом. Теперь же — возможно, в связи с ажиотажем в прессе — она стала сомневаться в истинности этих детских воспоминаний.

Говорю тебе, у меня голова шла кругом. Я не знаю, где правда, где вымысел. Более того, она начала критиковать меня за доверчивость. В последнюю неделю ей приснился сон, что она находится в родительском доме, и вдруг подъезжает машина общества Доброй воли и начинает ломать фундамент. Почему ты улыбаешься?»

«Хочешь, я с трех попыток угадаю, кто этот грузовик».

«Именно. Без сомнения. Когда я спросил, с чем у нее ассоциируется этот грузовик, она пошутила, что сон называется «Рука Помощи Наносит Удар». То есть послание, заключающееся в этом сне, выглядит следующим образом: притворяясь — или искренне веря в то, что я помогаю ей, — я

подрываю основы ее дома, ее семейного благополучия».

«Втираешься в доверие».

«Верно. А я сделал глупость: я попытался защититься. Когда я сказал, что анализировал ее воспоминания, она назвала меня простофилей, который верил каждому ее слову.

И знаешь, — продолжал Пол, — в чем-то она права. Может, мы слишком легковерны. Мы настолько привыкли, что пациенты платят нам за то, что мы выслушиваем их откровения, что стали слишком наивными, чтобы допустить возможность того, что они лгут нам. Я слышал, что было проведено исследование, в ходе которого выяснилось, что психиатры и агенты ФБР оказались фактически неспособны уличить человека во лжи. А спор по поводу инцеста принимает совершенно дикие формы... Эрнест, ты слушаешь меня?»

«Продолжай. Ты говорил о том, что спор по поводу инцеста принимает совершенно дикие формы».

«Да. Особенно когда дело доходит до сатанинских ритуалов, связанных с изнасилованием. В этом месяце я выполняю функции приходящего врача в стационаре округа. Шесть из двадцати пациентов отделения утверждают, что стали жертвами ритуального изнасилования. Ты не поверишь, что творится на групповых сеансах! Эти шесть пациентов описывают, как происходило ритуальное изнасилование по сатанинскому обряду, не забывая про человеческие жертвоприношения и каннибализм, причем настолько ярко и настолько убедительно, что никто не осмеливается усомниться в их словах. В том числе и персонал! Если бы терапевты, которые ведут группу, решились усомниться в истинности этих рассказов, пациенты попросту заклевали бы их, не дали работать! По правде сказать, кое-кто из персонала действительно в это верят. Сумасшедший дом».

Эрнест кивнул, ловко перевернув кусок рыбы на своей тарелке и продолжая есть.

«Такие же проблемы возникают и с работой с расщеплением личности, — продолжал свой рассказ Пол. — Я знаю терапевтов, настоящих профессионалов, через руки которых прошли сотни таких пациентов, но знаю и других хороших терапевтов, которые, имея тридцатилетний стаж работы, утверждают, что никогда ни с чем подобным не сталкивались».

«Помнишь, у Гегеля: «Сова Минервы появляется только в сумерках», — отозвался Эрнест. — Может, мы просто не можем понять истинную суть этой эпидемии, пока она не спадет. Тогда мы сможем оценить ситуацию более объективно. Я полностью с тобой согласен в том,

что касается жертв инцеста и расщепления личности. Но давай отойдем от этой темы и обратимся к твоей повседневной амбулаторной психотерапевтической практике. Думаю, что хороший терапевт способен понять, когда пациент говорит ему правду».

«Социопат?»

«Нет, нет, нет, ты же понимаешь, о чем я, — обычный пациент. Когда ты последний раз работал с социопатом, который бы платил тебе за лечение и не был направлен к тебе по решению суда? Помнишь, я рассказывал тебе о моей новой пациентке, на которой я провожу эксперимент с полным самораскрытием? В общем, во время второго сеанса на прошлой неделе я какое-то время не мог поймать ее. мы были так далеки друг от друга... словно бы и не были в одной комнате. А потом она начала рассказывать, что в юридическом колледже была лучшей студенткой группы, внезапно разрыдалась и стала абсолютно искренней. Начала рассказывать, о чем больше всего сожалеет. О том, как отказалась от выгодных профессиональных предложений, от возможности сделать карьеру и выбрала замужество, но вскоре возненавидела мужа И в точности то же самое, тот же прорыв искренности имел место на первом сеансе, когда она говорила о своем брате и каком-то насилии, которое пережила — или возможно пережила — в детстве.

Я так сочувствовал ей... знаешь, тогда мы были действительно близки. Настолько близки, что сейчас неискренность между нами просто невозможна. На самом деле после того случая на прошлом сеансе она стала невероятно искренней... стала говорить обо всем исключительно искренне... о сексуальной фрустрации... о том, что сойдет с ума, если не переспит с кем-нибудь».

«Сдается мне, у вас много общего».

«Да, да. Я работаю над этим. Пол, да перестань ты есть свои пророщенные бобы. Ты что, собрался участвовать в Олимпиаде для анорексичных спортсменов? Вот, попробуй эти острые устрицы — это их фирменное блюдо. Почему мне всегда приходится есть за двоих? Только посмотри на этого палтуса, он великолепен!»

«Нет, спасибо, я специально жую термометры, чтобы получить свою дозу ртути».

«Очень смешно. Боже правый, что за неделя! Пару дней назад умерла Ева, моя пациентка. Помнишь Еву? Я рассказывал тебе о ней — я бы хотел иметь такую жену или мать. Рак яичников, помнишь? Преподавала писательское мастерство. Удивительная женщина».

«Это та самая, которой приснился отец, который говорил ей: «Не сиди

дома с тарелкой куриного супа, как я, а езжай в Африку».

«А, да. Я уже и забыл. Да, верно, это была Ева. Мне будет ее не хватать. Я тяжело переживаю эту смерть».

«Я не знаю, как ты можешь работать с раковыми пациентами. Как ты это переносишь, Эрнест? Ты пойдешь на ее похороны?»

«Нет. Этот предел я уже не перехожу. Я должен защитить себя, мне нужен некий буфер. И я ограничиваю количество раковых пациентов. Сейчас я работаю с пациенткой. Она — социальный работник, психиатр в онкологическом центре, и работает исключительно с раковыми пациентами — целый день. И, скажу я тебе, этой женщине действительно тяжело».

«Это опасная профессия, Эрнест. Ты видел статистику самоубийств среди онкологов? Такой же высокий показатель, что и у психиатров! Да ты мазохист!»

«Все не так мрачно, — ответил Эрнест. — В этом есть и свои светлые стороны. Если ты работаешь с умирающими и при этом сам проходишь терапию, ты можешь установить связь с различными частями своего «я», переоценить приоритеты, отказаться от пустого и мелочного. После сеансов я всегда чувствую себя гораздо лучше, более оптимистично смотрю на жизнь. Этот социальный работник, она успешно прошла пятилетний курс терапии, но после работы с умирающими появился новый материал. Например, ее сны пронизаны страхом смерти.

На прошлой неделе одна из ее любимых пациенток умерла, и ей приснился настоящий шедевр. Ей приснилось, что она находится на собрании комитета, которое провожу я. Она должна передать мне какие-то папки, и ей надо пройти мимо огромного открытого окна — оно занимает всю стену до самого пола. Она разозлилась на меня за мое безразличие к тому, что ей приходится так рисковать. Потом началась буря, и я взял на себя заботу о группе, повел их всех вверх по металлическим ступенькам — вроде как пожарной лестнице. Они забрались на самый верх, но там был тупик, дальше хода нет, и всем пришлось возвращаться».

«Иными словами, — отозвался Пол, — ты, и только ты, можешь защитить или вывести ее от болезни, от смерти».

«Именно так. Но я хочу сказать, что за пять лет аналитической работы с ней проблема смерти не возникала ни разу».

«Я со своими пациентами тоже с этим не сталкивался».

«Тебе надо заняться этим. Она всегда скрывается под внешней оболочкой».

«А ты-то что, Эрнест, со всей этой этологической конфронтацией? Появился новый материал, значит, надо продолжать терапию?»

«Вот поэтому я пишу книгу о страхе смерти. Помнишь, Хемингуэй говорил, что его терапевт — «Корона»?»

«Сигары «Корона»?»

«Печатная машинка. Ты такую модель не помнишь. А помимо писательства отличной терапией для меня является общение с тобой».

«Разумеется, а вот мой счет за сегодняшний вечер. — Пол подозвал официанта и жестом показал ему, что счет следует подать Эрнесту. Он взглянул на часы. — Через двадцать минут ты должен быть в книжном магазине. Расскажи-ка мне вкратце о своем эксперименте с самораскрытием с этой новой пациенткой. Что она собой представляет?»

«Странная женщина. Очень интеллигентная, отличный специалист, но при этом удивительно наивная. Несчастлива в браке, и мне хотелось бы довести ее до такого состояния, когда она сможет найти способ решить эту проблему. Пару лет назад она хотела подать на развод, но муж слег с раком простаты, и теперь она думает, что прикована к нему до конца его дней. Единственная успешная попытка терапии с психиатром с Восточного побережья. И — внимание, Пол! — у нее был долгий роман с этим парнем! Он умер несколько лет назад. Что самое ужасное, так это тот факт, что она утверждает, что это помогло ей. Она молится на него. С таким я сталкиваюсь впервые. Я никогда не встречал пациента, который утверждал бы, что сексуальные отношения с терапевтом благотворно на него подействовали. А ты?»

«Помогло? Да это помогло терапевту немного расслабиться! Но пациент... для пациента это всегда плохо кончается!»

«Почему ты говоришь «всегда»? Я только что описал тебе случай, когда это помогло. Так что давай не будем позволять фактам вставать на пути научной истины!»

«Хорошо, Эрнест. Я исправлюсь. Попытаюсь быть объективным. Посмотрим... Дай-ка подумать. Помнишь тот случай несколько лет назад, когда ты был экспертным свидетелем? Как его звали? Кажется, Сеймур Троттер. Он утверждал, что это помогло его пациентке, что это был единственный способ добиться успеха терапии. Но тот парень был таким самовлюбленным, он был опасен. Кто ему поверит? Несколько лет назад у меня была пациентка, которая пару раз переспала со своим пожилым терапевтом, когда у него умерла жена. Она называла это «благотворительным сексом». Утверждает, что особой пользы ей это не принесло, да и вреда тоже, но в общем опыт был скорее позитивным, чем негативным.

Разумеется, — продолжал Пол, — многие терапевты заводили романы



с пациентками, а потом женились на них. Это тоже надо учесть. Мне никогда не попадались на глаза какие-либо данные по этому поводу. Кто знает, какова судьба таких браков. Может, они оказываются значительно более удачными, чем мы можем предположить. Дело в том, что у нас просто нет информации по таким бракам. Мы знаем только о катастрофах. То есть числитель нам известен, а знаменатель — нет».

«Странно, — сказал Эрнест. — Ты слово в слово повторяешь аргумент, который я слышал от своей пациентки».

«Но это же очевидно. Мы знаем о трагедиях, но не знаем, на каком фоне они происходят. Может, где-то есть пациентки, которым роман с терапевтом пошел только на пользу, и мы никогда ничего о них не услышим. И нетрудно понять почему. Во-первых, это не та тема, которую стоит обсуждать публично. Во-вторых, возможно, они вылечились, и мы ничего про них не знаем, потому что им не пришлось больше обращаться к терапевтам. В-третьих, если все закончилось хорошо, они будут молчать, чтобы защитить своего любовника-терапевта.

Так что, Эрнест, вот мой ответ на вопрос о научной истине. Теперь я отдал должное науке. Но, по моему мнению, проблема сексуальных взаимоотношений терапевта и пациента — это нравственная проблема. Ни один научный подход не сможет убедить меня в том, что безнравственность нравственна. Я уверен в том, что секс с пациентом — это не терапия, не любовь, но эксплуатация, надругательство над доверием. При этом я не знаю, как относиться к твоим рассказам о пациентах, которые были уверены в обратном. Не понимаю, зачем ей было лгать тебе!»

Эрнест расплатился с официантом, и они вышли из ресторана. До книжного магазина было рукой подать, и они пошли пешком. Пол спросил: «Итак... Расскажи мне еще об этом эксперименте. Насколько ты откровенен?»

«Я делаю первые шаги в своем новом стиле отношений, но все происходит не так, как я ожидал. Не так, как я себе это представлял».

«Почему?»

«Знаешь, я был настроен на более человеческие, более экзистенциальные отношения, чтобы в конце концов получилось что-то вроде «и вот мы вместе встречаем крайности бытия». Я думал, что буду обсуждать с ней свои чувства к ней из «здесь и сейчас», наши взаимоотношения, свои собственные тревоги, фундаментальные проблемы, с которыми мы оба сталкиваемся. Но ее не интересуют глубинные, значимые проблемы; она пытается выжать из меня тривиальную информацию: о моем браке, о моих женщинах».

«И что ты ей отвечаешь?»

«Я пытаюсь найти свой путь. Пытаюсь найти грань между аутентичным реагированием и удовлетворением похотливого любопытства».

«Что ей от тебя нужно?»

«Облегчение. Она оказалась в ужасной ситуации, но в основном фиксируется исключительно на сексуальной фрустрированности. Ей прямо-таки не терпится. И она взяла моду обнимать меня в конце сеанса».

«Обнимать? И как ты реагируешь?»

«А что в этом такого? Я экспериментирую с совершенными отношениями. В своем отшельничестве ты уже, наверное, забыл, что в реальном мире люди постоянно прикасаются друг к другу. Эти объятия не имеют сексуальной окраски. Я знаю, что такое сексуальные объятия».

«А я знаю тебя. Будь осторожен, Эрнест».

«Пол, успокойся, я все объясню. Помнишь, в «Воспоминаниях, снах, размышлениях» Юнг писал, что для каждого пациента терапевт должен создавать свой язык терапии? Чем больше я об этом думаю, тем более гениальными кажутся мне эти слова. Мне кажется, что это самое интересное замечание Юнга относительно психотерапии, правда представляется мне, он не довел эту мысль до конца, не понял. Дело не в том, что для каждого пациента нужно изобретать новый язык или, скажем, новую терапию — суть в самом факте изобретения! Иными словами, действительно процесс работы терапевта и пациента, честный процесс. Я кое-чему научился у старика Троттера».

«Отличный учитель, нечего сказать, — отозвался Пол — И где он сейчас?»

«На прекрасном Карибском пляже», — хотел сказать Эрнест, но сдержался и произнес: «Не такое уж он чудовище Он кое в чем разбирался. Но с этой пациенткой — мне будет удобнее говорить о ней, если я дам ей какое-нибудь имя, скажем, Мэри, — так вот, с Мэри все очень серьезно Я действительно хочу быть с ней абсолютно честным и, кажется, мне это удастся. У нас довольно аутентичные отношения. И объятия — это лишь один из аспектов этих отношений, не такое уж это большое дело. Эта женщина не испытывает недостатка в прикосновениях, так что прикосновение есть лишь символ заботы. Поверь мне, это объятие агапэ, а не страсти».

«Эрнест, я верю тебе. Я знаю что эти объятия значат для тебя именно это. Но для нее? Что они значат для нее?» «Я отвечу тебе историей, которую я слышал на прошлой неделе. Обсуждалась природа

терапевтической связи Рассказчик описывал кошмар, который приснился одной из его пациенток перед окончанием терапии. Би снилось что они с терапевтом отправились на конференцию и остановились в одном отеле. В какой-то момент терапевт предложил ей занять смежный номер, чтобы они могли провести ночь вместе. Она подходит к стойке и снимает этот номер. Чуть позже терапевт говорит ей, что это была не самая хорошая идея. Так что она опять подходит к стойке и просит оставить ее в прежнем номере. Но уже поздно. Все ее вещи уже перенесли в новый номер. И она обнаруживает, что этот новый номер значительно лучше предыдущего — он больше, располагается на несколько этажей выше, из окон открывается прекрасный вид. Даже с точки зрения нумерологии Номер 929 более благоприятен».

«Отлично, отлично. Я понял, — перебил его Пол. — Надежда на сексуальные отношения производит в пациенте значимые позитивные изменения — новый номер лучше. Даже когда оказывается, что надежда на секс была лишь иллюзией, перемены остаются — она не может вернуться в прежнее состояние, как не может и вернуться в старый номер».

«Именно так. Это и есть мой ответ. Это — ключ к моей стратегии работы с Мэри».

Несколько минут они шли молча, потом Пол сказал: «Когда я учился на медицинском факультете в Гарварде, у нас был замечательный преподаватель, Элвин Семрад, и он говорил что-то подобное... что некоторым пациентам идет на пользу, даже необходимо некоторое сексуальное напряжение в отношениях с терапевтом. Как бы то ни было, для тебя это слишком рискованная стратегия, Эрнест. Надеюсь, ты хорошо себя обезопасил. Она привлекательна?»

«Очень! Не совсем в моем вкусе, но она, без всякого сомнения, очень ухоженная».

«А ты не можешь ошибаться в ней? Может быть так, что она запала на тебя? Может, она опять хочет завести терапевта — любовника?»

«Да, это так. Но я хочу использовать это для достижения терапевтических целей. Поверь мне. И поверь, что эти объятия не носят сексуальный характер. Это простая фамилльярность».

Они остановились перед книжным магазином «Tower». «Вот мы и пришли», — сказал Эрнест.

«У нас еще есть время. Эрнест, прежде чем ты пойдешь туда, позволь мне задать тебе еще один вопрос. Скажи мне честно: эти дружеские объятия с Мэри доставляют тебе удовольствие?»

Эрнест молчал.

«Признайся мне, Эрнест».

«Да, мне нравится обнимать ее. Мне очень нравится эта женщина. Она пользуется невероятными духами. Если бы мне это не нравилось, я бы не делал этого!»

«Да? Интересное замечание. Я-то думал, что ты позволяешь пациентке такую фамильярность ради нее, для ее блага».

«Это так. Но если бы мне это не нравилось, она бы почувствовала это, и жест потерял бы свою аутентичность».

«Да вы ведете себя словно фетишисты какие-то!»

«Пол, речь идет о мимолетном дружеском объятии. Я держу ситуацию под контролем».

«Держи себя в руках, Эрнест. Иначе твое членство в Государственном комитете по этике будет до неприличия кратковременным. Когда у вас, кстати, собрание? Давай встретимся и пообедаем».

«Через две недели. Я слышал, тут открылся новый ресторан камбоджийской кухни».

«Нет уж, теперь моя очередь выбирать. Доверься мне, я знаю, чем тебя угостить. Я готовлю тебе большой вегетарианский сюрприз!»

## Глава 14

Следующим вечером Кэрол позвонила Эрнесту домой, сказала, что ей очень страшно и что ей необходим срочный, незапланированный сеанс. Эрнест долго разговаривал с ней, назначил ей сеанс на следующее утро и предложил позвонить в круглосуточную аптеку и оставить на ее имя рецепт на успокоительное.

Сидя в приемной, Кэрол просматривала свои заметки с последнего сеанса.

...сказал, что я привлекательная, очень привлекательная женщина... дал мне свой домашний телефон, говорит, что я могу звонить ему... задавал много вопросов относительно моей сексуальной жизни... откровенно рассказывает о своей личной жизни, о смерти жены, свиданиях с другими женщинами, холостяцкой жизни... обнял меня в конце сеанса — дольше, чем в последний раз... говорит, что ему нравится, что меня посещают сексуальные фантазии с его участием, сеанс затягивается на десять минут... удивительно неловко себя чувствует, принимая мои деньги.

«Да, — подумала Кэрол, — все идет хорошо». Вставив микрокассету в миниатюрный диктофон, она спрятала его в соломенную сумку, которую купила специально для этого. Она вошла в кабинет Эрнеста, с наслаждением осознавая, что ловушки расставлены, что каждое слово, любое отступление от правил останется на пленке.

Эрнест заметил, что за ночь Кэрол успокоилась, и бросил все силы на понимание причин приступа паники. Как скоро стало ясно, он и его пациентка имели разные мнения на этот счет. Эрнест предполагал, что тревожность Каро-лин была вызвана прошлым сеансом. Она же в свою очередь утверждала, что сексуальное возбуждение и фрустрация буквально разрывали ее на части, и продолжила попытки вывести его на разговор о возможности сексуальной разрядки.

Эрнест более систематизированно подошел к изучению ее сексуальной жизни и узнал даже больше, чем хотел. Она в красочных подробностях расписывала сексуальные фантазии, в которых ему отводилась ведущая роль. Без тени смущения она рассказывала, в какое возбуждение

приходила, когда представляла, как расстегивает его рубашку, встает на колени перед его креслом — прямо в этом кабинете — и расстегивает «молнию» на его брюках, а потом берет губами его плоть. Ей нравилось представлять, как она доводит его практически до оргазма, но потом замедляет темп, ждет, когда он расслабится, и начинает все заново. Она сказала, что этого было достаточно, чтобы довести ее до оргазма, когда она мастурбировала. Если же нет, она продолжала фантазировать о том, как стаскивает его на пол, он задирает ее юбку, торопливо сдвигает в сторону трусики и входит в нее. Эрнест внимательно слушал ее, стараясь не совершать лишних движений.

«Но мастурбация, — продолжала Кэрл, — никогда не доставляет мне настоящего удовлетворения. Мне кажется, в какой-то мере из-за стыда, который я испытываю. Я никогда ни с кем не делилась этим — ни с мужчиной, ни с женщиной, разве что пару раз говорила об этом с Ральфом. Проблема в том, что я никогда не получаю полноценного оргазма и чувствую лишь множественные спазмы, в результате чего остаюсь в состоянии крайнего возбуждения. Я думаю, что проблема в том, как я мастурбирую. Не могли бы вы мне что-нибудь порекомендовать в этой связи?»

Услышав этот вопрос, Эрнест вспыхнул. Он уже начал привыкать к тому, как непринужденно она говорит о сексе. На самом деле он восхищался ее способностью обсуждать свою сексуальную жизнь. Например, она рассказывала, как раньше снимала мужчин в барах, когда путешествовала или когда злилась на мужа. Казалось, что это было так легко, так естественно для нее. Он вспоминал, сколько часов он провел в барах для одиноких или на вечеринках в бесплодной агонии. Он провел год в Чикаго, когда был интерном. Почему, ну почему, думал Эрнест, я не встретился с Каролин, когда она прочесывала чикагские бары?

Что же касается ее вопроса о техниках мастурбации, что он знал об этом? Практически ничего, разве что помнил об очевидной необходимости клиторальной стимуляции. Люди так часто приписывают психиатрам всезнание.

«Я не специалист в этой области, Каролин». Интересно, подумал Эрнест, откуда, по ее мнению, он мог почерпнуть информацию о женской мастурбации? В медицинском колледже? Может быть, следующая книга, которую ему стоит написать, будет называться «Чему не учат медиков»?

«Единственное, что приходит мне на ум, Каролин, это лекция терапевта-сексопатолога, которую я недавно слышал. Он говорил о целесообразности освобождения клитора от спаек».

«Доктор Лэш, а это можно проверить при осмотре? Я согласна».

Эрнест снова залился краской. «Нет, я уже давно забросил свой стетоскоп — последний осмотр я провел семь лет назад. Рекомендую вам задать этот вопрос вашему гинекологу. Некоторым женщинам легче говорить о таких вещах с женщиной-гинекологом».

«А у мужчин... доктор Аэш, я имею в виду, а вы... у мужчин бывают проблемы с неполным оргазмом при мастурбации?»

«И снова я напоминаю вам, что я не специалист в этой области, но мне кажется, что у большинства мужчин ситуация решается по принципу «все или ничего». Вы говорили об этом с Уэйном?»

«С Уэйном? Нет, мы ни о чем таком не говорили. Вот почему я задаю вам эти вопросы. На данный момент вы главный мужчина, единственный мужчина в моей жизни!»

Эрнест растерялся. Стратегия предельной честности ничего не говорила о том, как вести себя в подобной ситуации. Его смущала агрессивность Каролин, она выбивала почву из-под его ног. Он обратился к эталону, к своему супервизору, пытаясь представить, как бы ответил на этот вопрос Маршал.

Маршал сказал бы, что в данном случае следует постараться извлечь как можно больше информации: составить систематизированную беспристрастную историю ее сексуальной жизни с учетом подробностей процесса мастурбации и сопутствующих ему фантазий, как актуальных, так и прошлого.

Да, именно так и следовало поступить. Но у Эрнеста была проблема: он начинал чувствовать возбуждение. Повзрослев, Эрнест был уверен, что не представляет интереса для женщин. Всю жизнь он был уверен в том, что должен упорно работать над собой, использовать свой интеллект, чувствительность и шарм, чтобы не показаться тупицей. Он испытывал безумный восторг, слыша, как эта очаровательная женщина рассказывает о том, как мастурбировала, представляя себе, как раздевает его и стаскивает на пол.

Возбуждение ограничивало терапевтическую свободу Эрнеста. Если бы он попросил Каролин рассказать о ее сексуальных фантазиях со всеми интимными подробностями, он не смог бы точно сказать, какими мотивами руководствовался, задавая этот вопрос. Сделал ли бы он это для ее пользы или же для самоудовлетворения? Это было бы слишком похоже на вуайеризм, на занятия вербальным сексом. С другой стороны, если он будет избегать обсуждения ее фантазий, не будет ли это обманом по отношению к пациентке, которая не будет иметь возможности обсуждать самые

актуальные свои проблемы? К тому же избегание этой темы может навести ее на мысль о том, что ее фантазии слишком постыдны, чтобы открыто обсуждать их.

К тому же он дал клятву самораскрытия. Разве не должен он поделиться с Каролин своими соображениями по поводу сложившейся ситуации, ничего не утаивая? Нет, он был уверен, что это было бы ошибкой. Может быть, в этом кроется очередной принцип терапевтической откровенности? Возможно, терапевт не должен делиться с пациентом тем, что вызывает у него сильный внутренний конфликт. Для начала ему самому следует проработать эти проблемы в процессе индивидуальной терапии. Иначе пациенту придется решать проблемы терапевта. Он записал этот принцип в блокнот — его стоит запомнить.

Эрнест ухватился за первую попавшуюся возможность сменить тему. Он вернулся к приступу паники, который случился у Каролин вчера вечером, и поинтересовался, не кажется ли ей, что он был вызван в том числе и сложными проблемами, которые они обсуждали на прошлом сеансе. Например, она могла задуматься над тем, почему столько лет жила в мучительном браке с нелюбимым мужем? И почему она никогда не пыталась решить эту проблему с помощью семейной психотерапии?

«Мне трудно объяснить вам, насколько безнадежным кажется мне мой брак в частности или супружеская жизнь в целом. Многие годы в моей семейной жизни не было ни искорки счастья или уважения. А Уэйн настроен так же нигилистически, как и я: он потратил много лет, много денег на терапию, но безрезультатно».

Эрнеста было не так легко сбить с толку.

«Каролин, думая о том, сколько мучений принесла вам ваша семейная жизнь, я не могу не поинтересоваться тем, какую роль в вашем неудачном браке сыграли ваши родители. Когда на прошлой неделе я спросил у вас о родителях, вы ответили, что никогда не слышали, чтобы ваша мать отзывалась об отце иначе как с ненавистью и презрением. Может, эта замешанная на ненависти диета, которой пичкала вас мать, сослужила вам дурную службу? Может, вам не стоило вбивать в голову день за днем, год за годом мысль о том, что мужчинам нельзя верить, что они преследуют лишь свои корыстные интересы?»

Кэрол собиралась вернуться к разговору о сексе, но не могла не броситься на защиту матери: «Ей было нелегко растить двоих детей: она была абсолютно одинока, ей никто не помогал».

«Почему одна? А как же ее семья?»

«Да что ее семья! Мать была совершенно одинока. Ее отец бросил их,



когда она была маленькая, — один из первых отцов, которые отказывались платить алименты. От ее матери, ожесточенной, измученной паранойей женщины, тоже было мало толку. Они почти не разговаривали».

«А ее социальное окружение? Друзья?»

«Их не было!»

«У вашей матери был отчим? Ваша бабушка вступила в повторный брак?»

«Нет, об этом не могло быть и речи. Вы не знаете мою бабушку. Она всегда одевалась только в черное. Даже но, — совые платки у нее были черного цвета. Никогда не видела, чтобы она улыбалась».

«А ваша мать? В ее жизни были другие мужчины?»

«Вы шутите? В нашем доме больше никогда не было мужчин. Она ненавидела их! Но я уже прорабатывала этот вопрос с предыдущими терапевтами. Старая история. А вы сказали, что не собираетесь заниматься раскопками».

«Интересно, — сказал Эрнест, не обращая внимания на протесты Кэрол. — Как сильно жизненный сценарий вашей матери напоминает сценарий ее матери. Словно эта боль передается в вашей семье по женской линии — по наследству, из поколения в поколение, словно горячая картофелина, от которой каждый стремится избавиться».

От Эрнеста не укрылось, что Кэрол нетерпеливо взглянула на часы. «Знаю, наше время вышло, но задержитесь на минуту, Каролин. Знаете, это действительно важно... я объясню вам почему. Этот вопрос необходимо решить немедленно, потому что вы можете передать это своей дочери! Возможно, лучшее, чего мы с вами сможем добиться в процессе терапии, — это разорвать этот порочный круг! Я хочу помочь вам, Каролин, я действительно хочу вам помочь. Может быть, центром нашей с вами совместной работы станет ваша дочь!»

Такой поворот событий застал Кэрол врасплох. Она была ошеломлена. Слезы вдруг наполнили ее глаза и потекли по щекам. Не сказав ни слова, она выбежала из комнаты, все еще рыдая. Черт бы его побрал, он опять добрался до меня! Ну почему я позволяю этому ублюдку лезть мне в душу!

Спускаясь по ступенькам, Кэрол пыталась понять, что из сказанного Эрнестом относится к выдуманной ей личине, а что — к ней самой. Она была так потрясена, что, погруженная в свои мысли, едва не наступила на Джесса, сидящего на нижней ступеньке.

«Привет, Кэрол, я Джесс. Помнишь меня?»

«Ой, привет, Джесс, не узнала тебя. — Кэрол смахнула слезинку. — Странно видеть тебя сидящим».

«Я люблю бегать трусцой, но обычно я хожу. А ты видела меня только бегущим потому, что я хронически опаздываю. С этим сложно справиться в терапии, потому что я всегда так сильно опаздываю, что говорить об этом уже нет времени!»

«А сегодня почему не опоздал?»

«Мой сеанс перенесли на восемь утра».

«В это время сюда приходил Джастин», — подумала Кэрол и спросила: «То есть ты сейчас не идешь на сеанс к Эрнесту?»

«Нет, я зашел, чтобы поговорить с тобой. Может, мы когда-нибудь сможем пообщаться? Пробежимся трусцой? Или сходим на ленч? Или то и другое?»

«Не знаю, как насчет бега трусцой, — отозвалась Кэрол, вытирая слезы. — Никогда этим не занималась».

«Я хороший учитель. Вот, возьми носовой платок. Вижу, у тебя сегодня выдался тяжелый сеанс. Эрнест иногда и меня доводит. Просто жуть берет — откуда он знает наши болевые места? Могу я что-нибудь сделать для тебя? Может, прогуляемся?»

Кэрол собралась было отдать Джессу платок, но опять начала всхлипывать.

«Нет, оставь его себе. Знаешь, со мной тоже такое бывает, и мне практически всегда в такие моменты просто нужно время побыть наедине с собой и переварить все это. Так что я удаляюсь. Давай я позвоню тебе. Вот моя визитка».

«А вот моя. — Кэрол выудила карточку из сумки. — Но я хочу, чтобы ты учел мои замечания относительно бега трусцой».

Джесс изучил ее визитку. «Информация получена и принята к сведению, господин адвокат». С этими словами он взял под козырек и побежал вниз по Сакраменто-стрит. Кэрол смотрела ему вслед, на светлые волосы, развевающиеся на ветру, на белый свитер, повязанный на шее, который взвевался вверх и опускался в такт движению его широких плеч.

Наверху Эрнест делал записи в карте Каролин.

Прогресс налицо. Час усердной работы. Очень откровенна в вопросах секса и сексуальных фантазий. Усиление эротического переноса. Нужно найти способ обращаться с этим. Работали над взаимоотношениями с матерью, над семейным ролевым моделированием. Занимает оборонительную позицию, когда слышит критику в адрес матери. В завершение сеанса я говорил о типе семейной модели, которую она передаст своей дочери. Выбежала из кабинета в слезах. Меня ждет очередной неотложный вызов? Не стоило завершать сеанс на столь

значимой теме?

Кроме того, подумал Эрнест, закрывая папку, мне не надо было доводить ее до такого состояния — она даже не обняла меня!

## Глава 15

После ленча с Питером Макондо неделю назад Маршал сразу же продал пакет акций стоимостью девяносто тысяч долларов с тем, чтобы переслать Питеру деньги, как только расчет будет произведен. Но жена настаивала, чтобы он обсудил это капиталовложение со своим кузеном Мелвином, специалистом по налогообложению, работающему в министерстве юстиции.

Обычно Ширли не занималась финансовыми делами семьи. Увлечшись медитацией и икебаной, она не только стала равнодушна к материальным благам, но и со все большим презрением относилась к одержимости мужа этими самыми благами. Когда Маршал наслаждался красотой картины или стеклянной скульптуры, сетуя на ярлычок, сообщающий, что стоит она пятьдесят тысяч долларов, она просто говорила: «Красота? Почему ты не видишь ее здесь?» И указывала на одну из своих икебан — изящный менуэт изогнутых ветвей дуба и шести бутонов камелии «Утренний рассвет» или на элегантные очертания бонса с узловатой и гордой сосной.

При всем безразличии к деньгам Ширли фанатично относилась к одной-единственной вещи, которую можно купить за деньги, — она хотела, чтобы ее дети получили самое лучшее образование. Маршал, рассказывая о вложении в принадлежащую Питеру фабрику по производству велосипедных шлемов, нарисовал столь масштабную и столь грандиозную картину грядущей прибыли, что она заинтересовалась этим проектом и, прежде чем согласиться (они совместно владели акциями), настояла на том, чтобы Маршал обратился к Мелвину.

Долгие годы общение Маршала и Мелвина строилось на неформальных взаимовыгодных условиях бартерного обмена: Маршал давал Мелвину медицинские и психологические советы, Мелвин же в свою очередь консультировал его в вопросах инвестиций и налогообложения. Маршал позвонил кузену и изложил план Питера Макондо.

«Не нравится мне все это, — ответил Мелвин. — Любая инвестиция, обещающая такой доход, выглядит подозрительно. Пятьсот, семьсот процентов! Да брось ты, Маршал! Семьсот процентов! Это нереально. А это долговое обязательство, которое ты прислал мне сегодня по факсу? Знаешь, сколько это стоит? Нисколько, Маршал! Нисколько!»

«Но почему нисколько, Мелвин? Долговое обязательство, подписанное

очень известным бизнесменом? Этого парня знают по всему миру».

«Если он такой великий бизнесмен, — проскрипел Мелвин, и в голосе его прозвучали металлические нотки, — так почему, скажи мне, он дает тебе незаверенный листок бумаги — пустое обещание? Не вижу связи. А что, если он решит не платить тебе? Он всегда сможет обезопасить свои денежки и найти сотню оправданий, чтобы не делиться с тобой. Тебе придется разбираться с ним в судебном порядке, что встанет тебе не в одну тысячу долларов, а потом тебе всего лишь дадут очередную бумажку — решение суда, и тебе все равно придется пытаться искать его активы и вытягивать из него покрытие. За это ты заплатишь еще больше. Эта записка не избавляет тебя от риска, Маршал. Я знаю, что говорю. Мне постоянно приходится сталкиваться с подобным».

Маршал отмахнулся от комментариев Мелвина. Начнем с того, что ему платят за подозрительность. Во-вторых, Мелвин всегда мелко мыслил. Он был очень похож на своего отца, дядюшку Макса, единственного из всех родственников Маршала, приехавшего из России, который не смог преуспеть в чужой стране. Его отец уговаривал Макса войти в долю в бакалейной лавке, но Макс не пришлась по душе перспектива вставать каждое утро в четыре утра и отправляться на рынок, работать по шестнадцать часов в сутки и заканчивать день, выбрасывая гнилые яблоки противного тараканьего цвета и грейпфруты с зелеными язвочками. Макс мыслил мелко, потому и выбрал безопасную и размеренную государственную службу, а Мелвин, его неуклюжий сынок с ушами гориллы и свисающими почти до самого пола руками, пошел по стопам отца.

Но Ширли, которая подслушала их разговор, отнеслась к предостережениям Мелвина значительно более серьезно. Она забеспокоилась. Девяноста тысяч долларов хватит на оплату обучения детей в колледже. Маршал пытался не показывать, как его раздражает вмешательство Ширли. За девятнадцать лет супружеской жизни она ни разу не проявила ни малейшего интереса к его капиталовложениям. И именно сейчас, когда ему представилась возможность заключить самую грандиозную финансовую сделку всей его жизни, она решила засунуть в его дела свой несведущий нос. Но Маршал старался успокоить себя. Он понимал, что беспокойство Ширли вызвано ее невежеством в финансовых вопросах. Будь она знакома с Питером, все было бы иначе. Однако ему было необходимо ее содействие. И для этого ему придется успокоить Мелвина.

«Ладно, Мелвин, скажи, что я должен делать. Я поступлю так, как ты

считаешь нужным».

«Все просто. Что нам нужно, так это банк, который выступит гарантом выплат по долговому обязательству, то есть не подлежащее отмене и безусловное обязательство одного из ведущих банков произвести выплаты по данному векселю в любой момент по первому твоему требованию. Если этот человек действительно так богат, как ты говоришь, ему не составит труда обеспечить тебе это. Если хочешь, я сам составлю железобетонный вексель, из которого сам Гудини не сможет выбраться».

«Хорошо, Мелвин. Давай», — встряла Ширли, которая присоединилась к их разговору по параллельному телефону.

«Эй, Ширли, минуточку. — Эти мелочные придирки начали бесить Маршала. — Питер пообещал мне прислать заверенный вексель к среде. Почему бы нам просто не подождать и не посмотреть, что это будет? Я пришлю тебе этот вексель по факсу, Мелвин».

«Хорошо. Я буду здесь всю неделю. Но не посылай деньги, не проконсультировавшись со мной. А, вот еще что. Говоришь, часы «Ролекс», которые он подарил тебе, привезли в коробке ювелирного магазина «Shreve's»? У них отличная репутация. Сделай одолжение, Маршал. Найди двадцать минут, отнеси часы в магазин — пусть они подтвердят! Сейчас столько подделок! Фальшивые «Ролекс» можно купить на каждом углу в центре Манхэттена».

«Он пойдет туда, Мелвин, — сказала Ширли. — Я сама с ним схожу».

Поход в «Shreve's» несколько успокоил Ширли. Это действительно был «Ролекс» — «Ролекс» стоимостью три с половиной тысячи долларов! Часы не только были действительно куплены в этом магазине — продавец даже хорошо помнил Питера.

«Очень представительный джентльмен. На нем было самое восхитительное пальто, какое я когда-либо видел: двубортное, серый кашемир, длиной почти до самого пола. Он едва не купил вторые такие же — своему отцу, но потом передумал: он сказал, что в выходные летит в Цюрих и купит часы там».

Маршал был так доволен, что предложил Ширли выбрать себе подарок. Она выбрала изысканную зеленую керамическую вазу для икебаны с двумя горлышками.

В среду, как и было обещано, доставили вексель Питера, и, к великому удовольствию Маршала, он в точности соответствовал требованиям Мелвина. Гарантом векселя на девяносто тысяч долларов плюс проценты выступал банк «Credit Suisse». Выплаты по векселю могли производиться по требованию в любом из сотен филиалов «Credit Suisse» по всему миру.

Даже Мелвину не удалось найти ни одной зацепки, и он с неохотой признал, что это действительно железобетонный документ. Как бы то ни было, повторил Мелвин, у него не вызывают доверия инвестиции, которые обещают такую прибыль.

«Значит ли это, что ты откажешься войти в долю?» — уточнил Маршал.

«Ты предлагаешь мне долю?» — спросил Мелвин.

«Мне надо подумать! Я тебе перезвоню». Выгодное дельце, подумал Маршал. Мелвин еще долго будет ждать свою долю.

На следующий день на счет Маршала поступила выручка с продажи акций, и он перевел Питеру в Цюрих девяносто тысяч. Он отлично поиграл в баскетбол в полдень и успел на скорую руку перекусить с одним из игроков, Винсом — психологом из соседнего офиса. Вине был его хорошим другом, но Маршал не стал говорить ему об этой инвестиции. Он не говорил об этом никому из своих коллег. Знал только Мелвин. Но, успокаивал себя Маршал, это чистая сделка. Питер не был его пациентом, он был его бывшим пациентом, даже бывшим пациентом, который прошел лишь краткосрочный курс терапии. О переносе не может быть и речи. Маршал понимал, что здесь нет конфликта профессиональных интересов, но решил сказать Мелвину, чтобы тот хранил все это в секрете.

Позже, встретившись с Адрианой, невестой Питера, Маршал постарался не позволить сеансу выйти за рамки профессиональных отношений, всячески избегая разговоров об инвестиции в предприятие Питера. Он с благодарностью принял ее поздравления по поводу именных лекций, но, когда она сказала, что Питер вчера сообщил ей, что закон, обязывающий несовершеннолетних велосипедистов носить шлемы, представлен на рассмотрение законодательных органов в Швеции и в Швейцарии, Маршал лишь кивнул и немедленно перешел к проработке ее отношений с отцом, великодушным и доброжелательным человеком, который, однако, умел так запугивать людей, что никто не осмеливался ему противоречить. Отец Адрианы очень хорошо относился к Питеру — он, кстати, входил в одну из групп инвесторов, — но был против брака, в результате которого не только его дочь, но и ее дети, его будущие наследники, уедут из страны.

Комментарии Маршала относительно отношений Адрианы с отцом, а именно заявление о том, что задача родительского воспитания заключается в формировании индивидуальности, способности к автономному существованию, способности обходиться без родительской помощи и в конце концов отделиться от них, принесли свои плоды. Адриана начала

понимать, что она вовсе не обязана испытывать чувство вины, которое отец пытается навязать ей. В смерти ее матери не было ее вины. Не было ее вины и в том, что отец стареет, что он так одинок. В завершение сеанса Адриана спросила, может ли Маршал провести с ней более оговоренных Питером пяти сеансов.

«Возможно ли провести совместный сеанс со мной и моим отцом, доктор Стрейдер?» — поинтересовалась она.

Не родился еще тот пациент, который заставит Маршала Стрейдера уделить ему более пятидесяти минут. Ни секундой больше. Маршал гордился собой за это. Но он не мог не отметить подарок Маршала и, показав на свое запястье, произнес: «На моих новых часах, точных до миллисекунды, ровно пятьдесят минут. Мисс Роберте, нашу следующую встречу мы начнем с ваших вопросов».



## Глава 16

Готовясь к приходу Шелли, Маршал чувствовал себя просто восхитительно. Что за день, думал он. Лучше просто быть не может: он наконец перевел Питеру деньги, провел отличный сеанс с Адрианой, выиграл в баскетбол — на последнем ударе, словно по мановению волшебной палочки, ситуация сложилась в его пользу, и никто не посмел встать на его пути.

И он ждал прихода Шелли, это была их четвертая встреча. Два предыдущих сеанса на этой неделе были из ряда вон выходящими. Смог бы какой-нибудь другой терапевт провести их столь же успешно? Он ловко и эффективно прорабатывал отношения Шелли с отцом посредством секторного анализа и с точностью хирурга методично заменял болезнетворные интерпретации Сета Пейнда правильными.

Шелли вошел в кабинет и, как обычно, коснулся оранжевой чаши стеклянной скульптуры, прежде чем сесть на свой стул. Он сразу начал говорить — Маршалу не пришлось его уговаривать:

«Помните Вилли, с которым я играю в покер и теннис? Я говорил вам о нем на прошлой неделе. Это тот парень, который стоит около сорока или пятидесяти миллионов. В общем, он пригласил меня на неделю в Ла-Коста, чтобы я был его напарником на ежегодном парном турнире Панчо Сегура. Я думал, что с этим не будет проблем, но... короче, что-то здесь не так, что-то мне не нравится. Не знаю, что именно».

«Как вы думаете, что это?»

«Мне нравится Вилли. Он старается быть хорошим парнем, хорошим приятелем. Я знаю, что он может выложить за меня пару тысяч за эту поездку и это для него не деньги. Он настолько богат, что ему в жизни не потратить даже проценты с его капитала. К тому же не похоже, что он делает это только по доброте душевной. Он мечтает получить разряд по парному теннису, и, скажу я вам, лучшего партнера, чем я, ему не найти. Но я не знаю. Я не могу понять, почему мне беспокоит».

«Попробуйте вот что, мистер Мерримен. Сегодня я хочу, чтобы вы сделали что-то особенное. Сконцентрируйтесь на своих отрицательных эмоциях, сконцентрируйтесь на Вилли, и просто позвольте своим мыслям течь так, как им вздумается. Говорите обо всем, что приходит вам в голову. Не пытайтесь оценивать, не пытайтесь фильтровать этот поток сознания. Забудьте обо всем. Просто проговаривайте все, что приходит вам в голову».

«Жиголо — это первое слово, которое приходит на ум. Меня держат за жиголо, мальчика по вызову, который прибегает по первому зову Вилли и начинает его развлекать. Но мне Вилли нравится. Если бы он не был так богат, мы были бы хорошими друзьями... а может, и нет... я не уверен. Может, если б он не был богат, он не был бы мне интересен».

«Продолжайте, мистер Мерримен, у вас отлично получается. Не выбирайте, отключите цензуру. Говорите обо всем, что приходит вам в голову. Рассказывайте мне все, о чем вы думаете, что вы видите перед собой».

«Гора денег... монеты, счета... огромные кучи денег... Когда я общаюсь с Вилли, я всегда думаю... всегда думаю, что могу получить с него? Как я могу его использовать? Сами понимаете... я хочу чего-то: деньги, привилегии, изысканная пища, новые теннисные ракетки, деловые рекомендации. Он производит на меня впечатление... его успех... мне нравится, когда меня видят в его обществе, это поднимает мой статус. Но и понижает тоже... Я вижу, как держу отца за руку...»

«Остановитесь на этом образе — вы и ваш отец. Сконцентрируйтесь на нем. Пусть что-нибудь произойдет».

«Я вижу эту картинку. Мне, наверное, еще не было десяти, потому что это было тогда, когда мы переехали через весь город — это был Вашингтон, — чтобы поселиться над магазином отца. В воскресенье отец взял меня за руку и повел в Линкольн-парк. На улицах грязный снег, слякоть. Я помню, как мои темно-серые вельветовые штаны издавали при ходьбе шуршащий звук. У меня был пакет орехов, я, наверное, кормил белок, бросал им орехи. Одна белка тяпнула меня за палец. Сильно тяпнула».

«Что произошло потом?»

«Было очень больно. Но я больше ничего не помню. Вообще ничего».

«Как белка могла вас укусить, если вы бросали им орехи?»

«И правда! Хороший вопрос. Не сходится. Может, я наклонился, протянул руку, и они ели с ладони, но я могу только догадываться, ведь я ничего не помню».

«Вы, наверное, испугались».

«Наверное. Не помню».

«Или, может быть, помните, как вас лечили? Укус белки может быть опасен — бешенство».

«Да, тогда на Восточном побережье подняли шумиху вокруг беличьего бешенства. Но я ничего не помню. Может, я отдернул руку, когда она укусила меня. Но я сейчас домысливаю».

«Просто продолжайте озвучивать этот поток сознания».

«Вилли. Я как бы становлюсь меньше в его присутствии. Его успех делает мои неудачи еще более выраженными. И понимаете, в чем дело, с ним я не просто чувствую себя незначительным, я и веду себя так... он говорит о своем проекте с недвижимостью, о том, как медленно идут продажи... У меня есть несколько неплохих идей по промо-ушену — я хорошо в этом разбираюсь, — но когда я предлагаю ему эти свои идеи, мое сердце начинает бешено колотиться, и я забываю половину из того, что хотел сказать... то же самое и с теннисом... когда я играю с ним в паре... я играю на одном уровне с ним... Я мог бы играть лучше... Я играю вполсилы, просто отбиваю свою вторую подачу... когда я играю с кем-нибудь еще, я загоняю крученный в левый угол... я могу выбить девять из десяти... не знаю почему... я не хочу смущать его... надо избавиться от этого на парном турнире. Забавно, но я хочу, чтобы он выиграл... но я хочу, чтобы он проиграл... на прошлой неделе он сказал, что арбитражная сделка прогорела, и... черт возьми, знаете, что я почувствовал? Я был счастлив! Можете себе представить? Счастлив. Чувствовал себя куском дерьма... вот какой из меня друг... от этого парня я видел только хорошее...»

Половину сеанса Маршал выслушивал ассоциации Шелли, а потом предложил свою интерпретацию.

«Что обращает на себя внимание, мистер Мерримен, так это ваше глубоко амбивалентное отношение как к Вилли, так и к отцу. Я уверен, что чувства, которые вы испытываете к отцу, станут тем шаблоном, по которому мы сможем понять, как же вы относитесь к Вилли».

«Каким шаблоном?»

«Я имею в виду, что ваши отношения с отцом — это ключ, база, на которой строятся ваши отношения с другими «большими» или успешными мужчинами. На последних двух сеансах вы часто говорили о том, что отец относился к вам пренебрежительно, недооценивал вас, умалял ваши достоинства. Сегодня в первый раз мы увидели теплое, позитивное воспоминание, связанное с отцом, но только посмотрите, чем этот эпизод заканчивается, — серьезной травмой. И какой травмой — вас укусили за палец!»

«Что-то я не понимаю».

«Я сомневаюсь, что все действительно происходило именно так! В конце концов, вы сами не можете понять, как белка могла укусить вас за палец, ведь вы бросали ей орехи. И как мог отец позволить своему сыну кормить этих грызунов с руки, зная, что они могут быть заражены бешенством? Быть такого не может! Так что, вполне вероятно, эта травма

— укус — символизирует другую травму, которой вы боялись».

«Ну-ка, еще раз. К чему это вы ведете, док?»

«Помните, на прошлом сеансе вы описывали мне раннее воспоминание? Самое первое воспоминание вашей жизни? Вы говорили, что лежали в родительской постели и засунули свои игрушечный свинцовый грузовичок в патрон электрической лампы, которая стояла на прикроватной тумбочке, что вас сильно ударило током, вы испытали ужасный шок, а ваш грузовик почти расплавился».

«Да, это я помню. Как сейчас».

«Если сопоставить оба эти воспоминания: вы засовываете грузовик в патрон лампы, которая принадлежит вашей матери, и обжигаетесь. Это опасно. Опасно приближаться к матери — это отцовская территория. И как вы справляетесь с опасностью, исходящей от отца? Может, вы пытаетесь сблизиться с ним, но вас кусают за палец. По-моему, абсолютно очевидно, что эти повреждения — палец, грузовик — носят символический характер: единственное, что они могут олицетворять собой, — это некую угрозу вашему пенису.

Вы говорите, что мать любила вас до безумия, — продолжал Маршал, видя, что Шелли ловит каждое его слово. — Она обожала вас, но презирала вашего отца. Ребенок, таким образом, оказывается в опасном положении — его настраивают против отца. И что же вы делаете? Как вы справляетесь с этой ситуацией? С одной стороны, вы можете идентифицироваться с отцом. Так вы и поступили, имитируя его вкусы, любовь к горелой картошке, страсть к азартным играм, беспечное отношение к деньгам, воспринимаете свое тело как его копию — все, о чем вы рассказывали. С другой стороны, вы можете стать его соперником. Вы сделали и это. Пинокль, бокс, теннис; на самом деле с ним было легко справиться, быть лучше его, потому что он был не очень успешен. Но вы ощущали дискомфорт, когда вам удавалось превзойти его, словно в этом для вас крылась некая опасность — опасно быть лучше его».

«Какая именно опасность? Я искренне верю, что старик хотел, чтобы я добился в этой жизни высот».

«Опасно не преуспеть, опасно быть более успешным, чем он, опасно взять над ним верх, занять его место. Может, когда вы были маленьким, вы хотели, чтобы он ушел, — и это естественно! — вы хотели, чтобы он исчез, чтобы вы стали единоличным обладателем матери. Но для ребенка «исчезнуть» — значит «умереть». То есть вы желали отцу смерти. И вас нельзя обвинять в этом — подобное происходит во всех семьях, просто мы все так устроены. Отец — помеха для ребенка, и ребенок обижается,

негодует. А отца обижают, что сын стремится занять его место — в семье, в жизни.

Подумайте об этом — неприятно желать смерти другому человеку. Это опасно. Почему опасно? Вспомните свой грузовик! Вспомните свой палец! Опасность, которая грозит вам, — это месть отца. Эти события, эти чувства давно в прошлом, это случилось несколько десятков лет назад. Но они не исчезли. Они похоронены внутри вас, они все еще кажутся актуальными и продолжают оказывать влияние на вашу жизнь. Это детское ощущение опасности — оно все еще живо в вас. Вы уже забыли причину, но вспомните, что вы говорили мне сегодня: вы действуете так, словно успех несет в себе опасность. А потому вы не позволяете себе быть успешным, талантливым, общаясь с Вилли. Вы не можете даже позволить себе хорошо играть в теннис. Так что все ваши умения, все ваши таланты так и остаются внутри вас, они заперты там, вы не пользуетесь этими ресурсами».

Шелли молчал. Он мало что понял из сказанного Маршалом. Он закрыл глаза и стал продираться сквозь дебри слов, пытаясь найти в них нечто полезное для себя.

«Погромче, пожалуйста, — с улыбкой попросил Маршал. — Мне не очень хорошо вас слышно».

«Я не знаю, что и думать. Вы так много сказали. Кажется, я думал, почему доктор Пейнд не рассказал мне обо всем этом. Ваше объяснение кажется мне действительно верным. Оно значительно более точное, нежели этот гомосексуальный бред про отца. За четыре сеанса вы сделали больше, чем доктор Пейнд за сорок».

Маршала охватило ощущение эйфории. Он чувствовал себя гением интерпретации. Когда-то он был в «форме», играя в баскетбол: корзина казалась огромной мишенью — любые броски трехочковые, крученые, в прыжке, с любой руки. Он просто не мог промахнуться. Теперь он был «в форме» в своем кабинете — с Питером, с Адрианой, с Шелли. Он просто не мог ошибиться. Каждая интерпретация со свистом — вж-ж-ж-ж — проносилась и била прямо в сердце.

Как ему хотелось, чтобы Эрнест Лэш мог присутствовать на этом сеансе, видеть и слышать все это. Вчера они опять сцепились с Эрнестом. Причем это происходило все чаще — практически на каждой встрече. Боже, с чем ему приходилось иметь дело. Все эти терапевты вроде Эрнеста, эти новички, просто не понимают, просто не могут понять, что единственная задача терапевта — интерпретировать, только интерпретировать. Эрнест никак не может уяснить, что интерпретация — это не просто одна из опций, не просто одна из форм деятельности

терапевта, — это все, что он должен делать. Это надругательство над природой и здравым смыслом: специалисту его уровня приходится иметь дело с подростковыми нападками Эрнеста на эффективность интерпретации, со всем этим вздором, который он несет про аутентичность и открытость, и со всем этим трансперсональным бредом про слияние душ.

Внезапно тучи разошлись, и Маршал все увидел и все понял. Эрнест и все эти критики психоанализа были действительно правы относительно неэффективности интерпретаций — их интерпретаций! Метод интерпретации, попав к ним в руки, терял свою эффективность, потому что они давали неверные интерпретации! И разумеется, думал Маршал, он превосходил их в мастерстве не только с точки зрения содержания интерпретаций, но и в манере представления ее пациенту. Он был способен сформулировать интерпретацию, подобрать нужный язык и нужные метафоры для каждого пациента, и гений его заключался в способности достучаться до пациента любого социального статуса — от многоопытных академиков, нобелевских лауреатов в области физики до людей низшего звена — игроков и альфонсов-теннисистов, этого мистера Мерримена, который буквально смотрит ему в рот. Отчетливее, чем когда-либо, он осознал, насколько совершенным орудием интерпретации он является.

А мои расценки, думал Маршал. Разумеется, его услуги не должны стоить столько же, сколько услуги других терапевтов, ведь он мастер высочайшего класса. Действительно, подумал Маршал, а кто может сравниться с ним? Если бы за его сеансами наблюдал некий божественный

Жибунал бессмертных гениев психоанализа — Фрейд, Ференци, Фенихель, Фэйрбейрн, Салливан, Винникот, — они восхищались бы им: «Восхитительно, удивительно, экстраординарно! Это паренек, Стрейдер, — это что-то! Не стойте у него на пути. Без сомнения, это величайший терапевт из ныне живущих!»

Давно он не чувствовал себя так хорошо, возможно, с того самого славного года, когда он был защитником в колледже. Может быть, подумал Маршал, все эти годы у него была субклиническая депрессия. Может быть, Сет Пейнд не смог достаточно хорошо проанализировать глубину его депрессии и мрачность грандиозных фантазий. Видит бог, Сет ничегошеньки не смыслил в гениальности. Но сегодня, сейчас, Маршал понял, отчетливее, чем когда-либо, что от грандиозности не нужно отказываться, что это естественный способ «я» избавиться от ограничений, тоски и отчаяния повседневной жизни. Нужно лишь найти способ придать ей адаптивную, осуществимую, зрелую форму. Например, обналичить чек производства велосипедных шлемов на шестьсот тысяч долларов или стать

президентом Международной психоаналитической ассоциации. И все это ждало его впереди. В ближайшем будущем!

Нежданный скрипучий голос ворвался в мечты Маршала.

«Знаете, док, — сказал Шелли, — вы смогли добраться до самой сути вещей, вы смогли оказать мне помощь так быстро, и потому я еще больше ненавижу этого кретина Сета Пейнда, который нанес мне такой ущерб! Вчера вечером я произвел инвентаризацию, подсчитал, сколько мне стоило его лечение... как вы сказали... его «ненормативные методы». То, что я вам сейчас скажу, должно остаться между нами — я не хочу, чтобы это стало известно широкой общественности: я насчитал сорок тысяч долларов — именно столько я проиграл в покер. Я рассказывал вам, как мои напряженные отношения с мужчинами, порожденные доктором Пейндом и его сумасшедшими объяснениями, лишили меня возможности выигрывать в покер. Кстати, вы не должны верить мне на слово. Я легко могу представить банковские счета и аннулированные чеки на моем покерном счету на сумму в сорок тысяч долларов любому следователю, в любом суде. К тому же не забывайте про работу и тот факт, что я не способен нормально пройти собеседование, что является результатом вредоносного терапевтического воздействия. Здесь мы имеем, как минимум, полгода без зарплаты, без побочных доходов — еще сорок тысяч. Так сколько получается в итоге? А в итоге получается около восьмидесяти тысяч американских долларов».

«Да, я понимаю, какие горькие чувства вы испытываете к доктору Пейнду».

«Док, речь идет не только о чувствах. И не только о горечи. Говоря языком юриспруденции, это больше напоминает иск о возмещении ущерба. Я думаю, и моя жена, и ее адвокат согласны со мной, что у меня есть отличный повод начать судебную тяжбу. Я не знаю, к кому будет обращен мой иск... Разумеется, к доктору Пейнду, но в наше время законников больше привлекают толстосумы. Наверное, в качестве истца выступит Институт психоанализа».

Когда Шелли приходила хорошая карта, он был способен на превосходный блеф. А карта у него была отличная.

Сама схема отзыва принадлежала Маршалу. Он немедленно ухватился за идею и надеялся, что она приведет его прямо в президентское кресло. А теперь первый же отозванный пациент угрожает институту судом. Вне всякого сомнения, этот неблагоприятный процесс вызовет широкую огласку. Маршал старался сохранить самообладание.

«Мистер Мерримен, я понимаю ваши проблемы. Но отнесется ли к

ним с таким же пониманием судья или суд присяжных?»

«Для меня это дело очевидное. Оно никогда не дойдет до суда. Я бы очень хотел и готов рассмотреть предложение решить этот вопрос полюбовно. Может, институт и доктор Пейнд возьмут на себя решение моих финансовых проблем».

«Я могу выступать только в качестве вашего терапевта и не имею права говорить от имени института или кого бы то ни было, но мне кажется, что нам придется довести это дело до суда. Во-первых, я знаю доктора Пейнда. Это нестигаемый человек. И упорный. Настоящий боец. Поверьте мне, ничто на свете не сможет заставить его признаться в должностном преступлении. Он будет биться насмерть, он наймет лучших адвокатов Америки, он потратит на это сражение все свои деньги до последнего цента. То же я могу сказать и об институте. Они будут бороться. Они ни за что не пойдут вам навстречу, потому что это положит начало бесконечным тяжбам, а это погубит их».

Шелли принял ставку Маршала и непринужденно увеличил ее: «Хорошо, пусть будет суд. Я легко могу себе это позволить. С таким тылом... Моя жена собаку съела на судебных делах».

Маршал снова поднял ставку, не моргнув глазом: «Я знаю, что такое судебный процесс по терапевтическим злоупотреблениям. И вот что я вам скажу. Это тяжелое эмоциональное испытание для пациента. Они выставят на общее обозрение все ваши переживания — причем не только ваши, но и ваших близких. В том числе и вашей жены, которая наверняка не сможет быть вашим адвокатом, так как ей придется давать показания относительно глубины ваших переживаний. Далее, относительно суммы, проигранной вами в покер. Если эта информация получит огласку, это будет не самая хорошая реклама для нее как для специалиста. И разумеется, ваши партнеры по покеру будут обязаны давать показания».

Шелли уверенно сделал свой ход: «Я не только играю с ними в покер, они мои близкие друзья. Ни один из них не откажется дать показания на суде».

«Но разве вы обратитесь к ним с такой просьбой, к своим близким друзьям? Неужели вы попросите их публично признаться, что они играют в азартные игры с такими огромными ставками? Это может негативно отразиться на их личной жизни или профессиональной репутации. К тому же в Калифорнии азартные игры запрещены законом, так ведь? То есть вы предложите каждому из них добровольно сунуть голову в петлю. Кажется, вы говорили, что некоторые из них юристы?»

«Друзья могут пойти на это ради друга».



«После этого они перестают быть друзьями».

Шелли бросил очередной взгляд на Маршала. Этот парень тверд как скала, черт бы его побрал, ни одного слабого места, думал он. Такой и танк остановит. Он взял паузу и изучил свои карты. Черт, подумал он. Этот парень — игрок. Он играет так, словно у него полный набор от туза против моего флеша. Пожалуй, пора сбавить обороты и схорониться до следующей сдачи. «Хорошо, док, я подумаю об этом. Надо обсудить этот вопрос с моими юрисконсультами».

Шелли замолчал. Маршал, разумеется, ждал, когда он заговорит.

«Док, а можно у вас спросить кое-что?»

«Вы можете задавать мне любые вопросы. Но я не гарантирую, что отвечу на них».

«Пять минут назад... когда мы обсуждали судебную тяжбу... вы стояли на своем очень даже твердо. Как так? Почему?»

«Мистер Мерримен, я считаю важным выяснить, что мотивировало вас задать этот вопрос. Что вы действительно хотите знать? И каким образом это может быть связано с интерпретацией относительно вас и вашего отца, которую я представил вам ранее?»

«Нет, док, я не об этом. Это дело решенное. Я все понял. Честно. Я уже разобрался с лампой моей матери, отцом и желанием смерти. Я хотел бы обсудить карты, которые мы только что разыграли. Давайте вернемся и сыграем в открытую. Здесь мне действительно нужна ваша помощь».

«Но вы еще не сказали мне почему».

«Хорошо. Это элементарно. Мы пытались выяснить причины моих поступков. Как вы тогда сказали — болванка для ключа?»

«Шаблон».

«Именно. И, сдается мне, здесь мы попали в точку. Но у меня все равно остались поврежденные паттерны, например дурная привычка демонстрировать свое напряжение. Я пришел сюда не для того, чтобы просто понять; мне нужно изменить эти поврежденные паттерны. Вы знаете, что мне был нанесен серьезный вред, иначе вы не сидели бы здесь и не проводили бы со мной сеансы стоимостью сто семьдесят пять долларов каждый. Правильно я говорю?»

«Хорошо, я начинаю понимать, к чему вы клоните. Теперь повторите мне свой вопрос».

«Только что, пять-десять минут назад, мы с вами говорили о судебной тяжбе, суде присяжных и моих проигрышах в покер. Вы могли бы свернуть карты. Но вы хладнокровно приняли мою ставку. Я хочу знать, каким образом я выдал свои карты!»

«Не могу точно сказать, но думаю, дело в вашей ноге».

«В моей ноге?»

«Да, когда вы пытались надавить на меня, вы сильно сгибали ногу, мистер Мерримен. Один из самых явных признаков тревожности. О да, еще ваш голос — чуть более громкий и на пол-октавы выше».

«Да вы шутите! Слушайте, это просто здорово! Знаете, это мне поможет. Вот это я называю настоящей помощью. У меня есть идея! Меня осенило, как вы действительно можете все исправить!»

«Боюсь, мистер Мерримен, вы уже видели, что я могу для вас сделать. Я исчерпал свой запас наблюдений. Я уверен, что могу принести вам значительно больше пользы, если буду продолжать делать то, что мы с вами делали на протяжении последних четырех сеансов».

«Доктор, вы помогли мне, разъяснив мне все это про мое детство и моего отца. У меня был инсайт. Отличный инсайт! Но я болен: я не могу поиграть со своими друзьями в покер. Действительно эффективная терапия должна бы устранить эту поломку. Я прав? Качественная терапия должна дать мне столько свободы, чтобы я смог выбирать, как я хочу проводить свое свободное время».

«Не понимаю вас. Я терапевт, как я могу помочь вам играть в покер?»

«Доктор, знаете, что такое «маячок»?

«Маячок?»

«Дайте, я покажу вам. — Шелли достал кошелек и выудил из него пачку купюр. — Я беру эту десятидолларовую купюру, складываю ее, прячу руки за спину и в одной руке прячу эту купюру. — Шелли проделал эти манипуляции и протянул Маршалу сжатые ладони. — Теперь вы должны догадаться, в какой руке десять баксов. Если вы ошибаетесь, то даете мне десять долларов. У вас есть шесть попыток».

«Хорошо, мистер Мерримен, но я не собираюсь играть с вами на деньги».

«Нет! Поверьте мне, это не сработает, если вы не рискуете. Вы должны быть заинтересованы в выигрыше, иначе это не сработает. Так вы хотите помочь мне или нет?»

Маршал согласился. Он был так благодарен Шелли за то, что он, судя по всему, отказался от идеи подать на институт в суд, что сыграл бы с ним на полу в «валетов», если бы он только захотел.

Шесть раз Шелли протягивал ему кулаки, и шесть раз Маршал пытался угадать. Три раза он угадал, три раза ошибся.

«Отлично, док, вы выиграли тридцать долларов и проиграли столько же. Мы квиты. Так обычно и происходит. Так и должно быть. Теперь моя

очередь угадывать».

Шесть раз Маршал прятал десятидолларовую купюру. Шелли ошибся в первый раз и угадал остальные пять.

«Вы выиграли десять баксов, док, а я — пятьдесят. Вы должны мне сорок долларов. Разменять вам?»

Маршал полез в карман и достал пачку купюр, скрепленную массивным серебряным зажимом для денег. Он принадлежал его отцу. Двадцать лет назад его отец скончался от обширного инфаркта. Пока они ждали приезда команды из службы спасения 911, мать вытащила деньги из отцовского кармана, положила купюры в свой кошелек, а зажим отдала сыну. «Держи, Маршал, это тебе, — сказала она тогда. — Носи его и думай об отце». Маршал с глубоким вздохом вытащил две двадцатки — самая крупная сумма, которую он когда-либо проигрывал, — и протянул их Шелли.

«Как вам это удалось, мистер Мерримен?»

«Костяшки на пустой руке были у вас чуть белее — вы слишком сильно сжимали кулак. Еще ваш нос, немного, совсем чуть-чуть, поворачивался в сторону той руки, где лежали десять баксов. Вот это и есть «маячки», док. Хотите отыгаться?»

<Отличная демонстрация, мистер Мерримен. Мне не нужно отыгрываться: я понял суть. Но я все равно не понимаю, что нам это дает. Но, боюсь, наше время истекло. Увидимся в среду». Маршал встал.

«У меня есть идея, совершенно фантастическая идея относительно того, что нам это дает. Хотите послушать?»

«Конечно, я хочу послушать, мистер Мерримен. — Маршал еще раз взглянул на часы и встал. — В среду, ровно в четыре часа».

## Глава 17

До сеанса оставалось десять минут, и Кэрол пыталась собраться с мыслями. Сегодня обойдемся без диктофона. В прошлый раз она прятала его в сумке, но потом ничего не смогла разобрать на записи. Чтобы получить хорошую запись, ей придется использовать какие-нибудь профессиональные приспособления для прослушки. Возможно, она найдет что-то полезное в шпионском магазине, который недавно открылся у Юнион-сквер.

Да и записывать на прошлом сеансе было практически нечего. Вопреки ее ожиданиям, Эрнест был достаточно уклончив в ответах. И более искусен. И более терпелив. Она была удивлена тем, сколько времени он потратил, чтобы завоевать ее доверие, чтобы она поверила, что может на него положиться. Он казался совершенно спокойным и удовлетворенным, может, потому, что уже успел переспать с какой-нибудь другой своей пациенткой. Ей тоже надо было расслабиться и подождать: она знала, что рано или поздно появится настоящий Эрнест — коварный, похотливый, хищный Эрнест, которого она видела в книжном магазине.

Кэрол решила, что ей нужно быть сильнее. Она не может и дальше срываться, как тогда, на прошлой неделе, когда Эрнест предположил, что она может передать детям гнев своей матери. Эти слова звучали в ее голове последние несколько дней и совершенно неожиданно влияли на отношения с детьми. Сын даже сказал, что он счастлив, потому что мама больше не грустит, а дочь положила ей на подушку рисунок, с которого ей улыбалась довольная физиономия.

А прошлой ночью случилось нечто и вовсе из ряда вон выходящее. Впервые за много недель на Кэрол нахлынуло острое ощущение счастья. Это произошло, когда она сидела в обнимку с детьми и выполняла обязательную вечернюю программу: читала им «Удивительные приключения Нильса» — эту же потрепанную книгу давным-давно ее мать читала ей на ночь. Она вдруг вспомнила, как они с Джебом сидят над книжкой, прильнув к матери и прижавшись друг к дружке головами, чтобы разглядеть картинки. Странно, на прошлой неделе она то и дело вспоминала непрощенного изгнанника-Джеба. Разумеется, у нее не возникало желания встретиться с ним — она действительно приговорила его к пожизненному заключению, — но она думала, где он сейчас, что с ним.

В конце концов, думала Кэрол, действительно ли мне нужно так тщательно скрывать свои чувства от Эрнеста? Может, в том, что я расплакалась, нет ничего плохого. Эти слезы сослужили свою службу — они создали видимость искренности. Хотя в этом не было необходимости — Эрнест, болван, ничего не понимает. Но как бы то ни было, рискую; зачем позволять ему оказывать на меня влияние? С другой стороны, почему бы не мне использовать его в своих интересах? Я плачу ему деньги. Даже он должен говорить что-то полезное, хотя бы иногда. Каждая палка раз в году стреляет!

Кэрол погладила ногу. Хотя Джесс, как и обещал, был терпеливым и добрым тренером, икры болели. Джесс позвонил ей вчера вечером, и рано утром они встретились у музея De Young, чтобы пробежаться вокруг затянутого туманом озера и по площадке для верховой езды в парке Голден-Гейт. По его совету она бежала со скоростью быстрой ходьбы — плавно, шумно дыша, едва отрывая ноги от покрытой росой травы. Через пятнадцать минут, она, задыхаясь, умоляюще посмотрела на Джесса, тот грациозно скользил рядом с ней.

«Еще несколько минут, — пообещал он. — Беги так, словно ты просто быстро идешь; найди скорость, при которой ты можешь свободно дышать. Сделаем остановку в Японском чайном доме».

А потом, через двадцать минут бега трусцой, случилось что-то удивительное. Усталость исчезла, и Кэрол почувствовала, как энергия переполняет ее. Она взглянула на Джесса, который кивнул и доброжелательно улыбнулся ей, словно ждал, когда у нее откроется второе дыхание. Кэрол побежала быстрее. Она парила над травой, не чувствуя своего тела. Она стала поднимать ноги все выше. Она могла бы бежать вечно. А потом, когда они сбавили скорость и остановились у чайного дома, у Кэрол подкосились ноги, и она была искренне благодарна Джессу, который поддержал ее.

Тем временем за стеной Эрнест набивал на компьютере текст, описывая инцидент, происшедший во время группового сеанса, который он только что провел. Это могло стать ценным дополнением к его статье на тему пространства между пациентом и терапевтом. Один из пациентов рассказал потрясающий сон:

Все члены нашей группы сидели за длинным столом, во главе стола сидел терапевт. В руках он держал лист бумаги. Мы все тянули шеи, перегибались через стол, пытаясь разглядеть, что там написано, но он не показывал нам этот лист. Почему-то мы все знали, что на этом листе был ответ на вопрос, кого из нас вы любите больше всего.

Этот вопрос — кого из нас вы любите больше всего, — писал Эрнест, это самый настоящий кошмар для терапевта. Каждый терапевт боится, что когда-нибудь потребуются сказать, какой из ее членов больше всего симпатичен ему или ей. И именно поэтому многие групповые терапевты (так же как и индивидуальные) не склонны выражать свои чувства к пациентам.

И еще. Эрнест решил придерживаться своего решения быть полностью откровенным во время этого сеанса и чувствовал, что прекрасно с этим справился. Сначала он вовлек группу в продуктивную дискуссию: они обсуждали свои фантазии относительно того, какой пациент был любимчиком терапевта. Это был стандартный ход — большинство терапевтов поступили бы именно так. Но затем он сделал то, на что решились бы немногие: он открыто высказал свое отношение к каждому члену группы. Разумеется, он не говорил о том, кого он любит, а кого нет, — такие глобальные заявления никогда не приносили пользу. Он перечислял качества, которые притягивали его или отталкивали в каждом из присутствующих. И эта тактика оказалась удивительно успешной: все члены группы решили проделать то же самое с остальными, так что каждый из них получил ценную обратную связь. Какое удовольствие, думал Эрнест, вести свои войска с линии фронта, а не через тыл.

Он выключил компьютер и быстро пролистал записи по последнему сеансу Каролин. Прежде чем выйти к ней, он просмотрел также принципы самораскрытия терапевта, которые успел сформулировать:

1. Быть откровенным настолько, насколько это может принести пользу пациенту.
2. Откровенность должна быть разумной. Не забывайте, что вы делаете это для пациента, а не для себя.
3. Если хотите продолжать свою профессиональную деятельность, подумайте о том, как ваши откровения будут восприняты другими терапевтами.
4. Степень самораскрытия терапевта зависит от стадии терапии. Необходимо учитывать время: некоторые откровения, способные принести пользу на поздних стадиях терапии, на ранних стадиях могут возыметь обратный эффект.
5. Терапевт не должен делиться с пациентом тем, что вызывает у него сильный внутренний конфликт. Для начала ему самому следует проработать эти проблемы с супервизором или в индивидуальной терапии.

Кэрол вошла в кабинет Эрнеста с твердым намерением получить сегодня конкретные результаты. Она сделала несколько шагов, но садиться не стала, а осталась стоять рядом со своим стулом. Эрнест уже начал опускаться в свое кресло, но, увидев, что Каролин так и стоит над ним, замер, потом снова поднялся и вопросительно посмотрел на нее.

«Эрнест, в среду я убежала, потрясенная вашими словами, и забыла кое-что — обнять вас. Вы даже не представляете, что это значит для меня. Как я жалела об этом последние два дня! Мне казалось, что я потеряла вас, что вас больше нет. Я хотела позвонить вам, но один ваш голос без вас самих не помог бы мне. Мне нужен физический контакт. Пойдите мне навстречу, прошу вас».

Эрнест, изо всех сил стараясь не показать ей, какое удовольствие доставила ему возможность получить компенсацию объятий, помолчал, а потом произнес: «Раз уж мы договорились говорить об этом» — и быстро обнял ее за плечи.

Эрнест сел. Сердце его бешено стучало. Ему нравилась Каролин, нравилось прикасаться к ней: мягкость ее кашемирового свитера, тепло плеч, тоненькая скромная полоска бюстгалтера на спине, ощущение ее упругой груди. Объятие было целомудренным, но Эрнест вернулся в свое кресло, чувствуя себя грязным.

«Вы обратили внимание, что я ушла, не обняв вас?» — спросила Кэрол.

«Да, заметил».

«Вы жалели об этом?»

«Знаете, я понимал, что мое замечание относительно вашей дочери затронуло в вас какие-то глубинные струны. Тревожные струны».

«Вы обещали быть честным со мной, Эрнест. Прошу вас, оставьте эти терапевтические увертки. Скажите мне, вам не хватало этих объятий? Вам неприятно, что я обнимаю вас? Или приятно?»

Эрнест слышал настойчивые нотки в голосе Каролин. Очевидно, эти объятия имели для нее огромное значение. Они служили одновременно подтверждением ее привлекательности и его желания быть ближе к ней. Эрнест понял, что попал в тупик. Он долго искал правильный ответ, а потом, пытаясь выжать из себя очаровательную улыбку, произнес: «Когда наступит тот день, когда объятия привлекательной женщины — привлекательной во всех смыслах этого слова — покажутся мне неприятными, можно будет звать гробовщика».

Кэрол заметно приободрилась. «Очень привлекательная женщина — привлекательная во всех смыслах этого слова!» Призраки доктора Кука и

доктора Цвейзунга. Теперь охотник выходит из засады. Пора добыче проглотить приманку и попасть в ловушку.

Эрнест тем временем продолжал: «Расскажите мне о прикосновениях, что они значат для вас».

«Кажется, я уже все вам рассказала, — ответила Кэрол. — Я знаю, что думаю о ваших прикосновениях часами. Иногда это очень возбуждает, я жажду почувствовать вас внутри меня, как вы взрываетесь, словно гейзер, и наполняете меня своим теплом и влагой. А иногда я просто чувствую тепло, любовь, объятия. Всю неделю почти каждую ночь я ложилась спать пораньше, чтобы представлять вас рядом со мной».

Нет, не то, подумала Кэрол. Я должна быть откровенно сексуальной, я должна завести его. Но мне трудно представить, как можно соблазнять это ничтожество. Жирный, сальный, все время в этом грязном галстуке, еще эти стоптанные ботинки — подделка под «Рокпорт».

Она продолжала: «Мне больше всего нравится представлять, как мы сидим на этих стульях, а я подхожу к вам, сажусь на пол, и вы начинаете теревить мои волосы, а потом спускаетесь ко мне и ласкаете все мое тело».

Эрнест уже сталкивался с эротическим переносом в своей практике, но ни одна его пациентка не говорила об этом так откровенно и ни одна не возбуждала его так сильно. Он молчал, покрываясь потом, взвешивал возможные варианты ответа и прикладывал все усилия, чтобы предотвратить эрекцию.

«Вы просили меня быть честной с вами, — говорила Кэрол. — Высказывать все мои мысли».

«Вы правы, Каролин. И вы поступаете совершенно правильно. Честность — главнейшая добродетель в терапии. Мы можем, мы должны говорить обо всем, высказывать все... пока мы остаемся каждый в своем физическом пространстве».

«Эрнест, мне этого недостаточно. Разговоры, слова — этого мало. Вы знаете, как складывались мои отношения с мужчинами. Недоверие прочно укоренилось во мне. Я не верю словам. Прежде чем я познакомилась с Ральфом, я лечилась у нескольких терапевтов — по два-три сеанса. Они в точности следовали протоколу, придерживались профессионального кодекса, оставались корректно отстраненными. И все они разочаровали меня. Все, кроме Ральфа. В нем я нашла настоящего терапевта, который был готов проявить гибкость, говорить со мной на моем языке, давать мне то, в чем я нуждалась. Он спас меня».

«Неужели, кроме Ральфа, никто не смог дать вам что-то хорошее?»

«Только слова. Я покидала их кабинет с пустыми руками. Вот и



сейчас. Когда я уйду, не обняв вас, слова просто исчезают, вы исчезаете, если я не чувствую ваших прикосновений на своем теле».

Сегодня должно что-то произойти. Я должна спровоцировать его, думала Кэрол. Пора начинать. И покончить с этим.

«На самом деле, Эрнест, что мне действительно нужно сегодня, так это не разговаривать, а сидеть рядом с вами на кушетке и просто чувствовать, что вы рядом».

«Мне бы этого не хотелось. Это не лучшее, что я могу для вас сделать. Нам предстоит еще столько работы, столько всего нужно обсудить».

Эрнест был поражен глубиной и интенсивностью потребности Каролин в физическом контакте И, говорил он себе, это не та потребность, которая должна пугать его, которая заставит его отступить. Это часть личности пациента, думал Эрнест, и к ней следует относиться со всей серьезностью; эта потребность должна быть понята, и работать с ней нужно так же, как и с любой другой потребностью.

На предыдущей неделе Эрнест отправился в библиотеку, чтобы освежить в памяти литературу по эротическому переносу. Его поразило предостережение Фрейда относительно работы со «стихийно страстными» женщинами. Фрейд называл таких женщин «детьми природы», которые отказываются заменить физическое духовным и восприимчивы только к «логике каши и аргументам пышек».

Фрейд пессимистически оценивал перспективы лечения таких пациенток и утверждал, что у терапевта в этом случае есть только два выхода, оба неприемлемые: ответить пациентке тем же или же навлечь на себя ярость отвергнутой женщины. В том и в другом случае, говорил Фрейд, терапевту придется признать свое поражение и отказаться от работы с этой пациенткой.

Да, Кэрол была одним из этих «детей природы». В этом он не сомневался. Он сомневался в правоте Фрейда. Действительно ли в этом случае терапевт может выбирать только между двумя равно неприемлемыми вариантами поведения? Фрейд пришел к этому выводу почти столетие назад под влиянием венского авторитаризма. Но времена меняются. Возможно, Фрейд не мог и представить себе, каков будет конец двадцатого века — время, когда терапевты стали более открытыми, время, когда терапевт и пациент могут быть действительно близки.

Голос Каролин ворвался в его размышления:

«Доктор, можем мы просто пересест на кушетку и разговаривать там? Мне холодно, мне тяжело общаться с вами, когда вы так далеко. Давайте попробуем, всего несколько минут Просто сядьте рядом со мной. Обещаю,

я не буду просить большего. И я обещаю, что это поможет мне говорить, прикоснуться к глубинным течениям. О, прошу вас, не качайте головой; я знаю все эти кодексы поведения АПА, стандартизированные тактики и руководства. Но, Эрнест, разве в терапии нет места творчеству? Неужели истинный терапевт не должен пытаться найти способ помочь каждому своему пациенту?»

Кэрол вертела Эрнестом как хотела. Она находила те самые слова. — «Американская психиатрическая ассоциация», «стандартизированный», «руководство по проведению терапии», «профессиональный поведенческий кодекс», «правила», «творчество», «гибкость», — которые действуют на терапевта-иконоборца словно красная тряпка на быка.

Эрнест слушал ее, вспоминая слова Сеймура Троттера: Одобренные формальные техники? Забудьте об этом. Когда вы вырастаете как терапевт, вы почувствуете потребность в аутентичности, и вашим ориентиром станут не профессиональные стандарты АПА, а потребности пациента. Странно, он так много думал о Сеймуре Троттере в последнее время. Возможно, его просто успокаивало знание того, что был терапевт, который когда-то шел этой же дорогой. Но Эрнест забыл, что Сеймур так и не смог вернуться.

Неужели перенос Каролин выходит из-под контроля? Сеймур говорил, что перенос не может быть слишком сильным. Чем сильнее перенос, тем более мощное оружие получает терапевт для борьбы с самодеструктивными тенденциями пациента, заявлял он. И видит бог, Каролин склонна к саморазрушению! Иначе как она могла жить в таком браке?

«Эрнест, — повторила Кэрол, — прошу вас, давайте сядем на кушетку. Мне это необходимо».

Эрнест вспомнил совет Юнга работать с каждым пациентом с максимальным учетом его индивидуальных особенностей, создавать новый терапевтический язык для каждого пациента. Он вспомнил, что Сеймур повел эту мысль еще дальше, утверждая, что терапевт должен изобретать новую терапию для каждого пациента. Эти мысли придали ему силы. И решимость. Он встал, подошел к кушетке, сел в уголок и сказал: «Давайте попробуем».

Кэрол подошла и села рядом, почти вплотную, но не касаясь его, и сразу же начала говорить: «У меня сегодня день рождения. Тридцать шесть. Я говорила вам, что мы с матерью родились в один день?»

«С днем рождения, Каролин. Надеюсь, каждый ваш следующий день рождения будет приносить вам все больше и больше радости».

«Спасибо, Эрнест. Вы очень милы». С этими словами Кэрол нагнулась

и поцеловала его в щеку. Фуу, подумала она, — это гадкий лосьон после бритья — «Лайм и сода». Какая мерзость.

Потребность в физической близости, приглашение пересесть на кушетку, а теперь еще этот поцелуй в щеку — все это живо напомнило Эрнесту о пациентке Сеймура Трот-тера. Но, разумеется, Каролин была намного сдержаннее, чем Белль, которой полностью владели импульсы. Эрнест ощущал приятное тепло внутри. Он просто расслабился, посмаковал его несколько секунд, а потом загнал растущее возбуждение в дальний уголок сознания, вернулся в роль терапевта и произнес профессиональным тоном: «Напомните мне, пожалуйста, биографию вашей матери, Каролин».

«Она родилась в 1937 году, а умерла десять лет назад, когда ей было сорок восемь. Я недавно думала, что прожила уже три четверти ее жизни».

«Какие чувства вызвала у вас эта мысль?»

«Грусть. Она прожила бесплодную жизнь. В тридцать ее бросил муж. Всю свою жизнь она посвятила воспитанию двоих детей. У нее ничего не было, в ее жизни было так мало радости. Я так рада, что она дожила до того, как я окончила юридический колледж. И я рада, что она умерла прежде, чем Джеба осудили и посадили. И прежде, чем моя жизнь разрушилась».

«Именно на этом мы закончили на прошлом сеансе, Каролин. И меня снова поражает тот факт, что вы уверены, что в возрасте тридцати лет ваша мать была обречена, что у нее не было иного выбора, нежели оставаться несчастной и умереть в сожалениях. Словно все покинутые женщины обречены на такую же судьбу. Так ли это? Неужели у нее не было другого пути? Более жизнеутверждающего?»

«Типичное мужское дерьмо, — думала Кэрл. — Посмотрела бы я, как бы он самоутверждался с двумя детьми по лавкам, без образования и без помощи супруга, который отказывается платить алименты, а на каждой приличной вакансии вывешивается знак «Не входить».

«Не знаю, Эрнест. Возможно, вы правы. Я не думала об этом», — произнесла Кэрл, но не удержалась и добавила: «Я боюсь, мужчины не очень хорошо представляют себе, в какой тяжелой ситуации оказываются большинство женщин».

«Вы имеете в виду данного конкретного мужчину? Здесь? Сейчас?»

«Нет, я не об этом. Так, феминистские рефлексy. Я знаю, что вы на моей стороне, Эрнест».

«У меня есть свои мертвые зоны, и вы имеете полное право указывать мне на них, более того, мне это необходимо. Но мне не кажется, что сейчас

как раз тот случай. Мне кажется, вы не считаете вашу мать в какой-либо мере ответственной за ее собственную жизнь».

Кэрол прикусила язык и ничего не сказала.

«Но давайте поговорим еще о вашем дне рождения. Знаете, обычно мы отмечаем дни рождения — это лишний повод повеселиться, но я всегда придерживался противоположной точки зрения. Мне кажется, что день рождения — это грустный праздник, он показывает, что жизнь проходит, а отменение дня рождения — это попытка бороться с этой грустью. А как вы считаете? Можете рассказать мне, как вы чувствуете себя в тридцать шесть? Вы сказали, что прожили три четверти жизни вашей матери. Чувствуете ли вы себя загнанной в угол, как ваша мать? Действительно ли вы приговорены к пожизненному пребыванию в этом безрадостном браке?»

«Это так, Эрнест, я действительно попала в ловушку. Что вы мне можете посоветовать?»

Эрнест положил руку на спинку кушетки, чтобы ему было удобнее общаться с Каролин. Кэрол тайком расстегнула вторую пуговицу на блузке и подвинулась ближе, положив голову на его руку. На мгновение, всего лишь на мгновение, Эрнест позволил своей руке задержаться на ее волосах и погладить их.

О! Змея высовывает голову, подумала Кэрол. Посмотрим, насколько далеко она заползет сегодня. Надеюсь, мой желудок это выдержит. Она прижалась крепче.

Эрнест чувствовал ее голову на своем плече. Он вдыхал ее свежий цитрусовый запах. Он видел ложбинку между ее грудями. Внезапно он встал с кушетки.

«Каролин, знаете, мне кажется, нам лучше сесть на наши обычные места», — произнес Эрнест и направился к своему креслу.

Кэрол не двинулась с места. Казалось, она сейчас расплачется. Дрожащим голосом она спросила: «Ну почему вы ушли с кушетки? Только потому, что я положила голову вам на плечо?»

«Я не думаю, что это лучший способ помочь вам. Думаю, мне нужно держать дистанцию, держаться на расстоянии от вас, чтобы я мог работать с вами».

Кэрол неохотно вернулась к своему стулу, скинула туфли и устроилась с ногами на сиденье. «Возможно, мне не стоит говорить об этом, возможно, это нечестно по отношению к вам, но я хочу знать, думали ли бы вы так же, если бы я была действительно привлекательной женщиной».

«Проблема вовсе не в этом, — произнес Эрнест, пытаясь взять себя в руки. — На самом деле ситуация как раз противоположная; я не способен

вынести физического контакта с вами именно потому, что вы кажетесь мне привлекательной, соблазнительной. А я не могу одновременно испытывать к вам эротические чувства и быть вашим терапевтом».

«Знаете, Эрнест, я много думала. Я ведь говорила вам, что была на одном из ваших выступлений — в книжном магазине «Printers. Inc». Около месяца назад».

«Да, вы говорили, что именно тогда приняли решение обратиться ко мне».

«В общем, я наблюдала за вами до начала выступления, и я не могла не заметить, что вам понравилась та красавица, которая сидела рядом с вами».

Эрнеста передернуло. Черт! Она видела меня с Нан Карлин. Вот это засада. Во что я ввязался?

Никогда больше, думал Эрнест, я не позволю себе так поверхностно относиться к терапевтической откровенности. Теперь было бесполезно думать о том, как бы Маршал или какое-нибудь другое светило психотерапии отреагировало на заявление Кэрол. Он зашел уже слишком далеко, он попрал все границы, установленные традиционной психотерапией, он вышел за рамки допустимого в клинической практике, и теперь он понимал, что он остался совершенно один, затерянный в джунглях несанкционированной терапии. Единственное, что ему оставалось, — это оставаться честным и положиться на интуицию.

«И... что вы чувствуете, Каролин?»

«А вы что чувствуете, Эрнест?»

«Смущение. Честно говоря, Каролин, такая ситуация — это самый страшный кошмар, который только может присниться терапевту. Мне очень неудобно обсуждать с вами, да и с любым другим пациентом мои отношения с женщинами, мою личную жизнь. Но я решил работать с вами на условиях полнейшей честности, и я постараюсь придерживаться своего решения и далее. Итак, что вы чувствуете?»

«О, целую гамму чувств. Зависть. Злость. Обида. Мне не повезло».

«Можете остановиться на чем-то одном подробнее, например на злости или обиде».

«На все воля случая Если бы я сделала тогда то, что сделала она, — подошла, села рядом. Если бы мне только хватило тогда смелости, хватило наглости заговорить с вами».

«И что тогда?»

«Тогда все могло бы быть иначе. Скажите мне честно, Эрнест, что, если бы я подошла к вам, если бы попыталась познакомиться с вами? Я смогла бы заинтересовать вас?»

«История не знает сослагательного наклонения, Каролин. Все эти «если» и «а вдруг»... Что вы действительно хотите узнать, Каролин? Я не раз говорил, что считаю вас привлекательной женщиной. Неужели вы хотите еще раз это услышать?».

«А мне хотелось бы знать, почему вы отвечаете мне вопросом на вопрос, Эрнест».

«Ответил ли бы я на вашу инициативу? Могу сказать, да, вполне вероятно, что ответил бы. То есть да. Я, вероятно, ответил бы».

Молчание. Эрнест чувствовал себя совершенно беззащитным. Этот разговор так разительно отличался от его привычного общения с пациентами, что он начал серьезно сомневаться, сможет ли он и дальше работать с Каролин. Вне всякого сомнения, не только Фрейд, но и консилиум теоретиков психоанализа, чьи труды он читал на этой неделе, единодушно признал бы, что пациент со столь ярко выраженным эротическим переносом, как у Каролин, неизлечим, а Эрнесту ни в коем случае нельзя с ней работать.

«Что вы сейчас чувствуете?» — спросил Эрнест.

«Знаете, именно это я и имела в виду, когда говорила, что на все воля случая, Эрнест. Если бы карты легли чуть иначе, мы с вами были бы сейчас любовниками, я не была бы вашей пациенткой, а вы — моим терапевтом. И я искренне верю, что как любовник вы могли бы сделать для меня намного больше, чем как терапевт. Я не прошу многого, Эрнест, мне было бы достаточно встречаться с вами раз или два в неделю, чувствовать ваши объятия, избавиться от этого сексуального напряжения, которое сводит меня с ума».

«Понимаю, Каролин, но я не ваш любовник, я ваш терапевт».

«Но это же простая случайность. Никаких обязательств. Все могло бы быть иначе. Эрнест, давайте переведем стрелки часов назад, давайте вернемся в тот книжный магазин и заново сдадим карты. Будьте моим любовником; я умираю от неудовлетворенности».

Кэрл уже сидела на полу рядом с Эрнестом, положив голову ему на колени.

Эрнест снова положил руку ей на голову. «Боже, мне нравится прикасаться к этой женщине. И это ее страстное желание быть моей любовницей — видит бог, я могу ее понять. Сколько раз меня охватывало желание? Мне жаль ее. И я понимаю, что она имеет в виду, когда говорит о случайностях, которые предопределили наши отношения. Мне это тоже не нравится. Лучше бы я был ее любовником, чем терапевтом. Я бы с удовольствием оказался сейчас на полу рядом с ней, раздел бы ее. Мне бы

хотелось ласкать ее тело. Кто знает? Что, если мы бы действительно познакомились в книжном магазине? Что, если бы мы стали любовниками? Может, она права, и я бы тогда мог предложить ей намного больше, нежели будучи ее терапевтом! Но мы никогда этого не узнаем, потому что проверить нам не удастся».

«Каролин, все, о чем вы просите, — перевести стрелки часов назад, стать любовниками... Я буду с вами откровенен... этому искушению подвергаетесь не только вы, ведь ваше предложение звучит крайне заманчиво и для меня. Думаю, нам могло бы быть очень хорошо вдвоем. Но, боюсь, стрелки этих часов, — Эрнест показал на часы, спрятанные в его книжном шкафу, — мы перевести назад не можем».

Говоря это, он продолжал теребить волосы Кэрол. Она сильнее прижалась к его ноге. Внезапно он убрал руку: «Прошу вас, Каролин, вернитесь на свой стул, я хочу сказать вам что-то важное».

Он молчал, когда Кэрол быстро поцеловала его колено и села на свое место. Дадим ему произнести небольшую речь протеста, поиграем в его игры. Он должен сделать вид, что сопротивляется.

«Вернемся немного назад, — сказал Эрнест, — и посмотрим, что здесь происходило. Позвольте мне описать сложившуюся ситуацию так, как вижу ее я. Вы оказались в бедственном положении. Вы обратились ко мне за помощью как к специалисту по психическому здоровью. Мы встретились и заключили договор, в соответствии с которым я обязался помочь вам в вашей борьбе. Интимный характер наших встреч стал причиной зарождения у вас любовного чувства по отношению ко мне. Боюсь, я не могу утверждать, что в этом нет моей вины. Я понимаю, что мое поведение — я обнимал вас, касался ваших волос — только разжигало страсти. И меня серьезно это беспокоит. В любом случае я уже не могу внезапно передумать, воспользоваться вашим состоянием и удовлетворить с вами свою похоть».

«Но, Эрнест, вы забываете главное. Я уверена, что, став моим любовником, вы будете самым лучшим терапевтом для меня. Пять лет мы с Ральфом...»

«Ральф — это Ральф, а я — это я. Каролин, наше время подошло к концу, поэтому нам придется продолжить этот разговор в следующий раз. — Эрнест встал, показывая, что сеанс окончен. — Но позвольте мне сделать еще одно, последнее замечание. Надеюсь, в нашу следующую встречу нам удастся начать искать способы применения того, что я действительно могу вам предложить, вместо того чтобы проверять меня на прочность».

Обнимая Эрнеста на прощание, Кэрол сказала: «Я тоже хочу кое-что сказать на прощание, Эрнест. Вы так старались убедить меня в том, что я не должна идти дорогой моей матери, что я не должна снимать с себя ответственность за ход моей жизни. Здесь и сейчас я последовала вашему совету и попыталась улучшить свою жизнь. Я знаю, чего — и кого — я хочу, и я пыталась добиться этого. Вы сказали, что я должна жить так, чтобы ни о чем не жалеть в будущем, и именно это я делаю».

Эрнест не смог найти достойного ответа.



## Глава 18

У Маршала выдался свободный час, и он сидел в кабинете, с любовью рассматривая бонсай с кленовой рощицей: девять очаровательных крошечных кленов с алыми листочками, почти пробившиеся почки. В прошлые выходные он пересадил их. Осторожно орудуя деревянной палочкой, он очистил корни деревьев и рассадил их в огромной голубой керамической чаше по традиционному обычаю: две неравные группки — в одной шесть, в другом три деревца, между которыми — крошечный серо-розовый камешек-голыш, привезенный из Японии. Маршал заметил, что один из кленов в большей группке начал наклоняться и через несколько месяцев будет мешать расти соседнему деревцу. Он отрезал кусочек медной проволоки, аккуратно обмотал им ствол своенравного растения и легонько отвел его назад, придавая более вертикальное положение. Каждые несколько дней он будет чуть дальше оттягивать проволоку, а через пять-шесть месяцев освободит ствол, чтобы не повредить нежный ствол клена. О, если бы психотерапия могла бы действовать с той же непосредственностью.

В другой момент он бы попросил жену направить клен-кочевник на путь истинный, но в выходные они рассорились и три дня не разговаривали. Эта последняя ссора была лишь одним из симптомов отчуждения, которое накапливалось годами.

Маршал думал, что все началось несколько лет назад, когда Ширли записалась на свои первые курсы икебаны. Она очень увлеклась искусством создания цветочных композиций и проявила недюжинные способности в этой области. Маршал сам не мог оценить, насколько хорошо ей это удавалось, потому что ничего не знал об искусстве икебаны и узнавать не собирался, но он видел горы призов и знаков отличия, полученных ею на конкурсах.

Вскоре икебана стала центром всей жизни Ширли. Все ее друзья были такими же страстными поклонниками икебаны, тогда как Маршал постепенно терял к этому всякий интерес. Дальше — больше: восьмидесятилетний мастер икебаны, ее преподаватель, которого она боготворила, порекомендовал ей заняться медитацией по буддийской системе, и скоро очередное увлечение стало поглощать практически все ее время.

Три года назад Маршал был настолько обеспокоен влиянием икебаны

и медитации (о которой он также предпочитал ничего не знать) на их брак, что умолял Ширли поступить в аспирантуру по курсу клинической психологии. Он надеялся, что общие интересы смогут сблизить их. Он также надеялся, что это поможет Ширли оценить его профессиональное мастерство. А вскоре он смог бы передавать ей своих пациентов, и перспектива появления второго источника доходов грела ему душу.

Но все произошло не так, как он хотел. Ширли поступила в аспирантуру, но не оставила старые интересы. Теперь она занималась на курсах, собирала и обрабатывала цветы, занималась медитацией в центре дзен-буддизма, так что на Маршала у нее просто не оставалось времени. Все кончилось тем, что три дня назад она преподнесла ему шокирующее известие: ее докторская диссертация, работа над которой практически подошла к концу, была посвящена изучению роли икебаны в работе с паническими расстройствами.

«Отлично, — сказал ей Маршал. — Ничего не скажешь, отличный способ продвижения моей кандидатуры в президиум Института психоанализа — отщепенка-жена, практикующая отщепенскую терапию составлением букетов!»

Они почти не разговаривали. Ширли возвращалась домой только на ночь, а спали они в разных комнатах. Уже несколько месяцев у них не было секса. А теперь Ширли объявила забастовку и на кухне; каждый вечер на кухонном столе Маршал находил лишь очередную цветочную композицию.

Уход за кленовой рощицей помог Маршалу хоть немного успокоиться. В самом акте подвязывания клена медной проволокой была какая-то глубинная безмятежность. Удовольствие... да, заниматься бонсай — одно удовольствие.

Но не образ жизни. Ширли всегда была склонна к преувеличению, поэтому цветы стали ее *raison d'être*.<sup>[30]</sup> Никакого чувства меры. Она даже предлагала ему сделать уход за бонсай частью долговременной терапии. Идиотизм! Маршал подрезал несколько новых отростков можжевельника, свисающих вниз, и полил деревья. Это была не самая удачная полоса его жизни. Он поссорился с Ширли; его сильно разочаровал Эрнест, который отказался от его супервизорства. Были и другие проблемы.

Во-первых, Адриана не пришла на сеанс. И не позвонила. Очень странно. Совсем на нее не похоже. Маршал подождал пару дней, потом позвонил ей сам. Оставил на ее автоответчике сообщение о времени сеанса — в то же время на следующей неделе, и попросил связаться с ним, если это время ее не устроит.

А что делать с оплатой пропущенного сеанса? Обычно Маршал, не

раздумывая, брал с пациентов деньги и за пропущенные сеансы, но это был особый случай, и Маршал несколько дней не мог решить, что ему делать. Он получил от Питера тысячу долларов — плату за пять сеансов с Адрианой. Почему бы ему просто не удержать двести долларов за пропущенный сеанс? Питер, возможно, даже не узнает об этом. А если узнает, не обидится ли? Не сочтет ли он такой поступок Маршала вероломным или мелочным? Или неблагодарным, ведь он преподнес Маршалу такой щедрый дар — инвестицию в компанию по производству велосипедных шлемов, мемориальную серию лекций, часы «Ролекс».

С другой стороны, будет лучше поступить с Адрианой так же, как и с любым другим пациентом. Питер не может не уважать его профессиональную последовательность и верность собственным правилам. В конце концов, Питер и сам не раз говорил, что он неадекватно оценивает свои услуги.

В конце концов, Маршал решил взять с Адрианы плату за пропущенный сеанс. И был полностью уверен в том, что поступает правильно. Но почему же тогда у него было так беспокойно на душе? Почему он не мог отделаться от неясного томительного предчувствия, словно он будет сожалеть об этом всю оставшуюся жизнь?

Этот приступ нервозности был всего лишь облачком по сравнению с тем штормом, который вызвала инициатива Маршала в изгнании Сета Пейнда из Института психоанализа. Арт Букерт, известный ведущий юмористических колонок, прочитал про историю с отзывом в «Сан-Франциско кроникл» («FORD», «TOYOTA», «CHEVROLET», ПРОЧЬ С ДОРОГИ; ПСИХИАТРЫ ОТЗЫВАЮТ СВОЮ ПРОДУКЦИЮ) и опубликовал сатирическую заметку, предсказывая, что терапевты скоро начнут открывать офисы в автосервисах, где будут проводить экспресс-сеансы для клиентов, ожидающих свои автомобили. Новые условия партнерства, писал он, позволят терапевтам и работникам автосервисов предлагать своим клиентам совокупное пятилетнее гарантийное обслуживание и контроль тормозов и импульсивности, зажигания и агрессивности, рулевого управления и управления настроением, выхлопной системы и желудочно-кишечного тракта, коленвала и потенции.

Статья Букерта (ГЕНРИ ФОРД И ЗИГМУНД ФРЕЙД ОБЪЯВЛЯЮТ О СЛИЯНИИ) появилась в «Нью-Йорк тайме» и «Интернешнл геральд трибюн». Осаждаемый журналистами президент института, Джон Уэлдон, сразу же умыл руки, отослав папарацци за комментариями к Маршалу, исполнителю программы отзыва. Коллеги-психоаналитики со всей страны, которым было не до смеха, обрывали его телефон целую неделю. За один

день ему по-звониди президенты четырех Институтов психоанализа — Нью-Йоркского, Чикагского, Филадельфийского и Бостонского.

Маршал изо всех сил старался успокоить их, сообщая, что на объявление об отзыве откликнулся всего один пациент и что он сам, лично, с этим пациентом работает, проводя высокоэффективный краткосрочный курс терапии, и что объявление об отзыве не будет публиковаться повторно.

Но он не мог успокоить разъяренного доктора Сандерленда, президента Международной психоаналитической ассоциации, который позвонил ему, чтобы сообщить пре-неприятнейшую новость: агрессивно настроенный Шелли Мерримен неоднократно звонил ему в офис и присылал факсы, утверждая, что ненормативные методы доктора Пейнда причинили ему огромный вред и что он собирается подать в суд на институт, если его требование о финансовой компенсации ущерба не будет выполнено немедленно.

«Какого черта у вас там происходит! — кричал доктор Сандерленд. — Над нами смеется вся страна. В какой уже раз! Пациенты приходят на сеансы с экземплярами «Listening to Prozac»;<sup>[31]</sup> фармацевтические компании, нейрохи-мики, бихевиористы и критики типа Джеффри Мейсона вовсю мотыжат наши основы, иски по восстановленным воспоминаниям и встречные иски об имплантированных воспоминаниях грызут нас за пятки. Черт бы вас всех побрал, не это, повторяю, не это нужно сейчас психоанализу! Кто дал вам право размещать это объявление?»

Маршал спокойно объяснил ему, с какой чрезвычайной ситуацией столкнулся институт и почему он был вынужден объявить отзыв.

«Мне жаль, что вас не проинформировали об этих событиях, доктор Сандерленд, — добавил Маршал. — Теперь, когда вы в курсе происходящего, я надеюсь, вы сможете оценить логику наших поступков по достоинству. Более того, мы ни на шаг не отступили от протокола. На следующий же день после голосования в институте мы с Реем Веллингтоном, секретарем Международной психоаналитической ассоциации, проверили все документы».

«Веллингтон? Да я только что узнал, что он переводит свой офис и всю свою клинику в Калифорнию! Теперь я начинаю понимать вашу логику. Эту вашу южнокалифорнийскую логику брюссельской капусты и шпината. Вся эта катастрофа развивается по голливудскому сценарию».

«Доктор Сандерленд, Сан-Франциско находится в Северной Калифорнии, что четыреста миль к северу от Голливуда, практически на равном расстоянии от Бостона и Вашингтона. Мы не в Южной Калифорнии. Поверьте мне, мы руководствуемся северной логикой».

«Северной логикой? Чушь! Так почему эта ваша северная логика не подсказала вам, что доктору Сету Пейнду семьдесят четыре года и он умирает от рака легких? Знаю, он вам мешает, но сколько он еще протянет? Год? Два? Вы же консерватор от психоанализа: немного терпения, немного самообладания, и природа сама избавит вас от этой неприятности.

Ладно, хватит! — продолжал доктор Сандерленд. — Что сделано, то сделано. Меня беспокоит будущее: я должен принять решение немедленно, и мне нужна ваша помощь. Этот Шелли Мерримен угрожает нам. Он хочет семьдесят тысяч долларов компенсации. Наши юристы предполагают, что он может согласиться на половину этой суммы. Разумеется, мы не хотим создавать прецедент. Что вы думаете по этому поводу? Насколько серьезны его угрозы? Если он получит семьдесят или даже тридцать пять тысяч, оставит ли он нас в покое? И надолго ли? Сможем ли мы купить его молчание за эти деньги? Насколько он благоразумен, насколько он болтлив, этот ваш мистер Мерримен?»

Маршал ответил сразу же, вложив в голос максимум уверенности: «Я бы посоветовал вам ничего не предпринимать, мистер Сандерленд. Предоставьте это мне. Вы можете положиться на меня: я обещаю решить эту проблему эффективно и оперативно. Уверяю вас, это пустые угрозы. Этот человек блефует. Что касается идеи заплатить ему за молчание и благоразумие... ни в коем случае. Забудьте об этом — он явный социопат. Мы должны занять твердую позицию».

Только позже, приглашая Шелли войти в кабинет, Маршал понял, что совершил грубейшую ошибку: впервые за свою многолетнюю практику он нарушил право пациента на конфиденциальность. Он запаниковал, когда ему позвонил Сандерленд. Как он мог ляпнуть тогда про социопатию? Он ничего не должен был говорить Сандерленду про Мер-римена.

Он был вне себя. Если Мерримен узнает об этом, он подаст на него в суд за профессиональную халатность, а если он поймет, что Международная ассоциация колеблется, то потребует с них еще больше денег. Ситуация выходила из-под контроля.

Есть только один разумный выход, решил Маршал: как можно скорее связаться с доктором Сандерлендом и признать опрометчивость своего заявления: временное и вполне естественное помутнение рассудка, вызванное конфликтом лояльности, а именно желанием действовать одновременно во благо и Международной ассоциации, и своего пациента. Несомненно, доктор Сандерленд отнесется к этому с пониманием, и совесть не позволит ему пересказывать кому-либо замечания Маршала относительно его пациента. Разумеется, это не поможет ему восстановить

свою репутацию ни в национальных, ни в международных психоаналитических кругах, но Маршал больше не мог думать ни о своем имидже, ни о своем политическом статусе: теперь он должен был бросить все усилия на стабилизацию ситуации.

Шелли вошел в кабинет и дольше, чем обычно, задержался у скульптуры Мюслера.

«Как мне нравится этот оранжевый шар, док. Если вы когда-нибудь надумаете продавать его, дайте мне знать. Я буду трогать его перед каждой игрой и стану спокойным и сдержанным. — Шелли плюхнулся на свой стул. — Ну что, доктор, мне уже немного лучше. Ваши интерпретации помогают. Я стал намного лучше играть в теннис; я играл как заведенный. Мы с Вилли тренировались по три-четыре часа в день, и, сдается мне, у нас есть все шансы выиграть турнир в Ла-Коста на следующей неделе. Так что с этим все в порядке. Но мне надо теперь разобраться и со всем остальным. Именно этим я хочу заняться».

«Со всем остальным?» — переспросил Маршал, хотя прекрасно понял, что имеет в виду Шелли.

«Вы знаете. То, над чем мы работали на прошлом сеансе. «Маячки». Хотите еще раз попробовать? Освежить память? Десятидолларовая купюра... у вас пять попыток угадать, в какой она руке, потом у меня пять попыток».

«Нет, нет, в этом нет необходимости. Я понял, в чем дело... вы очень доходчиво мне это объяснили. Но в конце прошлого сеанса вы сказали, что у вас есть несколько идей относительно того, как мы построим нашу дальнейшую работу».

«Именно так. Вот мой план. В последний раз из-за «маячков» вы потеряли сорок баксов; в общем, я уверен, что разбрасываюсь «маячками» направо и налево, когда играю в покер. А почему я разбрасываюсь «маячками»? Из-за стресса, из-за «ненормативной терапии» доктора Пейнда. Вы ведь сказали?»

«Что-то в этом роде».

«Я думал, это ваши слова».

«Кажется, я сказал «ненормативные методы».

«Хорошо. «Ненормативные методы». Разницы никакой. Из-за ненормативных методов Пейнда у меня появились вредные нервные привычки в игре в покер. На прошлой неделе вы продемонстрировали свои «маячки», а у меня их сотни, и я демонстрирую их, когда играю в покер. Ни капли не сомневаюсь, я на все сто процентов уверен, именно поэтому дружеские партии стоили мне сорок тысяч долларов».

«Хорошо, продолжайте, — сказал Маршал. Он насторожился. Он привык потакать своим пациентам во всем; всегда сразу же соглашался выполнять все их прихоти, но сейчас в воздухе запахло порохом. — А при чем здесь терапия — поинтересовался он. — Надеюсь, вы не думаете, что я буду играть с вами в покер? Я не играю в азартные игры, я не умею играть в покер. Как вы собираетесь узнать какие-то покерные премудрости, играя со мной?»

"Да что вы, док? Кто говорит о том, чтобы играть с вами в покер? Хотя, не буду отрицать, у меня была такая мысль, все, что нам здесь нужно, так это реальная ситуация: будете наблюдать, как я играю самую настоящую партию с высокими ставками и соответствующим напряжением, и по результатам этого наблюдения расскажете мне, какие мои действия выдают мои карты — и из-за которых я теряю деньги».

«Вы хотите, чтобы я пошел с вами на игру и смотрел, как вы играете?» Маршал почувствовал облегчение. Каким бы эксцентричным ни было это предложение, все же оно было лучше того, чего он боялся несколько минут назад. Сейчас он готов согласиться на любое предложение, если это поможет ему отвязаться от доктора Сандерленда и больше никогда не видеть Шелли в своем кабинете.

«Вы шутите? Вы пойдете со мной к ребятам? Вот это будет картина! Я пришел на игру с личным мозгоправом! — Шелли хохотал, хлопая по коленям. — О боже... потрясающе! Док, мы с вами войдем в легенду, вы и я — я появляюсь на игре с личным мозгоправом и его кушеткой... Да ребята будут припоминать мне это в следующем тысячелетии!»

«Рад, что вы находите эту идею такой забавной, мистер Мерримен. Не уверен, что я понимаю вас. Может, вам стоит рассказать мне ваш план?»

«У нас есть только один выход. Вы должны сходить со мной в казино, где играют профессионалы, и посмотреть, как я буду играть. Нас никто не узнает. Мы будем инкогнито».

«Вы хотите, чтобы я поехал с вами в Лас-Вегас? Бросил всех остальных пациентов?»

«Да что вы в самом деле, док. Нервный вы какой-то сегодня. Первый раз вижу вас в таком состоянии. Кто говорит о Вегасе или о том, чтобы что-то или кого-то отменять? Все намного проще. В двадцати минутах езды к югу, на съезде с шоссе, которое ведет в аэропорт, есть первоклассная игровая комната, называется «Avocado Joe's».

Что мне от вас нужно — и это последняя моя просьба — это один вечер вашего времени. Два-три часа. Вы должны наблюдать за всеми моими действиями во время игры. В конце каждой партии я буду открывать

вам свои карты, чтобы вы знали, с чем я играл. Вы должны увидеть, как я веду себя, когда выпадает хорошая карта, когда я жду вашего проигрыша. А если вам придет хорошая карта, оставайтесь в игре, делайте ставки — и выигрыш ваш. Сначала прочитайте книгу, а когда мы встретимся, я объясню вам все остальное. Это выгодная сделка, док».

Шелли поднялся и вразвалочку вышел из кабинета, походя погладив оранжевый шар.

Он еще говорит, что это выгодная сделка. Мистер Мерримен, для меня выгодная сделка — это когда мне больше не придется иметь дело ни с вами, ни с вашими выгодными сделками.



## Глава 19

Неделю за неделей, сеанс за сеансом Эрнест обливался потом, работая с Кэрол. Их встречи были пронизаны сексуальным напряжением, и, хотя Эрнест изо всех сил защищал свои бастионы, Кэрол все же удавалось пробивать в них бреши. Они встречались дважды в неделю, и он изо всех сил старался скрыть от нее тот факт, что она полностью завладела его мыслями. В дни встреч Эрнест просыпался с острым ощущением предвкушения. Он видел лицо Каролин в зеркале — она наблюдала, как он с удвоенным усердием скребет щеки бритвой. Он старался бриться как можно чище и брызгался одеколоном «Royall Lyme».

«Дни Каролин» были днями парадной формы. Для нее он берег свои самые узкие брюки, самые свежие, самые яркие рубашки, самые стильные галстуки. Пару недель назад Кэрол хотела подарить ему один из галстуков Уэйна — ее муж был уже слишком плох и не выходил из дому, объясняла она, а в их квартире в Сан-Франциско было практически негде хранить одежду, поэтому она раздала уже почти все его деловые костюмы. Эрнест, к вящему негодованию Каролин, разумеется, отказался принять этот подарок, несмотря на то что она в течение всего сеанса пыталась уговорить его. Но на следующее утро, одеваясь, понял, как ему на самом деле хотелось бы иметь такой галстук.

Он был восхитителен: дерзкий радужный цветок ярко-зеленого цвета окружали маленькие мерцающие темные цветочки в японском стиле. Эрнест попытался найти что-то подобное в магазинах, но тщетно — галстук явно был эксклюзивный. Он даже пытался придумать, как выпросить у нее, где она его купила. Возможно, если бы она попыталась предложить злополучный галстук снова, он бы сказал, что к концу терапии, через пару лет, галстук придет в полную негодность.

Еще дни Каролин были днями обновок. Сегодня это был новый жилет и брюки, которые он купил на ежегодной распродаже в «Wilkes Bashford». Бежевый жилет «под рогожку» отлично сочетался с розовой сорочкой на пуговицах и коричневыми брюками в елочку. Наверное, думал он, жилет смотрится более выигрышно без пиджака. Он повесит пиджак на спинку кресла, а сам останется в рубашке, жилете и галстуке. Эрнест повертелся перед зеркалом. Да, именно так. Немного вызывающе — но ничего страшного.

Эрнесту нравилось смотреть на Каролин: как она грациозной походкой

входила в его кабинет, как она пододвигала стул поближе к нему, прежде чем сесть. Ему нравилось первое мгновение сеанса, когда они смотрели друг другу в глаза и только потом начинали работать. И больше всего ему нравилось ее обожание, нравилось, как она рассказывает, как мастурбирует, представляя себе его, — фантазии, которые стали еще более красочными, еще более возбуждающими, еще более волнующими. Сеанс всегда казался ему слишком коротким, и, когда он заканчивался, Эрнест не раз бросался к окну, чтобы посмотреть, как Каролин спускается по ступенькам. Последние два раза он с удивлением замечал, что она, судя по всему, переобулась в кроссовки в приемной и теперь бежала вверх по Сакраменто-стрит!

Восхитительная женщина! Боже, ну почему они не познакомились в том книжном магазине, почему сейчас она была его пациенткой! Эрнесту нравилось в ней все: ее острый ум и энергия, огонь, пылающий в ее глазах, пружинистая походка и гибкое тело, ее гладкие узорчатые чулки, легкость и откровенность, с которыми она говорила о сексе — о своем желании, о мастурбации, о любовниках на одну ночь.

И ему нравилась ее ранимость. Она скрывалась под маской жесткой и резкой женщины (которая скорее всего появилась и укрепилась из-за работы в суде), но, при тактичном стимулировании, была готова открыть доступ к болезненным точкам. Например, таким, как страх передать дочери ожесточенное отношение к мужчинам, ранний уход отца, скорбь о матери, отчаяние, вызванное жизнью с мужчиной, которого она не любила.

Несмотря на эротическую привязанность к Каролин, Эрнест ни на шаг не отходил от терапевтических перспектив и держал себя под строгим надзором. И, насколько он мог видеть, он проводил крайне эффективную терапию. Он очень хотел помочь ей, действовал фокусированно и снова и снова подводил ее к значимым инсайтам. Не так давно он поставил ее лицом к лицу со всеми последствиями горечи и обиды, которые она испытывала в течение всей своей жизни, и с тем фактом, что она и представить себе не могла, что есть люди, которые относятся к жизни иначе.

Когда Каролин пыталась помешать ходу терапевтического процесса, а случалось это на каждом сеансе — она начинала отвлекаться на посторонние вопросы о его личной жизни или умолять о более тесном физическом контакте, — Эрнест давал ей решительный отпор. Возможно, даже слишком решительный — особенно в последний раз, когда Каролин попросила его посидеть с ней несколько минут на кушетке, а он ответил дозой терапии экзистенциального шока. Он нарисовал линию на листе бумаги, начало ее назвал днем ее рождения, а конец — днем смерти. Он дал

этот лист Каролин и попросил ее нарисовать крестик там, где она себя ощущает на линии своей жизни в данный момент. И попросил ее не торопиться отвечать, а подумать несколько минут.

Эрнест уже использовал эту методику в работе с другими пациентами, но еще никогда не сталкивался с такой острой реакцией. Каролин поставила крестик в трех четвертых пути от начала, две-три минуты сидела молча, уставившись на линию, а потом произнесла: «Какая маленькая жизнь!» и разрыдалась. Эрнест просил ее рассказать больше об этом, но она лишь качала головой и говорила: «Я не знаю, я не знаю, почему я так плачу».

«Думаю, я знаю, Каролин. Вы плачете о своей непрожитой жизни, которую вы похоронили в душе. Думаю, в результате нашей с вами работы мы сможем освободить какую-то часть этой жизни».

После этих слов она расплакалась еще сильнее и опять поспешно покинула кабинет. И опять не обняла его.

Эрнесту всегда нравилось обнимать ее на прощание — это стало традиционным завершением их сеансов, но все остальные просьбы Каролин о физическом контакте он твердо отклонял, разве что соглашался иногда посидеть с ней немного на кушетке. Обычно эти сидячие интерлюдии Эрнест прекращал через несколько минут или раньше, если Каролин придвигалась к нему слишком близко или сам он слишком возбуждался.

Эрнест не был слепцом — он прекрасно осознавал все эти тревожные сигналы, поступающие изнутри. Он понимал, что это его волнение, связанное с Каролин, было дурным предзнаменованием. То же самое он мог сказать и о том, что она проникла в его фантазии, в том числе и эротические. Больше всего Эрнеста беспокоил тот факт, что местом действия его фантазий неизменно становился его кабинет. Он получал несказанное наслаждение, представляя, как Каролин сидит в кабинете напротив него и рассказывает о своих проблемах, и ему достаточно просто поманить ее пальцем, чтобы она пересела к нему на колени. Он просит ее не прерывать свой рассказ, а сам медленно расстегивает ее блузку, бюстгальтер, ласкает и целует грудь, нежно снимает чулки, аккуратно спускается на пол вместе с ней и, пока она продолжает говорить с ним как пациентка с терапевтом, восхитительно проскальзывает в нее, входит все глубже и начинает медленно двигаться, приближаясь к возжеленному оргазму.

Фантазии вызывали не только возбуждение, но и отвращение — они подрывали основы жизни во благо людей, которой он посвятил себя. Он

прекрасно понимал, что сексуальное возбуждение в его фантазиях разжигало ощущение абсолютной власти над Каролин, недопустимое в терапевтической ситуации. Людям всегда нравилось нарушать сексуальные табу. Еще в прошлом веке Фрейд говорил, что табу были бы не нужны, не будь запрещенное поведение столь заманчиво. Но даже ясное понимание источника возбуждения, наполнявшего фантазии, не лишало их силы и очарования.

Эрнест понимал, что ему нужна помощь. Сначала он опять обратился к специализированной литературе по эротическому переносу и нашел там даже больше, чем ожидал. С одной стороны, ему стало легче, когда он понял, что над этой дилеммой бились поколения терапевтов. Многие пришли к такому же выводу, что и он сам: терапевт не должен избегать эротического материала в работе с пациентом, не должен реагировать на него неодобрительно, высказывать осуждение, иначе эти мысли уйдут в подсознание, и пациент придет к выводу, что его желания опасны и вредоносны. Фрейд утверждал, что эротический перенос может и должен стать значимым источником информации. Одна из его изящных метафор гласит: нежелание исследовать эротический перенос подобно спиритическому сеансу, на котором вызванного из мира теней духа отпускают, не задав ему ни единого вопроса.

Эрнеста отрезвил тот факт, что подавляющее большинство терапевтов, которые вступали в сексуальные отношения с пациентками, утверждали, что дарили им любовь. «Но не думайте, что это любовь, — писали многие. — Это не любовь, а всего лишь одна из форм сексуального насилия». Такой же отрезвляющей была информация о том, что многие терапевты, ставшие любовниками своих пациенток, думали, как и он сам, что жестоко лишать радости секса пациента, который так нуждается, так желает этого!

Другие авторы предполагали, что интенсивный эротический перенос не может существовать долгое время, если сам терапевт неосознанно этому не способствует. Известный психоаналитик советовал терапевтам проанализировать собственную половую жизнь и убедиться, что «бюджет либидо и нарциссических импульсов достаточно положителен». Это прозвучало вполне правдоподобно, и Эрнест решил сбалансировать бюджет либидо, возобновив отношения с Маршей — старой знакомой, с которой у него был пусть и не страстный, но приносящий сексуальное удовлетворение роман.

Идея неосознанного пособничества обеспокоила Эрнеста. Он вполне мог допустить, что он сам завуалированно передает Каролин свою похоть:

она теряется, получая одновременно противоречащие друг другу вербальные и невербальные послания.

Другой психиатр, который пользовался особым уважением Эрнеста, писал, что даже самые великие терапевты в отчаянии обращаются к сексуальным отношениям, осознав свою неспособность помочь пациенту, когда вера в себя как во всемогущего целителя терпит крах. Это не про него, думал Эрнест, но он знает одного терапевта, которого постигла именно такая участь: Сеймур Троттер! Чем больше он думал о Сеймуре — насколько тот был высокомерен, как гордился тем, что его считают «последней надеждой» в терапии, как утверждал, что, поставив перед собой задачу, способен вылечить любого пациента, — тем лучше понимал, что произошло между ним и Белль.

Эрнест обратился за помощью к друзьям. Больше всего он надеялся на Пола. О том, чтобы поговорить с Маршалом, не могло быть и речи. Его реакцию нетрудно было предсказать: во-первых, осуждение, потом на голову Эрнест обрушится его гнев за отступление от традиционной методики, а потом — безапелляционное требование прекратить работу с этой пациенткой и пройти повторный курс психоанализа.

К тому же Маршал уже не был его супервизором. На прошлой неделе ряд любопытных событий заставил Эрнеста отказаться от его услуг в этом качестве. Полгода назад к Эрнесту обратился новый пациент, Джесс. Он досрочно прекратил курс терапии у одного известного в Сан-Франциско психоаналитика, с которым работал уже два года. Когда Эрнест поинтересовался, что стало причиной этого шага, Джесс рассказал ему странную историю.

Джесс, неутомимый бегун, тренировался в парке Голден-Гейт и заметил странное шевеление в алых зарослях плакучего японского клена. Подойдя поближе, он увидел жену своего терапевта в страстных объятиях закутанного в шафран буддийского монаха.

Перед ним встала дилемма. Джесс даже не сомневался, что видел жену своего терапевта: в свое время он ходил на курсы икебаны, а она была известным мастером школы Согэцу — наиболее инновационной среди традиционных школ. Он дважды встречал ее на конкурсах по икебанае.

Что делать? Психоаналитик общался с ним формально, держал пациента на расстоянии, и Джесс не испытывал к нему особой привязанности, но он был превосходным специалистом и очень помог ему, так что Джесс не хотел причинять ему боль, рассказывая горькую правду о жене. Но, с другой стороны, как он мог продолжать лечение, скрывая такой секрет? Единственный выход, решил Джесс, — прекратить лечение под

предлогом неразрешимых проблем с расписанием сеансов.

Джесс понимал, что все еще нуждается в терапии, и по рекомендации своей сестры, клинического психолога, обратился к Эрнесту. Джесс родился в Сан-Франциско в богатой семье с не менее богатой родословной. Амбициозный отец, банкир, надеялся сделать сына своим преемником и передать ему семейный бизнес. Он фактически задавил сына своими амбициями, и Джесс бунтовал по любому поводу: за неуспеваемость его исключили из колледжа, два года бездельничал, пристрастился к алкоголю и кокаину. Пережив болезненное расставание с женой, с которой прожил пять лет, он начал понемногу налаживать свою жизнь. Сначала — длительная госпитализация и последующая амбулаторная реабилитационная программа по снятию алкогольной и наркотической зависимости, потом обучение ландшафтному дизайну — он сам выбрал эту профессию, потом — два года терапии у Маршала и неукоснительные тренировки и бег для восстановления физического состояния.

В первые полгода работы с Эрнестом Джесс рассказывал, почему ушел от предыдущего терапевта, но отказывался назвать его имя. Сестра слишком часто рассказывала ему, как терапевты любят посплетничать друг о друге. Но шли недели, Джесс начал доверять Эрнесту и однажды вдруг раскрыл эту тайну: предшественника Эрнеста звали Маршал Стрейдер.

Известие ошеломило Эрнеста. Только не Маршал Стрейдер! Только не его несокрушимый супервизор — скала Гибралтар! Эрнест столкнулся с той же дилеммой, которую пришлось решать Джессу. Он не мог сказать Маршалу правду, так как был связан профессиональной клятвой конфиденциальности, и не мог продолжать работать с ним, скрывая столь горький секрет. Но это была не такая уж большая проблема, так как Эрнест давно уже подумывал отказаться от супервизорства, и эта новость дала ему необходимый стимул.

Так что Эрнест с дрожью в коленях сообщил Маршалу о своем решении. «Маршал, я уже давно думаю, что пришло время закончить наше сотрудничество. Вы многому меня научили, и вот в возрасте тридцати восьми лет я решил попрощаться с вами и начать самостоятельную жизнь».

Эрнест был готов встретить активное сопротивление Маршала. Он знал, что услышит от своего супервизора: вне всякого сомнения, Маршал будет настаивать на анализе мотивов столь поспешного разрыва. Он наверняка захочет узнать, когда Эрнест принял это решение. Что же касается патетического стремления Эрнеста к самостоятельности, Маршал в момент расставит все по местам. Он скажет, что это лишь очередное проявление подросткового иконоборчества; он даже намекнет, что эта

импульсивность говорит о незрелости Эрнеста и отсутствии у него потребности в самопознании, столь необходимой для работы в Институте психоанализа.

Как ни странно, но ничего подобного Эрнест от него не услышал. Маршал выглядел уставшим и растерянным. «Да, возможно, пришло время расставаться. Мы всегда можем возобновить наше сотрудничество в будущем. Удачи вам, Эрнест. И мои наилучшие пожелания», — безразлично ответил он.

Но эти слова и отказ от супервизорства не принесли Эрнесту облегчения. Наоборот, он был в замешательстве. Он был разочарован. Лучше услышать осуждение, чем такое безразличие.

Потратив полтора часа на изучение длинной статьи, посвященной роли сексуальности в терапевтических отношениях, которую Пол прислал ему по факсу, Эрнест набрал номер друга:

«Спасибо за «Кабинетных Ромео» и «Влюбленных докторов»! Пол, боже правый!»

«О, я так понимаю, ты получил мой факс».

«К сожалению, да».

«Почему «к сожалению», Эрнест? Подожди-ка минутку, я перейду на радиотелефон и к моему удобному креслу. Сдается мне, это будет драматический разговор... ага... Итак, почему же «к сожалению»?

«Потому что моя ситуация в корне отличается от твоих «Кабинетных Ромео»! Автор этой статьи поливает грязью нечто очень ценное, нечто такое, о чем он не имеет ни малейшего представления. Таким вульгарным языком можно опошлить любые тонкие материи».

«Тебе так кажется потому, что ты смотришь на ситуацию изнутри и не видишь, что же происходит на самом деле. Но тебе необходимо понять, как все это выглядит со стороны. Эрнест, после нашего последнего разговора я очень беспокоюсь за тебя. Только послушай, что ты говоришь: «глубокая искренность, любовь к пациенту, тактильная депривация, быть достаточно гибким, чтобы дать ей ту физическую близость в терапии, в которой она нуждается». Мне кажется, что у тебя, черт побери, тормоза отказали! Я думаю, что ты идешь семимильными шагами к серьезным неприятностям. Послушай, ты же хорошо меня знаешь. С тех самых пор, как мы начали работать в этой области, я не устаю высмеивать ортодоксальных фрейдистов, так?»

Эрнест пробормотал, что, мол, так.

«Но когда Верховный Отец говорит, что, «находя объект любви, мы всегда заново обретаем его», я понимаю, что в этом что-то есть. Эта

пациентка задевает какие-то струны в твоей душе, вызывает в тебе что-то, что возникло не здесь и не сейчас».

Эрнест молчал.

«Хорошо, Эрнест. Отгадай загадку: какая женщина безоговорочно и безоглядно любила каждую молекулу твоего тела? У тебя есть три попытки!»

«О нет, Пол. Только не надо опять рассказывать мне всю эту чушь про мать. Я никогда не отрицал, что у меня была хорошая, заботливая мать. Она в первые пару лет задала мне отличный старт; у меня сформировалось базовое доверие — вот, наверное, откуда берется моя беспорядочная откровенность. Но она не была такой уж хорошей матерью, когда я стал самостоятельным; до самой своей смерти она так и не простила меня за то, что я бросил ее. Так на что ты намекаешь? Что на заре жизни я получил мощный импринтинг, как желторотый утенок, и с тех пор все это время искал двойника моей мамы-утки?»

А даже если так, — продолжал Эрнест. Он свою речь знал — у них с Полом уже были такие споры в прошлом. — Даже если так — хорошо, я согласен. Частично. Но ты со своим редукионизмом пытаешься убедить меня в том, что я, взрослый человек, только и думаю, как бы найти всепрощающую мамочку. Чушь! Я да и все мы представляем собой нечто большее. Ты да и весь психоанализ идете по ложному пути потому, что забываете о том, что в настоящем существуют реальные взаимоотношения, не предопределенные прошлым, возникшие в данный конкретный момент времени, когда две души соприкасаются, и тогда на них влияет скорее будущее, чем прошлое и детские воспоминания. Они испытывают влияние «еще не», влияние того, что уготовила нам судьба. Нашего товарищества, нашего стремления объединиться и вместе переносить жесткие экзистенциальные повороты жизни. И эта форма отношений — чистота, принятие, взаимность, равенство — это спасительная и мощнейшая сила, которую мы можем использовать для исцеления».

«Чистота? Чистота? — Пол слишком хорошо знал Эрнеста, чтобы попасться на его ораторские штучки и позволить сбить себя с толку. — Чистота отношений? Да если бы они были чистыми, я бы тебе слова не сказал! Ты просто сходишь с ума по этой женщине, Эрнест. Ради всего святого, признай это!»

«Единственное, о чем идет речь, — это асексуальное объятие в конце сеанса. Я держу ситуацию под контролем. Да, она фигурирует в моих фантазиях. Это я признаю. Но они так и останутся фантазиями».

«Я буквально вижу, как ее фантазии и твои фантазии сплетаются в



страстном менюэте там, в стране фантазий. Эрнест, успокой меня, скажи мне правду. Только это? Никаких других прикосновений? Когда вы сидите на кушетке? Безобидный поцелуй?»

Эрнест вдруг вспомнил, как ласкал мягкие волосы Ка-ролин, когда она прижималась к нему. Но он знал, что друг не только не поймет его, но и опошлит эту ситуацию. «Нет, только это. Больше никаких контактов. Поверь мне, Пол, я провожу отличную терапию с этой женщиной. Все под контролем».

«Если бы я так думал, я бы не стал изводить тебя вопросами. В этой женщине есть что-то такое, чего я не могу понять. Почему она продолжает давить на тебя вот так сеанс за сеансом. Даже после того, как ты расставил все точки над «і». Или тебе показалось, что ты их расставил. Я не сомневаюсь в том, что ты великолепен, — кто бы смог устоять против такого красавца-мужчины. Нет, происходит что-то другое. Я уверен, ты сам подталкиваешь ее... Хочешь совет, Эрнест? Так вот, я рекомендую тебе бросить все это. Сейчас же! Передай ее женщине-терапевту. И прекрати этот свой эксперимент с самораскрытием! Или откровенничай с мужчинами-пациентами — по крайней мере, пока».

Когда Пол повесил трубку, Эрнест принялся мерить шагами кабинет. Он всегда говорил Полу правду, и, обманув его, он почувствовал себя одиноким. Чтобы отвлечься, он занялся корреспонденцией. Чтобы продлить страхование от профессиональной небрежности, он должен был заполнить анкету, изобилующую вопросами относительно его взаимоотношений с пациентами. Вопросы были сформулированы предельно четко. Вы когда-либо прикасались к пациентам? Если да, то как? И к женщинам, и к мужчинам? Как долго? К каким частям тела вы прикасались? Прикасался ли он когда-нибудь к груди, ягодицам или другим интимным частям тела пациентов? Эрнест боролся с искушением порвать опросник в клочья. Но не осмелился. В эти времена бурных судебных разбирательств никто не осмеливался заниматься терапевтической практикой без страхования от профессиональной небрежности. Он снова взял в руки анкету и ответил «да» на вопрос «Вы когда-либо прикасались к пациентам?» На вопрос «Если да, то как?» он ответил: «Только рукопожатие». На все остальные вопросы он ответил «нет».

После этого Эрнест открыл карту Каролин, чтобы подготовиться к сеансу. На мгновение его мысли вернулись к разговору с Полом. Передать Каролин терапевту-женщине? Она не согласится. Прекратить эксперимент? Зачем? Эксперимент идет, он продолжается. Перестать быть откровенным с пациентами? Никогда! Истина привела меня сюда, истина и поможет найти

ВЫХОД!

## Глава 20

В пятницу вечером, прежде чем запереть офис, Маршал оглядел любимые вещи. Все было на месте: в полированной горке розового дерева мерцали бокалы для шерри на изогнутых ножках, светилося Золотое Кольцо Времени. Но ничто не могло развеять его мрачное настроение или ослабить напряжение, сковавшее его горло.

Закрыв дверь, он остановился и попытался проанализировать причины своего беспокойства. Оно было вызвано не только предстоящей встречей с Шелли в «Avocado Joe's» через три часа, хотя, видит бог, он действительно волновался по этому поводу. Нет, была другая причина: Адриана. В начале недели она снова не пришла на сеанс и не позвонила, чтобы отменить его. Маршал был сбит с толку. Просто в голове не укладывается: с ее воспитанием и общественным положением Адриана просто не может себя так вести. Маршал заплатил себе очередные двести долларов из полученной от Питера суммы, и на этот раз сомнения его не мучили. Он сразу же позвонил Адриане и попросил ее связаться с ним как можно скорее.

Возможно, он совершил ошибку, согласившись работать с ней, пусть даже в рамках краткосрочной терапии. Вероятно, у нее были и другие мысли по поводу супружества, о которых она не говорила Питеру, и ей, наверное, было неловко обсуждать с ним это. В конце концов, он же лечил Питера, Питер платил ему, теперь он вложил деньги в предприятие Питера. Да, чем больше Маршал думал об этом, тем больше убеждался в том, что сделал ошибку. Именно в этом, напомнил он себе, и заключается проблема с нарушением границ: он ступил на скользкую дорожку, и удержаться на ногах становится все сложнее.

Три дня прошло, а Адриана так и не ответила на его звонок. Маршал никогда не звонил пациентам больше одного раза, но сейчас он открыл дверь, вернулся в офис и снова набрал ее номер. В этот раз он услышал, что линия отключена! В телефонной компании ему не удалось ничего узнать.

По дороге домой Маршал обдумывал два диаметрально противоположных объяснения сложившейся ситуации. Либо Адриана, вероятно, не без вмешательства отца, серьезно поссорилась с Питером и теперь не хотела иметь дело с терапевтом, с ним связанным. Или же Адриане надоело бороться с отцом, и она просто сбежала, под влиянием импульса села в самолет и улетела к Питеру в Цюрих — на последнем

сеансе она говорила, что ей будет трудно расставаться с ним.

Но ни одна из этих гипотез не могла объяснить, почему она не звонит Маршалу. Нет, чем больше Маршал думал об этом, тем сильнее крепла его уверенность в том, что произошло что-то очень нехорошее. Болезнь? Смерть? Самоубийство? Теперь он понял, что нужно делать: немедленно звонить Питеру в Цюрих! Маршал посмотрел на свой «Ролекс», точный до миллисекунды. Шесть вечера. В Цюрихе сейчас три часа ночи. Ему придется подождать до конца встречи с Шелли и позвонить Питеру в полночь — в девять утра по швейцарскому времени.

Открыв гараж, чтобы поставить машину, Маршал увидел, что автомобиля жены в гараже не было. Опять ее нет дома вечером. Как всегда. Сейчас это происходило так часто, что Маршал уже не мог разобраться в ее расписании: задерживалась ли она в клинике, уехала в аспирантуру на одно из оставшихся занятий по клинической психологии, или на курсы по икебанае, или на выставку икебаны, или медитировала в Центре дзен.

Маршал открыл холодильник. Пусто. Ширли все еще не готовила. Как обычно, на кухонном столе она оставила ему очередную цветочную композицию. Под вазой его ждала записка: Ширли обещала вернуться к десяти. Маршал бросил быстрый взгляд на икебану: простая композиция из трех лилий — двух белых и одной шафрановой. Длинные изящные стебли белой и шафрановой лилий были переплетены между собой. Между ними густо росли малиновые ягоды третьей лилии, которая отступала от них практически на всю длину стебля, опасно перевешиваясь за край потрескавшейся бледно-лиловой чаши.

Зачем она оставляла ему эти цветочные композиции? Вдруг Маршал вспомнил, что в последнее время она часто использует белые и шафрановые лилии. Словно пытается донести до него какое-то послание. Но он сразу же отогнал от себя эту мысль. Как можно тратить столько времени на эту чушь, с раздражением думал он. Есть множество более полезных способов времяпрепровождения. Например, можно приготовить обед. Можно пришить пуговицы на его рубашки. Можно закончить диссертацию, какой бы чудной она ни была, потому что только тогда она сможет брать с пациентов плату за сеансы. У Ширли отлично получается требовать равноправия, думал Маршал, а еще она прекрасно умеет разбазаривать свое время и, пока муж оплачивает все счета, с удовольствием откладывает момент вступления во взрослую кредитоспособную жизнь.

Ну уж он-то знал, как использовать свое время. Отодвинув икебану, Маршал раскрыл дневной выпуск «Examiner» и подсчитал свой дневной

доход. Потом, так и не избавившись от напряженности и тревоги, решил, что успеет еще потренироваться, схватил спортивную сумку и отправился в спортивный зал. Потом, в ресторане «Avocado Joe's», он найдет что-нибудь перекусить.

Всю дорогу к «Avocado Joe's» Шелли напевал «зип-а-ди-ду-да, зип-а-ди-дзень». Неделя выдалась насыщенной. Он играл в теннис как бог, обеспечив Вилли участие в калифорнийском парном чемпионате и возможность попасть на национальный чемпионат. Но это еще не все, далеко не все.

Вилли в состоянии полнейшей эйфории сделал Шелли предложение, которое одним махом решило все его проблемы. Друзья решили задержаться в Северной Калифорнии, чтобы поучаствовать в скачках в парке Голливуд. Двухлетка Вилли по кличке Омаха участвовала в главном заезде сенсационного дерби Hollywood Juvenile для молодняка. Вилли обожал и Омаху, и ее жокея; он уже поставил на любимицу огромную сумму и заставил Шелли последовать его примеру. Вилли ставил первым, пока Шелли выглядывал в конюшне лошадь для второй ставки. Когда Вилли вернулся, Шелли отправился делать свои ставки. Но когда Вилли увидел лошадей, которых седлали в загоне, еще раз с любовью оглядел лоснящийся вороной мускулистый круп своей Омахи и заметил, что фаворит скачек слишком уж активно разминается — «выматывается», он вдруг помчался обратно к окошку, где принимали ставки. Поставив еще пять тысяч, он увидел Шелли у окошка, где принимали ставки по двадцать долларов.

«Что это с тобой, Шелли? Мы уже двадцать лет играем на скачках, и я видел тебя только рядом со стодолларовым окошком. И я готов продать мать, дочь, любовницу ради этой лошади, а ты стоишь у окошка на двадцать баксов!»

«Ну, видишь ли... — Шелли бросило в краску. — Я урезаю расходы... ну, ты понимаешь... во имя супружеского счастья... затягиваю ремешок... сейчас трудно найти работу... разумеется, у меня масса предложений, но я выжидаю, когда мне предложат то, что нужно... Понимаешь, дело не только в деньгах. Мне нужно знать, что я занимаюсь своим делом. Честно сказать, Вилли, это все Норма... она нервничает, очень нервничает из-за того, что я играю, а ведь она тянет на себе нас обоих, деньги зарабатывает. На прошлой неделе мы вдрызг разругались. Знаешь, мой доход всегда был семейным доходом... а ее заработок — она хорошо зарабатывает — она всегда считала своим. Ты же знаешь, как бабы скулят и стонут из-за того, что у них нет нормальной работы, а когда они ее находят, они уже и сами не

рады, что взвалили на себя такую ношу».

Вилли хлопнул себя ладонью по лбу: «Так вот почему тебя не было на двух последних играх! Черт побери, Шелли, ну как я не догадался! Эй, подожди-ка, они начали! Только посмотри на Омаху! Только посмотри, эта чертова кобыла летит по воздуху! Номер пять, Маккаррон в желтой куртке и желтой кепке; он собирается держаться с остальными в стороне, пока они не пройдут три четверти круга, а потом уже выжмет из этой лошади все, на что она способна. Так, так, вот они проходят три четвертых, Омаха разгоняется — вырывается вперед! Только посмотри, как она идет, — почти не касается земли! Ты когда-нибудь видел, чтобы лошадь так шла? А лошадь на второй позиции — смотри, он словно задом наперед бежит. Он выдыхается, говорю тебе, Шелли, он не одолеет вторую милю».

После забега — Омаха принесла восемь к восьмидесяти, — когда Вилли вырвался с торжества победителей, они с Шелли отправились в бар и заказали пиво «Циндао».

«Сколько ты уже сидишь без работы, Шелли?»

«Полгода».

«Полгода! Боже, это ужасно! Слушай, я тут собирался в ближайшее время сесть и поговорить с тобой, так что можно сделать это прямо сейчас. Помнишь, у меня был большой комплекс жилых зданий в Уолнат-Крик? Так вот мы около двух лет сражались с городским советом, чтобы те дали нам разрешение на совладение — кондоминиум из четырехсот домов, и мы их практически дожали. Мои внутренние источники утверждают — и поверь мне, Шелли, я хорошо им плачу, — что мы получим разрешение через месяц. Следующее, что нам понадобится, — получить согласие жильцов. Разумеется, нам придется пообещать им право на получение сверхльгот. И тогда мы сможем начать перепланировку».

«И что?»

«Ну и... я к тому, что мне нужен менеджер по продажам. Я знаю, ты никогда не занимался недвижимостью, но я знаю и то, что ты настоящий гений торговли. Несколько лет назад, когда ты продал мне яхту за миллион долларов, ты сделал это так филигранно, что я вышел из аукционного зала с полным ощущением того, что ты оказал мне огромную услугу. Ты быстро учишься, и у тебя есть кое-что, чего нет ни у кого другого: мое доверие. Я полностью тебе доверяю. На тысячу процентов. Я пятнадцать лет играл с тобой в покер, и ты знаешь все эти наши шуточки о том, что, если будет землетрясение и закроют все дороги, мы будем играть по телефону».

Шелли кивнул.

«И знаешь что? Это не шутки! Я уверен в этом. Мы, наверное,

единственная покерная команда в мире, которая на это способна. Я доверяю тебе и всем остальным ребятам — безоговорочно. Так что давай, Шелли, поработай со мной. Черт побери, я собираюсь так долго держать тебя на корте, чтобы тренироваться перед национальным чемпионатом, что с любой другой работы тебя все равно уволят!»

Шелли согласился работать на Вилли. За те же шестьдесят тысяч долларов в год, которые получал на прошлой работе. Плюс комиссионные. Но и это еще не все. Вилли хотел защитить игру, он хотел быть уверен в том, что Шелли будет продолжать играть с ними в покер.

«Помнишь ту яхту за миллион долларов? Я пару раз отлично провел на ней время, но не на миллион долларов. Удовольствие, которое она мне принесла, несравнимо с удовольствием, которое я получаю, играя в покер. Это не идет ни в какое сравнение. И если бы мне пришлось от чего-то отказаться, если бы я должен был выбирать между яхтой и покером, я бы выкинул эту лодку, не раздумывая ни минуты. Я хочу, чтобы мы играли, и играли, и играли — точно так же, как всегда. Сказать по правде, две последние игры без тебя не принесли мне особого удовольствия. Вместо тебя играл Диллон. Он такой прижимистый, так крепко сжимал карты, что дамы с валетами рыдали. Он скидывает карты в девяти случаях из десяти. Скучный вечер. Из игры ушла жизнь. Стоит потерять одного парня вроде тебя, и вся игра летит под откос. Так что скажи мне, Шелли, — и я клянусь, это останется между нами, — что тебе нужно, чтобы продолжать играть?»

Шелли объяснил, что все пятнадцать лет он играл на сорок тысяч покерного счета и играл бы на них и дальше, если бы ему не пришла тогда та чертова карта. Вилли сразу же предложил ему сорок тысяч долларов — беспроцентную возобновляемую ссуду на десять лет, о которой Норма ничего не узнает.

Шелли колебался.

«Пусть это будет аванс», — предложил Вилли.

«Ну...» — протянул Шелли.

Вилли понял, в чем дело, и сразу же придумал способ предложить другу деньги так, чтобы не ставить под угрозу их отношения.

«У меня есть идея получше, Шелли. Давай удержим десять тысяч из твоей официальной зарплаты, то есть из тех денег, о которых будет знать Норма. А я дам тебе аванс — сорок тысяч, который мы спрячем на офшорном счету на Багамах. Через четыре года ты рассчитаешься со мной. Ты все равно будешь получать еще и комиссионные к зарплате». Вот так Шелли выиграл на скачках. И получил работу. И вечный билет на покер. Теперь даже Норма не сможет отрицать пользу, которую приносит его

небольшая дружеская игра с нужными людьми. Вот это лень, думал Шелли после разговора с другом, стоя в длинной очереди в двадцатидолларовое окошко, чтобы получить свой выигрыш. Практически идеальный день. Только одно плохо: почему этот разговор не произошел на прошлой неделе! Или вчера. Или хотя бы сегодня утром/ Сейчас я стоял бы в стодолларовое окошко с целой кипой купонов. Восемь к восьмидесяти! Черт возьми, вот это лошадь.

Маршал приехал в «Avocado Joe's» заранее. Он очутился перед расцвеченным неоном казино, прямо у главного входа которого, в витрине, стояла ярко-красная «Mazda Miata» с открытым верхом. Как объяснил швейцар, это был промо-приз, который будет разыгрываться в следующем месяце. Поднявшись еще на десять или пятнадцать ступенек в густое облако табачного дыма, Маршал огляделся по сторонам и вернулся к машине. Его наряд был слишком официальным для этого заведения, а он совсем не хотел привлекать к себе внимание. Максимум, что позволяли себе игроки «Avocado Joe's», — это куртки стиля калифорнийских золотоискателей.

Маршал сделал несколько глубоких вдохов, чтобы прочистить легкие, потом перегнал машину в самый темный угол ярко освещенной парковки. Убедившись, что его никто не видит, он забрался на заднее сиденье, снял галстук и белую рубашку, открыл спортивную сумку и достал куртку от спортивного костюма. Нет, не то. Оставались начищенные черные ботинки и темно-синие брюки. Он будет привлекать к себе намного меньше внимания, если сменит стиль полностью. Он надел кроссовки, в которых играл в баскетбол, и влез в спортивные штаны, пряча лицо от двух женщин, которые припарковались рядом и, перешептываясь, заглядывали в салон его автомобиля.

Маршал подождал, пока они ушли, последний раз полной грудью вдохнул чистый воздух и вернулся в казино. Огромный главный холл был разделен на два игровых зала. В одном играли в западный покер, а в другом — в азиатские азартные игры. В западном зале стояли пятнадцать покрытых зеленым сукном покерных столов в форме подковы, освещенные висячими люстрами, — подделка под Тиффани. Вокруг каждого стола стояли десять стульев для игроков, в центре — место крупье. Три угла занимали холодильники с кока-колой, а в четвертом стоял огромный торговый автомат, набитый дешевыми куклами и мягкими игрушками. За четыре двадцатицентовые монеты вы получаете право попытаться вытащить один из призов, управляя несколькими железными клешнями. Маршал не видел таких автоматов с тех самых пор, когда ребенком гулял



по деревянным тротуарам Атлантик-Сити.

За каждым из пятнадцати столов играли в техасский холдем. Столы отличались лишь своими габаритами и разрешенным размером ставок. Маршал подошел к столу, где ставили по пять — десять долларов, встал за спиной одного из игроков и заглянул в его карты. Он прочитал книгу, которую оставил ему Шелли, чтобы понять основные правила. Каждому игроку выдаются две карты втемную. Пять открытых карт кладется в центр стола, и они являются общими для всех игроков: первые три выкладываются вместе («флоп»), потом четвертая и пятая по отдельности («четвертая улица» и «пятая улица»).

На кону стояла крупная сумма денег. Маршал подошел ближе к столу, чтобы было лучше видно, но тут появился пит-босс.<sup>[32]</sup> Дасти, рыжеволосая копия Алана Лэдда с сигарой во рту, явно не нуждался в тренингах уверенности в себе. Он быстро подошел к Маршалу, оглядел его с ног до головы, уделив особое внимание его воздухопроницаемым баскетбольным кроссовкам.

«Здорово, приятель, — сказал он, — что это ты тут делаешь? Перерыв?»

«Смотрю, — ответил Маршал. — Сейчас придет мой приятель, и мы тоже сядем играть».

«Смотришь? Ты что, шутишь? Ты что же это, думаешь, что ты вот так просто можешь стоять здесь и смотреть? Ты хоть задумывался, нравится ли это игрокам? Слушай, мы тут очень трепетно относимся к чувствам! Как тебя зовут?»

«Маршал».

«Так вот, Маршал, когда соберешься играть, подойди ко мне, и я внесу тебя в список ожидающих. Сейчас все столы заняты».

Дасти собрался было уходить, но обернулся и улыбнулся Маршалу: «Эй, шериф, рад тебя здесь видеть. Нет, серьезно. Добро пожаловать в «Avocado Joe's». Но если сейчас, пока ты не начал играть, тебе захочется сделать что-то — да что угодно... не делай этого. Сначала подойди ко мне. Если хочешь понаблюдать, иди вон туда, — Дасти показал на галерею за стеклянной перегородкой, — или в азиатский зал; там такие страсти кипят — одно удовольствие смотреть».

Маршал направился к выходу из зала. Он услышал, как Дасти говорит одному из крупье, который закрыл стол на перерыв: «Посмотреть хочет! Можешь себе представить? Он бы еще камеру принес!»

Маршал чувствовал себя глупо. Он тихонько вышел в коридор и продолжил осмотр. В центре каждого стола на десять игроков сидел крупье

в униформе казино: темные брюки и яркая цветастая жилетка. Каждые несколько минут победитель круга бросал крупье фишку, которой тот звонко щелкал по столу, прежде чем положить ее во внутренний карман жилетки. Маршал догадался, что это условный знак: крупье подавал менеджеру этажа сигнал о том, что в карман идут его личные чаевые, а не деньги казино. Архаизм, разумеется, потому что происходящее за каждым столом записывалось на пленку, чтобы выявить возможные нарушения. Маршал никогда не был сентиментальным, но ему понравился этот небольшой реверанс в сторону традиций в суматохе «Avocado Joe's», этого храма погони за выгодой и длинным рублем.

При открытии каждой сдачи техасского холдема трое из десяти игроков по очереди должны были делать ставки. Крупье делил начальную ставку на три части: одна оставалась у него, вторую опускал в прорезь стола — это была плата казино за игру, — а третья шла в джекпот. Джекпот составлял около десяти тысяч долларов, большую его часть получал победитель и обладатель второй по величине руки, но определенную сумму делили между собой остальные игроки стола. Каждые минут двадцать крупье уступал место сменщику. Маршал видел, как игроки, которым везло при крупье, совали крупье, когда тот уходил на перерыв.

Маршал закашлялся и попытался разогнать табачный дым у своего носа. Смешно приходить в «Avocado Joe's», в этот храм болезни, в спортивном костюме. У всех посетителей был нездоровый вид. Маршала окружали мрачные землистого цвета лица. Многие игроки находились здесь уже десять-пятнадцать часов подряд. Все курили. Плоть тучных игроков свисала со стульев. Две анорексичные официантки пронеслись мимо Маршала, обмахиваясь пустыми подносами; перед некоторыми игроками стояли миниатюрные электрические фены, разгоняющие табачный дым; другие, не отрываясь от игры, жадно поглощали пищу — фирменным блюдом были креветки в желеобразном лобстерном соусе. Игроки были одеты неформально и довольно экстравагантно: один, с жиденькой белой бородкой, был обут в турецкие шлепанцы с закрученными остроконечными носами и носил красную феску. Другие предпочитали тяжелые ковбойские сапоги и шляпы «стетсон» с широкими полями. Маршал даже нашел обладателя японской матросской формы сороковых годов и несколько пожилых женщин в аккуратных цветастых платьях а-ля пятидесятые, застегнутых до самого подбородка. Многие пришли в деловых костюмах с синими галстуками.

Разговоры велись только об играх. Везде и всюду. Кто-то обсуждал лотерею, организованную администрацией Калифорнии. Кто-то развлекал

слушателей рассказом о том, как сегодня в Эль-Камино при ставках девяносто к одному выиграла лошадь, которая пришла к финишу на трех ногах. Неподалеку разворачивалась интересная сцена: мужчина отдавал своей спутнице пачку банкнот со словами: «Запомни, что бы я ни делал — если я буду умолять тебя, угрожать, проклинать тебя, плакать, все равно что, — посылай меня ко всем чертям, бей меня коленом в пах, а если будет совсем туго, используй приемы карате. Но не отдавай мне эти деньги! Это наш отдых на Карибских островах. Но сначала иди и возьми такси до дому». Кто-то орал на менеджера этажа, пытаясь заставить его включить хоккейный автомат «Shark». В зале стояла дюжина телевизоров, которые транслировали баскетбольные матчи. Каждый из них окружала толпа игроков, которые поставили на них. Все, абсолютно все делали какие-то ставки.

«Ролекс» показывал без пяти восемь. Мистер Мерри-мен должен приехать с минуты на минуту. Маршал решил подождать его в ресторане, который оказался небольшой прокуренной комнатой, в которой доминировала массивная дубовая барная стойка. Везде — подделки под Тиффани: лампы, пепельницы, стеклянные шкафчики, витражи. В одном углу стоял бильярдный стол, окруженный толпой болельщиков. Они уже сделали ставки и теперь следили за напряженной игрой.

Еда была такой же нездоровой, как и воздух. Салатов в меню не было. Маршал несколько раз просмотрел меню в поисках наименее токсичного блюда. «А?» — переспросила анорексичная официантка, когда он спросил ее, возможно ли приготовить овощи на пару. То же самое он услышал, когда поинтересовался, какое масло используется при приготовлении соуса к креветкам и лобстерам. В конце концов он остановился на ростбифе без подливки и салате из помидоров и латука. Он ел мясо первый раз за много лет, но, по крайней мере, он знал, что будет есть.

«Здорово, док. Как дела? Приветик, Шейла. — Шелли плюхнулся на стул рядом с Маршалом и послал воздушный поцелуй официантке. — Принеси-ка мне то же самое, что и доку. Он плохого не закажет. Но не забудь подливку. — Он нагнулся к соседнему столику и пожал руку мужчине, читающему программку скачек. — Джейсон, у меня есть для тебя лошадка что надо! Через две недели будет дерби в Дель-Маро. Копи деньжишки. Я сделаю тебя богатым — и твоих внуков тоже. Увидимся позже; мне тут надо проверить одно дельце с приятелем».

«Вот это его стихия», — подумал Маршал. «У вас хорошее настроение, мистер Мерримен. Удачная партия в теннис?»

«Самая удачная. Вы сидите за одним столом с участником

калифорнийского парного турнира! Да, док, я отлично себя чувствую — благодаря теннису, благодаря моим друзьям и благодаря вам».

«Итак, мистер Мерримен...»

«Т-с-с, док. Никаких «Мистеров Меррименов». Забудьте об этом здесь. Надо быть как все. Здесь я Шелли. Шелли и Маршал, ладно?»

«Хорошо, Шелли. Перейдем к делу? Вы собирались рассказать мне, что я должен делать. Должен сказать, что завтра у меня с самого утра встречи с пациентами, так что я не смогу остаться здесь до конца. Помните, мы договаривались о двух с половиной часах. Сто пятьдесят минут — и я ухожу».

«Вас понял. Приступим».

Маршал кивнул, выковыривая из своего ростбифа кусочки жира. Потом он соорудил сандвич, положил сверху кусочки помидора и увядшие листики салата, полил кетчупом и начал есть, пока Шелли рассказывал, что им нужно будет сделать этим вечером.

«Вы прочитали брошюру по тexasскому холдему, которую я вам давал?»

Маршал снова кивнул.

«Отлично. Значит, вы уже можете садиться играть. Все, что я хочу от вас, — это чтобы вы были достаточно информированы, чтобы не привлекать к себе внимания. Я не хочу, чтобы вы думали только о картах, и я не хочу, чтобы вы играли. Я хочу, чтобы вы наблюдали за мной. Скоро откроется стол, где ставка — двадцать — сорок долларов. Вот как идет игра: начальная ставка делается по очереди — три парня должны делать ставки на каждую сдачу. Один ставит пять баксов. Это «батт», который забирает казино, — на оплату стола и зарплату для крупье. Второй игрок, «слепой», ставит двадцать баксов. Игрок рядом с ним — «двойной слепой», ставит десять. Пока сечете?»

«Значит ли это, — уточнил Маршал, — что тот, кто поставил двадцать долларов, смотрит флоп, не делая больше ставок?»

«Точно. Если ставку не подняли. Это значит, что ты заплатил за флоп и один раз за круг должен смотреть его. Будет скорее всего девять игроков, так что получается один раз каждые девять рук. Остальные вы пасуете. Не играйте первую ставку, док, повторяю, не играйте. Это значит, что каждый круг вам придется ставить три анте, всего тридцать пять баксов. Весь круг на девять игроков займет около двадцати пяти минут. Так что максимум вы потеряете семьдесят долларов в час. Если, конечно, не наделаете глупостей и не будете разыгрывать свою руку.

Вы хотите уйти через два часа? — поинтересовался Шелли, когда

официантка принесла ему его ростбиф, плавающий в жирной подливке. — Вот что я вам скажу. Давайте поиграем полтора часа или час сорок, а потом полчаса поговорим. Я решил покрыть все ваши расходы — я сегодня щедрый, так что вот возьмите сто баксов». Шелли выудил из бумажника стодолларовую купюру.

Маршал взял деньги. «Так, посмотрим... сто долларов... что получается? — Он достал ручку и начал считать на салфетке: — Тридцать пять долларов каждые двадцать пять минут, вы хотите, чтобы я играл час сорок, это сто минут. Получается сто сорок долларов. Так?»

«Хорошо, хорошо. Вот еще сорок долларов. И еще — вот вам двести долларов в качестве ссуды на этот вечер. Лучше для начала купить фишек на триста долларов — это выглядит солиднее. Так вы не будете привлекать к себе внимание, не будете казаться неумехой. Вы снова обналичите их, когда мы будем уходить».

Шелли жадно поглощал свой ростбиф, макая хлеб в подливку. «А теперь слушайте меня внимательно, док, — продолжал он, не отрываясь от еды. — Если вы проиграете больше ста сорока долларов — это ваши проблемы. Потому что это может произойти лишь в одном случае — если вы начнете разыгрывать свои карты. А я бы вам не советовал делать это. Здесь собираются классные игроки. Большинство играют по три, по четыре раза в неделю. Многие зарабатывают этим на жизнь. К тому же, если вы будете играть, вы не сможете наблюдать за мной. А ведь именно для этого мы устроили нашу маленькую вылазку. Так ведь?»

«В вашей книге написано, что при определенных картах игрок должен смотреть флоп каждый раз: пары крупных карт, туз и король одной масти», — сказал Маршал.

«Да нет же, черт возьми. Не в мое время. Док, после того как я уйду, делайте, что угодно. Играйте как хотите».

«Почему это ваше время?» — спросил Маршал.

«Потому что я оплачиваю все ваши начальные ставки. К тому же это еще время моего официального терапевтического сеанса, хотя и последнего».

«Думаю, да», — кивнул Маршал.

«Нет, нет, подождите, док. Я понимаю, о чем вы. Кто, как не я, может понять, как трудно пасовать при хорошей карте. Это жестокое и редкое наказание. Предлагаю компромисс. Каждый раз, когда первыми к вам приходят два туза, два короля или две дамы, вы делаете ставку, чтобы посмотреть флоп. Если флоп не улучшает вашу руку, то есть если у вас не набираются три карты одной масти или две пары из флопа, тогда вы

пасуете, следующую ставку вы не делаете. А потом, разумеется, мы делим весь выигрыш пополам».

«Пополам? — удивился Маршал. — Разве разрешается игрокам за одним столом делить выигрыш? И будете ли вы так же оплачивать половину моего проигрыша?»

«Хорошо. Ладно. Я сегодня щедрый. Весь ваш выигрыш можете оставить себе, но вы должны разыгрывать только пары тузов, королей и дам. При любых других картах — пасуйте. Даже если вам достанутся туз и король одной масти! Иначе я умываю руки — проиграете так проиграете. Теперь все понятно?»

«Да».

«Теперь обсудим главное — зачем вы здесь. Я хочу, чтобы вы наблюдали за мной, когда я буду делать ставки. Сегодня я собираюсь часто блефовать, так что смотрите, буду ли я выдавать какие-нибудь «маячки», — ну, вы знаете, то, что вы заметили тогда, на сеансе: движения ног и все такое прочее».

Через несколько минут имена Маршала и Шелли объявили по громкой связи: их приглашали присоединиться к игре за столом со ставками от двадцати до сорока долларов. Игроки любезно поприветствовали вновь прибывших. Шелли поздоровался с крупье: «Как делишки, Эл? Слушай, дай-ка мне вон тех кругляшков на пять сотен и позаботься о моем друге, он новичок в игре. Я пытаюсь его развратить, и мне нужна твоя помощь».

Маршал поменял на фишки пятьсот долларов. Теперь перед ним лежала кучка красных пятидолларовых фишек и кучка полосатых сине-белых двадцатидолларовых фишек. На второй сдаче Маршал был «слепым» — он должен был поставить двадцать долларов на две «темные» карты и смотреть флоп — три мелкие пики. У Маршала на руках были две пики — двойка и семерка, так что у него получился флеш на пять карт. Следующая карта, «четвертая улица», тоже вышла пиковая, мелкая. Маршал, ослепленный выпавшим ему флешем, забыл инструкции Шелли и остался в игре, два раза повысив ставку на двадцать долларов. Когда все игроки открыли карты, Маршал показал двойку и семерку пик и гордо произнес: «Флеш». Но у трех других игроков оказались более высокие флешы.

Шелли наклонился к нему и подчеркнуто мягко произнес: «Маршал, когда во флопе оказываются четыре пики, это значит, что у каждого, у кого есть хотя бы одна пиковая карта, оказывается флеш. Ваши шесть пик не лучше, чем пять пик любого другого игрока, а вашу семерку пик обязательно побьет более крупная карта. Как вы думаете, почему все остальные игроки не стали делать ставки? Всегда задавайте себе этот

вопрос. У них просто не могло не быть флешей. Такими темпами, друг мой, за час вы потеряете, по моим подсчетам, около девятисот ваших, — Шелли особенно выделил слово «ваших», — денег, заработанных честным трудом».

Услышав его слова, один из игроков — высокий брюнет в сером костюме от Борсалино и с «Ролексом» на запястье, подсчитывающий фишки, — сказал: «Приятель, а как насчет поменять фишки обратно и бросить это дело... поспать немного... но... хм... парень, который разыгрывает флеш от семерки... тебе бы лучше еще походить в теоретиках».

Маршала бросило в краску, но крупье утешил его: «Не бери в голову, Маршал. Сдается мне, ты уже скоро в этом разберешься, а вот тогда-то ты и надерешь им задницу!» Как потом понял Маршал, хороший крупье — это в своем роде непризнанный групповой терапевт, который всегда готов остудить страсти и поддержать игроков: спокойствие за столом всегда приносит большие чаевые.

После этого Маршал играл осторожно и постоянно пасовал. Несколько игроков добродушно выразили свое недовольство такой прижимистостью, но Шелли и крупье встали на защиту Маршала и попросили их проявить понимание и подождать, пока он не разберется, что и как. Через полчаса он получил двух тузов, во флопе оказались туз и пара двоек, так что Маршал собрал полный боут тузов. В этот раз ставок было мало, но он выиграл двести пятьдесят долларов. Все остальное время Маршал неусыпно следил за Шелли, изредка осторожно делая пометки в блокноте. Казалось, никто не обращает на это внимание, кроме миниатюрной женщины с восточной внешностью, которую едва можно было разглядеть за горами выигранных фишек, высившихся перед ней на столе. Она вытянула шею, перегнувшись через стопку полосатых черно-белых двадцатидолларовых фишек и обратилась к Маршалу, указывая на его блокнот: «И не забудьте, большой стрейт бьет крошечный полный боут! Хи-хи-хи».

Шелли делал ставки значительно активнее всех остальных игроков. Казалось, он знает, что делает. Но когда у него оказалась выигрышная рука, мало кто ставил с ним. А когда он блефовал, даже при наилучшем раскладе на столе, один или два игрока с минимальными картами всегда делали ставки и побивали его. Когда кто-то сделал ставку на закрытую руку, Шелли почему-то воздержался. Хотя ему шли достаточно хорошие карты, стопка его фишек постепенно уменьшалась, и по прошествии полутора часов он проиграл все свои пятьсот долларов. Маршал быстро понял, почему так получилось.

Шелли встал, бросил крупье на чай несколько оставшихся фишек и направился в ресторан. Маршал поменял свои фишки и последовал за ним.

«Ну что, док? Были «маячки?»»

«Знаете, Шелли, я, конечно, новичок в этом деле, но мне кажется, что вы бы рассказали своим противникам о своих картах лучше только в том случае, если бы семафорили им».

«Да вы что? Это как?»

«Это такая сигнальная система — флажки, которая используется на кораблях, чтобы подавать сигналы другим кораблям».

«А, да. Все так плохо, да?»

Маршал кивнул.

«Например? Что конкретно?»

«Ну, для начала: вы помните, когда у вас на руках оказывалась крупная карта? Я насчитал шесть раз: четыре фулл-хауса, большой стрейт и большой флеш».

Шелли задумчиво улыбнулся, словно вспоминая бывших любовниц: «Да, я помню их все. Какие они были замечательные».

«Но, — продолжал Маршал, — я заметил, что все остальные игроки за нашим столом, которым выпадала подобная карта, всегда выигрывали больше денег, чем вы, — значительно больше, по меньшей мере в два-три раза. На самом деле я бы даже не сказал, что у вас была крупная карта, скорее просто неплохая, потому что вам ни разу не удалось выиграть с этим крупную сумму денег».

«Что это значит?»

«А это значит, что новость о том, что у вас хорошая карта, распространялась по столу, словно лесной пожар».

«Как я это показывал?»

«Позвольте перейти к моим наблюдениям. Мне показалось, что, когда у вас на руках оказывались хорошие карты, вы сильнее сжимали их».

«Сжимал?»

«Да, вы охраняете их так, словно у вас в руках ключи от Форта Нокса. Вы давите на них так, что согнули бы и велосипедное колесо. И еще, когда у вас на руках боут, вы смотрите на фишки, прежде чем сделать ставку. Кажется, было что-то еще... — Маршал листал блокнот. — Да, вот, нашел. Каждый раз, когда у вас на руках оказывается хорошая карта, вы отводите взгляд от стола, смотрите в пространство, словно пытаетесь рассмотреть баскетбольный матч на экране телевизора, который там стоит. Полагаю, вы делаете это, чтобы показать своим соперникам, что ваши карты не заслуживают особого внимания. Но когда вы начинаете блефовать, вы



буквально впиваетесь глазами в лица, словно пытаетесь смутить их, запугать, отговорить делать ставки».

«Да вы шутите, док? Я все это проделываю? Быть не может! Знаю я все это, я читал об этом у Майка Каро в «Маячках». Но я и представить себе не мог, что я делаю это! — Шелли вскочил и обнял Маршала. — Док, вот это я называю настоящей терапией! Высший терапевтический пилотаж! Мне просто не терпится вернуться в игру — теперь я буду показывать все свои «маячки» наоборот. Я их так запутаю, что эти джокеры даже не поймут, как проиграли!» «Подождите, еще не все. Хотите послушать дальше?» «Разумеется. Но давайте побыстрее. Мне обязательно нужно заполучить то же самое место за столом. О! Знаю, я зарезервирую его!» Шелли подбежал к Дасту, питбоссу, хлопнул его по плечу, прошептал что-то на ухо и сунул десятку. Вернувшись к Маршалу тем же темпом, Шелли весь обратился в слух.

«Продолжайте, док, у вас здорово получается».

«Еще два момента. Если вы смотрите на фишки, скорее всего, чтобы подсчитать их, сомневаться не приходится — у вас хорошая карта. Кажется, я уже говорил об этом. Но я не сказал, что, когда вы блефуете, вы никогда не смотрите на фишки. И еще, не столь заметный «маячок», я не очень в нем уверен...»

«Рассказывайте, док. Я хочу услышать все, что у вас есть. Каждое ваше слово — золото, говорю вам!»

«В общем, мне показалось, что, когда у вас хорошая карта, вы очень осторожно кладете деньги на стол, когда делаете ставку. И кладете их недалеко от себя, руку почти не вытягиваете. А когда блефуете, наоборот, более агрессивно и фишки бросаете на самую середину стола. А еще, когда блефуете — но не всегда, — вы то и дело смотрите на свои неудачные карты, словно надеетесь, что они изменились. И еще, последнее: вы всегда остаетесь в игре до конца, даже когда уже весь стол понимает, что у кого-то на руках полный набор. Мне кажется, вы слишком много внимания уделяете своим картам и не думаете об остальных игроках. Вот, собственно, и все». Маршал собрался было разорвать листочек с записями, но Шелли остановил его:

«Нет, не надо, док. Не рвите. Отдайте его мне. Я этот листик в рамку вставлю. Нет, лучше я заламинирую его и буду носить с собой — счастливый талисман, краеугольный камень удачи Мерримена. Слушайте, док, я должен бежать — это уникальная возможность... — Шелли кивнул в сторону покерного стола, за которым они только что играли: — Такого сборища простофиль еще поискать. Да, кстати, чуть не забыл. Вот письмо,

которое я вам обещал».

Маршал пробежал глазами письмо, которое дал ему Шелли:

КОМУ: Всем заинтересованным лицам

Данным подтверждаю, что доктор Маршал Стрейдер провел со мной высокоэффективный терапевтический курс. Я считаю себя полностью излечившимся и избавленным от всех неприятных симптомов, явившихся следствием терапии доктора Пейнда.

ШЕЛЛИ МЕРРИМЕН

«Ну как?» — поинтересовался Шелли.

«Отлично, — ответил Маршал. — Вот только не могли бы вы поставить дату».

Шелли поставил дату, а потом импульсивно приписал снизу:

Настоящим отказываюсь от каких бы то ни было претензий к Институту психоанализа (Сан-Франциско).

«Ну как?»

«Еще лучше. Благодарю вас, мистер Мерримен. Завтра я пришлю вам письмо, которое обещал».

«Тогда мы квиты. Рука руку моет. Знаете что, док, я тут подумал... так, наброски, пока ничего конкретного... но вы могли бы сделать отличную карьеру в покерном консультировании. У вас просто фантастически это получается. Или мне так кажется. Посмотрим, что будет, когда я вернусь за покерный стол. Но давайте когда-нибудь пообедаем вместе. Может, вам удастся уговорить меня стать вашим агентом. Только посмотрите вокруг — сотни неудачников, у каждого свои воздушные замки, и все они хотят играть лучше. А это еще не самое крупное казино, другие намного больше: «Garden City», «Клуб 101». Они заплатят любые деньги. Я в два счета обеспечу вам клиентуру... или организуем семинары — пара сотен игроков, сотня баксов с каждого, двадцать тысяч в день. Разумеется, я регулярно буду получать проценты... Подумайте об этом. Мне пора идти. Я вам позвоню. Я должен воспользоваться этой возможностью».

С этими словами Шелли вразвалочку пошел обратно к столу, где играли в тexasский холдем, напевая «зип-а-ди-ду-да, зип-а-ди-дзень».

Маршал вышел из «Avocado Joe's» и направился к парковке. Половина двенадцатого. Через полчаса он позвонит Питеру.

## Глава 21

В ночь перед встречей с Каролин Эрнесту приснился яркий сон. Он вскочил и записал его: Я бегу по зданию аэропорта. В толпе пассажиров я замечаю Каролин. Я очень рад видеть ее. Я бегу к ней и пытаюсь обнять, но у нее в руках сумка, так что эти объятия получаются неуклюжими и не приносят мне удовольствия.

Вспомнив утром этот сон, Эрнест вспомнил, к какому решению пришел после разговора с Полом: истина привела меня сюда, истина и поможет найти выход! Он решил сделать то, чего никогда раньше не делал. Он расскажет пациентке свой сон.

Так он и поступил. Кэрл была заинтригована: Эрнест рассказывает ей сон, в котором он обнимает ее. После последнего сеанса Кэрл начала думать, а не заблуждается ли она в отношении Эрнеста. Она теряла надежду заставить его скомпрометировать себя. И вот сегодня, сейчас, он говорит, что видит ее во сне. Может, это приведет их к чему-то, думала она. Но без особой уверенности: она понимала, что ситуация вышла из-под контроля. Для мозгоправа Эрнест вел себя совершенно непредсказуемо; практически на каждом сеансе он говорил или делал что-то, что удивляло ее. И практически на каждом сеансе он открывал ей что-то о ней самой, о чем она и не догадывалась.

«Да уж, Эрнест, это действительно странно, потому что я тоже видела вас во сне сегодня. Не это ли Юнг называл синхронистичностью?»

«Не совсем так. Думаю, синхронистичностью Юнг называл совпадение двух связанных между собой явлений, один из которых относится к субъективной реальности, а другой — к объективной, физической. Помнится, он где-то описывал случай из своей практики: они с пациентом разбирали сон, в котором фигурировал древнеегипетский скарабей, и вдруг увидели, что в окно бьется настоящий жук, словно пытается попасть в кабинет.

Я никогда не мог понять смысл этой концепции, — продолжал Эрнест. — Думаю, что многих людей настолько пугают случайности, которыми изобилует наша жизнь, что они утешают себя верой в некую космическую взаимосвязанность всего сущего. Меня никогда не привлекала эта идея. Почему-то случайности и мысль о безразличии природы никогда не выбивали меня из колеи. Почему совпадения вызывают такой ужас? Почему совпадение не может быть просто совпадением, и

ничем иным?

Что же касается того факта, что мы видим друг друга во сне... Что вас удивляет? Мне кажется, что при такой интенсивности нашего общения и достаточно интимном его характере было бы, наоборот, удивительно, если бы мы не видели друг друга во сне! Простите меня, Каролин, вам, наверное, кажется, что я читаю нотации. Но идеи вроде этой «синхронистичности» вызывают у меня бурю эмоций: мне часто кажется, что я в ползу по ничейной земле между фрейдистским догматизмом и юнгианским мистицизмом».

«Нет, Эрнест, продолжайте, я совершенно не против. Мне даже нравится, когда вы вот так делитесь со мной своими мыслями. Но у вас есть одна привычка, которая действительно делает вашу речь похожей на нотации: вы чуть ли не после каждого слова произносите мое имя!»

«Правда? Не замечал».

«Ничего, что я говорю об этом?»

«Что вы! Я только рад. Это говорит о том, что вы начинаете воспринимать меня серьезно».

Кэрол наклонилась к Эрнесту и крепко пожала его руку.

Он ответил на ее рукопожатие и произнес: «Но нам еще много нужно сделать сегодня. Вернемся к моему сну. Скажите, что вы думаете об этом».

«О нет, Эрнест, это ваш сон. Так что это вы мне скажите, что вы думаете об этом».

«Что ж, ваша правда. На самом деле психотерапия часто появляется в снах как некое путешествие. Так что, я думаю, аэропорт из моего сна — это наша терапия. Я пытаюсь быть ближе к вам, обнять вас. Но вы выставляете препятствие — вашу сумку».

«А что представляет собой сумка, Эрнест? Я так странно себя чувствую — словно мы поменялись ролями».

«Ничего страшного, Каролин. Это даже хорошо, я только за; самое важное, чтобы мы с вами оставались честны друг с другом. Итак, первое, что приходит в голову: Фрейд часто повторял, что сумка, кошелек часто символизируют собой женские половые органы. Как я уже говорил, я не являюсь приверженцем фрейдистской догмы, но я не хочу вместе с водой выплеснуть и ребенка. У Фрейда столько разумных идей, что было бы глупо игнорировать их. К тому же однажды, несколько лет назад, я принимал участие в эксперименте: женщин под гипнозом просили представить, что они занимаются любовью с мужчиной своей мечты. Но при этом они не должны были видеть непосредственно половой акт. И поразительно большое количество женщин использовали символ сумки —

то есть этот мужчина приходит к женщине и кладет что-то в ее сумку».

«То есть, Эрнест, этот сон говорит...»

«Полагаю, этот сон говорит о том, что мы с вами вступаем в терапевтические взаимоотношения, но вы ставите между нами свою сексуальность так, что она мешает нам достичь истинной близости».

Кэрол помолчала немного, а потом произнесла: «Но сон можно трактовать и иначе. Эта интерпретация более простая, более прямая: вас влечет ко мне как к женщине, эти объятия символизируют сексуальные отношения. В конце концов, это же вы стали их инициатором в этом сне?»

«А что вы можете сказать о сумке как препятствии?» — поинтересовался Эрнест.

«Так говорил Фрейд, иногда сигара может быть просто сигарой. Так что почему бы сумке как символу женских гениталий не быть иногда просто сумкой? Сумкой с деньгами?»

«Да, ваша идея мне ясна... вы имеете в виду, что я хочу вас, как мужчина женщину, но деньги — а иными словами, наш профессиональный контракт — мне мешают. И что это фрустрирует меня».

Кэрол кивнула: «Именно. Ну и как вам такая интерпретация?»

«Она значительно проще, и я не сомневаюсь, что в ней есть доля правды. То есть если бы мы не встретились как терапевт и пациентка, я бы с удовольствием познакомился с вами как с женщиной. Мы уже говорили об этом на прошлом сеансе. Я не скрывал, что считаю вас красивой, привлекательной женщиной с удивительно живым, пронизательным умом».

Кэрол широко улыбнулась: «Этот сон начинает мне нравиться все больше и больше».

«Но, — продолжал Эрнест, — сны в большинстве своем оказываются сверхопределенными. И не стоит думать, что мой сон в обязательном порядке описывает оба этих желания: как желание работать с вами в качестве терапевта без вторжения и разрушающего действия сексуального компонента, так и желание познать вас как женщину без препятствия в виде нашего с вами профессионального контракта. И я должен решить эту дилемму».

Эрнест удивился, насколько далеко он зашел в своей искренности. Вот он, здесь и сейчас, в здравом уме и трезвой памяти, говорит пациентке такое, о чем несколько недель назад и помыслить не мог. И, насколько он понимал, он себя полностью контролировал. Он больше не испытывал желания соблазнить Каролин. Он был искренен, но в то же время ответствен и терапевтически эффективен.

«А деньги, Эрнест? Иногда я замечаю, что вы поглядываете на часы, и мне кажется, что я для вас лишь источник дохода и что с каждым движением стрелок в ваш кошелек падает еще один доллар».

«Каролин, деньги не имеют для меня большого значения. Я зарабатываю больше, чем могу потратить, и я редко думаю о деньгах. Но я должен следить за временем, Каролин. Ведь когда вы работаете с клиентом, вы тоже должны укладываться в расписание. Однако у меня никогда не возникало желания, чтобы наш час поскорее закончился. Ни разу. Я всегда с нетерпением жду встречи с вами, я ценю время, которое мы проводим вместе, и чаще всего мне очень жаль, что наше время истекло».

Кэрол опять замолчала. Как неприятно осознавать, что она польщена словами Эрнеста. Как неприятно осознавать, что он скорее всего говорит правду. Как неприятно осознавать, что иногда он больше не вызывает у нее омерзение.

«Еще я думал о содержимом сумки, Каролин. Разумеется, как вы и предположили, первое, о чем я подумал, — это деньги. Но что еще может там лежать, что становится на пути нашей близости?»

«Не уверена, что понимаю вас, Эрнест».

«Я хочу сказать, что я, вероятно, кажусь вам вовсе не таким, какой я есть на самом деле, потому что вам мешают какие-то устоявшиеся представления и предубеждения. Возможно, ваша голова занята чем-то прошлым, которое блокирует наши отношения: раны, нанесенные вам мужчинами, которые были в вашей жизни до меня, вашим отцом, братом, мужем. Или, может быть, ожиданием других отношений: вспомните Ральфа Кука и вспомните, как часто вы говорили мне: «Будьте таким, как Ральф Кук... будьте моим терапевтом-любовником». Иными словами, Каролин, вы говорите мне- «Я не хочу, чтобы вы были собой, Эрнест, будьте кем-нибудь другим».

А ведь он совершенно прав, подумала Кэрол, ошибается только в причинах такого ее поведения. Он так поумнел за последнее время, просто удивительно.

«А что снилось вам, Каролин? Думаю, из своего мне уже ничего не удастся выжать».

«Мне снилось, что мы с вами лежали в постели, полностью одетые, и, кажется, мы были...»

«Каролин, будьте добры, начните сначала и попытайтесь рассказывать ваш сон в настоящем времени, как если бы это происходило прямо сейчас. Этот нехитрый прием часто помогает оживить эмоциональный фон сна».

«Хорошо, вот что я запомнила. Мы с вами сидели...»

«Мы с вами сидим — не забывайте про настоящее время», — перебил ее Эрнест.

«Хорошо, мы с вами сидим или лежим в постели, полностью одетые, и вы проводите сеанс. Я хочу, чтобы вы были нежны со мной, но вы настороженны и держите дистанцию. Потом в комнату заходит какой-то мужчина. Он нелепый, низенький и толстый, черный как смоль, он безобразен. И я сразу же решаю попытаться соблазнить его. Это оказывается легко, и мы с ним начинаем заниматься сексом прямо рядом с вами, на той же кровати. Я все время думаю, что теперь-то вы увидите, как хороша я в постели, и заинтересуетесь мной. Тогда вы передумаете и тоже будете заниматься со мной сексом».

«Какие чувства вызывает этот сон?» «Фрустрация — из-за вас. Отвращение при виде этого мужчины — он был мерзкий, он источал зло. Я не знала, кто это — но в то же время знала. Это был Дювалье».

«Кто?»

«Дювалье. Гаитянский диктатор».

«Что вас связывает с Дювалье? Он сыграл какую-то роль в вашей жизни?»

«Вот это самое забавное. Абсолютно ничего. Я не думала о нем тысячу лет. Ума не приложу, почему я его вспомнила».

«Подумайте о Дювалье, Каролин. Какие ассоциации у вас вызывает это имя?»

«Никаких. Я не уверена даже, что могу вспомнить его лицо. Тиран. Грубый. Темный. Жестокий. Животное. А, да, точно, я недавно читала о нем статью. Говорят, он живет где-то во Франции, в нищете». «Но он же давно умер!»

«Нет, нет, это не старик. Это младший Дювалье. Это тот, кого называли Беби Док. Да, я уверена, что это был Беби Док. Не знаю, откуда я это знала, но это был именно он. Это имя пришло мне в голову сразу же, как только он вошел. Кажется, я уже говорила об этом».

«Нет, не говорили, Каролин, но мне кажется, что это ключ к разгадке сна».

«То есть?»

«Для начала обдумайте свой сон. Лучше дать волю ассоциациям — точно так же, как я прорабатывал свой сон».

«Посмотрим. Я помню, что была фрустрирована. Мы с вами лежали в постели, но ничего не было. Потом приходит этот гадкий коротышка, и мы с ним занимаемся сексом — тьфу, мерзость; странно, что я пошла на это — плюс еще странная какая-то логика: если вы увидите меня в деле, я смогу

расположить вас к себе. Чушь какая-то».

«Продолжайте, Каролин».

«Не сходится. То есть если я буду на ваших глазах заниматься сексом с каким-то нелепым мужчиной — вот, мол, смотрите, — мне вряд ли удастся завоевать ваше сердце. Наоборот, это скорее оттолкнет вас, нежели привлечет».

«Это было бы логично, если бы мы воспринимали этот сон буквально. Но я знаю, как выискать смысл этого сна. Предположим, что Дювалье — это не Дювалье, что он символизирует кого-то или что-то еще».

«Например?»

«Подумайте о его имени: Беби Док! Представьте, что этот человек олицетворяет какую-то часть меня: беби, малыш, более примитивная, базовая часть. Таким образом, во сне вы хотите вступить в сексуальные отношения с какой-то моей частью с надеждой на то, что тогда вы сможете завоевать и более зрелую часть меня, покорить всего меня.

Вот видите, Каролин, в таком виде сон обретает смысл: если вам удастся соблазнить какую-то часть меня, мое альтер-эго, за остальным делом не встанет!»

Кэрл молчала.

«Что вы об этом думаете, Каролин?»

«Отличная интерпретация, Эрнест, действительно хорошая», — отозвалась Кэрл и подумала: Даже лучше, чем ты можешь себе представить!

«Итак, Каролин, давайте подведем итог: моя трактовка обоих снов — вашего и моего — приводит нас к одному и тому же выводу: вы приходите сюда, вы испытываете ко мне сильные чувства, вы хотите прикоснуться ко мне, обнимать меня, но при всем при этом вы против истинной близости между нами.

И, знаете, Каролин, эти послания, которые мы с вами нашли в снах, перекликаются с теми чувствами, которые вызывают во мне наши взаимоотношения. Несколько недель назад я прямо заявил, что буду искренен с вами, что буду честно отвечать на все ваши вопросы. Но вы так ни разу и не воспользовались этой возможностью. Вы говорите, что хотели бы, чтобы я стал вашим любовником, но вас интересовала только моя холостяцкая жизнь, вы даже не пытались узнать меня самого. Я собираюсь и дальше плотно прорабатывать с вами этот аспект наших отношений, Каролин, потому что это центральный момент, он действительно близок к сути проблемы. Я собираюсь и дальше поощрять честность в наших отношениях. А для того, чтобы быть честной со мной, вам придется узнать



меня, поверить мне, чтобы полностью раскрыться передо мной. И этот опыт станет первым шагом на вашем пути к себе в самом глубоком понимании этого слова, к тому, чтобы стать собой с другим мужчиной, которого вы вот-вот встретите». Кэрол промолчала и посмотрела на часы. «Я знаю, что наше время вышло, Каролин, но давайте задержимся на пару минут. Можете сказать мне что-нибудь еще по этому поводу?»

«Не сегодня, Эрнест», — ответила она, потом встала и быстро вышла из кабинета.

## Глава 22

Полуночный звонок Питеру Макондо ничего не дал: Маршал только прослушал сообщение на трех языках о том, что Финансовая группа Макондо закрыта на уик-энд и откроется лишь в понедельник утром. Узнать домашний телефон Питера через цюрихскую информационную службу ему тоже не удалось, что, впрочем, неудивительно. Питер часто говорил о мафии и необходимости охранять личную жизнь ультрабогатых людей от посторонних глаз. Да, Маршалу предстоит длинный уик-энд. Ему придется ждать все выходные: позвонить Питеру он сможет лишь в воскресенье, в полночь.

В два часа ночи Маршал, которому так и не удалось уснуть, начал рыться в аптечке в поисках успокоительного. Это был из ряда вон выходящий случай: Маршал был ярым противником злоупотребления лекарственными средствами и утверждал, что человеку, прошедшему качественный курс психоанализа, следует устранять психологический дискомфорт путем интроспекции и самоанализа. Но этой ночью ни о каком самоанализе не могло быть и речи: напряжение буквально зашкаливало, и ему необходимо было успокоиться. В конце концов ему удалось найти хлор-три-метон — антигистаминный препарат с седативным эффектом. Он выпил две таблетки и на несколько часов погрузился в тяжелый, беспокойный сон.

Выходные тянулись медленно, и беспокойство Маршала росло час от часу. Где Адриана? Где Питер? Он никак не мог сосредоточиться. Он швырнул об стену последний номер «Журнала американского психоанализа», подстригание бонсай его не увлекало, и он даже забыл подсчитать дневной доход с акций. В течение часа он рьяно занимался с гириями в спортзале, поиграл в баскетбол, пробежался трусцой по Голден-Гейт. Но ничто не могло отогнать мрачное предчувствие, сжимающее его горло.

Он начал говорить с собой, как если бы был своим пациентом: Успокойся! Откуда столько шума? Давай-ка сядем и попробуем понять, что же происходит на самом деле. А происходит только лишь вот что: Адриана пропустила несколько сеансов. И что с того? С инвестицией все в порядке. Через пару дней... сколько там?.., через тридцать три часа ты созвонишься с Питером. У тебя есть долговая расписка из «Credit Suisse», которая гарантирует тебе выплату денег. Акции «Уэллс Фарго» упали почти на два

процента с тех пор, как ты их продал. Самое страшное, что может случиться, так это тебе придется обналичить вексель и выкупить свою долю акций по более низкой цене. Да, вполне возможно, у Адрианы что-то случилось, о чем ты не догадался. Но ты же не провидец: иногда ты можешь и не заметить что-то.

Хорошая терапевтическая интервенция, думал Маршал. Но если ты проделываешь это сам с собой, эффект нулевой. Да, самоанализ не всесилен. И как мог Фрейд продержаться на этом столько лет? Маршал понимал, что ему необходимо с кем-то поделиться своими тревогами. Но с кем? Ширли не подходит: они последнее время почти не разговаривали, а если он заговорит с ней об этой инвестиции, скандала не миновать. Она с самого начала была против. Когда Маршал начинал вслух рассуждать, на что они потратят семьсот тысяч долларов прибыли, она раздраженно обрывала его: «Мы живем в разных мирах». Слово «жадность» все чаще и чаще слетало с ее губ. Две недели назад она даже посоветовала ему обратиться за помощью к ее буддийскому наставнику, ибо жадность переполняет его.

Кроме того, в субботу Ширли планировала совершить велосипедную прогулку в Монт-Тамальпе и поискать там материал для икебаны. Днем, перед отъездом, она сказала, что скорее всего не вернется домой ночевать: ей нужно побыть наедине с собой — небольшое икебано-медитативное уединение. Перспектива провести выходные в одиночестве привела Маршала в ужас, он даже хотел сказать Ширли, что она нужна ему, попросить ее не уезжать. Но Маршал Стрейдер никогда ничего не выпрашивает; это не в его стиле. К тому же напряжение буквально висело в воздухе, оно распространялось, как инфекция. Да, действительно, Ширли лучше уехать.

Маршал бросил злобный взгляд на цветочную композицию, которую Ширли оставила ему на этот раз: раздвоенная, покрытая лишайником ветка абрикосового дерева: один сучок тянется параллельно столу, другой уходит вертикально вверх. На конце горизонтальной ветки — одинокий белый цветок. Ветка, уходящая вверх, была украшена ожерельем из лаванды и душистого горошка, которое нежно обнимало две лилии — белую и шафрановую. «Черт бы ее побрал, — выругался Маршал. — На это ей хватает времени. Зачем она это делает? Три цветка... опять белая и желтая лилии...» Минуту он всматривался в икебану, потом потряс головой и задвинул ее под стол — с глаз долой.

С кем еще я могу поговорить? С Мелвином, кузеном? Бесполезно! Мелвин, конечно, может иногда подкинуть полезный совет, но не в этой

ситуации. Если я услышу насмешку в его голосе, я этого не вынесу! С коллегами? Об этом не может быть и речи! Я нарушил границы профессиональной этики, и я не уверен, что могу им доверять, особенно тем, кто завидует мне. Если хоть кто-то проговорится, я могу навсегда забыть о перспективе занять президентское кресло в Институте психоанализа.

Мне нужен кто-то, кому я могу доверять. Если бы можно было поговорить с Сетом Пейндом! Но к нему мне дороги нет. Может, мне не стоило так круто с ним обходиться... Нет, нет и еще раз нет! Сет это заслужил. Я поступил именно так, как должен был поступить. Он получил по заслугам.

Один из пациентов Маршала, психолог-клиницист, часто рассказывал ему о своей группе поддержки, в которую входили десять мужчин-терапевтов. Они проводили вместе два часа каждые две недели. Пациент утверждал, что собрания всегда приносили немало пользы, к тому же члены группы могли обратиться друг к другу, когда им требовалась помощь. Разумеется, Маршал не одобрял членство своего пациента в подобной группе. В более консервативные времена он бы запретил ему посещать эти собрания. Поддержка, подтверждение, утешение — все эти патетические костыли всего лишь усиливают патологию и тормозят работу реального психоанализа. Тем не менее сейчас, в данной ситуации, Маршал чувствовал острую необходимость в такого рода общении. Он вспомнил, как на собрании Сет Пейнд говорил, что в современном обществе настоящую мужскую дружбу днем с огнем не сыщешь. Да, ему нужен был друг.

В воскресенье, в полночь, когда в Цюрихе было девять утра, Маршал позвонил Питеру и услышал тревожное сообщение, записанное на автоответчик: «Вы позвонили в Финансовую группу Макондо. Мистер Макондо отправился в девятидневный круиз. На этот срок офис прекращает свою работу. Если ваш вопрос требует немедленного решения, пожалуйста, оставьте свое сообщение. Автоответчик регулярно проверяется, и мы сделаем все возможное, чтобы связаться с мистером Макондо».

Круиз? Офис компании такого масштаба закрывается на девять дней? Маршал оставил сообщение, в котором просил мистера Макондо связаться с ним по неотложному делу. Позже, когда он снова лежал без сна, новость о круизе уже не удивляла его. Очевидно, между ними произошла ссора, думал он. Питер поссорился с Адрианой, или, может быть, Адриана разругалась с отцом, и Питер под влиянием момента решил уехать, чтобы

прийти в себя, развеяться. И либо с Адрианой, либо без нее отправился в круиз по Средиземноморью. Скорее всего именно так все и было, и ничего больше.

Но шли дни, от Питера не было никаких известий, и Маршал все сильнее и сильнее опасался за вложенные в его предприятие деньги. Он в любой момент мог обналичить банковский вексель, но это означало, что он не сможет воспользоваться щедрым даром Питера с выгодой для себя. Глупо поддаваться панике и терять эту уникальную возможность. И из-за чего? Из-за того, что Адриана не пришла на сеанс? Глупости!

В среду в одиннадцать утра у Маршала выдался свободный час: место Эрнеста в его расписании так и осталось вакантным. Он прошелся по Калифорния-стрит, миновал клуб «Пасифик юнион», где обедал тогда с Питером, но, пройдя еще квартал, вдруг вернулся к нему, взбежал по ступенькам, вошел в мраморные двери, прошел мимо рядов блестящих латунных почтовых ящиков и окунулся в неверный свет грандиозной ротонды, увенчанной стеклянным куполом. Там в окружении кожаных диванов цвета красного дерева стоял Эмиль, блестящий мажордом в безукоризненном смокинге.

Маршал вдруг вспомнил свой поход в «Avocado Joe's»: куртки золотоискателей, клубы табачного дыма, брюнета в костюме от Борсалино, обвешанного драгоценностями, и Дасти, пит-босса, от которого он получил выговор за подглядывание: «Мы тут очень трепетно относимся к чувствам». И звуки — звуки бурной деятельности в «Avocado Joe's»: щелканье фишек, треск бильярдных шаров, гул голосов, разговоры об азартных играх. «Пасифик юнион» был наполнен приглушенными звуками. Официанты сервировали стол для ленча под аккомпанемент легкого звона столового серебра и хрусталя; посетители клуба вежливым шепотом вели разговоры о приобретениях на рынке ценных бумаг, итальянские кожаные туфли мягко ступали по дубовому паркету.

Где же мой дом? И есть ли вообще у меня дом, думал Маршал, как думал сотни раз до этого. Где его место — в «Avocado Joe's» или в «Пасифик юнион»? Неужели его, неприкаянного, будет вечно носить между двумя берегами, неужели он всю свою жизнь будет пытаться покинуть один берег, достичь другого? И если какой-нибудь демон или джинн скажет ему: пора решать, выбери один из них, и он станет твоим домом во веки веков, что он выберет? Он вспомнил, как проходил курс психоанализа у Сета Пейнда. «Мы никогда с этим не работали, — подумал Маршал. — Мы не касались ни «дома», ни дружбы, ни, если верить Ширли, денег и жадности. Так, черт возьми, чем же мы занимались

девятьсот часов кряду?»

Тем временем Маршал сделал вид, что «Пасифик юнион» — его дом родной, и направился прямо к мажордому.

«Добрый день, Эмиль. Доктор Стрейдер. Пару недель назад я обедал здесь с мистером Макондо, и он сообщил мне о вашей феноменальной памяти, но даже вы могли забыть посетителя, которого видели лишь однажды».

«Конечно, доктор, я прекрасно вас помню. А мистера Маконду...»

«Макондо».

«Конечно, прошу прощения, Макондо. Даже феноменальная память иногда подводит. Но я действительно прекрасно помню вашего друга. Мы встречались лишь однажды, но он произвел на меня неизгладимое впечатление. Шикарный и очень щедрый джентльмен!»

«Вы хотели сказать, что встречались с ним лишь однажды в Сан-Франциско. Он говорил, что помнит вас с тех пор, когда вы были мажордомом в клубе в Париже».

«Нет, сэр, вы, должно быть, ошибаетесь. В Париже я действительно работал в «Cercle Union Interalliee», но я никогда не встречал там мистера Макондо».

«Может, в Цюрихе?»

«Нет, я совершенно уверен, что мне не доводилось видеть этого джентльмена никогда раньше. Я впервые увидел его в тот самый день, когда вы вдвоем пришли сюда на ленч».

«Да? И что вы хотите этим сказать? То есть, я хотел спросить, откуда он вас тогда так хорошо знает?... То есть... откуда он вообще знает, что вы работали в парижском клубе? Как ему удалось проникнуть сюда на ленч? Нет, я хотел спросить, является ли он вообще членом этого клуба? Как он с вами расплачивался?»

«Сэр, возникла какая-то проблема?»

«Да, в этой связи очень важен тот факт, что вы притворялись, что прекрасно его знаете, что он ваш старый друг».

Эмиль выглядел обеспокоенным. Он посмотрел на часы, огляделся. Ротонда была пуста, в клубе царила тишина. «Доктор Стрейдер, у меня есть несколько свободных минут перед ленчем. Прошу вас, давайте сядем и все обсудим». Эмиль провел Маршала в небольшую комнатку прямо по выходе из залы. Там он усадил его на стул и попросил разрешения закурить сигарету. Глубоко затянувшись, Эмиль спросил: «Могу я быть с вами откровенным, сэр? И, так скажем, не для записи?»

«Разумеется», — кивнул Маршал.

«Я уже тридцать лет работаю в эксклюзивных клубах. Последние пятнадцать лет в качестве мажордома. Я вижу все. Я ничего не упускаю. Как я вижу, доктор Стрейдер, вы мало знакомы с клубами такого рода. Прошу простить меня, если я слишком много себе позволяю».

«Нет-нет, что вы», — отозвался Маршал.

«Вы должны понимать, что члены закрытых клубов всегда пытаются что-то вытянуть из других членов — какие-либо привилегии, приглашение, знакомство, капиталовложение, что угодно. И чтобы... так сказать... «подмазать» процесс, человек должен произвести впечатление на другого. Я, как и любой мажордом, должен играть в этом свою роль; я обязан следить за тем, чтобы все проходило гармонично. Поэтому, когда мистер Макондо подошел ко мне тем утром и поинтересовался, не работал ли я в каком-нибудь европейском клубе, я, естественно, со всем радушием ответил, что десять лет проработал в Париже. А когда он подчеркнуто дружелюбно поприветствовал меня в вашем присутствии, что я должен был сделать? Повернуться к вам, его гостю, и сказать, что никогда не видел этого человека?»

«Ни в коем случае, Эмиль. Я прекрасно вас понимаю. И не критикую вас. Просто я был ошеломлен, узнав, что вы его не знаете».

«Но, доктор Стрейдер, вы говорили, что возникла некая проблема? Надеюсь, не слишком серьезная? Если произошло что-то серьезное, я хотел бы знать об этом. Клуб тоже должен быть в курсе».

«Нет, нет, ничего страшного. Я просто потерял его адрес, а мне очень нужно с ним связаться».

Эмиль помолчал. Очевидно, все было значительно серьезнее. Но когда он понял, что дальнейших разъяснений не последует, поднялся.

«Прошу вас, подождите меня в ротонде. Я постараюсь найти информацию, которая вас интересует».

Маршал сел, раздосадованный своей неуклюжестью. Это был выстрел наугад, но, возможно, Эмиль сможет ему помочь.

Мажордом вернулся через пару минут и вручил Маршалу листок бумаги, на котором были написаны те же адрес и телефон, которые он уже знал: «Судя по записям, он стал членом этого клуба благодаря членству в цюрихском клубе «Ваиг Аи Лас». Если вам будет угодно, мы можем по факсу запросить у них более свежую информацию».

«Да, прошу вас. И, если можно, не могли бы вы переслать мне копию этого факса. Возьмите мою визитку».

Маршал собрался уходить, но Эмиль остановил его и шепотом добавил: «Вы спрашивали, чем он расплачивался. Я скажу вам, доктор, но

тоже по секрету. Мистер Макондо платил наличными, и платил щедро. Он дал мне две стодолларовые купюры и сказал, чтобы я заплатил за ленч, оставил хорошие чаевые официанту, а остальное забрал себе. В таких вопросах моей феноменальной памяти можно доверять полностью».

«Спасибо, Эмиль, вы очень помогли мне». Маршал заставил себя вытащить из своего зажима двадцать долларов и сунуть их в посыпанную тальком руку мажордома. Он опять направился к выходу, но вдруг вспомнил еще кое-что.

«Эмиль, могу я попросить вас еще об одной услуге? В тот раз мы встретили друга мистера Макондо, высокого мужчину, который был одет довольно ярко — оранжевая рубашка, пиджак в красную клетку или что-то в этом роде. Я не помню, как его зовут, но его отец был мэром Сан-Франциско».

«Это мог быть только мистер Роско Ричардсон. Я видел его сегодня. Он либо в библиотеке, либо в игровом зале. Мой вам совет, доктор: не заговаривайте с ним, если он играет в нарды. Иначе он разозлится. Он очень серьезно относится к игре. Удачи вам, доктор. Я лично прослежу, чтобы вам отправили факс. Можете на меня положиться». Эмиль поклонился и застыл в ожидании.

«Еще раз спасибо, Эмиль». Маршалу ничего не оставалось, кроме как расстаться с очередной двадцаткой.

Когда Маршал вошел в обитый дубовыми панелями игровой зал, Роско Ричардсон как раз вставал из-за столика для игры в нарды, направляясь в библиотеку почитать прессу перед обедом.

«Мистер Ричардсон, вы, должно быть, не помните меня. Я доктор Стрейдер. Мы встречались несколько недель назад, когда я обедал здесь с вашим знакомым, мистером Макондо».

«О да, конечно, доктор Стрейдер. Помню, помню. Именная серия лекций. Мои поздравления. Это большая честь. Составите мне компанию за обедом?»

«Увы, нет. Меня ждут пациенты. Но не могли бы вы помочь мне? Я пытаюсь связаться с мистером Макондо. Может, вы знаете, где его найти?»

«Что вы, нет. В тот день я впервые увидел его. Очаровательный человек, хоть и со странностями. Я посылал ему информацию о своем новом проекте, но FedEx прислал уведомление о том, что доставка невозможна. Он говорил, что знает меня?»

«Я так думал, но теперь уже не уверен. Я помню, как он говорил, что ваш отец играл в гольф с его отцом, профессором экономики».

«Кто знает? Вполне возможно. Мой отец играл в гольф со всеми



известными людьми Западного побережья. И... — Он почесал свою массивную нижнюю челюсть и выразительно подмигнул. — И с некоторыми женщинами. Уже половина двенадцатого. Сейчас принесут «Financial Times». Газеты расхватывают, как горячие пирожки, так что пойду-ка я в библиотеку. Удачи вам, доктор».

Разговор с Роско Ричардсоном Маршала не успокоил, зато подсказал, что делать дальше. Вернувшись в офис, он сразу же бросился к папке, где хранил связанные с Питером материалы, и нашел факс с сообщением о лекциях Маршала Стрейдера. Как звали ректора Университета Мехико? А вот — Рауль Гомес. Наконец-то ему повезло — через несколько мгновений он уже слышал в трубке голос мистера Гомеса. Маршал не слишком хорошо знал испанский, но и его скудных познаний хватило, чтобы понять, что мистер Гомес никогда раньше не слышал о Питере Макондо и, разумеется, не получал от него крупный грант на лекции Стрейдера. Но это еще не все. Что касается отца Питера: на факультете экономики профессор Макондо не работал, равно как и на всех остальных факультетах Университета Мехико.

Маршал упал в кресло. Он словно получил серию мощных ударов, а теперь пытался прийти в себя и прочистить голову. Через несколько минут его деятельная натура взяла верх, он схватил ручку и составил список «что нужно сделать». Первой в списке стояла задача — отменить всех пациентов на этот день. Маршал обзвонил четырех пациентов и оставил им сообщение об отмене сеансов. Разумеется, без объяснения причин. Маршал был уверен, что в данной ситуации он должен хранить молчание, а потом разобрать фантазии пациентов относительно того, почему он отменил их сеансы. А деньги! Четыре сеанса по сто семьдесят пять долларов каждый. Он теряет семьсот долларов и компенсировать эту потерю не сможет.

Интересно, думал Маршал, почему отмена дневных пациентов стала поворотным моментом его жизни. Он вдруг подумал, что это было переломное решение. Ни разу за все годы своей профессиональной деятельности он не отменял сеансы. На самом деле он никогда ничего не пропускал, будь то уроки в школе или футбольная тренировка. Его альбом был полон наград за посещаемость, скопившихся с начальных классов. Не потому, что он никогда не болел, никогда не получал травм. Нет, иногда он заболел, как любой нормальный человек. Но он был достаточно упрям, чтобы не обращать на это внимания. Но никто не сможет провести терапевтический сеанс в состоянии паники.

Следующий пункт: позвонить Мелвину. Маршал знал, что скажет ему Мелвин: он никогда не упускал шанса наступить на больную мозоль. «Пора

идти в банк, Маршал. Сейчас же неси этот вексель в «Credit Suisse». Попроси их положить девяносто тысяч долларов на депозит твоего банковского счета. И скажи мне спасибо, Маршал, целуй мои ноги за то, что я настоял на получении этого векселя. Ты мой должник, дружище. И запомни, Маршал, хоть и не стоило бы мне тебе этого говорить: ты лечишь психов. Не вкладывай деньги в их предприятия!»

Час спустя Маршал с гарантийным банковским векселем в руке шел по Саттер-стрит по направлению к «Credit Suisse». По дороге он оплакивал разрушенные мечты о богатстве, о пополнении коллекции произведений искусства, о свободном времени, которое он сможет посвятить изложению переполняющих его идей, но больше всего он горевал о пропуске в мир посвященных, в мир частных клубов, латунных почтовых ящиков и дружелюбия избранных.

А Питер? Принадлежал ли он к этому миру? Он, конечно, не сможет заработать на мне, если, конечно, он не состоит в тайном сговоре с банком. Но, думал Маршал, если Питер не преследовал финансовый мотив, то какой тогда? Поднять на смех психоанализ? Может, он связан с Сетом Пейндом? Или с Шелли Меррименом? Или со всей этой фракцией, отколовшейся от Института психоанализа? Может, это чья-то злая шутка? Злой умысел? Но в любом случае, игра это или не игра, чем бы она ни была мотивирована, почему он не почувствовал подвоха раньше? Я вел себя как последний кретин — тупой и жадный!

«Credit Suisse» оказался не действующим коммерческим банком, а банковским представительством, расположенным на пятом этаже офисного здания на Саттер-стрит. Банковский служащий, который встретил Маршала, изучил вексель, — заверил его обладателя, что они действительно уполномочены работать с ним, и, извинившись, сообщил Маршалу, что заведующий отделением, который в данный момент работает с другим клиентом, пообщается с Маршалом лично. Кроме того, Маршалу придется немного подождать, пока они будут связываться с Цюрихом.

Через десять минут появился заведующий отделением — статный серьезный мужчина с усами а-ля Дэвид Нилвен на вытянутом лице — и пригласил Маршала в кабинет. Изучив его документы и переписав номера водительских прав и банковских кредиток, менеджер перешел к изучению банковского гарантийного письма, после чего пошел снимать с него копию. Когда он вернулся, Маршал спросил: «Как я могу получить деньги? Мой адвокат сказал...»

«Простите, доктор Стрейдер, не могли бы вы продиктовать мне имя и адрес вашего адвоката?»

Маршал сообщил ему соответствующую информацию о своем кузине Мелвине и продолжил: «Мой адвокат посоветовал мне запросить перевод денег на депозит моего счета в «Уэллс Фарго».

Какое-то время управляющий молча рассматривал вексель.

«Какие-то проблемы? — спросил Маршал. — Это же вексель, гарантирующий мне выплату денег по требованию?» «Действительно, это вексель из «Credit Suisse», гарантирующий вам выплату денежных средств по вашему требованию. Взгляните сюда, — произнес заведующий, указывая на место для подписи. — Он отправлен из нашего отделения в Цюрихе и подписан Уинфредом Форстером, старшим вице-президентом. Я хорошо знаю Уинфреда Форстера, я бы даже сказал, очень хорошо: три года мы вместе работали в нашем отделении в Торонто, и... Да, доктор Стрейдер, есть проблема: это не его подпись! Более того, мы уже получили факс с подтверждением из Цюриха: то, что мы здесь видим, даже приблизительно не напоминает подпись Уинфреда Форстера. Боюсь, мне придется огорчить вас: это фальшивый вексель!»

## Глава 23

Выйдя из кабинета Эрнеста, Кэрол переоделась в спортивный костюм и кроссовки в приемной на первом этаже и поехала к пристани для яхт. Она припарковала автомобиль около «Green's», стильного вегетарианского ресторанчика, который принадлежал сан-францисскому Центру дзен-буддизма. Дорога огибала гавань, две мили шла вдоль бухты и заканчивалась в Форт-Пойнт под Голден-Гейт. Это был любимый маршрут Джесса. Она тоже любила здесь бегать.

Пробежка начиналась у старых зданий Форт-Мэсон, в которых размещались небольшие галереи, книжные магазинчики, художественный музей, театр и театральная студия. Они бежали мимо лодочных спусков вдоль бухты, где под ногами мешались нахальные чайки, мимо поляны, где запускали воздушных змеев — не обыкновенных треугольных или квадратных, которых они пускали с Джебом, а авангардные модели: змей-Супермен, или змей в форме женских ножек, или блестящие металлические треугольные змеи в стиле хай-тек, которые издавали глухое жужжание, когда меняли направление или ныряли вниз, выписывая сложные пируэты. Потом дорожка огибала крохотный пляж, на котором вокруг сюрреалистичной песочной статуи русалки нежились под солнцем немногочисленные загорающие. Длинный участок пути пролегал прямо у воды, где серферы в мокрых гидрокостюмах готовились к заплыву. Дальше они бежали по каменистому берегу, усеянному каменными скульптурами: груды камней, тщательно отобранных неизвестным скульптором, напоминающие фантастические бирманские пагоды; по длинному пирсу, кишасшему мрачными трудолюбивыми чернокожими рыбаками, причем, как показалось Кэрол, ни одному из них еще ни разу не удалось ничего поймать. Последний этап проходил у подножия Голден-Гейт, где можно было наблюдать, как сексуальные длинноволосые серферы, словно поплавки, качаются в ледяной воде, готовясь оседлать высокую темную волну.

Теперь они с Джессом бегали почти каждый день — иногда по тропинкам парка Голден-Гейт, иногда вдоль пляжа к югу от Клифф-Хаус, но обычно у пристани. Встречались они и по вечерам. Обычно, возвращаясь домой с работы, она находила его в кухне, где он готовил ужин и болтал с близнецами, которые очень к нему привязались. Джесс ей нравился, но на душе было беспокойно. Все было слишком хорошо, чтобы

быть правдой. А что будет, когда они станут еще более близки, настолько близки, что он сможет увидеть, какая она на самом деле? Ее внутренний мир, ее тайные мысли были не такими уж привлекательными. Отступится ли он? Ее пугало, как легко он стал вхож в ее дом, как легко ему удалось расположить к себе детей. Останется ли у нее возможность выбора, если она поймет, что он не тот мужчина, который ей нужен? Или у нее не будет выхода, и ей придется выбрать то, что лучше для детей?

В тех редких случаях, когда неотложные дела не позволяли Джессу составить ей компанию, она бегала в одиночестве. Удивительно, как сильно она полюбила бегать трусцой. Возможно, она любила то ощущение полета, которое оставалось с ней весь день после пробежки, или же восхитительное возбуждение, которое волной прокатывалось по ее телу, когда открывалось второе дыхание. А может быть, она просто влюбилась в Джесса и ей нравится все то, что нравилось ему.

Бегать в одиночку было не так увлекательно, как с Джессом, но это давало ей нечто другое: она могла заняться саморефлексией. Поначалу во время одиночных пробежек она слушала плеер: кантри, Вивальди, японская флейта, «Битлз», но теперь она оставляла плеер в машине, чтобы помедитировать на бегу.

Идея выделять время для того, чтобы подумать о жизни, была сама по себе революционной. Большую часть своей жизни она поступала как раз наоборот, постоянно находя какие-нибудь занятия, чтобы отвлечься. Что же изменилось — думала она, скользя по дорожке и распуская чаек. Впервые, ее эмоциональная жизнь стала необычайно насыщенной. Раньше пейзажи ее внутреннего мира были однообразными и безрадостными. Это был узкий спектр негативных эмоций: злость, обида, сожаление. Большей частью эти эмоции были направлены на Джастина, а остальное предназначалось тем, кто встречался ей на жизненном пути. Позитивные эмоции вызывали у нее только дети, и никто больше. В этом она следовала семейной традиции: она была дочерью своей матери и внучкой своей бабушки! И узнала она об этом от Эрнеста.

И если она так ненавидела Джастина, так ради чего же она вышла за него замуж, зачем заточила себя в темницу и выбросила ключ? Она подбежала к рыболовному причалу и подумала, что могла бы с тем же успехом бросить этот ключ в волны Тихого океана, рокошующие в пяти футах от нее.

Она знала, что совершила ужасную ошибку, и осознание этого пришло к ней вскоре после свадьбы. Как убеждал ее Эрнест, черт бы его побрал, она, как и любой другой человек, имела полное право на выбор: развестись

или попытаться изменить отношения с мужем. Она сделала свой выбор, и выбор осознанный — по крайней мере, сейчас ей так казалось, — решив не делать ни того ни другого. И совершила страшную ошибку.

Она вспомнила, как в тот вечер, когда Джастин бросил ее, Норма и Хитер в один голос утверждали, что это лучшее, что он мог для нее сделать. И они были правы. А как она злилась, что это он бросил ее, а не она его? Глупости! В нескончаемом лабиринте жизни — пафосная фраза, сказанная Эрнестом, — уже неважно, кто от кого ушел. Разрыв пошел на пользу им обоим. Она чувствовала себя значительно лучше, чем последние десять лет. Джастин тоже стал лучше выглядеть. Он из всех своих скромных силенок старался быть хорошим отцом. На прошлой неделе он даже безропотно согласился посидеть с детьми, когда они с Джессом ездили на выходные в Мендочино.

Забавно, думала она. Ничего не подозревающий Эрнест сейчас так усердно пытается разрешить проблемы ее фиктивного брака с Уэйном, так упорно он принуждает ее посмотреть в глаза реальности и предпринять активные действия, изменить отношения с мужем или разорвать связь с ним. Какая злая шутка; если бы он только знал, что он говорит ей то же самое, что говорил тогда Джастину, только теперь он на ее стороне — он разрабатывает с ней стратегические планы ведения военных действий, он дает ей те же советы, которые давал Джастину!

Кэрол, тяжело дыша, добежала до Голден-Гейт. Тропинка оборвалась. Она дотронулась до самого дальнего кабеля на основании моста и, не останавливаясь, побежала обратно в Форт- Мэсон. Ветер, как обычно, дул с океана, и Кэрол, подгоняемая ветром, легко бежала мимо серферов, рыболовов, бирманских пагод, змея-Супермена и нахальных чаек.

Перекусив в машине хрустящим яблоком, Кэрол поехала в юридическое агентство «Джарндис, Каплан и Таттл», где приняла душ и подготовилась к встрече с новым клиентом, которого ее попросил принять Джулиус Джарндис, директор агентства. Мистер Джарндис был в Вашингтоне, где принимал активное участие в работе парламента, поэтому он попросил уделить особое внимание этому клиенту — его лучшему другу, доктору Маршалу Стрейдеру.

Своего нового клиента она обнаружила в приемной: он, явно сильно взволнованный, мерил шагами комнату. Она пригласила его войти. Маршал влетел в кабинет, примостился на краешке стула и сказал: «Спасибо, что согласились принять меня сегодня, миссис Астрид. Мистер Джарндис, с которым мы знакомы уже много лет, предлагал мне встретиться с ним на следующей неделе, но я не могу ждать: проблема требует немедленного

решения. Начну сразу с сути вопроса: вчера я узнал, что стал жертвой мошенничества и потерял девяносто тысяч долларов. Вы можете мне помочь? Что мне делать?»

«Мошенничество — это ужасно, и я понимаю, почему вы так торопитесь, доктор Стрейдер. Давайте начнем с начала. Для начала, будьте добры, расскажите мне о себе все, что считаете нужным, а потом мы с вами подробно разберем случившееся».

«Охотно. Но сначала мне бы хотелось определить фрейм нашего сотрудничества».

«Фрейм? Что вы имеете в виду, доктор Стрейдер?»

«Простите, это психоаналитический термин. Я хотел прояснить кое-какие моменты, прежде чем мы начнем. Сможете ли вы мне помочь? Сколько это будет мне стоить? Гарантируете ли вы мне конфиденциальность? Конфиденциальность имеет для меня огромное значение».

Вчера, как только Маршал узнал, что вексель фальшивый, он запаниковал и позвонил Мелвину. Слушая длинные гудки в трубке, он вдруг понял, что не хочет обращаться к Мелвину; ему нужен более доброжелательный и более профессиональный юрист. Он повесил трубку и сразу же перезвонил мистеру Джарндису, своему бывшему пациенту и одному из ведущих юристов Сан-Франциско.

Позже, около трех часов ночи, Маршал понял, что он должен сделать все, чтобы этот случай не получил огласку. Он вложил деньги в предприятие бывшего пациента, и этот поступок, несомненно, вызовет неодобрение многих. Помимо этого, он чувствовал себя полным идиотом, потому что позволил обвести себя вокруг пальца. Так что чем меньше людей будут знать о случившемся, тем лучше. На самом деле он вообще не должен был звонить Джарндису — это было ошибкой, даже несмотря на то, что адвокат был его пациентом много лет назад. Узнав, что мистер Джарндис не сможет ему помочь, Маршал сильно расстроился, но теперь он чувствовал облегчение.

«Доктор Стрейдер, вы можете обращаться ко мне по любому вопросу в любое время. Я не собираюсь никуда уезжать, если вы это имели в виду. Мои услуги стоят двести пятьдесят долларов в час, и я гарантирую вам полную конфиденциальность. У нас такой же профессиональный кодекс, как и у вас, может, даже более строгий».

«Я бы хотел получить гарантию конфиденциальности и от мистера Джарндиса. Мне необходимо, чтобы все осталось между нами».

«Договорились. Можете быть в этом уверены, мистер Стрейдер. Итак,

давайте начнем».

Маршал, который так и сидел на краешке стула, подавшись вперед, начал рассказывать Кэрол, что с ним случилось. Он не упустил ни малейшей детали, за исключением своих переживаний по поводу профессиональной этики. Через полчаса он закончил свой рассказ, откинулся на спинку стула, обессиленный, но с чувством облегчения. Он не мог не отметить, насколько ему стало лучше, когда он поделился своими бедами с Кэрол, и какую симпатию он испытывал к ней теперь.

«Доктор Стрейдер, я ценю вашу честность. Знаю, вам было тяжело обсуждать столь болезненную тему. Но прежде чем мы пойдем дальше, я хотела бы задать вам один вопрос. Я заметила, что вы постоянно подчеркивали тот факт, что это капиталовложение, а не подарок и что мистер Макондо — ваш бывший пациент. Есть ли у вас какие-то сомнения относительно вашего поведения? Я говорю о вопросах профессиональной этики».

«Не у меня. Мне не в чем себя упрекнуть. Но вы верно заметили. Мое поведение может вызвать осуждение окружающих. Я нередко призывал коллег придерживаться этических стандартов профессионального поведения. Я являюсь членом Государственной комиссии по медицинской этике и главой специальной комиссии по профессиональной этике психоанализа. Таким образом, я попал в щекотливую ситуацию. Мое поведение должно не только быть безупречным, но и казаться таковым».

Маршал сильно вспотел и достал платок, чтобы промокнуть лоб. «Прошу вас, постарайтесь меня понять... это не паранойя, это реальность... У меня есть соперники, у меня есть враги — люди, которые ухватятся за любую возможность скомпрометировать меня, которые будут только рады моему падению».

«Итак, — сказала Кэрол, поднимая глаза от своих записей, — позвольте мне повторить мой вопрос: действительно ли вы полностью уверены, что не нарушили правила, регулирующие финансовые взаимоотношения между терапевтом и пациентом?»

Маршал замер с платком в руке и бросил удивленный взгляд на юриста. Очевидно, она хорошо разбиралась в этих вопросах.

«Разумеется, нечего и говорить о том, что сейчас, оглядываясь назад, я понимаю, что должен был поступить иначе. Как я хотел бы, чтобы тогда я проявил свою обычную твердость. Я должен бы сказать ему, что я никогда не вкладываю деньги в предприятия своих пациентов, равно как и бывших пациентов. Я только сейчас понял, что существующие правила защищают не только пациентов, но и терапевтов!»



«Враги, соперники, о которых вы говорили, представляют ли они собой... я хочу сказать, стоит ли брать их в расчет?»

«Не уверен, что понял ваш вопрос... а, да... да, у меня есть серьезные соперники. И, как я уже говорил, я очень беспокоюсь... нет, не так... мне просто необходимо сохранить это происшествие в тайне... ради моей практики, ради моей профессиональной репутации... так что мой ответ — да. Я хочу, чтобы это происшествие не получило огласки. Но почему вас так интересует именно этот момент?»

«Потому что, — ответила Кэрол, — ваше желание сохранить этот инцидент в тайне сужает круг доступных нам средств. Если мы не хотим огласки, мы не сможем применять агрессивные методы. Я объясню вам, что имею в виду. Но есть и еще одна причина. То, что я сейчас скажу вам, — чистая теория, но эта информация может заинтересовать вас. Не считите за дерзость, доктор Стрейдер, что я рассказываю вам о психологии, но позвольте обрисовать типичный механизм действия профессиональных мошенников. Мошенник втягивает свою жертву в некую махинацию, становясь частью которой жертва понимает, что поступает не совсем честно. Таким образом, жертва становится... как бы так сказать... соконspirатором и начинает думать иначе, теряя свою обычную осторожность и проницательность. Более того, так как жертва чувствует себя в какой-то мере участником этого заговора, она не будет обращаться за помощью к надежному консультанту по финансовым вопросам, к которому обратилась бы в другой ситуации. И по той же самой причине жертва мошенничества не захочет решительно преследовать обидчика, в том числе и в судебном порядке».

«В данном случае у жертвы нет с этим проблем, — сказал Маршал. — Я этого ублюдка из-под земли достану и упрячу за решетку. Чего бы мне это ни стоило».

«Это противоречит тому, что я слышала от вас ранее. Вы сказали, что самое важное — сохранить инцидент в тайне. Попробуйте задать себе, например, такой вопрос: хотели бы вы стать участником публичного разбирательства?» Маршал молчал, опустив глаза.

«Простите, доктор Стрейдер, я должна была сказать вам об этом. Я ни в коем случае не хочу вас расстраивать. Я понимаю, что сейчас вам нужно совсем не это. Но давайте продолжим. Мы должны разобрать случившееся в мельчайших подробностях. Судя по тому, что вы мне сейчас рассказали, Питер Макондо — профессионал. Он уже не первый раз делает это, и маловероятно, что он оставляет следы. Для начала расскажите мне о результатах вашего расследования. Можете перечислить мне имена людей,

о которых он говорил вам?»

Маршал рассказал ей про Эмиля, Роско Ричардсона и декана Университета Мехико. И о том, как смог связаться с Питером и Адрианой. Он показал Кэрол факс, который получил утром из клуба «Пасифик юнион», — копию факса из цюрихского «Baig au Lac», в котором говорилось, что человек по имени Питер Макондо им неизвестен. Они подтвердили, что факс был отправлен на их фирменном бланке, с факсового аппарата, стоящего в библиотеке, но они особенно подчеркнули тот факт, что любой сотрудник, член клуба, любой посетитель, бывший член клуба или даже постоялец отеля, примыкающего к клубу, мог беспрепятственно войти, взять бланк и воспользоваться факсом.

«Как вы считаете, — спросил Маршал, — может ли этот факс или факс из Университета Мехико дать нам какие-либо улики?»

«Или тот сомнительный факс из Университета Мехико! — ответила Кэрол. — Вероятно, он его сам себе отправил».

«Тогда, может быть, мы сможем найти аппарат, с которого он был отправлен. Или отпечатки пальцев? А может, стоит еще раз поговорить с продавцом из ювелирного магазина, у которого он купил «Ролекс»? Или проверить в аэропорту списки улетевших в Европу? Или навести справки в паспортном контроле?»

«Если, конечно, он действительно улетел в Европу. Вы знаете только то, что он сам сказал вам, доктор Стрейдер, то есть то, что он хотел, чтобы вы знали. Подумайте сами: у вас нет ни единого независимого источника информации. И он всегда расплачивался наличными. Нет, сомнений быть не может: этот человек — настоящий профессионал. Мы должны обязательно поставить в известность ФБР. Несомненно, банк уже это сделал: они должны объявить его в международный розыск. Позвоните по этому номеру, просто спросите любого дежурного агента. Я могла бы сделать это сама, но это лишь увеличит ваши юридические издержки.

Большинство вопросов, которые вы мне задаете, касаются проведения расследования, а не правовых аспектов. Вам лучше адресовать их частному детективу. Если хотите, я могу посоветовать вам хорошего специалиста, но я бы посоветовала вам соблюдать осторожность; не стоит тратить столько сил и денег на дело, которое может оказаться безнадежным. Я знаю множество подобных случаев. Таким преступникам обычно удается скрыться. А если и нет, то денег у них в большинстве случаев уже не остается».

«А что с ними происходит в конце концов?»

«Они изначально склонны к саморазрушению. Рано или поздно ваш

мистер Макондо погубит себя сам — ввяжется в слишком рискованную аферу, возможно, ошибется в выборе жертвы, и в результате его труп будет коченеть в багажнике».

«Может, он уже начал рыть себе могилу. Посмотрите, на какой риск он пошел сейчас и какую жертву выбрал — психоаналитика. Да, действительно, у него получилось обмануть меня, но все же он связался с высококвалифицированным наблюдателем человеческого поведения, то есть с человеком, который должен заметить обман».

«Нет, доктор Стрейдер, я с вами не согласна. Мой опыт подсказывает мне обратное. Я не могу раскрыть вам свои источники, но у меня есть масса свидетельств, которые говорят о том, что психиатры — очень доверчивые люди. То есть, как бы то ни было, они привыкли, что люди говорят им правду — что люди платят им за то, чтобы они выслушивали их правдивые истории. Думаю, психиатров легко обвести вокруг пальца. Может статься, вы не первая его жертва. Кто знает, может, он как раз специализируется на психотерапевтах».

«А значит, его можно поймать. Да, миссис Астрид, я действительно хочу, чтобы вы посоветовали мне частного детектива. Я был лучшим защитником в Америке; я знаю, как преследовать, я знаю, как блокировать противника захватом и сбить его с ног. Я раздавлен, я так напряжен, еще чуть-чуть — и у меня глаза из орбит вылезут. Я просто не могу спустить все на тормозах. Я больше думать ни о чем не могу — не могу работать с пациентами, не могу спать. У меня теперь есть только одно желание: во-первых, порвать его на куски, а во-вторых, вернуть свои девяносто тысяч долларов. Без этих денег я разорен».

«Давайте посмотрим. Доктор Стрейдер, если вы не возражаете, не могли бы вы рассказать мне о своем финансовом положении: доход, долги, инвестиции, сбережения — все».

Маршал описал свою финансовую ситуацию. Кэрол тем временем делала заметки, исписывая лист за листом желтой линованной бумаги.

Закончив свой рассказ, Маршал показал на записи Кэрол и сказал: «Так что, миссис Астрид, теперь вы видите, что я человек небогатый. Можете представить, чем для меня стала потеря девяноста тысяч долларов. Это трагедия, худшее, что могло произойти. Когда я думаю, сколько времени, месяц за месяцем, я работал как вол, чтобы скопить эту сумму, вставал в шесть утра, чтобы втиснуть в свое расписание лишнего пациента, отслеживал ситуацию на фондовой бирже, продавал и покупал акции, каждый день звонил своему брокеру и финансовому консультанту, и... и... я хочу сказать, что даже представить себе не могу, что делать дальше, как

выбраться из этой ситуации. Я, моя семья — мы еще долго будем ощущать последствия моей ошибки».

Кэрол просмотрела свои записи, потом отложила их в сторону и успокаивающим тоном произнесла: «Давайте я попытаюсь рассказать вам, что вас ждет. Во-первых, попытайтесь понять, что вы потеряли не девяносто тысяч долларов. С этим фальшивым гарантийным письмом из банка ваш бухгалтер будет работать как с капитальным убытком и учтет при исчислении суммы налога с того дохода, который вы получили в прошлом году, а также того, который получите в будущем. Более того, три тысячи в год вы можете списывать на то, чтобы сбалансировать ваш регулярный доход в течение следующих десяти лет. Так что одним ударом мы значительно снижаем ваши потери — до менее чем пятидесяти тысяч.

Во-вторых — и на этом нам придется закончить на сегодня, меня ждет следующий клиент, — во-вторых, я хотела бы сказать, что для вашей финансовой ситуации в том виде, в котором вы мне ее обрисовали, это не трагедия. Вы хорошо обеспечивали свою семью — вы прекрасно ее обеспечивали, и вы успешный инвестор. Я не сомневаюсь в том, что эта потеря не окажет ни малейшего влияния на благосостояние вашей семьи!»

«Вы не понимаете! А как же учеба моего сына, моя страсть к искусству...»

«В следующий раз. Мистер Маршал, на этом мы должны закончить».

«Когда? Вы сможете принять меня завтра? Даже не представляю, как я переживу следующие несколько дней».

«Хорошо, завтра в три часа вас устроит?»

«Да, меня все устроит. Я отменю все свои дела. Если бы вы лучше меня знали, доктор Астрид...»

«Миссис Астрид. Но спасибо за повышение».

«Да, миссис Астрид. Но я хотел сказать, что, если бы вы знали меня лучше, вы бы понимали, что, если я отменяю сеансы, дела мои действительно плохи. Вчера я сделал это впервые за двадцать лет».

«Я постараюсь сделать так, чтобы вы всегда могли связаться со мной. Однако нам еще нужно сократить расходы. Мне неловко говорить это психиатру, но сейчас вам просто необходимо поговорить по душам с человеком, которому вы доверяете, — с другом, с терапевтом. Будущее рисуется вам в самых мрачных красках, и вы все сильнее паникуете, поэтому вам нужно услышать другое мнение. Может, вам стоит поговорить с женой?»

«Моя жена живет в другом мире — мире икебаны». «Где? Ике... что? Простите, я не понимаю вас». «Икебана, знаете, японское искусство

составления цветочных композиций. Она помешана на этом и еще на буддийской медитации. Я ее практически не вижу».

«О, да, да... понимаю... как? Ах да, икебана... да, я слышала об этом... японское искусство составления цветочных композиций. Понимаю. И вы говорите, что она живет в том мире? Почти не бывает дома?.. Как же так, вам, должно быть, очень тяжело. Ужасно. И вы все время один... сейчас, когда она так вам нужна. Ужасно».

Такая человеческая реакция Кэрол удивила, но в то же время тронула Маршала. Какое-то время они сидели молча, потом Маршал не выдержал и произнес: «Вы говорили, что вас ждет следующий клиент».

Тишина.

«Миссис Астрид, вы говорили...»

«Простите, доктор Стрейдер, — перебила его Кэрол, вставая. — Я задумалась. Жду вас завтра. Держитесь. Я на вашей стороне».

## Глава 24

Маршал ушел, а ошеломленная неожиданным известием Кэрол еще несколько минут сидела, пытаясь собраться с мыслями. Икебана! Японское искусство составления цветочных композиций! Нет, сомнений быть не могло: ее клиент, доктор Маршал Стрейдер, — это терапевт, у которого лечился Джесс. Джесс иногда рассказывал Кэрол о своем бывшем терапевте, и всегда с восхищением, подчеркивая его порядочность, преданность своей профессии, эффективность. Сначала Джесс не хотел говорить, почему перешел от него к Эрнесту, но потом, когда их отношения стали более близкими, он рассказал о том апрельском дне, когда в алых зарослях плакучего клена ему открылось шокирующее зрелище: жена его терапевта в объятиях буддийского монаха.

Но Джесс решил, что обязан хранить тайну, касающуюся личной жизни своего бывшего терапевта, и отказывался назвать Кэрол его имя. Но ошибки быть не могло: это Маршал Стрейдер. Не так уж много в Америке терапевтов, у которых жена — буддистка и специалист по икебанае!

Кэрол едва дождалась обеда, когда у нее была назначена встреча с Джессом; она не могла вспомнить, когда еще ей так не терпелось поделиться с другом новостью. Она представляла себе удивленное лицо Джесса: «Нет! Просто не верится! Ужас какой — девяносто тысяч долларов! И, поверь мне, этот человек здорово потрудился, чтобы заработать эти деньги. И он пришел с этим именно к тебе!» Она представила, как он будет ловить каждое ее слово. Она вспомнит все самые мельчайшие детали, чтобы подольше рассказывать эту сенсационную новость.

Но вдруг она резко осадилась — Кэрол поняла, что не может рассказать Джессу об этом. «Я не имею права рассказывать ему о Маршале Стрейдере, — подумала она. — Я должна молчать даже о том, что он приходил ко мне. Я дала клятву конфиденциальности».

Но ее так и подмывало выложить все Джессу. Может, когда-нибудь у нее появится такая возможность. А сейчас ей придется держать себя в руках и не выходить за рамки кодекса профессионального поведения. И еще вести себя так, как хотел бы Джесс, а именно — приложить все усилия, чтобы помочь его бывшему терапевту. Это будет непросто. Ей никогда не нравились мозгоправы. А этот конкретный мозгоправ, доктор Стрейдер, ей нравился и того меньше: слишком много скулит, слишком серьезно к себе

относится, еще эти ребяческие заявления о футболе — тоже мне мачо! Маршал был раздавлен, но присущее ему высокомерие ощущалось не менее отчетливо. Неудивительно, что он нажил врагов.

Но доктор Стрейдер сильно помог Джессу, поэтому Кэрол решила сделать ему подарок и предпринять все, что в ее силах, чтобы помочь этому клиенту. Ей нравилось дарить Джессу подарки, но хранить подарок в тайне, тайком быть доброй самаритянкой, да так, что Джесс и не догадается о ее добрых делах, — это будет трудно.

Кэрол всегда умела хранить секреты. Она была мастером манипуляций и интриг и успешно пользовалась этим в суде. Мало кому хотелось представлять противоположную сторону в зале суда, когда Кэрол бралась за дело. Ее знали как искусного специалиста, способного на опасные трюки. Ложь давалась ей легко, и она не делала различий между личной жизнью и профессиональной. Но за последние несколько недель ей надоело лгать. Было что-то восхитительное, освежающее в искренности, на которой были построены ее с Джессом отношения. Каждый раз, когда они встречались, она отваживалась открыть ему что-то новое. И за каких-то несколько недель Джесс узнал о ней больше, чем кто бы то ни было. Она умолчала только об одном: об Эрнесте!

Они почти не говорили об Эрнесте. Кэрол решила, что будет значительно проще, если они не будут обсуждать между собой терапию и не будут говорить с Эрнестом друг о друге. Сначала она хотела было настроить Джесса против Эрнеста, но быстро отказалась от этой мысли: вне всякого сомнения, терапия шла Джессу на пользу, к тому же Эрнест ему очень нравился. Кэрол, разумеется, не стала рассказывать Джессу о том, в какую игру она играет с Эрнестом и какие чувства она к нему испытывает.

«Эрнест — гениальный терапевт! — воскликнул однажды Джесс после особенно удачного сеанса. — Он такой честный, такой человечный. — И Джесс начал рассказывать, как проходил сеанс: «Сегодня ему действительно удалось добраться до самой сути. Он сказал, что, когда нам удастся сблизиться, когда наше общение становится более тесным, я всегда пытаюсь разрушить эту атмосферу какой-нибудь гомофобной шуткой или ухожу в интеллектуальные спекуляции.

И он прав, Кэрол, я и правда вел себя так с мужчинами, особенно с отцом. Но, что самое удивительное, он пошел дальше и признался, что интимность в отношениях с мужчинами вызывает дискомфорт у него самого, что он подхватывает мою игру — позволяет отвлечь себя шутками или поддерживает начатую мной дискуссию.

Терапевты не так уж часто позволяют себе такую откровенность, не

так ли? — говорил Джесс. — Я же столько лет имел дело со сдержанными, настороженными, застегнутыми на все пуговицы мозгоправами. И как ему удастся поддерживать этот уровень напряженности от сеанса к сеансу — просто невероятно!»

Кэрол была удивлена тем, что Эрнест, оказывается, был настолько откровенен с Джессом, и, как ни странно, расстроилась, узнав, что так он ведет себя не только с ней. Почему-то она почувствовала себя обманутой. Но Эрнест никогда не пытался сделать вид, что обращается с ней иначе, чем с другими пациентами. Она опять подумала, что, наверное, ошибается в нем, что на самом деле его настойчивость не была прелюдией к соблазнению.

Вообще, весь коварный план Кэрол оказался под угрозой. Рано или поздно Джессу придется рассказать о ней Эрнесту, и он узнает правду. К тому же ее цель — дискредитировать Эрнеста, лишить его практики, разрушить его отношения с Джастином — потеряла смысл. Джастин больше не волновал ее, Ральф Кук и Цвейзунг остались далеко в прошлом. Если она причинит вред Эрнесту, то единственное, чего она этим добьется, — это сделает больно Джессу, а значит, и себе самой. Ярость и желание мести так долго были смыслом ее жизни, что теперь, когда они исчезли, она чувствовала себя опустошенной. Вспоминая теперь, что ею двигало, — а в последнее время она думала об этом все чаще, — она стыдилась своих поступков и не могла взять в толк, зачем она все это затеяла.

Тем не менее она, словно на автомате, продолжала соблазнять Эрнеста. Пару сеансов назад, обнимаясь с ним на прощание, она крепко прижалась к нему. Он сразу же напустил на себя неприступный вид и сказал резко: «Каро-лин, я знаю, что вы все еще хотите, чтобы я стал вашим любовником, как Ральф Кук. Забудьте об этом. Скорее небо упадет на землю, чем я соглашусь вступить с вами в сексуальные отношения. Или с любой другой пациенткой!»

Эрнест сразу же пожалел о своей несдержанности и на следующем сеансе вернулся к этому инциденту.

«Простите меня, Каролин, в прошлый раз я был резок с вами. Я редко выхожу из себя, но в вашей настойчивости есть что-то странное, граничащее с одержимостью. И, как мне кажется, самодеструктивное. Думаю, мы с вами сможем добиться хороших результатов, я уверен, что многое могу для вас сделать, но я не могу понять только одного: почему вы так упорно пытаетесь саботировать нашу работу?» Кэрол опять говорила о том, что нуждается в нем, вспоминала Ральфа Кука, но теперь ее слова



казались пустыми, лживыми даже ей самой. Эрнест перебил ее: «Я знаю, что говорил это уже не раз, но, пока вы пытаетесь спровоцировать меня, мы с вами не можем не возвращаться к этому разговору — снова и снова. Итак. Во-первых, я уверен, что, став вашим любовником, причиню вам только вред, и ничего больше. Я знаю, что вы уверены в обратном, и перепробовал уже все способы переубедить вас. Вы никак не можете поверить, что я действительно хочу вам помочь. Поэтому сегодня я испробую принципиально иной способ. Я буду говорить о наших отношениях с эгоистичной точки зрения, принимая в учет только собственные интересы.

Суть в том, что я намерен избегать поступков, которые приведут к губительным для меня последствиям. Я прекрасно знаю, чем закончится для меня сексуальная связь с вами: еще долгие годы, может быть, до конца дней своих я буду мучиться угрызениями совести, я не смогу уважать себя. А я не хочу этого. Не говоря уже о проблемах с законом. Это может стоить мне лицензии. Я приложил слишком много усилий, чтобы добиться того, что имею сейчас, я люблю свою работу и не собираюсь ставить под угрозу свою карьеру. А теперь подумайте, почему вы требуете от меня это».

«Вы не правы. Не может быть никаких проблем с законом, — возразила Кэрл. — Потому что без заявления потерпевшей стороны судебный процесс начат не будет, а я никогда, никогда не сделаю этого. Я хочу, чтобы вы были моим любовником. Я никогда не причиню вам боль».

«Я знаю, что вы так думаете. Сейчас. Но каждый год в суд поступают сотни исков, и во всех без исключения случаях пациентка когда-то думала именно так, как вы сейчас. Но позвольте мне сказать честно: это чистой воды эгоизм, но я действую исключительно в своих собственных интересах!»

Кэрл молчала.

«Вот так, Каролин. Я все сказал. По-моему, проще и не скажешь. Вы должны сделать выбор, Каролин. Идите домой. Подумайте над тем, что я сказал вам. Поверьте, я действительно никогда не смогу вступить с вами в сексуальный контакт. Я предельно серьезен. И решайте, хотите ли вы продолжать работать со мной».

Они расстались на мрачной ноте. Без объятий. И на этот раз Эрнест не пожалел об этом.

Кэрл села переобуваться в приемной. Она открыла сумку и достала свои заметки:

Настаивает, чтобы я называла его по имени, чтобы звонила ему домой, говорит, что я привлекательна, соглашается сесть со

мной на кушетку, говорит, что я могу задавать ему вопросы личного характера, ласкает мои волосы, говорит, что, если бы мы встретились в других обстоятельствах, он бы хотел быть моим любовником...

Она подумала о Джессе, который будет ждать ее у ресторана «Green's». Черт возьми! Она порвала листки с записями и побежала.

## Глава 25

Визит Маршала к Бэту Томасу, частному детективу, которого порекомендовала ему Кэрол, начался многообещающе. Он разглядывал своего собеседника: грубое лицо в морщинах, мятая одежда, кривые зубы, кроссовки, склонность к полноте — возможно, результат злоупотребления алкоголем и малоподвижного образа жизни, — бесцеремонность и бескомпромиссность, эффективное и упорядоченное мышление. Его офис находился на четвертом этаже в доме без лифта на Филлмор-стрит, зажатом между товарной биржей и пекарней. Это была классическая берлога сыщика: потертая, продавленная софа, обитая зеленой кожей, голые деревянные полы и исцарапанный деревянный стол, под одну из ножек которого, чтобы он не шатался, был подложен коробок спичек.

Маршал энергично взбежал вверх по лестнице — последние несколько дней он был слишком взволнован, чтобы играть в баскетбол или бегать трусцой, и соскучился по движению. И ему сразу понравился прямолинейный сыщик.

От Бэта Томаса Маршал услышал то же, что и от Кэрол. Он рассказал детективу о случившемся, не скрывая размеров потери, страха перед публичной оглаской и самобичевания за глупость. Выслушав его рассказ, детектив произнес: «Ваш адвокат совершенно права. Я работаю с ней много лет и могу сказать, что она редко ошибается. Этот парень — профессионал. Знаете, что мне больше всего понравилось: та история про бостонского хирурга и просьба помочь ему избавиться от чувства вины — просто потрясающий прием! А еще мне понравилось, как он купил ваше молчание этим «Ролексом» за тридцать пять сотен долларов — какая прелесть! Новичок всучил бы вам подделку. А как он отвел вас в «Пасифик юнион» — великолепно! Он поймал вас на крючок. Причем моментально. И вы с легкостью расстались с деньгами. Сообразительный парень. Вам еще повезло, что он ограничился этой суммой, — вы могли потерять и больше. Давайте-ка посмотрим, что мы можем предпринять. Можете вспомнить, какие имена он называл? Для начала — как он вышел на вас?»

«Он сказал, что меня рекомендовал ему друг Адрианы, — ответил Маршал. — Он не назвал имени».

«У вас есть его телефон и телефон его невесты? Я собираюсь начать с этого. И дайте мне его цюрихский номер. Чтобы получить номер, он должен был предъявить какое-нибудь удостоверение личности, так что

сегодня я попытаюсь это отследить. Но не стоит возлагать на это особые надежды — он мог воспользоваться и фальшивкой. На чем он ездил? Вы видели его автомобиль?»

«Не знаю, как он добирался до моего офиса. Может, брал машину в прокат. Или такси. После «Пасифик юнион» он пошел в отель пешком — всего пару кварталов. Может, стоит заняться факсом из Университета Мехико?»

«Факсы обычно ничего не дают, но все равно, дайте его мне, я посмотрю. Я уверен, что он подделал логотип на компьютере, а потом отправил факс сам себе или воспользовался факсом своей подружки. Я посмотрю, не фигурируют ли их имена в базе НКИЦ — Национального криминалистического информационного центра. У меня есть там человек, который за скромную плату может получить доступ к их компьютеру и поискать там нужную нам информацию. Попытаться стоит, но особо не надейтесь — этот человек пользуется вымышленными именами. Вероятно, он проворачивает подобного рода операции три-четыре раза в год и, может быть, специализируется исключительно на мозгоправах. Я о таком никогда не слышал, но проверить стоит. Или он может охотиться за более крупной рыбой, например за хирургами, но даже с такой мелкой рыбешки, как вы, он имеет четыре-пять сотен тысяч в год. Неплохо, если учесть, что налоги он не платит. Вот молодец! Этот парень далеко пойдет. Мне понадобится предварительный гонорар, чтобы было с чего начать, — пятьсот долларов».

Маршал выписал чек и попросил квитанцию.

«О кей, док, заметано. Я начну прямо сейчас. Зайдите ко мне сегодня часов в пять-шесть — посмотрим, что у нас получится».

Днем Маршал узнал, что расследование не продвинулось ни на шаг. Адриана получила телефонный номер, воспользовавшись водительскими правами и кредитной карточкой, украденными в Арканзасе. В отеле «Шейрмонт» Питер платил только наличными, только иногда — поддельной карточкой «Америкэн экспресс». Все факсы были отправлены из Сан-Франциско. Цюрихский телефонный номер оплачивался с той же карточки «Америкэн экспресс». «Ни единой зацепки, — сказал Бэт. — Уделал нас всухую. Этот парень работает чисто, очень чисто — он заслуживает уважения».

«Я все понял. Вам нравится, как работает этот парень. Я рад, что вы двое так быстро нашли общий язык, — сказал Маршал. — Но не забывайте, что ваш клиент — я и что я хочу засадить его за решетку».

«Хотите достать его? Нам остается только одно — у меня есть друзья в отделе по борьбе с мошенничеством. Давайте я схожу к ним, пообедаю с

моим старым другом Лу Люмбарди — он мой должник. Мы можем проверить похожие аферы, может, найдем других мозгоправов или врачей, которые попались на ту же удочку — богатый клиент, безгранично благодарный за исцеление, настаивает на желании отблагодарить хирурга-волшебника, «Ролекс», именнные лекции, инвестиции в зарубежные компании, чувство вины перед другими врачами, которых ему не удалось достойно отблагодарить. Эта схема слишком хороша, чтобы никто не додумался до нее раньше».

«Делайте что хотите, только достаньте мне этого ублюдка».

«Есть одна проблема: вам придется пойти со мной, чтобы написать жалобу, — это территория сан-францис-ского отдела по борьбе с мошенничеством; вы заключили сделку в этом городе. Но вы не сможете сделать это анонимно, и от прессы нам скрыться не удастся — это невозможно. Вы должны быть готовы к тому, что какая-нибудь газета выйдет под шапкой «Экс-пациент обчистил своего психиатра!» — знаете, как они обычно делают».

Маршал застонал, обхватив голову руками: «Это еще хуже, чем стать жертвой мошенника! Это погубит меня! Во всех газетах напишут, что я принял от пациента «Ролекс»! Как я мог быть таким идиотом! Как я мог!»

«Это ваши деньги и ваш заказ. Но я не смогу помочь вам, если вы свяжете мне руки».

«Этот чертов «Ролекс» обошелся мне в девяносто тысяч долларов! Кретин, кретин, кретин!»

«Слезам горю не поможешь, док. Нет никакой гарантии, что ребята из отдела смогут поймать его... возможно, он уже покинул страну. Вот послушайте, я расскажу вам одну историю». Бэт закурил сигарету и, бросил спичку на пол.

«Пару лет назад я летал в Нью-Йорк по делам и заодно хотел увидеться с дочерью, которая только что родила мне первого внука. Прекрасный осенний день, легкий морозец, я иду по Бродвею в районе Тридцать девятой или Сороковой улицы и думаю, что стоило бы купить какой-нибудь подарок — дети всегда говорили, что я жадный. И тут я вижу себя на экране телевизора — какой-то мужик пытается продать новенькую видеокамеру «Сони» за сто пятьдесят баксов. Я как раз такую использую для работы — они стоят около шести сотен. Я торгуюсь с ним на семьдесят пять, он посылает куда-то малолетнего пацана, и через пять минут к обочине подъезжает старый «Бьюик», на заднем сиденье которого лежит с десяток таких камер в фирменной упаковке «Сони». Они, воровато оглядываясь по сторонам, начинают вешать мне лапшу на уши: они, мол,

выпали из грузовика. Краденые, ясное дело. Но я, жадный кретин, все равно покупаю у них видеокамеру. Даю им семьдесят пять баксов, они уезжают, а я иду с этой камерой обратно в отель. Тут у меня начинается паранойя. Я тогда был главным следователем в деле о многомиллионном банковском мошенничестве, так что не мог пачкать руки. Мне начинает казаться, что за мной следят. Когда я добрался до своего номера, я уже не сомневался, что меня подставили. Я боюсь оставлять эту чертову видеокамеру в номере. Я прячу ее в чемодан и сдаю ее в камеру хранения при отеле. На следующий день я беру чемодан, приношу его к дочери, вскрываю новенькую коробочку с надписью «Сони» — и нате, пожалуйста: там кирпич.

Так что, док, нечего себя корить. Это случается и с лучшими из нас, профессионалы тоже не застрахованы от надувательства. Вы не можете всю жизнь прожить с оглядкой, ожидая подвоха даже от друзей. Когда-нибудь вам просто не повезет, и вы окажетесь под колесами у пьяного водителя. Простите, док, уже семь часов, а мне сегодня ночью работать. Я вышлю вам счет, хотя, возможно, ваших пятисот долларов будет вполне достаточно».

Маршал поднял голову. Он вдруг осознал, что у него украли девять тысяч долларов. «И что? Это все? Это все, что я получаю за свои пятьсот баксов? Вашу сказочку о кирпиче и видеокамере?»

«Док, вас накололи, как младенца, вы приходите ко мне, ничего путного сказать не можете — у вас нет ни зацепок, ни улики, ничего... вы просите меня о помощи, я трачу на вас пятьсот долларов своего времени и времени своих сотрудников. И не говорите, что я вас не предупреждал. Но не думайте, что вы можете вот так связать меня по рукам и ногам, не давая мне делать мою работу, а потом орать, что я не отработал ваши деньги. Я понимаю, вы в шоке. И это понятно. Но дайте мне возможность использовать любые средства, чтобы поймать его, или забудьте об этом».

Маршал молчал.

«Хотите совет? Это дело решенное, вы уже ничего не сможете изменить: можете попрощаться с этими деньгами. Считайте, что судьба преподала вам суровый урок».

«Ладно, Бэт, — не оборачиваясь, произнес Маршал по дороге к двери. — Я так просто не сдамся. Этот подонок не на того напал».

«Док! — перегнувшись через перила, крикнул Бэт, когда Маршал уже спускался по лестнице. — Если вы собираетесь играть в Одинокого Рейнджера, мой вам совет — не делайте этого! Этот парень умнее вас! Намного умнее!»

«Да пошел ты», — пробормотал себе под нос Маршал, выходя на Филлмор-стрит.

Маршал добирался домой пешком, обдумывая свои дальнейшие шаги. Позже, вечером, он перешел к решительным действиям. Для начала он позвонил в телефонную компанию и заказал установку дополнительного номера, не занесенного в справочники, с голосовой почтой. Потом он отправил по факсу объявление, которое появится в следующем номере «Новостей психиатрии» — печатного органа Американской психиатрической ассоциации, еженедельно рассылаемого всем практикующим психиатрам:

**ВНИМАНИЕ!** Есть ли среди ваших краткосрочных пациентов богатый, привлекательный худощавый мужчина около сорока лет, имеющий проблемы с невестой и детьми, с разделом имущества и заключением добрачного контракта, который предлагает выгодное капиталовложение, подарки, организацию именных лекций? Будьте осторожны, вам грозит опасность. Звоните: 415-555-1751. Конфиденциальность гарантируется.

## Глава 26

Особенно трудно Маршал переносил ночи. Теперь он мог уснуть только при помощи сильного снотворного. Днем он только и делал, что вновь и вновь прокручивал в памяти каждую минуту, проведенную с Макондо. Иногда он блуждал в дебрях воспоминаний в поисках зацепок, иногда проигрывал в своем воображении сцены мести, где он поджидал Питера в лесу и избивал его до потери сознания, а иногда просто лежал без сна, бичуя себя за глупость и представляя, как счастливые Питер и Адриана мчатся на своем новом «Порше» стоимостью девяносто тысяч долларов.

Дни были не легче. Последствия приема снотворного, несмотря на две выпитые чашки эспresso, ощущались до полудня, и Маршалу нужно было приложить максимум усилий, чтобы провести сеансы с дневными пациентами. Он снова и снова представлял себе, как выходит из роли психотерапевта. Ему хотелось сказать: «Перестань скулить» или «Ты не можешь уснуть в течение часа? И это ты называешь бессонницей? Да я полночи глаз не сомкнул!» Или «Итак, через десять лет ты опять встретил Милдред в бакалее и снова у тебя возникло это волшебное чувство, эта вспышка желания, уколочик страха. Тоже мне! Дай-ка я расскажу тебе, что такое боль!»

Тем не менее Маршал продолжал работать, гордясь тем, что большинство терапевтов в таком состоянии давно бы уже закатили истерику и ушли бы на больничный. Терпение и труд, напомнил он себе, все перетрут. Так что час за часом, день за днем, он всасывал боль и исторгал ее наружу.

Только две вещи удерживали Маршала на плаву. Во-первых, жажда мести; он проверял автоответчик несколько раз в день в надежде, что кто-нибудь откликнулся на его объявление в «Новостях психиатрии», что наконец-то он найдет след, который приведет его к Питеру. И во-вторых, визиты к адвокату. За пару часов до встречи с Кэрол он не мог думать ни о чем больше; он обдумывал, что скажет ей, вел с ней мысленные беседы. Иногда при мысли о Кэрол глаза его наполнялись слезами благодарности. Каждый раз, покидая ее кабинет, он чувствовал, что ему стало еще немного легче. Он не анализировал причину возникновения столь глубоких чувств к Кэрол — это его не волновало. Скоро ему перестало хватать еженедельных встреч — он хотел видеть ее два, три раза в неделю или даже каждый день.

Запросы Маршала настораживали Кэрол. Скоро она исчерпала все



свои возможности и как адвокат уже ничего не могла ему предложить, не знала, как помочь его горю. В конце концов она решила, что лучший способ сдержать клятву доброй самаритянки — посоветовать ему обратиться к психотерапевту. Но Маршал не согласился.

«Я не могу обратиться к психотерапевту по той же самой причине: я не могу допустить публичной огласки. У меня слишком много врагов».

«Вы считаете, что терапевт не обеспечит вам конфиденциальность?»

«Нет, дело не столько в конфиденциальности, сколько в видимости, — ответил Маршал. — Вы должны понимать, что терапевт, который сможет мне помочь, должен быть профессиональным психоаналитиком».

«То есть, — перебила его Кэрол, — вы хотите сказать, что вам может помочь только психоанализ, и никакой другой психотерапевтический подход?»

«Миссис... Вы не возражаете, если мы будем обращаться друг к другу по имени? Миссис Астрид и доктор Стрейдер — это так чопорно, так формально, особенно если учесть глубоко личный характер нашего общения».

Кэрол кивнула в знак согласия, вспомнив, однако, как Джесс говорил, что единственное, что ему не нравилось в бывшем терапевте, — его формализм в общении: когда Джесс предложил ему называть друг друга по имени, он неодобрительно фыркнул и потребовал, чтобы Д?кесс называл его доктором.

«Кэрол... да, так лучше... скажите честно: вы можете представить меня, консультирующегося у какого-нибудь шарлатана? У какого-нибудь специалиста по прошлым жизням, или у того, кто будет рисовать на потолке диаграммы «родитель — взрослый — ребенок», или у какого-нибудь сопляка-когнитивиста, который будет пытаться перестроить стиль моего мышления.»

«Хорошо, предположим, что эффективен только психоанализ. А теперь продолжим: почему вы не можете [???"

"Я знаю всех здешних психоаналитиков и уверен, что среди них нет ни одного, который мог бы занять необходимую нейтральную позицию по отношению ко мне. Я слишком успешен, слишком амбициозен. Ни для кого не секрет, что я планирую стать президентом Института психоанализа «Golden Gate» и имею виды на лидерство в национальной ассоциации».

«То есть проблема в зависти и конкуренции?»

«Разумеется. Как психоаналитик сможет остаться терапевтически нейтральным по отношению ко мне? Все знакомые мне терапевты будут втайне торжествовать, злорадствовать из-за постигшей меня трагедии.

Возможно, на их месте я поступил бы так же. Всем нравится наблюдать за падением сильнейших. К тому же пойдет слух, что я посещаю психотерапевта, — через месяц об этом узнают все городе. Этого нельзя скрыть. Офисы психоаналитиков располагаются в одних и тех же зданиях, буквально через стенку. Кто-нибудь увидит меня в приемной».

«И что с того? Есть что-то постыдное в том, чтобы ле читься у психотерапевта? Я не раз слышала, как люди восхищением говорят о терапевтах, которые продолжают...”

"Многие, с учетом моего возраста и положения, сочтут это за прошение слабости — это подорвет мои политический авторитет. И не забываете, что я всегда был ярым противником психотерапевтической халатности, я даже стал инициатором дисциплинарного взыскания и изгнания из института — и, должен отметить, вполне заслуженного изгнания, моего собственного психоаналитика. Вы читали в газетах о катастрофе Сета Пейнда?»

«Отзыв пациентов? Конечно! — воскликнула Кэрол. — Такую сенсацию трудно пропустить! Так это были вы?»

«Я сыграл в этом ведущую роль. Может, даже главную. И, между нами говоря, я спас этот институт. Это долгая история и не для посторонних ушей. Сейчас у меня нет времени ее рассказывать, но суть остается прежней: как я смогу говорить о психотерапевтической халатности, если буду знать, что среди моих слушателей есть человек, который знает, что я принял «Ролекс» от пациента? Я буду навеки приговорен к молчанию — и к политическому бездействию».

Кэрол понимала, что аргумент Маршала в корне неверен, но не смогла придумать, как под него подкопаться. Возможно, его недоверие к психотерапевтам было слишком близко ей самой. Она попробовала подойти с другой стороны:

«Маршал, возвращаюсь к вашему заявлению о том, что помочь вам сможет только психоаналитик. А как же мы с вами? Только посмотрите на меня — я никак не могу считаться профессионалом! Как же вы можете говорить, что я помогаю вам?»

«Не знаю как, только знаю, что вы помогаете мне. Сейчас у меня нет сил, чтобы понять, как вам это удастся. Возможно, вам достаточно просто быть здесь, сидеть со мной в этом кабинете — вот и все. А я буду работать».

«Нет, подождите, — покачала головой Кэрол, — меня такое положение дел не устраивает. Это непрофессионально; более того, я бы сказала, что это неэтично. Вы тратите свои деньги на то, чтобы посещать человека без

специальной подготовки в нужной вам области. И деньги немалые. В конце концов, мои услуги стоят дороже, чем услуги психотерапевта».

«Нет, я уже думал об этом. При чем здесь неэтичность? Ваш клиент пользуется вашими услугами, потому что считает, что вы помогаете ему. Я готов под присягой подтвердить эффективность вашей работы. А с учетом налогов это обходится мне вовсе не дорого. При моем уровне дохода незначительные медицинские расходы не возмещаются, а вот юридические — да. Кэрол, ваши услуги возмещаются мне на сто процентов! Вы обходитесь мне намного дешевле, чем психотерапевт. Но это не единственная причина, почему я работаю именно с вами. Дело в том, что вы единственная, кто может мне помочь».

Так Маршал убедил Кэрол продолжать сотрудничество. Ей было нетрудно разобраться в его проблемах — он обрисовал ей их все, одну за другой. Как и многие другие блестящие адвокаты, Кэрол гордилась своей умелой манерой вести записи, и вскоре из ее подробных заметок в блокноте сложился подробный список вопросов. Почему Маршал отрицает любую возможность обратиться за помощью к кому-нибудь другому? Почему у него так много врагов? Почему он так высокомерно, с таким осуждением отзывается о других психотерапевтах и других психотерапевтических подходах? Он критикует все и вся; эта участь не миновала ни его жену, ни Бэта Томаса, ни Эмиля, ни Сета Пейн-да, ни его коллег, ни студентов.

Кэрол не могла не спросить его об Эрнесте Лэше. Под благовидным, разумеется, предлогом — будто один из ее друзей собирается полечиться у него — Кэрол спросила Маршала, что он думает по этому поводу.

«Знаете, — и запомните, это между нами, Кэрол, — я бы вам его не рекомендовал. Эрнест — умный, вдумчивый молодой человек с большим опытом исследований в области фармакологии. Он первоклассный специалист в этой сфере. Несомненно. Но как терапевт... знаете... я бы сказал, что он еще учится, что он еще не до конца определился. Главная его проблема в том, что он не получил полноценную психоаналитическую подготовку — я лишь недолго был его супервизором. Более того, я считаю, что он еще не готов учиться психоанализу: это молодой иконоборец слишком недисциплинирован, слишком непочтителен. Хуже того, он кичится своим бунтарством, бросается громкими словами, именуюя себя «новатором» или «экспериментатором».

Бунтарь! Иконоборец! Воплощение непочтительности! Обвинения Маршала добавили Эрнесту несколько очков в ее глазах.

Следующим в списке Кэрол, после недоверия и высокомерия, значился стыд. Может быть, стыд и высокомерие — одного поля ягоды, думала

Кэрол. Может, если бы Маршал не судил других так строго, он не требовал бы так много и от себя? Или наоборот? Если бы он не был столь требователен к себе, он был бы снисходительнее к другим? Забавно, ведь от Эрнеста она слышала то же самое!

На самом деле она во многом видела в Маршале себя. Например, его гнев — ярость, заикленность, одержимость идеей мести — все это напомнило ей ту ужасную ночь, которую она провела с Нормой и Хитер после ухода Джас-тина. Неужели она серьезно хотела нанять киллера, избить его до полусмерти? Неужели она уничтожила его файлы в компьютере, его одежду, памятные сувениры из его детства? Сейчас она просто не могла в это поверить. Это происходило тысячу лет назад. Она уже начала забывать лицо Джастина.

Почему она так сильно изменилась? Может, встреча с Джессом так на нее повлияла? Или тот факт, что она вырвалась из брака, который душил ее? Тут она подумала об Эрнесте... неужели, несмотря ни на что, он все же умудрился контрабандой пронести какую-то долю терапии в их сеансы?

Она пыталась убедить Маршала в бессмысленности его ярости, указывала на саморазрушительный ее характер. Но безуспешно. Иногда ей хотелось передать ему долю своей новообретенной сдержанности, спокойствия. А иногда она теряла терпение и хотела встряхнуть его, заставить взяться за ум. Ей хотелось крикнуть ему: «Да брось ты! Неужели ты не видишь, чего тебе стоят эти идиотские злоба и гордость? Ты лишился всего! Спокойствия, сна, работы, семьи, друзей! Просто успокойся!» Но ничего она этим не добьется. Она прекрасно помнила, какая жажда мести владела ею всего несколько недель назад, а потому прекрасно понимала Маршала. Но она не знала, как помочь ему успокоиться.

Другие проблемы из списка были ей чужды, например озабоченность Маршала финансовыми вопросами и вопросами статуса. Ее такие проблемы не волновали. Тем не менее она понимала их важность, ведь именно алчность и честолюбие привели его к этой катастрофе.

А его жена? Час за часом Кэрол ждала, что Маршал заговорит о ней. Но не слышала ни слова, разве что Маршал обмолвился, что она на три недели уехала в Тассайару для медитации. А когда Кэрол сама спрашивала его о жене, он говорил лишь, что у них нет общих интересов, что они идут каждый своей дорогой.

Кэрол часто думала о Маршале — когда бегала, когда работала с другими клиентами, когда лежала в постели перед сном. Так много вопросов. И так мало ответов. Маршал чувствовал тревогу Кэрол и уверял ее, что, для того чтобы облегчить его страдания, ей достаточно просто

помочь ему сформулировать и обсудить с ним его основные проблемы. Но Кэрол понимала, что этого недостаточно. Ей нужна была помощь; она нуждалась в консультанте. Но к кому она может обратиться? А однажды ее вдруг осенило: она поняла, кто сможет ей помочь.

## Глава 27

Сидя в приемной Эрнеста, Кэрол решила посвятить весь сеанс поискам способов помочь Маршалу. Она составила список вопросов, на которые не могла ответить сама, и теперь думала, как задать их Эрнесту. Она знала, что ей нужно быть очень осторожной: со слов Маршала она поняла, что они с Эрнестом хорошо знали друг друга, и ей придется постараться, чтобы Эрнест не догадался, о ком идет речь. Но Кэрол это не пугало: наоборот, в стихии интриг и козней она чувствовала себя как рыба в воде.

Но у Эрнеста были другие планы. Как только Кэрол вошла в кабинет, он сам начал разговор:

«Знаете, Каролин, последний сеанс оставил у меня ощущение незавершенности. Мы с вами остановились в самой середине очень важного разговора».

«Что вы хотите этим сказать?»

«Мне показалось, что мы с вами смогли с большей тщательностью подойти к анализу наших отношений, но вы были так взволнованны. Вы буквально бегом покинули кабинет в конце сеанса. Не могли бы вы рассказать мне, какие чувства испытывали по дороге домой после последнего сеанса?»

Эрнест, как и большинство терапевтов, практически всегда давал пациентам возможность начать сеанс. Он нарушал это правило и заводил разговор первым только тогда, когда чувствовал необходимость проработать какую-то тему, с которой они не успели разобраться во время предыдущего сеанса. Еще давно он узнал от Маршала, что чем больше сеансов перетекают один в другой, тем более эффективной становится терапия.

«Взволнованна? Нет, — покачала головой Кэрол. — Не думаю. Я мало что запомнила с прошлого сеанса. Тем более что было, то прошло, а сегодня я хочу поговорить с вами о другом. Мне нужен ваш совет относительно одного моего клиента».

«Постойте, Каролин, сначала позвольте мне несколько минут уделить этой теме. Есть вещи, которые кажутся мне важными, и я хотел бы высказаться».

«В конце концов, кто из нас пациент?» — пробормотала Кэрол себе под нос. Но приветливо кивнула, приглашая его продолжать.

«Помните, Каролин, во время нашей первой встречи я сказал, что честность — самое главное в терапии. Я дал вам слово быть с вами искренним. Но я должен признаться, что не до конца сдержал свое обещание. Пришло время прояснить ситуацию, и я хочу начать с эротизма... его было много в наших отношениях, и это меня беспокоит».

«Что вы имеете в виду?» — настороженно спросила Кэрол. По голосу Эрнеста она поняла, что этот сеанс будет особенным.

«Попробуйте взглянуть на ситуацию со стороны. С самого первого сеанса вы большую часть времени говорили о том, что я привлекаю вас как мужчина. Я стал средоточием ваших эротических фантазий. Снова и снова вы просили меня заменить вам Ральфа, стать вашим любовником, оставаясь вашим терапевтом. Потом все эти объятия, попытки поцеловать меня, «время кушетки», когда вы хотели сидеть рядом со мной».

«Да, да, я знаю, о чем вы говорите. Но вы сказали, что вас это беспокоит».

«Очень беспокоит — и по многим причинам. Первая — это сексуальное возбуждение».

«Вас беспокоит, что я была возбуждена?»

«Нет, не вы — я. Вы провоцировали меня, Каролин, а так как мы с вами особенно сегодня играем в игру под названием «Честность», я скажу вам, что вы возбуждали меня, — и это меня беспокоило. Я уже говорил вам, что считаю вас очень привлекательной женщиной, и мне, мужчине, было очень трудно устоять перед вашими чарами. Вы стали героиней моих фантазий. Я начинаю думать о вас задолго до начала сеанса, я даже специально подбираю одежду перед встречей с вами. Я должен в этом признаться».

Теперь я ясно понимаю, что дальше так продолжаться не может. Видите ли, вместо того, чтобы помочь вам разобраться с этими... скажем так, сильными, но нереалистичными чувствами ко мне, я начал подыгрывать вам, я поощрял ваше поведение. Мне нравилось обнимать вас, касаться ваших волос, сидеть рядом с вами на кушетке. Я знаю, что вы знали, что мне это нравилось. Не отрицайте, Каролин, не качайте головой, я знаю, что только разжигал ваши чувства. Я постоянно повторял «нет, нет, нет»; тихим, но все же слышным голосом я говорил «да, да, да». И это было нетерапевтично».

«Я не слышала ваших «да», Эрнест».

«Возможно, вы не осознавали этого. Но я действительно испытывал эти чувства, и я уверен, что вы чувствовали это и это стимулировало вас на каком-то уровне. Два человека, вовлеченные в интимные отношения — или

отношения, пытающиеся быть интимными, — не могут не передавать друг другу свои чувства — если не прямо, то невербально или на подсознательном уровне».

«Не уверена, что вы правы, Эрнест».

«Я уверен в своей правоте. Мы еще вернемся к этому. Но сейчас я хочу, чтобы вы уловили суть моих слов: эротическая привязанность, которую вы испытываете ко мне, вредит терапии. Я тщеславен, вы тоже привлекаете меня в сексуальном плане, и я должен взять на себя ответственность за стимулирование этой привязанности. Я был плохим терапевтом, Каролин».

«Нет, что вы, — воскликнула Кэрол, — вы ни в чем не виноваты!»

«Простите, Каролин, позвольте мне закончить... я еще не все сказал... Еще до того, как мы встретились с вами, я принял решение быть полностью откровенным со своим следующим пациентом. Я считал и считаю до сих пор, что главным изъяном большинства традиционных направлений психотерапии является неискренность отношений между пациентом и психотерапевтом. Я же придаю искренности настолько большое значение, что был вынужден разорвать отношения с супервизором — психоаналитиком, которым я искренне восхищался. И именно по этой причине я недавно решил отказаться от формальной психоаналитической подготовки».

«Я не понимаю, какое все это имеет отношение к нашей терапии?»

«Это значит, что работа с вами стала экспериментом. Возможно, в качестве оправдания я должен был объяснить вам, что это слишком сильно сказано: последние несколько лет я старался построить менее формальные, более человеческие отношения с пациентами. Но в вашем случае имеет место странный парадокс: ставя на вас эксперимент абсолютной честности, я не сообщил вам, что вы участвуете в этом эксперименте. А сейчас, подводя итоги нашей работы, я не могу сказать, что изобретенный мной подход оказался эффективным. Я не смог выстроить с вами тот тип честных, аутентичных отношений, который, как я знаю, необходим для терапевтического роста».

«Я убеждена, что виной тому не ваши недочеты или какие-то недостатки вашего подхода».

«Я не знаю точно, где именно допустил ошибку. Что-то пошло не так. Я вижу, что нас разделяет огромная пропасть. Я чувствую недоверие и подозрительность, исходящие от вас, которые внезапно сменяются проявлениями глубокой привязанности и любви. И сбит с толку, потому что большую часть времени я не могу поверить, что вы испытываете ко мне



теплые или хотя бы позитивные чувства. Уверен, я не сказал вам ничего нового»,

Кэрол молчала, опустив глаза.

«Так что мое беспокойство растет: я выбрал неверный подход. В данном случае честность скорее всего не является лучшей политикой. Было бы намного лучше, если бы вы работали с более традиционно ориентированным терапевтом, который смог бы более четко разграничить терапевтические и личные отношения. Итак, Каролин, кажется, я сказал вам все, что хотел. Что вы можете мне ответить?»

Кэрол два раза попыталась начать фразу, но путалась в словах. В конце концов она сдалась: «Я запуталась. Я не могу говорить. Я не знаю, что сказать».

«Я догадываюсь, что вы чувствуете. В свете всего сказанного я мог бы предположить, что вы думаете о том, что вам лучше перейти к другому терапевту. Может, вы даже думаете, что я не имел права брать с вас плату за участие в эксперименте. Если я прав, давайте это обсудим; возможно, я действительно должен вернуть вам деньги».

Окончание эксперимента — хорошая идея, подумала Кэрол. И отличный способ положить конец этому гадкому фарсу. Да, пора заканчивать, пора перестать лгать. Оставить Эрнеста Джессу и Джастину. Похоже, ты прав, Эрнест. Пора заканчивать терапию.

Вот что она хотела сказать. Но с удивлением услышала, что произносит совсем другие слова:

«Нет. Вы не угадали, Эрнест. Проблема не в вашем подходе к терапии. Я не хочу, чтобы вы меняли его из-за меня... мне это не нравится... мне совсем это не нравится. Разве можно сделать вывод на основании одного-единственного случая? Кто знает. Может, еще слишком рано делать выводы. Может быть, даже в моем случае ваш подход оказался эффективным. Дайте мне время. Я ценю вашу честность. Ваша искренность не причинила мне ни малейшего вреда. Возможно, наоборот, принесла мне огромную пользу. Что касается возвращения денег за терапию — об этом не может быть и речи. Кстати, как юрист, хочу предостеречь вас от таких заявлений в будущем. Так на вас могут и в суд подать.

Правду? — продолжала Кэрол. — Вы хотите услышать правду? Правда то, что вы помогли мне. Больше, чем вы думаете. Далее: нет, чем больше я думаю об этом, тем отчетливее понимаю, что совсем не хочу уходить от вас. И не хочу никакого другого психотерапевта. У нас с вами, наверное, был трудный период. Возможно, сама того не осознавая, я испытывала вас.

И это было очень тяжелое испытание».

«И как, я его прошел?»

«Думаю, да. Даже более того — вы показали самые высокие результаты».

«И в чем же заключалось это испытание?»

«Ну... не знаю... нужно подумать. Скажем так, я могла бы рассказать вам кое-что, но, Эрнест, не могли бы мы отложить это до следующего раза? Я должна сегодня кое-что обсудить с вами».

«Хорошо. Но мы с вами все выяснили?»

«Почти все».

«Тогда давайте перейдем к вашей проблеме. Вы сказали, что это касается одного из ваших клиентов».

Кэрол описала ситуацию, в которой оказался Маршал. Она сказала Эрнесту, что ее клиент — терапевт, но в остальном приложила все усилия, чтобы нельзя было догадаться, о ком идет речь, напомнив Эрнесту, что она связана обязательством конфиденциальности, чтобы тот не задавал вопросов.

Эрнест отказался ей помочь. Ему не понравилось, что Кэрол хочет превратить терапевтический сеанс в профессиональную консультацию, и выдвинул целый ряд возражений. Она сопротивляется работе над своими проблемами; она впустую тратит свое время и деньги; а ее клиенту нужен не адвокат, а психотерапевт.

Кэрол ловко расправилась со всеми его аргументами. При чем здесь деньги? Она ничего не теряет. Клиент платит ей больше, чем она Эрнесту. Что касается предложения отправить клиента к психотерапевту — в общем, он просто откажется, а объяснить почему она не может из-за конфиденциальности. И не избегает она разговора о своих проблемах — наоборот, она хотела бы провести несколько дополнительных сеансов, чтобы наверстать упущенное. Тем более проблемы клиента напоминают ей ее собственные, так что таким образом она могла бы косвенно их проработать. Самым сильным ее аргументом на этот счет было заявление о том, что, проявляя альтруизм по отношению к своему клиенту, она делает именно то, что хотел от нее Эрнест, а именно разрывает порочный круг эгоизма и паранойи, в который вовлекли ее мать и бабушка.

«Хорошо, вы меня убедили. Вы опасная женщина, Каролин. Если мне когда-нибудь придется участвовать в судебном разбирательстве, я бы хотел, чтобы вы представляли мои интересы. Расскажите мне о вас и вашем клиенте».

Эрнест был опытным консультантом. Он внимательно выслушал все,

что Кэрол рассказала ему о Маршале: его гнев, высокомерие, одиночество, преувеличенный интерес к деньгам и статусу, отсутствие интереса ко всему остальному в жизни, в том числе и к семейной жизни.

«Что меня особенно удивляет, — сказал Эрнест, — так это тот факт, что он не видит никаких перспектив в будущем. Он полностью захвачен этими событиями, чувствами, он полностью идентифицировался с ними. Мы должны найти способ заставить его отойти на несколько шагов назад. Должны помочь ему посмотреть на себя со стороны — издалека, в космической перспективе. Именно это я пытался проделать с вами, Каролин, когда предлагал вам посмотреть на ситуацию с высоты длинной череды событий, из которых состоит ваша жизнь. Ваш клиент стал тем, что с ним происходит, — он потерял способность ощущать себя как устойчивое «я», которое переживает эти события в один из отрезков отведенного ему времени. Хуже всего то, что ваш клиент уверен в том, что страдания, которые он испытывает в настоящий момент времени, останутся с ним навсегда и не отступят никогда. Это несомненный симптом депрессии — грусть в сочетании с пессимизмом».

«И как можно справиться с этим?»

«Есть множество способов. Например, сказанное вами позволяет мне сделать вывод о том, что основой его идентичности являются достижения и эффективность. Сейчас он скорее всего чувствует себя абсолютно беспомощным, и эта беспомощность пугает его. Судя по всему, он забыл, что у него есть выбор и что возможность выбора дает ему возможность измениться. Нужно помочь ему понять, что затруднительная ситуация, в которой он оказался, не была предопределена судьбой, но стала результатом его собственного свободного выбора — например, выбора возвести деньги в культ. Как только он поймет, что эта ситуация создана его собственными руками, его можно будет подвести к пониманию того, что он сам способен найти из нее выход: он оказался в такой ситуации по своему выбору, поэтому он может выбрать выход из нее.

Или, — продолжал Эрнест, — он может не осознавать, что мучительная ситуация, в которой он оказался, развивается по естественным законам бытия: сейчас она есть; когда-то она возникла и когда-нибудь закончится. Вы можете даже вспомнить с ним, когда еще ему приходилось чувствовать такую ярость, такую боль, а потом помочь ему вспомнить, как они стихли, — так и мучения, которые он испытывает сейчас, станут когда-нибудь лишь замшелыми воспоминаниями».

«Отлично, Эрнест, отлично. Великолепно! — сказала Кэрол, делая пометки в своем блокноте. — Что еще?»

«Итак, вы сказали, что он терапевт. Когда я работаю с терапевтами, я часто понимаю, что могу использовать их собственные профессиональные качества. Это хороший способ заставить их дистанцироваться от себя, посмотреть на себя со стороны»

«Как вы это делаете?»

«Есть один простой способ: попросите его представить, что к нему в кабинет приходит пациент с точно такой же проблемой. Как бы он работал с этим пациентом? Спросите: «Какие чувства мог бы вызвать у вас такой пациент? Как бы вы работали с ним?»

Эрнест подождал, пока Кэрол перевернет страницу, и продолжил:

«Будьте готовы к тому, что это вызовет у него раздражение; страдающие психотерапевты ничем не отличаются от своих пациентов: они хотят, чтобы о них позаботились, чтобы им не пришлось лечить себя самим. Но будьте упорны... это эффективный подход, хорошая методика». «То, что называется «бескорыстная любовь?»»

«Бескорыстная любовь — не мой случай, — продолжал Эрнест. — Мой бывший супервизор всегда говорил, что я предпочитаю получить немедленное вознаграждение в виде любви пациентов, чем более важное — видеть их личностный рост. Я думаю... да что там, я уверен, что он прав. И я очень благодарен ему за то, что он открыл мне глаза на это».

«А его высокомерие? — сказала Кэрол, оторвавшись от своих записей. — Мой клиент настолько заносчив, настолько конфликтен, что у него вообще нет друзей».

«Обычно в таких случаях мы сталкиваемся с реактивным образованием: под маской высокого самомнения и заносчивости обычно скрываются неуверенность в себе, стыд и самоуничижение. Высокомерные, конфликтные люди обычно нуждаются в гиперкомпенсации, чтобы только оставаться наравне с другими. Так что я на вашем месте не стал бы работать с его высокомерием. Займитесь лучше самопрезрением...»

«Медленнее, медленнее». Кэрол подняла руку, показывая, что не успевает за ним записывать. Когда она закончила, он спросил: «Что еще?»

«Он помешан на деньгах, — сказала Кэрол, — и статусе — он мечтает входить в круг избранных. Еще одиночество. Такое ощущение, что жена, семья не играют в его жизни никакой роли».

«Вы знаете, разумеется, быть жертвой мошенничества несладко, но такая бурная реакция вашего клиента меня удивляет — паника, ужас... складывается ощущение, что на карту поставлена вся его жизнь, что без этих денег он ничто. Я бы выяснил, что породило этот личный миф, и, кстати сказать, я бы намеренно и часто употреблял именно это слово —

«миф». Когда он создал этот миф? Чей голос подсказал ему это? Хотелось бы узнать, как относились к деньгам его родители. Это важно, потому что, судя по вашим словам, его погубило именно благоговение перед статусом: судя по всему, умный мошенник понял это и использовал против него, заманив его в ловушку.

Странно, — продолжал Эрнест, — что для вашего клиента — чуть не сказал «пациента» — эта потеря превратилась в его глазах в крах, полное разорение, но под вашим умелым руководством он сможет понять, что это мошенничество стало его спасением. Возможно, это лучшее, что с ним могло случиться!»

«Как мне привести его к этой мысли?»

«Я бы предложил ему заглянуть в глубь себя, исследовать свою сущность и выяснить, действительно ли конечной целью и назначением его жизни являются деньги. Я часто предлагаю таким пациентам спроецировать себя в будущее — в момент смерти, похорон, — представить свою могилу и составить эпитафию на надгробную плиту. Как бы ваш клиент почувствовал себя, поняв, что его одержимость деньгами будет увековечена в камне? Неужели он захочет, чтобы итог его жизни выглядел таким образом?»

«Жутковатое упражнение, — поморщилась Кэрол. — Напоминает то упражнение с линией жизни, которое вы предлагали мне проделать. Может, мне и самой стоит попробовать? Но не сегодня. У меня еще остались вопросы. Скажите мне, Эрнест, как вы считаете, чем объясняется его безразличие к жене? Я случайно узнала, что у нее, возможно, есть любовник».

«Та же самая стратегия. Я бы поинтересовался, что он сказал бы пациенту, который с таким безразличием относится к самому близкому человеку. Предложите ему представить, как бы он жил без нее. Что произошло с его сексуальными желаниями? Куда они делись? Когда они пропали? Не кажется ли ему странным, что он проявляет куда больше готовности понять своих пациентов, чем собственную жену? Вы сказали, что она тоже занимается терапией, но он высмеивает ее подготовку и ее подход? Я бы пошел в любовную атаку, работал бы максимально жестко. Почему он поднимает ее на смех? Уверен, у него нет на то веских причин.

Что еще? Посмотрим. Что касается потери работоспособности. Если так будет продолжаться, месяц-два отдыха от практики пойдут на пользу и ему, и его пациентам. Возможно, ему стоило бы уехать куда-нибудь с женой. Может, им стоит обратиться к семейному терапевту и попробовать научиться слышать друг друга. Думаю, лучше всего было бы, если бы ваш

клиент позволил ей попытаться помочь ему — пусть даже ее сомнительными методами».

«Последний вопрос...»

«Не сегодня, Каролин, наше время подошло к концу... а у меня кончились идеи. Но давайте задержимся еще на минуту и посмотрим, как прошел сегодня наш сеанс. Скажите, что вы чувствовали во время нашего разговора? Что вы думали о наших отношениях? Сегодня я хочу услышать от вас всю правду. Я был с вами откровенен. Теперь ваша очередь».

«Да, я знаю. Я тоже хотела бы быть с вами откровенной... но не могу найти слов... такое ощущение, что я успокоилась, стала смиренной... или освободившейся... Может быть, это правильное слово. Я чувствую, что обо мне заботятся. Мне доверяют. Из-за вашей честности мне становится все труднее скрывать».

«Скрывать что?»

«Посмотрите на часы, доктор. Время вышло. В следующий раз!» Кэрол встала и собралась уходить.

У двери возникла щекотливая ситуация. Им нужно было придумать новый способ прощания.

«Увидимся в четверг», — сказал Эрнест, протягивая Кэрол руку для формального рукопожатия.

«Я не готова перейти на рукопожатие, — сказала Кэрол. — Вредные привычки трудно искоренить. Особенно трудно бросить наркотики. Давайте снижать дозу постепенно. Как насчет отеческого объятия?»

«Ограничимся дружеским!»

«А как это?»

## Глава 28

Позади был длинный рабочий день. Маршал, едва держась на ногах, брел домой, погруженный в раздумья. Девять пациентов за сегодня. Девять раз по сто семьдесят пять долларов. Тысяча пятьсот семьдесят пять долларов. Сколько же ему нужно будет работать, чтобы заработать эти девяносто тысяч? Пятьсот сеансов. Шестьдесят полных рабочих дней. Более двенадцати недель работы. Двенадцать недель работы коту под хвост из-за этого чертова Питера Макондо! И это не считая накладных расходов: аренда офиса, налоги, страхование от профессиональной небрежности, лицензия на медицинскую практику. Плюс деньги, которые потерял, отменив несколько сеансов в первые две недели после случившегося. Плюс пятьсот долларов, которые он потратил на детектива. Не говоря уже о том, что акции «Уэллс Фарго» на прошлой неделе резко выросли и теперь стоят на четырнадцать процентов дороже, чем тогда, когда он их продавал! И расходы на адвоката! Но Кэрол того стоит, подумал Маршал, пусть даже она не понимает, что мужчина не может вот так просто взять и опустить руки. Я достану этого подонка, даже если придется потратить на это всю оставшуюся жизнь!

Маршал ввалился в дом, бросил, как обычно, портфель прямо на пороге и помчался к своему новому телефону, чтобы прослушать сообщения. Voila! Терпение и труд все перетрут! На автоответчике его ждало сообщение.

«Здравствуйте. Я прочитал ваше объявление в «Новостях психиатрии» — ну, не объявление, а предостережение. Я психотерапевт, живу в Нью-Йорке и хотел бы получить более подробную информацию о пациенте, о котором вы писали. Похоже, это один из моих клиентов. Пожалуйста, позвоните сегодня вечером мне домой по телефону 212-555-7082. В любое время».

Маршал набрал названный номер и услышал «алло» — «алло», которое, даст бог, приведет его прямо к Питеру Макондо. «Да, — ответил Маршал. — Я получил ваше послание. Вы сказали, что среди ваших пациентов есть человек, похожий на того, что я описал в объявлении. Можете рассказать мне о нем?»

«Минуточку, — сказал его собеседник. — Не торопитесь. Кто вы? Прежде чем рассказывать вам что-то, я должен знать, кто вы такой».

«Я психиатр, психоаналитик из Сан-Франциско. А вы?»

«Я психиатр, работаю в Манхэттене. Мне хотелось бы получить более подробную информацию о том, что вы писали в объявлении. Вы употребили слово «опасность».

«Это и есть опасность. Этот человек — мошенник, и, если вы работаете с ним, вы находитесь в опасности. Похож этот человек на вашего пациента?»

«Я не могу вам сказать — профессиональный долг, гарантия конфиденциальности. Я не имею права обсуждать моего пациента с посторонним человеком».

«Поверьте мне, забудьте о правилах — это вопрос жизни и смерти», — произнес Маршал.

«Мне бы хотелось, чтобы сначала вы рассказали мне, что вам известно об этом пациенте».

«Пожалуйста, — ответил Маршал. — Около сорока лет, импозантный, носит усы, называл себя Питером Макондо...»

«Питер Макондо! — перебил его собеседник. — Так зовут моего пациента!»

«Невероятно! — Маршал упал в кресло от изумления. — Он даже не удосужился изменить имя! Вот этого я даже и предположить не мог! То же самое имя? В общем, так, я проводил с этим Питером Макондо краткосрочную терапию — восемь сеансов. Типичные проблемы миллиардеров: раздел недвижимости с двумя детьми и бывшей женой, все от него чего-то хотят, он слишком щедр, чтобы обвинять их в этом, жена-алкоголичка. Вам он рассказывал ту же историю?»

«Точно, он и мне сказал, что отправил ее в центр Бетти Форд, — ответил Маршал, — а потом он пришел ко мне с невестой... да, высокая, стройная элегантная женщина по имени Адриана... она и вам так представилась?... да, правильно, чтобы решить проблему предбрачного контракта... словно под копирку. Ну, остальное вы знаете... успешная терапия, я слишком мало беру за свои услуги, хочет меня отблагодарить, именные лекции в университете Мехико...

Ах, в Буэнос-Айресе? Приятно слышать, что он еще готов импровизировать. Он уже заводил разговор о своем новом капиталовложении? О фабрике по производству велосипедных шлемов?

Вот именно — такой шанс выпадает лишь однажды, — причем вы полностью застрахованы от потерь. Вы, конечно же, столкнулись с серьезной моральной дилеммой? Он рассказывал вам, как хотел отблагодарить хирурга, который спас жизнь его отцу, и что из этого вышло? Как он корил себя за это? Не мог избавиться от чувства вины за то, что



навредил своему благодетелю. И что он сделает все, чтобы подобное не повторилось?

Именно так... операция на сердце... мы с ним тоже целый сеанс прорабатывали эту проблему. Детектив, которого я нанял... кретин... он пришел в полный восторг от этой находки — назвал это творческим подходом к делу.

Так как же далеко вы зашли? Уже отдали ему чек для инвестирования?

Вы обедаете вместе на следующей неделе в «Жокей-клубе» — а потом он улетает в Цюрих? Что-то мне это напоминает. Что я могу вам сказать... Мое объявление попало к вам как раз вовремя. Эта история закончилась бы быстрее, чем вы ожидаете, и более трагично. Он прислал мне часы «Ролекс», которые я, разумеется, отказался принять, и я полагаю, что вас ждет то же самое. Потом он попросит вас поработать с Адрианой и щедро заплатит вам вперед за несколько сеансов. Она придет к вам — раз или два. А потом — раз! — и пропадет. Они оба просто исчезнут с лица земли.

Девяносто тысяч. И поверьте мне, для меня это целое состояние. А у вас? Сколько вы планировали вложить в это предприятие?

Всего сорок тысяч? Да, я понимаю — у меня с женой такая же проблема. Моя тоже предпочла бы хранить все сбережения под матрасом. В этом случае она впервые оказалась права. Но странно, почему он не попытался вытянуть из вас более крупную сумму.

Ах вот как, он предложил вам одолжить еще сорок, без процентов, на ближайшие несколько недель, пока вы набрали бы еще? Забавный ход».

«Вы даже не представляете себе, как я благодарен вам за ваше предупреждение, — отозвался его собеседник. — Буквально в последний момент. Я ваш должник».

«Вы совершенно правы — именно в последний момент. Всегда пожалуйста. Рад помочь коллеге. Как бы я хотел, чтобы и мне тогда кто-нибудь вот так помог.

Эй, эй, стойте. Не вешайте трубку. Вы даже не представляете, как я рад, что спас вас от мошенничества. Но я поместил свое объявление не для этого... или даже совсем не для этого. Этот ублюдок опасен. Его необходимо остановить. Он просто найдет себе очередную жертву — следующего психиатра. Мы должны бросить этого парня за решетку.

АПА? Да, вы правы, можно было бы привлечь юристов из АПА. Но у нас нет времени. Он появляется и сразу пропадает. Я нанимал частного детектива. И поверьте мне, когда Питер Макондо исчезает, он исчезает. Бесследно. У вас есть какая-нибудь информация, какие-нибудь зацепки, которые смогли бы нам помочь узнать его настоящее имя? Постоянное

место жительства? Вы когда-нибудь видели его адрес? Кредитные карточки? Чековую книжку?

Расплачивается только наличными? Со мной тоже. А водительские права вы не видели?

Отлично. Если у вас получится достать его водительские права, это будет просто великолепно. А как он на вас вышел? Снял дом через улицу от вашего летнего дома на Лонг-Айленде и дал вам прокатиться на своем новом «Ягуаре»? Я знаю, на чьи деньги он был куплен. Да, да, добудьте номер его водительских прав, чего бы вам это ни стоило. Или название фирмы-дилера, если на машине еще осталась их наклейка. Ничто не может помешать нам поймать его.

Полностью с вами согласен. Вы должны, вы просто обязаны обратиться к частному детективу или уголовному юристу. Все, к кому я обращался, с пеной у рта доказывали мне, что этот парень профессионал. Так что нам нужна профессиональная помощь...

Да, думаю, будет значительно лучше, если сбором информации займется частный детектив, а не вы сами. Если Макондо заметит, что вы что-то вынюхиваете у его дома или машины, он сразу же снимется с места — и пиши пропало.

Сколько? Детектив, которого я нанимал, брал пятьсот долларов в день, а адвокат — двести пятьдесят в час. В Нью-Йорке они из вас еще больше вытрясут.

Что-то я не понимаю, — сказал Маршал. — Почему я должен оплачивать эти ваши расходы?

Я ничего с этого не получу. Мы с вами в одной лодке — мне сказали, что я никогда не получу назад ни пенни из своих денег. Когда Макондо поймают, у него не будет ни гроша за душой, зато список исков растянется на добрую милю. Поверьте мне, я преследую те же цели, что и вы: правосудие и защита наших с вами коллег... Месть? Знаете, да. Должен признаться, я хочу отомстить ему. Ладно, как вам такой вариант: я оплачу пятьдесят процентов ваших расходов. Запомните, эти расходы налогом не облагаются».

Они еще немного поторговались, и Маршал сказал: «Сорок на шестьдесят? Ладно, переживу. Ну что, договорились? Теперь вам нужно найти частного детектива. Попросите своего адвоката порекомендовать вам кого-нибудь. А потом пусть этот детектив разработает план, как заманить Макондо в ловушку. Я могу посоветовать вам вот что — Макондо пообещает дать вам гарантийное письмо. Потребуйте банковский вексель. Он пришлет вам фальшивку с поддельной подписью. Тогда мы сможем

засадить его за решетку по обвинению в банковском мошенничестве — это более серьезное обвинение. Тогда мы сможем подключить и ФБР... Нет, я никуда не обращался. Ни в ФБР, ни в полицию. Скажу вам честно: я так боялся огласки, обвинений в нарушении профессиональных запретов, ведь я вложил деньги в предприятие пациента, пусть и бывшего. Это моя ошибка — я должен был сделать все, чтобы поймать его. Видите, ваше положение не столь щекотливое. Вы еще не вложили в него деньги, а когда сделаете это, то только для того, чтобы заманить его в нашу ловушку.

Вы не уверены, что хотите ввязываться в эту историю? — Маршал начал расхаживать по комнате. Он вдруг понял, что может упустить эту счастливую возможность, и начал с большей осторожностью подходить к выбору слов.

Что вы хотите этим сказать? Вы уже ввязались! Как вы будете чувствовать себя, когда услышите, что другие психиатры, может даже ваши друзья, попали в беду, зная, что вы могли остановить мошенника? А что подумают они, когда узнают, что вы были его жертвой и промолчали? Не об этом ли мы говорим нашим пациентам? О последствиях действий — или бездействия?

Что значит «я подумаю об этом»? У нас нет на это времени. Прошу вас, доктор... к сожалению, вы не представились.

Да, действительно, я тоже не представился. У нас с вами одна и та же проблема — мы оба боимся огласки. Меня зовут Маршал Стрейдер. Я практикующий терапевт и преподаватель психоанализа из Сан-Франциско. Учился психиатрии в Рочестере, Институт психоанализа «Golden Gate». Да, тогда председателем в Рочестере был Джон Романо. А вы?

Артур Рэндал — знакомое имя. Вашингтон, St. Elizabeth's? Нет, я никого там не знаю. То есть вы занимаетесь преимущественно психофармакологией?

Знаете, сейчас я начал больше заниматься краткосрочной терапией, иногда работаю с парами... Но прошу вас, мистер Рэндал, возвращаясь к нашему разговору: у вас нет времени на раздумья. Скажите, вы возьметесь за это?

Шутите? Разумеется, я прилечу в Нью-Йорк. Я это не пропущу. Я не смогу приехать на неделю — у меня много пациентов. Но когда настанет решающий момент, я буду у вас. Позвоните мне после того, как встретитесь с детективом. Я хочу быть в курсе событий. Вы звоните из дома? По какому телефону вас удобнее всего найти?»

Маршал записал несколько номеров: домашний, офис, телефон дома на Лонг-Айленде, где Рэндал проводит выходные. «Да, я позвоню вам

домой в это же время. В офисе до меня тоже очень трудно дозвониться. У вас получасовой перерыв между пациентами? У меня десятиминутные перерывы — до начала следующего часа. Так мы с вами никогда не созвонимся днем».

Он повесил трубку, испытывая смесь облегчения, возбуждения и ликования. Питер за решеткой. Питер с понурым видом. Адриана в тюремной робе, глаза в пол. Новый «Ягуар», перепроданный по удачной цене, в его гараже. Вот оно, возмездие! Никому никогда не удастся обойти Маршала Стрейдера.

Потом он открыл сайт АПА и нашел фотографию Артура Рэндала — приятное лицо, зачесанные назад светлые волосы, без пробора, сорок два года, учился в «Rutgers» и «St. Elizabeth's», исследования по литию и биполярным заболеваниям, двое детей. Указанный телефонный номер офиса совпадает с тем, что он дал Маршалу. Спасибо тебе, господи, за Артура Рэндала.

Вот скряга, думал Маршал. Если бы кто-то спас мои сорок тысяч, я бы не стал выжимать из него деньги на оплату детектива. Но в то же время он и правда не может понять, почему он должен выкладывать свои деньги. Он не пострадал. Питер оплатил его услуги. Зачем ему тратить деньги, чтобы заманить в ловушку человека, который не причинил ему зла?

Маршал подумал о Питере. Почему он не стал менять имя, начав новую аферу? Может, Макондо уже занялся саморазрушением. Все знают, что социопаты рано или поздно губят себя сами. А может, он решил, что этот болван Стрейдер настолько глуп, что из-за него не стоит утруждать себя придумыванием нового имени? Ладно, посмотрим.

После разговора с Маршалом Артур немедленно взялся за дело. К следующему вечеру он уже успел найти детектива, который, в отличие от Бэта Томпсона, сразу взял быка за рога. Он посоветовал организовать круглосуточное наблюдение за Питером Макондо (за семьдесят пять долларов в час). Он добудет его водительские права и проверит их. Если представится такая возможность, он даже проникнет в автомобиль Макондо, чтобы снять отпечатки пальцев и других улик, которые помогут установить личность преступника.

Детектив сказал Артуру, что они не смогут арестовать Макондо, пока он не совершит преступление в Нью-Йорке. Поэтому он посоветовал спровоцировать его на уголовно наказуемое деяние, записывать все разговоры с ним и немедленно обратиться в нью-йоркский отдел по борьбе с мошенничеством.

Следующим вечером поступила следующая порция новостей. Артур

связался с центральным манхэттенским отделом по борьбе с мошенничеством. Там его делом занялся детектив Дарнел Коллинз, который полгода назад занимался подобной махинацией, поэтому Питер Макондо заинтересовал его. Он предложил Артуру вооружиться потайным микрофоном и встретиться с Питером, как они и договорились, в «Жокей-клубе», отдать ему банковский чек и получить фальшивый банковский вексель. Сотрудники отдела по борьбе с мошенничеством будут следить за происходящим и снимать все на камеру, после чего арестуют Макондо на месте. Но полицейскому департаменту города Нью-Йорка требуются веские основания для проведения столь масштабной операции. Потребуется содействие Маршала. Он должен будет прилететь в Нью-Йорк, подать в отдел по борьбе с мошенничеством официальный иск против Питера и лично опознать его. Маршал содрогнулся при мысли об огласке, но сейчас, когда добыча сама шла в руки, пересмотрел свою позицию. Разумеется, его имя появится в паре мелких нью-йоркских таблоидов, но до Сан-Франциско эта новость вряд ли дойдет.

«Часы «Ролекс?» Какой «Ролекс?» — репетировал вслух Маршал. — А, тот «Ролекс», который Макондо прислал мне после окончания терапии? Те самые часы, которые я отказался принять и вернул Адриане?» С этими словами Маршал снял часы с запястья и спрятал их в ящик гардероба. Кто будет обвинять его? Кто поверит Питеру Макондо? О «Ролексе» знали только его жена и Мелвин. Ширли будет молчать — в этом он не сомневался. Что касается Мелвина, Маршал хранил столько его тайн о его ипохондрических причудах, что насчет кузена тоже можно не беспокоиться.

Каждый вечер Маршал по двадцать минут разговаривал с Артуром. Как приятно было наконец найти человека, которому можно довериться, сообщника, возможно, даже друга. Артур уже передал Маршалу одного из своих пациентов — инженера IBM, которого переводили в Сан-Франциско.

Единственное, о чем они не могли договориться, — о сумме, которую нужно было передать Макондо в качестве инвестиции. Артур и Питер договорились пообедать вместе через четыре дня. Питер согласился предоставить Артуру банковский вексель в обмен на чек на сорок тысяч долларов, который передаст ему Рэндал. Но Артур хотел, чтобы эти сорок тысяч долларов дал ему Маршал. Рэндал недавно приобрел летний дом, поэтому наличных у него не было. Он мог воспользоваться только деньгами, которые достались его жене в наследство от матери, умершей прошлой зимой. Но жена, семья которой на протяжении двухсот лет занимала видное положение в нью-йоркском обществе, трепетно

относилась к общественному мнению и заставляла Артура отказаться от какого-либо участия во всем этом отвратительном предприятии.

Маршал, уязвленный несправедливостью ситуации, долго обсуждал эту проблему с Артуром и в конце концов потерял всякое уважение к своему малодушному коллеге. Но, под угрозой капитуляции Артура под давлением его жены, согласился взять на себя шестьдесят процентов этой суммы Артур должен был вручить Макондо чек на всю сумму, выписанный нью-йоркским банком. Маршал согласился перевести на его счет двадцать четыре тысячи долларов за день до обеда с Питером. Деньги он собирался привезти в Нью-Йорк сам или перевести через банк. Артур нехотя согласился добавить оставшиеся шестнадцать тысяч.

Вернувшись домой следующим вечером, Маршал нашел на автоответчике сообщение от детектива Дарнела Коллинза из центрального манхэттнского отдела по борьбе с мошенничеством города Нью-Йорк. Маршал перезвонил, но абонент не отвечал. Измученный полицейский оператор предложил ему перезвонить утром: офицер Коллинз был на задании, а звонок Маршала не показался чиновнику делом первостепенной важности.

Первый пациент должен был прийти в семь утра. Маршал поставил будильник на пять и позвонил в Нью-Йорк еще до рассвета. Полицейский оператор сказал: «Я отправлю ему сообщение. Удачного вам дня» — и бросил трубку. Через десять минут телефон зазвонил.

«Мистер Маршал Стрейдер?»

«Доктор Стрейдер».

«О'кей, простите. Доктор Стрейдер. Детектив Коллинз, нью-йоркский отдел по борьбе с мошенничеством. У нас тут еще один доктор — доктор Артур Рэндал — говорит, что у вас произошла неприятная история с одним человеком, который нас интересуется. Иногда он называет себя Питером Макондо».

«Очень неприятная история. Он украл у меня девяносто тысяч долларов».

«О, не вы один. Этим Питером Макондо многие недовольны. Расскажите мне, что с вами случилось. Расскажите все. Я записываю наш разговор на пленку. Вы не против?»

В течение пятнадцати минут Маршал рассказывал, что сделал с ним Макондо.

«Боже правый, то есть вы хотите сказать, что вот так просто взяли и отдали ему девяносто тысяч долларов?»

«Вы не сможете в полной мере понять происшедшее, не зная характера

и подводных камней психотерапевтической ситуации».

«Думаете? Знаете, я не доктор. Но вот что я вам скажу: я никогда не расставался с деньгами вот так. Девяносто тысяч долларов — это крупная сумма».

«Я же сказал, что у меня был заверенный банковский вексель. Мой юрист проверил его. Так всегда делается. Банк обязан обналичить такой вексель по первому требованию».

«Вексель, который вы принесли проверять через две недели после исчезновения Макондо?»

«Детектив, что происходит? Я в суде? Вы думаете, мне все это нравится?»

«Ладно, друг мой, не кипятитесь, и у нас все будет хорошо. Вот что мы делаем, чтобы помочь вам. Мы собираемся арестовать этого парня прямо за столом, когда он будет ковырять свой радиччио, — в следующую среду, в половине первого, может, в час дня. Но чтобы засадить его за решетку, нам нужно, чтобы вы приехали в Нью-Йорк и опознали его в двенадцать часов после ареста, то есть в среду до полуночи. Договорились?»

«Я обязательно приеду».

«Ладно, приятель, на вас вся надежда. И еще — этот фальшивый вексель и квитанция банковского чека все еще у вас?»

«Да. Мне нужно их привезти?»

«Да, привезите оригиналы с собой, но мне бы хотелось увидеть их прямо сейчас. Можете отправить мне факс? Два—один—два— пять—пять—пять—три— четыре—восемь—девять. Напишите, что это мне — детективу Дарнелу Коллинзу. И еще. Уверен, что вы и сами знаете, но ни в коем случае, ни за что, ни при каких обстоятельствах не показывайтесь в ресторане. Если вы там появитесь, птичка упорхнет, и всем будет очень плохо. Дождитесь меня в участке на Пятьдесят четвертой улице — между Восьмой и Девятой или договоритесь встретиться с вашим приятелем после операции и приходите вместе. Сообщите мне, что вы решили. Еще есть вопросы?»

«Только один. Это безопасно? Доктор Рэндал отдаст Макондо самый настоящий чек, и большая часть этих денег принадлежит мне».

«Вам? Я думал, это деньги Рэндала».

«Мы договорились, что я внесу шестьдесят процентов от общей суммы — двадцать четыре тысячи долларов».

«Безопасно? За соседним столом будут есть ленч двое наших, еще три человека наблюдают за каждым движением и снимают все это на пленку. Вполне безопасно. Но я бы не стал этого делать».

«Почему?»

«Всегда может случиться что-то непредвиденное — землетрясение, пожар, все три офицера полиции умрут одновременно от сердечного приступа... Не знаю, всякое бывает. Ну да, совершенно безопасно. Но я все равно не стал бы этого делать. Но я же не доктор».

Жизнь снова заиграла для Маршала яркими красками. Он снова начал бегать трусцой. Играть в баскетбол. Перестал встречаться с Кэрол, потому что не хотел говорить ей, что выследил Питера. Она направила все свои силы на достижение прямо противоположной цели, убеждая его смириться с потерей и перестать злиться. Отличный урок о вреде советов в психотерапии, думал Маршал: если пациент не последовал вашему совету, он больше не придет к вам.

Каждый вечер он созванивался с Артуром Рэндалом. День встречи с Питером приближался, и Артур нервничал все сильнее.

«Маршал, моя жена уверена, что участие в этой аванюре станет моим позором. Эта история попадет в газеты. Мои пациенты все узнают. Что будет с моей репутацией? Меня поднимут на смех или обвинят в том, что я вступил в финансовые отношения с пациентом».

«В этом-то все и дело: ты не вкладываешь в него деньги. Ты действуешь заодно с полицией, помогаешь ей поймать мошенника. Это пойдет только на пользу твоей репутации».

«Газеты же напишут не это. Сам посуди. Ты же знаешь, как они гонятся за скандалами — особенно с участием психиатров. Я все отчетливее понимаю, что мне этого не надо. У меня много пациентов, хорошая работа, я добился всего, о чем мечтал».

«Артур, если бы тебе не попалось на глаза мое объявление, этот разбойник украл бы у тебя сорок тысяч долларов. А если мы его не остановим, он не успокоится, будет обирать жертву за жертвой».

«Ты мог бы справиться и без меня — ты его ловишь, я опознаю. Я собираюсь преподавать на факультете клинической психологии в Колумбии... и если возникнет хоть намек на скандал...»

«Артур, у меня есть идея, как ты можешь защитить Орбя: тебе нужно написать подробное письмо в Нью-Йоркское психиатрическое общество, изложить в нем суть происходящего и твой план действий. Только сделай это сейчас, до ареста Макондо. Если это будет необходимо, ты сможешь предоставить копию Колумбийскому институту и прессе. Это обеспечит тебе полную безопасность».

«Маршал, я не смогу не упомянуть в этом письме тебя: твое объявление, твои отношения с Макондо. Как ты на это посмотришь? Ты же



тоже хочешь избежать огласки».

Маршал представил себе эту перспективу, понимая, что выбора у него нет. В любом случае запись телефонного разговора с детективом Коллинзом делала его связь с Питером достоянием широкой общественности.

«Если это необходимо, Артур, сделай это. Мне нечего скрывать. Вся терапевтическая общественность будет нам только благодарна».

Потом встал вопрос с микрофоном, который Артуру придется спрятать, чтобы дать полиции возможность записать завершение сделки с Макондо. С каждым днем Артур паниковал все сильнее.

«Маршал, должен быть какой-то другой способ сделать это. Не стоит так легко к этому относиться — я подвергаю себя реальной опасности. Макондо — умный и опытный преступник, он не может так просто дать себя провести. Ты общался с детективом Коллинзом? Скажи мне, только честно: годится ли он на роль соперника Макондо в интеллектуальном плане? Только представь себе, что будет, если он обнаружит этот микрофон, когда мы будем сидеть в клубе?»

«Каким образом?»

«Он как-нибудь догадается. Ты же знаешь его — этот парень всегда на десять шагов впереди».

«Не в этот раз. За соседним столиком будут сидеть полицейские, Артур. И не забывай о завышенной самооценке социопатов. Они же считают себя неуязвимыми».

«А еще поведение социопатов непредсказуемо. Можешь ли ты мне гарантировать, что Питер не выйдет из себя и не начнет палить из пистолета?»

«Артур, это не в его стиле... это противоречит тому, что нам о нем известно. Тебе ничто не угрожает. Запомни, ты будешь находиться в модном ресторане, окруженный бдительными полицейскими. Ты справишься. Ты должен справиться».

Маршала терзало ужасное предчувствие, что Артур может отступить в последний момент, поэтому каждый вечер в разговоре с ним он мобилизовал все свои риторические способности, чтобы поддержать своего пугливого сообщника. Он поделился своими опасениями с детективом Коллинзом, и тот тоже начал всячески успокаивать Артура.

Но надо отдать Рэндалу должное: он сумел справиться с приступом малодушия и ожидал встречи с Маршалом с решимостью, даже хладнокровием. Утром во вторник Маршал перевел двадцать четыре тысячи долларов на его счет, вечером по телефону подтвердил свое

прибытие Артуру и помчался в Нью-Йорк.

Вылет задержали на два часа, и он добрался до полицейского участка на Пятьдесят четвертой улице, где должен был встретиться с Артуром и детективом Коллинзом, только в три пополудни. Клерк сообщил ему, что детектив Коллинз ведет допрос, и предложил подождать на потертом кожаном кресле в коридоре. Маршал никогда раньше не был в полицейском участке, поэтому с интересом наблюдал за нескончаемым потоком болезненного вида подозреваемых, которых вверх-вниз по лестнице водили измученные полицейские. Но он засыпал на ходу: он был настолько взвинчен, что не смог уснуть в самолете. Скоро Маршал задремал.

Минут через тридцать клерк легонько потряс его за плечо и провел на второй этаж, где Маршал увидел детектива Коллинза, темнокожего полицейского мощного телосложения, который писал что-то за столом. Крупный дядька, подумал Маршал. Настоящий защитник. Именно таким я его и представлял.

Но дальнейшие события разворачивались совсем не так, как он представлял себе. Маршал представился и был несказанно удивлен формальным тоном детектива. В один ужасный момент стало ясно, что детектив не имеет ни малейшего представления, кто такой Маршал. Да, он детектив Дарнел Коллинз. Нет, он никогда не общался с Маршалом по телефону. Нет, он никогда не слышал ни о докторе Артуре Рэндале, ни о Питере Макондо. Нет, он ничего не слышал о задержании в «Жокей-клубе». Он вообще никогда не слышал о «Жокей-клубе». Да, разумеется, он абсолютно уверен, что не арестовывал никакого Питера Макондо, когда он ковырял свой радиччио. Радиччио? А что это такое?

В голове Маршала разорвалась граната, и взрыв был даже сильнее, чем тот, который произошел несколько недель назад, когда он узнал, что банковский вексель Макондо — фальшивка. У него закружилась голова, и он упал на стул, предложенный детективом.

«Тише, тише. Успокойтесь. Опустите голову между колен. Это помогает». Детектив встал и вернулся со стаканом воды. «Объясните, что случилось? Хотя у меня есть такое ощущение, что я и так знаю».

Маршал, впавший в какое-то оцепенение, рассказал ему всю свою историю. Питер, стодолларовые купюры, Адриана, клуб «Пасифик юнион», велосипедные шлемы, объявление в психиатрическом еженедельнике, звонок Артура Рэндала, деление расходов, частный детектив, «Ягуар», перевод двадцати четырех тысяч долларов, отдел по борьбе с мошенничеством — все, полное описание катастрофы.

Слушая Маршала, детектив Коллинз потрясенно качал головой:

«Понимаю, об этом больно говорить. Эй, что-то вы плоховато выглядите. Может, вам прилечь?».

Маршал отказался, качая головой, зажатой в ладонях. «Вы можете говорить?»

«Мне срочно нужно в уборную».

Детектив Коллинз довел Маршала до мужского туалета, где его и вырвало, и вернулся в свой кабинет. Маршал прополоскал рот, умылся, пригладил волосы и медленно вернулся в кабинет детектива Коллинза.

«Вам лучше?»

Маршал кивнул: «Я уже могу говорить».

«Послушайте сначала меня. Давайте я объясню вам, что произошло, — сказал детектив Коллинз. — Это представление в двух частях. Известная схема. Я много раз слышал об этом, но никогда, никогда не видел ничего подобного своими глазами. Нам рассказывали об этом в колледже. Такую аферу может провести только мастер экстра-класса. Исполнитель должен найти особенную жертву: человека умного, гордого... а найдя ее, он жалит дважды... сначала он ловит на жадности... а во второй раз — на желании отомстить. Вот это работа. С ума сойти, я никогда с этим не сталкивался. Здесь нужны железные нервы, потому что в любую минуту все может сорваться. Вот, например, если бы у вас возникло хотя бы малейшее подозрение и вы бы обратились в манхэттенскую телефонную справочную и выяснили настоящий номер телефона полицейского участка, вся операция пошла бы прахом. Не человек, само самообладание. Высший пилотаж».

«То есть надеяться не на что?» — прошептал Маршал.

«Дайте мне эти номера телефонов, я их проверю. Я сделаю все, что в моих силах. Но, сказать по правде... Вы хотите услышать правду?.. Надежды нет».

«А что с настоящим доктором Артуром Рэндалом?»

«Возможно, он уехал в отпуск. Макондо получил доступ к его голосовой почте. Это не так уж и сложно».

«Может быть, можно выследить его сообщников?» — спросил Маршал.

«Каких сообщников? Их нет. Его подружка, наверное, исполняла роль оператора в полицейском участке. А остальные роли он играл сам. Эти ребята — хорошие актеры. Они сами имитируют все голоса. А это парень — отличный специалист. И он уже далеко. Можете быть уверены».

Маршал, опираясь на руку детектива Коллинза, спотыкаясь, спустился вниз по ступенькам. Ему предложили доехать до аэропорта в полицейской

машине, но он отказался, поймал такси на Восьмой авеню, добрался до аэропорта, купил билет на ближайший самолет до Сан-Франциско, словно в тумане доехал до дому, отменил всех пациентов на неделю и забрался под одеяло.

## Глава 29

«Деньги, деньги, деньги... Кэрол, неужели мы не можем поговорить о чем-нибудь другом? Давайте я расскажу вам одну историю о моем отце, и все вопросы о моем отношении к деньгам отпадут сами собой. Это произошло, когда я был совсем маленький, но я слышал эту историю еще много раз — она стала частью семейного фольклора». Маршал медленно расстегнул «молнию» на спортивной куртке, снял ее и, проигнорировав протянутую руку Кэрол и предложение повесить ее на вешалку, бросил куртку на пол рядом со своим стулом.

«У него была крошечная бакалейная лавка — шесть на шесть метров, на перекрестке Пятой улицы и Р-стрит в Вашингтоне. Мы жили над магазином. Однажды в лавку зашел покупатель и попросил пару рабочих перчаток. Мой отец, показав на заднюю дверь, сказал, что ему нужно принести их из кладовой и это займет пару минут. Дело в том, что кладовой там не было. Задняя дверь вела на аллею. Отец галопом промчался два квартала по этой аллее к открытому рынку, купил там пару перчаток за двенадцать центов, прибежал обратно и продал их покупателю за пятнадцать центов».

Маршал вытащил носовой платок, обстоятельно высморкался и без тени цмущения вытер со щек слезы. После возвращения из Нью-Йорка он оставил все попытки скрыть свою ранимость и плакал теперь почти на каждой встрече. Кэрол сидела молча, давая ему выплакаться, и пыталась вспомнить, когда последний раз видела плачущего мужчину. Джеб, ее брат, никогда не плакал, хотя его постоянно все обижали: отец, мать, хулиганы в школе, — причем иногда только для того, чтобы довести его до слез.

Маршал закрыл лицо платком. Кэрол перегнулась через стол и сжала его руку: «Вы плачете о своем отце? Он еще жив?»

«Нет, он умер совсем молодым, эта бакалейная лавка стала его могилой. Слишком много беготни. Слишком много трехцентовых сделок. Когда я думаю о зарабатывании денег, или о потере денег, или о разбазаривании денег, перед моими глазами всегда встает эта картина: мой дорогой отец в этом белом фартуке, стремглав несется по этой замусоренной аллее, ветер в лицо, развевающиеся черные волосы, хватаяет ртом воздух, а в победоносно поднятой руке, словно олимпийский факел, — пара двенадцатицентовых перчаток».

«А вы, Маршал, где вы в этой картинке?»

«Этот образ — колыбель моих страстей. Возможно, это был критический момент, определивший всю мою дальнейшую жизнь».

«Этот случай определил ваше отношение к деньгам? — спросила Кэрол. — Иными словами, если вы заработаете много денег, призрак вашего отца перестанет греметь костями по той аллее».

Эти слова ошеломили Маршала. Он взглянул на своего адвоката с еще большим уважением. Ее сшитое на заказ розовато-лиловое платье подчеркивало великолепные формы, и Маршал устыдился своей небритости и поношенного спортивного костюма.

«Ваши слова... я поражен. Гремящие кости... мне нужно обдумать это».

Повисла долгая пауза. «О чем вы сейчас думаете?» — нарушила молчание Кэрол.

«Об этой задней двери. Суть этой истории с перчатками не только в деньгах. Это еще и история про задние двери».

«Задняя дверь в магазинчике вашего отца?»

«Ага. Как он притворялся, что эта дверь ведет не на аллею, а в огромный склад, — эта метафора отражает всю мою жизнь. Я делаю вид, что во мне есть и другие комнаты; но глубоко в душе я понимаю, что нет никакой кладовой, набитой товаром. Я вхожу через черный ход, я выхожу На аллею».

«А, клуб «Пасифик юнион», — вспомнила Кэрол.

«Именно. Можете себе представить, что это значило для меня: в конце концов зайти через главный вход. Ма-кондо бросил мне приманку, против которой я не смог устоять: искушение войти в круг избранных. День за днем я лечу богатых пациентов. Мы близки, мы обсуждаем самое сокровенное, я необходим им, как воздух. Но я свое место знаю. Я знаю, что, если бы я не был психоаналитиком, если бы мы встретились в других обстоятельствах, они не снизошли бы до меня, не уделили мне ни секунды. Я как приходский священник, кюре из бедной семьи, который исповедует представителей высших кругов. Но клуб «Пасифик юнион» — для меня это был символ истинного достижения. Прочь из бакалейной лавки на углу Пятой и Р: я поднимаюсь по мраморным ступенькам, стучу массивным латунным молоточком и через распахнутые двери вхожу в потаенную палату, обитую красным бархатом. Я стремился к этому всю свою жизнь».

«А там вас ждет Макондо — человек, более порочный, более безнравственный, чем все посетители бакалеи вашего отца, вместе взятые».

Маршал кивнул: «Дело все в том, что я до сих пор вспоминаю отцовских клиентов с большой теплотой. Помните, я рассказывал вам о

клиенте, который заманил меня пару недель назад в «Avocado Joe's»? Я никогда не бывал в заведениях такого... такого низкого пошиба. Но... хотите честно? Мне там понравилось. Честное слово, я чувствовал там себя как дома, мне там было лучше, чем в «Пасифик юнион». Там я оказался в своей стихии. Словно в компании посетителей отцовской бакалейной лавки. Но мне очень не понравился сам факт, что мне было хорошо в этом заведении. Мне не понравилось, что я скатился до этого уровня, — есть что-то тревожное в том, чтобы быть так основательно запрограммированным ранними событиями своей жизни. Я способен на большее. Всю свою жизнь я говорил себе: я должен стряхнуть с ботинок пыль бакалейной лавки; «Я выше этого».

«Мой дед родился в Неаполе, — сказала Кэрол. — Я почти не помню его, только помню, что он учил меня играть в шахматы, и каждый раз, когда мы заканчивали партию и разбирали фигуры, он произносил одну и ту же фразу. Я и сейчас слышу его ласковый голос: «Видишь, Кэрол, в шахматах как в жизни: когда партия заканчивается, все фигуры — пешки, ферзи и короли — оказываются в одном ящике».

Хороший урок, Маршал, вам тоже стоит обдумать эти слова: когда партия заканчивается, и пешки, и ферзи, и короли — все оказываются в одном ящике. Увидимся завтра. В это же время».

После поездки в Нью-Йорк Маршал встречался с Кэрол каждый день. Первые два раза она приезжала к нему домой, потом он начал заставлять себя приходить к ней в офис, а теперь, неделю спустя, он начал выходить из депрессивного ступора и пытаться понять, какова его роль в том, что с ним случилось. Коллеги Кэрол заметили, что Маршал приходит к ней каждый день, и не раз спрашивали, что у него произошло. Но Кэрол всегда отвечала: «Сложный случай. Больше ничего не могу сказать — деликатный вопрос, профессиональная тайна».

Все это время Кэрол продолжала консультироваться у Эрнеста. Его советы и наблюдения принесли большую пользу: каждая его идея работала словно магическое заклинание.

Однажды, когда Маршал казался слегка заторможенным, она попробовала провести упражнение с надгробным камнем, которое советовал Эрнест.

«Маршал, практически вся ваша жизнь была сконцентрирована вокруг материальных благ, вокруг зарабатывания денег и приобретения того, что можно купить за деньги, — статус, произведения искусства. Мне кажется, что деньги стали сущностью вашего «я», смыслом вашей жизни. Хотели бы вы, чтобы это стало вашим последним символом, итогом вашей жизни?

Скажите, вы когда-нибудь думали, какую фразу вы хотели бы видеть на своем надгробном камне? Будут ли там эти слова — стремление к богатству, накопительство?»

Капелька пота попала Маршалу в глаз, и он моргнул: «Жесткий вопрос, Кэрол».

«Кажется, задавать жесткие вопросы — моя работа. Прошу вас, сделайте это для меня, подумайте несколько минут над моим вопросом. Говорите все, что приходит в голову»

«Первое, что приходит в голову, — это то, что сказал обо мне нью-йоркский детектив: что я гордый, что я ослеплен алчностью и жаждой мести».

«Вы хотите, чтобы это было написано на вашем надгробии?»

«Именно этого там быть не должно. Этого я больше всего боюсь. Но может, я заслужил эти слова. Может, вся моя жизнь стала движением к этой эпитафии».

«Вы не хотите, чтобы эти слова были выбиты на вашем надгробии? Тогда, — сказала Кэрол, бросив взгляд на часы, — ваши дальнейшие действия ясны: вы должны изменить образ жизни. А сегодня наше время подошло к концу, Маршал».

Маршал кивнул, поднял куртку с пола, медленно надел ее и собрался уходить: «Как мне вдруг стало холодно... знобит... этот вопрос про надгробие. Это страшный вопрос, он шокирует. Кэрол, вы должны поосторожнее обращаться с такой тяжелой артиллерией. Знаете, кого вы мне сейчас напомнили? Помните, вы спрашивали меня о терапевте, к которому собирался один из ваших друзей? Эрнест Лэш, я был его супервизором. Этот вопрос как раз в его стиле. Я всегда предостерегал его от таких вот вопросов. Он называл это терапией экзистенциального шока».

Кэрол уже почти встала из-за стола, но любопытство взяло верх: «То есть вы считаете, что это плохая терапия? Насколько я помню, вы раскритиковали Лэша в пух и прах».

«Нет, я не говорил, что это плохая терапия для меня. Хороший способ проснуться. Что же касается Эрнеста Лэша... мне не стоило так ругать его. Я бы хотел забрать некоторые свои слова назад».

«А почему вы так круто с ним обошлись тогда?»

«Это все мое высокомерие. Как раз об этом мы с вами говорили всю прошлую неделю. Я проявил чрезмерную нетерпимость: я был уверен, что мой путь — единственно верный. Я не был хорошим супервизором. И я ничему не научился от него. Я вообще ни у кого ничему не учусь».

«Так что же на самом деле представляет собой Эрнест Лэш?» —



спросила Кэрол.

«Эрнест — хороший парень Нет, больше, чем просто хороший парень. На самом деле он хороший терапевт. Я шутил, что он так много ест, потому что слишком сильно выкладывается в работе с пациентами: вся эта чрезмерная вовлеченность, он позволяет высасывать из себя все соки. Но если бы мне сейчас нужно было обратиться к терапевту, я бы выбрал как раз такого, который склонен отдавать пациентам всего себя. Если я не смогу в ближайшее время выбраться из этого ада и мне придется передать кого-то из моих пациентов другому терапевту, я бы отправил некоторых к Эрнесту».

Маршал встал: «Время вышло, Кэрол. Спасибо, что уделили мне несколько лишних минут».

Кэрол никак не могла расспросить Маршала о его отношениях с женой. Возможно, она не решалась сделать это из-за своего собственного неудачного семейного опыта. И наконец однажды, после того, как Маршал несколько раз повторил, что Кэрол — единственный человек, с которым он может говорить по душам, она взяла быка за рога и спросила, почему он не может поговорить с женой. По реакции Маршала она поняла, что он не говорил Ширли о нью-йоркской части мошенничества. И о том, насколько велико было его горе. И о том, что он нуждается в помощи.

Маршал объяснил, что не говорил об этом Ширли потому, что не хотел прерывать ее месячную медитацию в Тассайаре. Кэрол понимала, что это рационализация: действия Маршала были мотивированы не тактичностью, а безразличием и чувством стыда. Маршал признавал, что мысль поделиться с Ширли даже не приходила ему в голову, что он был поглощен своим внутренним состоянием, что они с Ширли жили сейчас в разных мирах. Взяв на вооружение советы Эрнеста, Кэрол не отступала:

«Маршал, скажите, что бы вы сделали, если бы один из ваших пациентов полностью прекратил общение с женой, с которой прожил двадцать четыре года? Что бы вы ему сказали?»

Как Эрнест и предполагал, Маршал встал на дыбы:

«Ваш кабинет — это единственное место, где я не должен быть психотерапевтом. Будьте последовательны. Вчера вы ругали меня за то, что я не позволяю заботиться о себе, а теперь пытаетесь заставить меня быть терапевтом даже здесь».

«Маршал, разве не глупо не использовать все средства, в том числе ваш опыт и ваши обширные познания в области психотерапии?»

«Я плачу вам за оказание квалифицированной помощи. Самоанализ меня не интересует».

«Вы называете меня экспертом, а сами отказываетесь прислушаться к мнению специалиста».

«Это уже софистика».

И снова Кэрол процитировала Эрнеста:

«Правда ли это, что вы не просто хотите, чтобы о вас позаботились? Можно ли сказать, что истинной вашей целью является автономия? Что вы хотите научиться заботиться о себе сами? Стать себе отцом и матерью?»

Маршал покачал головой, пораженный способностями Кэрол. Ему оставалось только задать себе вопросы, жизненно важные для выздоровления.

«Хорошо, хорошо. Вы хотите узнать, что случилось с моей любовью к Ширли? Как-никак, мы были отличными друзьями и любовниками с шестого курса. Итак, как и когда все это исчезло?»

Маршал попытался ответить на поставленные им самим вопросы: «Наши отношения начали портиться несколько лет назад. Кажется, когда наши дети вошли в подростковый возраст, Ширли потеряла покой. Обычное явление. Снова и снова она говорила, что не смогла самореализоваться, что меня полностью поглотила работа. Я думал, что проблемы будут решены, если она выучится на терапевта и мы с ней будем практиковать вместе. Но мой план дал обратный эффект. После аспирантуры она начала критиковать психоанализ. Она избрала для себя как раз те подходы, которые вызывают наибольшее мое неодобрение: еретические альтернативные духовно ориентированные методы, в частности ориентированные на восточные медитативные техники. Уверен, что она сделала это специально».

«Продолжайте, — подгоняла его Кэрол. — Определите круг важных вопросов, которые я должна вам задать».

Маршал нехотя выжал из себя еще несколько: «Почему Ширли никогда не пыталась узнать от меня тонкости психоаналитической терапии? Почему она сознательно игнорирует меня, противоречит мне? До Тассайары всего три часа езды. Я мог бы поехать к ней, рассказать ей о своих чувствах, попросить ее обсудить со мной ее выбор терапевтических подходов».

«Вы правы, но я говорю не об этом, — сказала Кэрол. — Эти вопросы касаются ее. А что вы можете сказать о себе?»

Маршал кивнул, словно показывая Кэрол, что она на правильном пути.

«Почему я так мало говорил с ней о том, что ее интересует? Почему я приложил так мало усилий — почему я вообще не старался понять ее?»

«Иначе говоря, — предположила Кэрол, — почему вы старались

понять не ее, а ваших пациентов?»

Маршал опять кивнул: «Можно сказать и так».

«Можно?» — переспросила Кэрол.

«Да, вы действительно правы», — согласился Маршал.

«Какие еще вопросы вы задали бы пациенту в такой ситуации?»

«Я бы расспросил его о сексуальной сфере. Я бы поинтересовался, что произошло с его сексуальным «я». И с сексуальным Я его жены. Я бы спросил, хочет ли он вечно терпеть эту не приносящую удовлетворения ситуацию. Если нет, почему он не обратился к семейному психотерапевту? Хочет ли он развестись? Или же дело лишь в гордости и высокомерии — может, он просто ждет, когда его жена будет пресмыкаться, унижаться перед ним?»

«Отличная работа, Маршал. Попробуем найти ответы?»

Посыпались ответы. Маршал сказал, что испытывает к жене приблизительно такие же чувства, как и к Эрнесту. Оба причинили ему боль отрицанием его профессиональной идеологии. Несомненно, он чувствовал себя оскорбленным и нелюбимым. Он также не сомневался, что хочет, чтобы его успокоили, мечтает о потоке извинений и признании ошибок.

Сказав это, Маршал покачал головой и поспешно добавил: «Это говорит мое сердце и раненое честолюбие. Ум говорит другое».

«Что же он говорит?»

«Он говорит, что я не должен расценивать стремление ученика к независимости как личное оскорбление. Ширли свободна развивать свои собственные интересы. Равно как и Эрнест».

«И вы не должны их контролировать?» — спросила Кэрол.

«И это тоже. Помню, мой аналитик говорил мне, что я иду по жизни, словно играю в футбол. Безжалостные атаки, блокировки, движение вперед, навязывание оппоненту своей воли. Наверное, именно таким видела меня и Ширли. Но она не просто отвергала психоанализ как школу. Это было бы тяжело, но я бы смог смириться с этим. С чем я не смог смириться, так это с тем, что она выбрала самую еретическую ветвь психотерапии, самый легкомысленный, самый дурацкий подход. Я не сомневаюсь, что она преднамеренно и открыто издевается надо мной».

«То есть вы решили, что она издевается над нами из-за того, что она выбрала другой подход. А вы, соответственно, издеваетесь над ней ей в отместку».

«Это не ответные меры с моей стороны, а самостоятельные. Вы можете представить себе, как можно лечить пациентов с помощью

цветочных композиций? Большой нелепости нельзя и придумать! Скажите честно, Кэрол, — это нелепо или нет?»

«Не думаю, что могу ответить на ваш вопрос, Эрнест. Я не слишком хорошо в этом разбираюсь, но мой друг — страстный поклонник икебаны. Он долгие годы изучал это искусство и говорит, что это принесло ему огромную пользу».

«Что вы имеете в виду — принесло огромную пользу?»

«Он уже много лет работает с терапевтами, в том числе с психоаналитиками, но говорит, что икебана помогла ему не меньше».

«Но вы так и не сказали мне, каким образом это помогает».

«Он говорил мне, что икебана спасает от тревожности — это оплот спокойствия. Дисциплина помогает ему сосредоточиться, дарит ощущение гармонии и равновесия».

Дайте-ка вспомнить... что он еще говорил? Ах да, икебана вдохновляет его, стимулирует креативность и дает выход эстетическому чувству. Вы поторопились с выводами, Маршал. Не забывайте, это древнее искусство, существующее несколько веков, у него десятки тысяч апологетов. Вы знали об этом?»

«Но терапия икебаной? Боже правый!»

«Я слышала об использовании в терапии поэзии, музыки, танца, искусства, медитации, массажа. Вы же сами говорили, что уход за бонсаем спасал ваш рассудок в эти тяжелые дни. Неужели вы не можете предположить, что построенная на искусстве икебаны терапия сможет оказаться эффективной в определенных случаях?»

«Думаю, именно это Ширли и пытается доказать в своей диссертации».

«Успешно?»

Маршал покачал головой и ничего не сказал.

«Могу предположить, это значит, что вы никогда не спрашивали ее об этом?»

Маршал едва заметно кивнул. Он снял очки и отвел глаза — он всегда так делал, когда ему было стыдно.

«Итак, вам кажется, что Ширли издевается над вами, а она чувствует...» Кэрол жестом предложила Маршалу закончить ее фразу.

Молчание было ей ответом.

«Она чувствует...?» — повторила Кэрол, приложив ладонь к уху.

«Что я не ценю ее. Считаю ее несостоятельной», — едва слышно ответил Маршал.

Вновь воцарилось молчание. Наконец, Маршал произнес: «Хорошо,

Кэрол. Я признаю свою ошибку. Я все понял. Мне многое нужно сказать ей. И что же мне теперь делать?»

«Мне кажется, вы знаете ответ на свой вопрос. Вопрос перестает быть вопросом, если ты знаешь ответ. Мне кажется, что все предельно ясно».

«Ясно? Ясно? Может быть, вам и ясно. Что вы имеете в виду? Скажите. Мне нужна ваша помощь».

Кэрол молчала.

«Скажите, что я должен делать?» — повторил Маршал.

«А что бы вы сказали пациенту, который притворяется, что не знает, как ему поступить?»

«Черт бы вас побрал, Кэрол, перестаньте строить из себя психоаналитика и скажите мне, что я должен делать!»

«Как бы вы отреагировали на такое заявление?»

«Черт побери, — простонал Маршал, обхватив голову руками и покачиваясь взад-вперед. — Я создал монстра. Жалость. Жалость. Кэрол, вам знакомо слово «жалость»?»

Кэрол, как и советовал Эрнест, твердо стояла на своем: «Вы снова сопротивляетесь. Время — деньги. Давайте же, Маршал! Что бы вы сказали такому пациенту?»

«Я бы сделал то же, что и всегда: я бы проинтерпретировал его поведение. Я бы сказал ему, что потребность в подчинении, преклонение перед авторитетом настолько сильны, что он отказывается прислушаться к своему разуму».

«Итак, вы знаете, что должны делать».

Маршал покорно кивнул.

«А когда вы должны сделать это?»

Маршал снова кивнул.

Кэрол посмотрела на часы и встала: «Сейчас без десяти три, Маршал. Наше время вышло. Мы с вами сегодня хорошо поработали. Позвоните, когда вернетесь из Тас-сайары».

Два часа ночи, дом Аэна в Тибуроне. Шелли, сгребая очередную порцию ставок, напевал «зип-а-ди-ду-да, зип-а-ди-дзень». Ему не только повезло с картами — а этим вечером к нему шли и шли флешы, фулл-хаусы и отличные пары: искусно поменяв местами все замеченные Маршалом «маячки», Шелли запутал своих соперников, так что ставки росли как на дрожжах.

«Я и представить себе не мог, что Шелли держит фулл-хаус, — пробурчал Вилли. — Я бы поставил тысячу баксов, что это не так».

«А ты и поставил тысячу против, — напомнил ему Лэн. — Только

взгляни на эту гору фишек — как бы стол не рухнул под этой тяжестью. Эй, Шелли, ты где? Ты все еще здесь? Тебя почти не видно за этими штабелями!»

Вилли, доставая из кармана бумажник, сказал: «Во время последних двух сдач я купился на твой блеф, на этот раз ты опять меня обставил; Шелли, черт возьми, что здесь происходит? Ты начал брать уроки или что?»

Шелли обнял свою гору фишек, притянул ее поближе к себе, посмотрел на друзей и ухмыльнулся. «Точно, а как же, уроки — это вы верно догадались. И мне это нравится: мой мозгоправ, самый настоящий психоаналитик, подкинул мне пару наводок. Он каждую неделю выставляет свою кушетку в «Avocado Joe's».

«Итак, — сказала Кэрол, — прошлой ночью мне снилось, что мы с вами сидим на краю кровати, а потом скидываем грязные ботинки и носки, садимся лицом друг к другу, прижав ступни друг к другу».

«Какое настроение у этого сна? Вы чувствуете его?»

«Позитивное. Возбуждение. И немного страшно».

«Мы с вами сидим, касаясь друг друга босыми ступнями. О чем говорит вам этот сон? Пусть ваше сознание попутешествует. Подумайте о том, как мы с вами сидим вместе на кровати. Подумайте о терапии».

«Когда я думаю о терапии, я начинаю думать о своем клиенте. Он уехал из города».

«И?...» — поторопил ее Эрнест.

«А я долго уже пряталась за спину своего клиента. Пора мне перестать прятаться и заняться собой».

«И?.. Просто думайте о чем-нибудь, Каролин».

«Словно я только начинаю... хороший совет... вы дали мне хороший совет относительно моего клиента... чертовски хороший совет... и когда я увидела, сколько он от меня получает, я почувствовала зависть... я тоже захотела получить что-то хорошее... мне это нужно... Мне нужно начать говорить с вами о Джессе, с которым мы последнее время часто видимся, — мы становимся ближе, и возникают проблемы... трудно поверить, что в моей жизни может произойти что-то хорошее... я начинаю вам доверять... все испытания пройдены... но мне все равно страшно — я не могу понять почему... нет, не понимаю... я не могу сказать, почему мне страшно. Пока».

«Может, сон и рассказывает вам об этом, Каролин. Вспомните, что мы с вами делаем во сне».

«Я. не понимаю, что это значит: мы с вами касаемся друг друга

ступнями босых ног. И что?»

«Смотрите, как мы сидим с вами, — ступня к ступне. Думаю, это желание сидеть душа к душе. Соприкасаются не наши стопы, а наши души». [\[33\]](#)

«Какая прелесть. Не стопы, а души. Эрнест, стоит только дать вам шанс, и вы предстаёте во всем блеске. Соприкосновение душ — да, точно. Да, именно об этом и говорит сон. Действительно, пора начинать. Новое начинание. Главное правило здесь — честность, так?»

Эрнест кивнул: «Нет ничего более важного, чем честность по отношению друг к другу».

«И здесь я могу говорить все, что угодно, правильно? Все приемлемо, все допустимо, если это честно».

«Разумеется».

«Тогда я должна вам кое в чем признаться», — сказала Кэрол.

Эрнест кивнул, ободряя ее.

«Вы готовы, Эрнест?»

Эрнест снова кивнул.

«Вы уверены, Эрнест?»

Эрнест понимающе улыбнулся. Разумеется, она где-то схитрила. Он всегда подозревал, что Каролин рассказывает ему о себе не всю правду. Он взял в руки свой блокнот, уютно устроился в кресле и сказал: «Я всегда готов услышать правду».

## Примечания



Религиозная система, разработанная в США Мэри Бейкер Эдди (1821–1910). — Прим. ред.

До свидания (японск.). — Прим. ред.

До свидания (нем.). — Прим. ред.

Нарушение координации движений. — Прим. ред.

Master of Business Administration. Мастер делового  
администрирования, программа подготовки менеджеров высшего  
управленческого звена.

Книга известного антрополога Джеймса Фрезера. — Прим. ред.

Разновидность любви, ее наивысший, истинно альтруистичный вид. В отличие, например, от эроса (эротической любви) агапэ обладает жертвенным характером, в том смысле, что человек жертвует собой, отдает все свои силы, всего себя. Агапэ создает условия для формирования совершенных взаимоотношений.

Относящиеся к половым железам. — Прим. ред.



По названию города Кашан в Иране. — Прим ред.

Предписанное достойное дело. — Прим. ред.

Твое здоровье (фр). — Прим. ред.

Паровые пельмени из рисовой муки. — Прим. ред.

American Medical Association, Американская медицинская  
ассоциация. — Прим. ред.

Обоюдное помешательство, разделяемое двумя людьми в критических условиях. — Прим. ред.

Калифорнийский парк-заповедник. — Прим. ред.

Американский актер, звезда вестернов. — Прим. ред.



Закрытая пицца, иногда так называют простую лепешку без начинки с добавлением в тесто лука, чеснока, розмарина и других ингредиентов. — Прим. ред.

Углубленная часть стены (ниша) овальной или треугольной формы над окном или дверью. В тимпане часто помещают скульптуру, живописные изображения, гербы. — Прим. ред.

Образ действий {лат.}. — Прим. ред.

Хирургическая операция, заключающаяся в удалении яичка.

В отсутствии, заочно (лат.). — Прим. ред.

Напротив (фр.).

Так себе, ничего (фр).

Открытый чемпионат США по теннису.



Дословно — «управляемая забота» («managed care»), система медицинского страхования, заключающаяся в том, что страховые компании возмещают психологам стоимость их услуг. Будучи заинтересованными в снижении своих расходов, страховые компании, в частности, регулируют продолжительность терапии — Прим ред

Метод, который позволяет с минимальной временной задержкой информировать человека о состоянии его телесных функций, за счет чего возникает возможность их сознательной регуляции — Прим ред

Терапевтический метод, исходящий из того, что страхи исчезают, если вызывающие их стимулы становятся более интенсивными и воздействуют более длительное время. Другими словами, люди, вынужденные оставаться в пугающей ситуации, спустя некоторое время должны будут перестать бояться. — Прим. ред.

Метод иерархического построения ситуаций, вызывающих страх или тревогу, сочетаемый с глубокой мышечной релаксацией. Например, иерархия состояний тревоги, вызванных змеями, может выглядеть следующим образом: змея в соседнем квартале, змея в соседнем доме, в соседней комнате, змея в одной с человеком комнате, но в клетке, змея на полу без клетки и т. д. — Прим. ред.

В переводе с идиш «местечко» — Прим ред

Смыслом жизни (фр.)

Книга Питера Крамера (Peter D Kramer), посвященная проблемам применения антидепрессантов.

Старший сотрудник казано, обычно контролирующей группу столов или целый зал. — Прим. ред



В оригинале — игра слов: sole — ступня, подошва и soul — душа, сердце, которые читаются одинаково — [soul]. — Прим. ред.